

КАРОЛЬ СИГМАН

библиотека
журнала

ОППОЗИЦИЯ
БЕЗ
ДИССИДЕНТСТВА

АНТРОПОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ ИСТОРИЯ

неприкосновенный
запас

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КЛУБЫ И ПЕРЕСТРОЙКА В РОССИИ

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС

Новое
Литературное
Обозрение

Carole Sigman

CLUBS POLITIQUES
ET PERESTROÏKA EN RUSSIE

Subversion sans dissidence

PARIS: KARTHALA. COLLECTION «RECHERCHES INTERNATIONALES»
2009

Кароль Сигман

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КЛУБЫ И ПЕРЕСТРОЙКА В РОССИИ

Оппозиция без диссидентства

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2014

УДК 329.735(091)(47+57)"1986/1991"
ББК 63.3(2)634-4
С34

Programme
A Pouchkine

Издание осуществлено в рамках программы содействия издательскому делу
«Пушкин» при поддержке Французского института в России и Книжной
палаты Франции

Cet ouvrage, publié dans le cadre du Programme d'aide à la publication Pouchkine,
a bénéficié du soutien de l'Institut français en Russie et de Centre national du livre

Редактор серии И. Калинин

Сигман, К.

С34 Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без
диссидентства / Кароль Сигман; предисл. М. Добри; послесл.
А. Блюм; пер. с франц. А. Зайцевой. — М.: Новое литературное
обозрение, 2014. — 472 с.

ISBN 978-5-4448-0220-5

ISSN 1815-7912

Развал СССР является историческим феноменом, причины которого не до конца осознаны даже двадцать лет спустя. Эта книга восстанавливает историю Перестройки через историю московских «неформальных» политических клубов — независимых от КПСС организаций, появившихся в 1986—1987 годы. Неформальные клубы оказались важными и все еще малоизвестными составляющими Перестройки. Они участвовали в формировании нового конкурентного политического пространства, возникшего с 1987 года и кардинально изменившегося в 1989 году после первых свободных выборов. В основе исследования лежат архивные фонды клубов (около тридцати организаций), многочисленные углубленные интервью с их активистами, а также неизданные материалы одного из московских райкомов КПСС, который должен был курировать деятельность этих клубов.

УДК 329.735(091)47+57)"1986/1991"
ББК 63.3(2)634-4

© Editions KARTHALA, 2009

© А. Зайцева, пер. с французского, 2014

© ООО «Новое литературное обозрение», 2014

Содержание

<i>Мишель Добри. Предисловие</i>	8
ВВЕДЕНИЕ	20
Непрерывные изменения политического пространства	36
Полевое исследование и используемые материалы	43
Первая часть. ИЗ КОГО СОСТОИТ НЕФОРМАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ? ЛОГИКИ И ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ВОВЛЕЧЕНИЯ	53
1. Политическая социализация первых неформалов	58
Два пространства протестной инициации	61
Социальные механизмы изобретения двусмысленной практики ..	70
Четыре типа активистских карьер	87
2. Социальные логики позднего вовлечения (вторая когорта)	102
Разнородное социальное происхождение предрасположенности к «конформизму»	104
Отдаление от мест альтернативной политики	109
Вовлечение в неформальное движение	117
Вторая часть. ИСТОРИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ОСОБОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (1987 — ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1988 ГОДА)	123
1. Неформалы и партийные реформаторы: игра в сговор	128
Рождение новой формы политической мобилизации: неформальные клубы	129
Как возник сговор	141
Новые правила игры	147

СОДЕРЖАНИЕ

2. Условия стовора: одновременная игра в разных пространствах.....	158
Официальные арены.....	159
«Отделить зерна от плевел»: неформалы в новом конкурентном пространстве	164
3. Августовская Встреча-диалог 1987 года: публичная объективация неформального движения.....	172
Борьба за определение движения.....	173
Успех Встречи-диалога и его последствия для взаимодействия неформалов с партийными реформаторами	183
Цена победы: сплочение «радикального» крыла.....	191
4. Постепенное втягивание в «большую политику»	199
Тактические инновации в игре с властью.....	202
Усиление внутренней конкуренции.....	225
Третья часть. ОТ НЕФОРМАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ: СМЕЩЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ (1989—1990 ГОДЫ).....	241
1. Неформалы в предвыборной гонке	251
Формирование советов в качестве властных инстанций.....	253
Выборы 1989 года.....	260
На пути к реконфигурации движения.....	278
Роли и позиции	282
Эффекты предстоящей кампании: выборы 1990 года.....	289
2. Неформальные клубы и борьба внутри КПСС.....	307
Партийные клубы и реформаторы.....	309
Соблазн завоевания власти внутри партии	324
Выход «Демократической платформы».....	337
3. Размывание «неформальной» идентичности.....	349
Формирование поля демократических партий	350
Харизматический лидер и зависимое от него движение	365
ЭПИЛОГ.....	393
Реконверсия и активистские капиталы	395
Профессионализация лидеров неформально-демократического движения (1990—1993).....	397

СОДЕРЖАНИЕ

Бывшие неформалы-демократы на периферии политики (1993—2000-е)	408
Формы оппозиционного активизма	417
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	421
<i>Ален Блюм. Послесловие</i>	<i>425</i>
Библиография	430
Первоисточники	445
ПРИЛОЖЕНИЯ	
График 3. Динамика партийных клубов	453
Хронология	454
Список аббревиатур	459
Список таблиц	461
Список врезок	462
Список графиков	463
Указатель имен	464

Мишель Добри¹

Предисловие

Около двадцати лет прошло со времени Перестройки и больше пятнадцати лет после распада Советского Союза, ставшего одновременно и ее концом. Не вызывает сомнений тот факт, что интерес социальных наук к этому событию очень быстро заслонила собой их прежний интерес: к тому, что предшествовало распаду, — и все процессы, составлявшие Перестройку, стали рассматриваться в свете уже известного результата. Такая логика легко объяснима — мы имеем дело с распространенной в исторических интерпретациях иллюзией. Во всем мире распад СССР сразу начали описывать как очень важный политический поворот, чреватый серьезными последствиями и для разных слоев населения, политических формирований и «национальных» групп, составлявших советскую империю, и для структурирования международного пространства. В этом, по крайней мере, интерпретаторы данного события не совсем ошиблись. Сегодня мы знаем, что трансформации, происходившие на советском пространстве, соответствуют тому, что на языке социальных наук мы называем «социальной революцией»: это серия резких изменений, глубоко влияющих на многочисленные параметры социальной организации того или иного общества, а не только на его политическую сферу. Мы также знаем и другое: вопреки прогнозам аналитиков, которых Макс Вебер в свое время назвал «мини-пророками на службе у государства», международная система не скатилась к некоему «неофеодализму», универсуму «без верховной власти» или, в духе совсем иных пророчеств, к «концу истории». Тем не менее произошедшее

¹ Профессор в Университете Париж I — Пантеон-Сорбонна.

действительно вызвало такие эффе́кты, которые не сводятся к утрате коммунизмом «идеологической» привлекательности (серьезные аналитики не могут не знать, что эта привлекательность сильно поблекла еще задолго до падения СССР; и кстати, это замечание также — и даже в первую очередь — относится к самому советскому обществу).

Казалось бы, такой поворот событий должен вызвать со стороны социальных наук сильнейшее стремление исследовать, понять, разъяснить — и, может быть, даже обратиться к новой проблематике. Я не стану здесь размышлять, почему эти ожидания в целом не оправдались. Вероятно, они были необоснованными, поскольку не существует необходимой связи между важностью исторического эпизода и уроком, который социальные науки способны из него извлечь. Тем не менее среди крайне приблизительных и, будем надеяться, предварительных работ есть и выдающиеся исключения, а именно исследования, авторы которых, рассматривая «произошедшее» в Советском Союзе во второй половине 1980-х годов, приходят к продуктивным концепциям, с точки зрения социальных наук далеко выходящим за рамки этого уникального исторического периода. Книга Кароль Сигман, вне всяких сомнений, принадлежит к этой категории. А ведь на первый взгляд объект и проблематика у нее самые скромные. Вместо того чтобы сосредотачиваться, как это делали многие аналитики советского «переходного периода», исключительно на играх и маневрах групп или персон в верхах «номенклатуры», Кароль Сигман предпочла исследовать зарождение, деятельность и историческую траекторию изначально малочисленного (всего в несколько сотен участников), малозаметного и не очень легитимного объединения групп, обладающего слабыми ресурсами (так, в связи с недостатком залов заседаний в первый период своего существования эти группы оказываются в сильной повседневной зависимости от доброй воли некоторых представителей различных структур официальных институций). Речь идет о «неформальном» движении или, точнее, о целом множестве микроорганизаций, появляющихся с 1986—1987 годов и в большинстве своем принимающих более или менее доступную, однако расплывчатую институциональную форму «клубов». Такая форма позволяла поддерживать в отношении легитимной политики, ее представителей и того, за что боролись эти клубы, некоторую долю

неопределенности — что особенно подчеркивает понятие «неформальный», которое быстро станут применять к этим связанным между собой клубам. Кароль Сигман ограничивает свое исследование в основном московскими неформальными клубами. Этот выбор вполне оправдан, поскольку столичные клубы действительно представлялись образцами для организаций, возникающих в других городах СССР, и выступали некими узловыми точками негласной координации, важными для их собственной деятельности. Автор изучает активистов таких клубов и их руководителей, а также социальные пространства, в которых им приходится действовать. Она восстанавливает последовательность разных состояний этих пространств, где изначально некоторые клубы-пионеры (вроде «Перестройки», КСИ или даже «анархистов» из движения «Община») более-менее демонстративно избирают оригинальную оппозиционную тактику, делая ставку на сговор и взаимную поддержку с отдельными сегментами КПСС, воспринимавшимися как «реформистские». Во многом именно благодаря этой тактике впоследствии складывается коллективная идентичность неформального движения, отличающая его от оппозиционных групп диссидентов предыдущего периода, которых часто критикуют за неэффективность и тактическое бездействие.

Итак, перед нами объект в момент своего зарождения микроскопический — если рассматривать его в масштабах всего советского общества, в котором стремятся действовать неформалы и которое они хотят изменить. К тому же это объект эфемерный: траектория неформального движения разворачивается на крайне недолгом отрезке времени, ведь уже в 1990—1991 годах оно растворяется в гораздо более мощном социальном подъеме, появлению и структурированию которого само же и поспособствовало. Возникновение этого общего «демократического движения» произошло, в частности, под влиянием неожиданных и глубоких трансформаций пространств политической конкуренции и быстрого устаревания прежней рутинной политической игры. По правде говоря, движение это не менее расплывчатое. В последующий период быстрая профессионализация политической деятельности, а также стабилизация правил политического соревнования, сосредоточенного прежде всего вокруг борьбы за доступ к ресурсам исполнительной власти, обречут на

отмирание последние остатки идентичности неформального движения, хотя празднования некоторых годовщин и, возможно, недоверие к той форме, которую принял режим правления в современной России, и по сей день пробуждают своего рода сообщничество и ностальгическое взаимопонимание между некоторыми бывшими членами «клубов». В силу хрупкости «неформального» движения, его чувствительности к трансформациям конъюнктур и к влиянию этих трансформаций на разные пространства и правила игры, которым подчинялись «неформалы», выбор Кароль Сигман оказался очень удачным. Через тщательную реконструкцию их исторической траектории она смогла уловить и с особенной остротой показать решающие элементы в развитии процесса, приведшего к распаду Советского Союза и к странностям «перехода» к демократии, который довелось пережить России. Тогда как бóльшая часть других исследований, озабоченных решениями, тактиками и сговорами «крупных» акторов, эти элементы, как правило, упускали. Я еще останавлиюсь подробнее на этом аспекте данного исследования; но сначала стоит все-таки подчеркнуть, что автор не смогла бы прийти к такому результату, если бы ей не удалось собрать столь замечательный во всех отношениях материал.

Ее книга построена на фундаменте впечатляющей эмпирической работы. Кароль Сигман провела глубинные интервью более чем с 60 ключевыми активистами и руководителями московских неформальных клубов (с некоторыми из них было проведено по несколько интервью). Данные интервью позволили ей реконструировать не только семейные траектории этих клубных лидеров, но и истории их вовлечения в неформальное движение и (что оказалось не менее важным для анализа) структуру социальных пространств, сетей и институций, в рамках которых они действовали. Эти интервью также придали анализу исключительную социальную глубину. Опираясь на них, автор эффективно разворачивает свою социологическую интерпретацию и аргументацию. То же самое можно сказать и о других типах материалов, использованных в книге, например о многочисленных архивных фондах, в частности (и это тоже стоит особо подчеркнуть) архивах комитетов Коммунистической партии, «ответственных за работу» с неформальными клубами, ведущих с ними переговоры, а также надзирающих за ними. Упомянем и удивительные

аудиоархивы — записи, сделанные некоторыми неформалами в ходе и за кулисами знаменательного события, каковым стала Встреча-диалог в августе 1987 года. По мере чтения книги быстро становится ясной вся судьбоносность этого события для неформального движения, а также для той волны социальной мобилизации, которая затем ознаменовала собой необратимый процесс, запущенный Перестройкой. Читатель, не смотря на сдержанность элегантного и выверенного авторского стиля, с увлечением вживается в каждый момент этой истории — будь то недвусмысленные и в то же время скрытые переговоры по поводу «правил игры» между реформаторами из КПСС и неформалами; организация только что упомянутой Встречи-диалога; конкуренция между разными неформальными клубами в уличном пространстве, в частности в московском «Гайд-парке» (на Пушкинской площади); «заккрытие доступа» к клубу «Перестройка» ее изначальными лидерами, борющимися против быстрой «радикализации» некоторых групп неформалов, а главное, против быстрого притока новых членов вследствие первых успешных действий движения; борьба за доступ к микрофону в ходе митинга 21 мая 1989 года на московском стадионе «Лужники», в результате которой Ельцину удается взять слово до Сахарова; или многие-многие другие эпизоды. В целом книгу можно воспринимать как прекрасную работу историка, у которой есть и основа (богатство материалов), и канва — то, что Поль Вейн называет «интригой», которая оказывается захватывающей от начала до конца.

Подобное прочтение, однако, не учитывает того, что мне представляется самым важным и интересным. Сила работы К. Сигман проистекает из артикуляции всех используемых ею материалов и их интригующего переплетения с социологической постановкой вопроса и теоретической перспективой, порывающей с привычками интерпретации, чаще всего проявляющимися при объяснении российского «переходного периода». Один из решающих элементов подхода, избранного Кароль Сигман, состоит в том, чтобы со всей серьезностью отнестись к *сложности социальной организации*, то есть к структурной дифференциации социальных игр и пространств — того общества, в котором возник политический проект под названием Перестройка. В период ее развертывания, а зачастую и впоследствии многие «специалисты» по СССР,

и не только в Париже, не смогли или не захотели увидеть в начинании, предпринятом Горбачевым, ничего большего, чем грубый пропагандистский маневр, пускание «пыли в глаза» с целью «обмануть» западные страны и «усыпить их бдительность». Это объясняется далеко не только недостатком контактов с полевыми реалиями у этих аналитиков или возможной нехваткой у них исследовательских талантов. На самом деле они стали, наверное, первыми жертвами интерпретативной системы, в которую «искренне верили», — «теории» тоталитаризма. Не поймите неверно: я вовсе не ставлю под сомнение тот факт, что в течение XX века были идеологии, которые можно назвать (не впадая в интеллектуальную эквилибристику) «тоталитарными» (сегодня то же самое, возможно, наблюдается и с некоторыми другими идеологиями, например теми, которые, чтобы остаться в рамках политкорректности, я бы назвал не «исламистскими», а «джихадистскими»). Однако пониманию политических процессов в СССР и во всех системах советского типа долгие годы серьезно препятствовало упорное отрицание социальной дифференциации, то есть, в строгом смысле слова, дифференциации этих обществ на социальные сегменты, сферы или поля, более или менее открыто подчиняющиеся специфическим для каждого из них социальным принуждениям и логикам. Иными словами, в этих странах наблюдалось разделение на высоко институционализированные, относительно самодостаточные и более-менее автономные сектора, существовавшие вопреки всем политическим заявлениям элит коммунистических партий, равно как и вопреки концепциям коммунистических идеологов, чьи тезисы зеркально воспроизводят сторонники теорий тоталитаризма. Проще говоря, только при условии истинного понимания того, что именно разыгрывалось во множестве этих социальных пространств, — а также в рамках более-менее стабильных и легитимных отношений, конфликтов, противостояний и столкновений между различными акторами и группами, находящимися в этих дифференцированных пространствах и подчиненными (по крайней мере в рутинных ситуациях) характерным для этих пространств логикам принуждения, — социальные науки смогут постигнуть процесс Перестройки и его судьбу, распад Советского Союза, а также последовавшие за ним политические «переходы» (да и многие другие феномены, включая тот тип капитализма, который

утвердился затем в России и других бывших республиках СССР). При чтении этого произведения мы, кстати, сполна осознаем, насколько такая сложность социального пространства позволила и обусловила одновременно и оригинальное политическое начинание, в которое пустились лидеры неформальных клубов, и все те процессы, в которые это начинание было втянуто и в которых оно растворилось. Можно сказать, что ловушка, которой Кароль Сигман удалось избежать, взяв критическую дистанцию по отношению к «теориям» тоталитаризма, — это этноцентризм, предполагающий, что только демократические системы способны содержать в себе эту сложность и дифференциацию.

В этой связи становится понятно, каким образом Кароль Сигман пришла к тому, чтобы подкрепить свой анализ исторической траектории неформального движения некоторыми элементами теории подвижных или, точнее, *флюидных* конъюнктур, которая как раз и была разработана для сложных (в указанном выше смысле) систем¹. Неудивительно также, что Сигман при этом не только полностью задействовала эту теорию (как бывало во многих исследованиях процесса «перехода», осуществленного в тот же период другими системами советского типа в Восточной Европе), но и обогатила ее. Именно с этой точки зрения концентрация исследования на неформальном движении оказывается, безусловно, наиболее плодотворным методом. Я не собираюсь в этом предисловии узурпировать место автора, многословно пересказывая ее интереснейшее исследование, которое читатель сам постепенно откроет во всех деталях. Мне хотелось бы лишь коротко остановиться на двух-трех аспектах, которые делают аргументацию Кароль Сигман особенно убедительной. То, чем «было» неформальное движение, — его «социальное существо», его политические ориентации и выборы, принятые им решения, его внутреннее структурирование, его самоопределение и его идентичность в целом, — на протяжении всей его краткой истории формировалось под влиянием резких *трансформаций конъюнктур*, в которых его участники должны были действовать и ориентироваться. Иными словами, речь идет о меняющихся состояниях «структур» социального пространства советского общества — прежде всего, под влиянием тактической деятель-

¹ О «конъюнктурах политической флюидности» см. сноску 1 на с. 41 — *Прим. перев.*

ности (а еще точнее, конкурирующих мобилизаций) множества акторов, преследующих самые разные цели в социальных пространствах, которые сильно раличались между собой в начале изучаемого периода. Сдвиги в идентичности неформальных клубов, прекрасно показанные Кароль Сигман, сопутствовали приведению во флюидное состояние всего политического пространства, а также множественной десекторизации социального пространства, которая, в частности, стерла границы между политическими играми внутри Коммунистической партии (известно, что в этом постепенном стирании границ появление «неформальных клубов» внутри самой партии сыграло не последнюю роль)¹ и сломала институциональные ритмы, характерные для партии и обеспечивавшие ее гегемонию (с лета 1989 года съезд КПСС решили проводить на два месяца раньше, и это было сделано отчасти под влиянием мобилизации «партийных клубов», а также партийных «консерваторов»). Эта же перспектива позволила автору понять, как складывался политический проект неформалов и, в частности, как они конструировали его под влиянием сговора с реформаторами внутри партии: фундаментом или, если угодно, условием возможности этого процесса была секторизация, дифференциация между разными социальными играми, абсолютная вера в то, что решающее место политики находится непременно в пределах партийных структур. Неформалы будут пребывать в этой уверенности еще некоторое время после распада прежних смыслов политической игры, когда уже сполна начали ощущаться мощные и очевидные эффекты десекторизации. Здесь налицо классическая форма *запаздывающего восприятия* (или *гистерезиса в восприятии*), причем это касается не только неформалов. Читателю достаточно обратиться к анализируемым Кароль Сигман позициям, отстаиваемым разными течениями в КПСС накануне XXVIII съезда (в том числе, позициям многих руководителей «Демократической платформы», коллективно вышедших из партии лишь во время съезда, — как бы некоторые из них ни рационализировали этот момент в своих ретроспективных интерпретациях).

¹ Возможно, стоит подчеркнуть тот факт, что помимо неформалов многие другие акторы, начиная с «реформаторов», близких Горбачеву (быстро становящихся «централистами»), и заканчивая разнородными группами, объединяющимися вокруг Ельцина (и способствующими конструированию его «харизмы»), испытали аналогичные трансформации коллективной идентичности.

При этом автор как бы ненароком элегантно опрокидывает некоторые догмы записных методологов, и по сей день еще пытающихся противопоставлять теоретические перспективы и разработки макро- и микросоциологического уровней. Это противопоставление столь же глупо, сколь и непродуктивно: характеристики, наблюдаемые и теоретизируемые на макросоциологическом «уровне», имеют последствия и должны находить место в наблюдениях на других «уровнях», в частности там, где исследователь сталкивается с идентичностями, действиями и судьбами индивидуальных акторов. В этом и состоит один из интереснейших моментов в анализе процесса «радикализации» неформального движения, предложенном Кароль Сигман. В центре этого анализа находится один важнейший элемент: *небольшие хронологические разрывы* в «вовлечении» людей в мобилизацию, в коллективное действие могут постепенно — как раз в силу трансформирующихся конъюнктур и пространств игры, из которых эти конъюнктуры состоят, — оказывать глубокое влияние на позиционирование акторов. В анализируемом случае процесс «радикализуется» вследствие вступления в игру акторов, которые в первое время выдерживали по меньшей мере «выжидательную» позицию (кстати, зачастую внутри самой КПСС), а потом вступили в конкурентную борьбу с неформалами-пионерами, обличая их как более «умеренных», поскольку те изначально развивали свою оппозиционную деятельность, избегая прямого противостояния с компартией. На протяжении всего своего труда Кароль Сигман показывает, каким образом эти краткие разрывы во времени вовлечения акторов в коллективное действие, во многом влияющие на то, как будут разворачиваться их, скажем так, «карьеры» в период кризиса, станут одним из факторов, сформировавших как структуру игры, которая привела СССР к распаду, так и более или менее стабилизированное политическое поле, появившееся затем в России.

Все вышесказанное означает, что ни идеологии и воззрения одних и других, ни тем более какая бы то ни было социальная или психологическая предрасположенность к «радикализму» или «умеренности» вовсе не являлись ключевым элементом или фактором этого процесса «радикализации». Иными словами, *до начала* этого процесса не было никакого сообщества «умеренных», противостоящих сообществу

«радикалов» — а это, надо отметить, ставит под вопрос некоторые постулаты классической транзитологии¹. Вопреки эссенциализму, пропозывающему эти постулаты, как «умеренные», так и «радикалы» в гораздо большей степени являлись продуктами процессов, анализируемых Кароль Сигман, нежели некими «свойствами» данных индивидов. Автор, таким образом, убедительно демонстрирует *непреднамеренный* характер всех анализируемых ею процессов (и здесь опять ее дистанцирование с классической транзитологией оказывается более чем продуктивным). Причем это касается не только Горбачева, но и всех остальных политических акторов: никому из них — ни «неформалам» первой и второй волны, ни акторам «большой политики» — не удавалось контролировать игру, последствия и эффекты своих собственных решений и действий с того момента, как политическое пространство пришло в состояние флюидности.

На самом деле нам стоит опасаться не только героической иллюзии, присутствующей в классической транзитологии, но и — возможно, в не меньшей, а то и в большей степени — нашей склонности *ретроспективно предсказывать* уже известные последующие события. Ведь сегодня мы прекрасно знаем «победителей», тех, кому по истечении изучаемого периода «удалось» утвердить новую систему господства и чьи характеристики приводят в замешательство многих комментаторов. Понятно, что эти «победители» не были в массе своей ни «неформалами» из «первой когорты», ни активистами из «второй» (хотя те зачастую и «работали на» политическое предприятие, выстроенное вокруг Бориса Ельцина). Из аргументации автора становится понятно: успех этого предприятия и появление этого странного «харизматического лидера», а также то, как быстро Ельцин получил влияние на акторов, многие из которых с трудом себя с ним идентифицировали, были обусловлены прежде всего именно хаотической последовательностью критических ситуаций и конъюнктур, от которой и пострадало «неформальное»

¹ Этот термин отсылает к корпусу работ, анализирующих процессы «перехода к демократии» — прежде всего через тактические решения и дилеммы представителей элит; как известно, один из главных недостатков транзитологии как раз и заключается в полном игнорировании ею конъюнктурных трансформаций социальных структур и пространств.

движение. Вот почему я хочу упомянуть здесь последний момент, который выходит далеко за рамки периода, изученного Кароль Сигман, но который ее работа позволяет высветить. Он касается еще одного варианта транзитологии. Легко поддаваться соблазну объяснять весьма специфические характеристики молодой российской «демократии» путинского образца, прибегая к уклончивому и неясному термину *path dependence* (зависимость от пройденного пути). Почему бы и нет? А priori ничего ужасного в таком повороте нет, в частности потому, что этот довольно отдаленный *результат* процессов, анализируемых в данной книге, целиком и полностью есть продукт истории, и нет никаких причин отрицать, что в получении такого результата прошлое так или иначе «сыграло роль». Однако привычные объяснения, скрывающиеся за термином *path dependence*, по крайней мере когда они касаются критических процессов вроде тех, что обсуждаются здесь, становятся крайне шаткими в том числе из-за того, какое именно «прошлое» опознается как «значимое». Это происходит, в частности, вследствие забвения или незнания того, что эти процессы, в силу своей собственной динамики, оторвались от того, что их породило, от условий их генезиса, от своей этиологии. Именно это и делает бесполезными все попытки «объяснить» особенности политической системы путинской России не только советским прошлым российского общества, но и культурными чертами «исторической России» или «русской души», которые, как принято считать, предрасполагают это общество к авторитаризму. Одна из больших заслуг работы Кароль Сигман состоит также в том, что на примере современной России она дает нам понять (хотя это и не является ее основной целью) всю тщетность культуралистских «объяснений», даже хитро замаскированных под авторитетную на первый взгляд форму *path dependence*.

ВВЕДЕНИЕ

Наша книга посвящена Перестройке — периоду кардинальных перемен, сотрясавших СССР в 1986—1991 годах. Ее цель — показать, каким образом распатывалась и затем рухнула советская система, причем сделать это через призму истории «неформальных» политических клубов, ставших значимыми акторами этого распада.

Такие клубы появились в 1986—1987 годах вне официальных организаций (коммунистической партии Советского Союза — КПСС, комсомола, профсоюзов и проч.), поэтому они и получили название «неформальных»¹ или «самодеятельных». Движение, порожденное неформальными клубами, — объект непрозрачный и сложный для изучения. Тому есть три объяснения.

Во-первых, объект этот многолик и подвижен. За кажущимся сходством форм (клубы) скрывается крайне разнородное множество: мы обнаруживаем здесь и «инициативные клубы и группы», и «клубы избирателей», и «партийные клубы», и «народные фронты», и «движения». У этих организаций разное содержание, они используют разные стратегии и формы мобилизации и очень быстро меняются.

¹ Во время Перестройки понятие «неформальный» применялось прежде всего к этим клубам. Мы будем использовать его в этой книге именно в таком понимании, бытовавшем среди изучаемых нами акторов, а не в более общем смысле «неформализованных», «неформальных» отношений между индивидами. Такое понимание отличается также и от смысла, которое слово «неформальный» обретает, к примеру, в выражении «неформальная (теневая) экономика», то есть экономика, существующая на периферии регламентированных форм.

Во-вторых, этот объект имеет несколько измерений. Политические клубы — мелкие и в то же время важные акторы. Мелкие — по своему масштабу и месту в политическом пространстве, поскольку возникли они не в центре, а на периферии и «из низов» этого пространства. Важные — потому что уже с начала Перестройки они стали одним из самых ощутимых признаков социальных изменений, инициированных «реформаторами» из коммунистической партии. К ним со всей серьезностью относятся политические лидеры в верхах, они в центре внимания СМИ, и в конце концов они становятся одним из ярчайших символов той эпохи. Прежде всего, неформальные клубы служили свидетельством трансформаций политической системы, ее расшатывания, а потом и распада. Но вместе с тем они были действующими лицами этой трансформации, внося активный вклад в формирование нового, состязательного политического пространства, которое сложилось к 1987 году¹.

И наконец, изучаемый объект не вписывается в те категории, на которые обычно разделяют акторов Перестройки в классических концепциях переходного периода: в последних главными игроками изменений считаются либо элиты, либо, наоборот, массовые движения. Неформальные же клубы не являются ни эманациями политической элиты, ни массовым движением, однако это не помешало им сыграть важнейшую роль в политических трансформациях. На самом деле они представляют собой оригинальную форму оппозиции, которая ведет себя иначе, чем классическая оппозиция.

Вся трудность при работе с таким многозначным, подвижным и неоднородным объектом состоит в том, чтобы рассматривать его с адекватного ему фокусного расстояния, не преувеличивая и не преуменьшая его важность и масштабы.

В исследованиях о Перестройке и переходном периоде в России неформальные политические клубы часто растворяются в более широких категориях (молодежных движениях, гражданском обществе) или же вовсе не принимаются во внимание как слишком малозначительные элементы в общем процессе разложения политической системы.

¹ Это пространство было неоднородным и неоднократно менялось в ходе Перестройки. Далее во Введении мы рассмотрим вопрос о его изменениях и о появлении в его недрах нескольких конкурентных арен.

Быстротечность истории неформального движения (1987—1989) также не способствовала росту интереса к нему, и часто его попросту низводили до роли предвестника «демократического движения», которое последовало за ним в 1989—1990 годах, приняв уже более традиционную форму оппозиции.

С 1986—1987 годов были созданы тысячи клубов в самых разных сферах (культурной, научной, спортивной, музыкальной, образовательной, религиозной и т.д.), политические организации среди них почти незаметны. Первые советские комментаторы связывали эти клубы с активностью молодежи. Возможно, отчасти это объясняется спецификой употребления термина «неформал», возвращенного в обиход перестроечными журналистами. Этот термин возник двумя-тремя десятилетиями раньше и обозначал одновременно и клубы (самодельные) любителей театра, поэзии и кинематографа, создаваемые молодежью в 1950—1960-х годах, и группы подростков 1960—1970-х, чье поведение считалось более-менее девиантным и даже делинквентным. Что интересно, одна из самых первых статей о клубах, опубликованная в очень уважаемом социологическом журнале, подписана именем офицера Министерства внутренних дел¹. Использование слова «неформал» позволяет возвести генезис этих нарождающихся групп скорее к истории неполитических практик, объединяющих часть молодежи (пусть даже и девиантной), нежели к движениям оппозиции, таким как диссидентство 1960—1970-х годов. И кстати, с самого начала Перестройки слово «неформал» довольно быстро теряет всякую негативную коннотацию в глазах властей: неформальные клубы имеют возможность легализоваться, зарегистрировавшись в рамках той или иной организации, ответственной за работу с молодежью (Дворцов и Домов культуры, внешкольных учреждений досуга, образовательных учреждений). Сфера компетенции этих организаций объективирует и закрепляет, таким образом, «молодежное» определение неформального движения. Этим, возможно, и объясняется то, что первым научным исследованиям оказалось крайне трудно дистанцироваться от официальных категорий, в которые были вписаны политические клубы.

¹ Сундиев 1987. Речь идет о журнале Института социологии Академии наук. Стоит отметить, что автор вовсе не выступает за преследования неформалов.

С 1989—1990 годов неформальное движение определяется уже как феномен, затрагивающий все общество в целом, вне зависимости от возраста участников. Его рассматривают как зародыш «гражданского общества»¹. Скорее всего, такое изменение общественного значения, придаваемого неформальному движению, связано с его морфологической трансформацией: в декабре 1987 года «Правда» насчитала в СССР 30 000 клубов, а в 1989 году — уже в два раза больше; с 1990 года говорится о сотнях тысяч организаций, в которых задействовано от 2—2,5 млн до 5 млн человек.

Теперь внутри общего движения «политизированные» клубы начинают выделять в особую категорию. Их считают (в 1990 году таковых было, по одним оценкам, 3000, а по другим — 6000) и вносят в публикуемые каталоги, где они классифицированы по идеологическому профилю. Именно эти политические клубы изучают теперь как форпост и символ неформального движения. Некоторые авторы даже утверждают, что главное свойство этих «неформальных клубов третьей волны» — их политический характер². Им посвящены три серьезных труда³ общим тиражом до 145 000 экземпляров, что дает адекватное представление о том, какую важность придавало этому вопросу реформистское крыло партии.

Мысль о том, что неформальное движение — это зародыш гражданского общества, присутствует во всех российских и западных работах 1990-х годов. В лучших традициях школы, работающей с «тоталитарной теорией», С. Фиш делает акцент на оппозиции государство — гражданское общество: по его мнению, как только в режимах советского типа появляется гражданское общество, оно неминуемо перерастает в политическую оппозицию. А советскому государству свойственны «стремление монополизировать власть, нетерпимость ко всему, что проявляет независимость и бросает ему вызов, принципиальная не-

¹ Впервые в литературе, предназначенной для широкой публики, это выражение встречается в 1990 году.

² Сундиев 1990. Два предшествующих периода массового появления клубов приходятся на 1920-е и 1950—1960-е годы. На самом деле речь идет не столько о третьей волне, сколько об использовании термина «неформал» в новом значении.

³ Юшенков 1990; Печенев, Вьюницкий 1990; Березовский, Кротов 1990.

способность или отказ разделять власть и авторитет»¹. Все эти черты, утверждает автор, оставались в силе во время Перестройки, что доказывало «фундаментальную и структурную неспособность государства к реформированию»². Каковы бы ни были внутренние линии разлома в государстве, оно, по словам Фиша, всегда демонстрировало нерушимую сплоченность против гражданского общества³.

По мнению других авторов, перерождение этого «политизированного» общества в политическую оппозицию вызвано внутренними разногласиями и непоследовательностью власти, а вовсе не слаженностью и солидарностью между разными составляющими этой власти. Изначально клубы были вне политики, но потом им волей-неволей пришлось встать в радикальную оппозицию из-за неуклюжести партийных реформаторов, которые не соизволили оказать им поддержку, и из-за враждебности аппаратчиков, которые «подрывали» реформы и провоцировали конфликты с неформалами⁴. И хотя в данном случае превращение неформального движения в оппозицию не рассматривается как неизбежность, его главным объяснительным фактором остается враждебность консерваторов. Однако мы покажем, что конфликт между партийными консерваторами и неформальными группами был не столь однозначным и что формированию оппозиционного движения способствовало скорее растущее влияние радикального крыла партийных реформаторов. И кстати, нет никаких неоспоримых свидетельств о том, что с 1987 года неполитические неформальные группы стали вдруг политическими. Похоже, в этот момент акторы, изначально намеревавшиеся заниматься политикой, просто использовали единственно возможную форму осуществления подобной деятельности — то есть форму «неформального клуба».

¹ Fish 1995: 21, 27.

² Ibid: 3.

³ «Исследователи-ревизионисты [противостоящие тоталитарной школе — К.С.] часто недооценивали возможность того, что самый глубокий разлом в советской политике проходит не между “конкурирующими” интересами внутри самого государства, а между вполне определенными “руководящими кругами” и “всеми остальными” — то есть между государством и обществом» (Ibid: 11).

⁴ См., например: Weigle, Butterfield 1992: 16.

Анализируя неформальное движение в терминах дихотомии «общество vs государство», многие авторы в результате сделали объектом своих исследований организации, избравшие путь прямой оппозиции режиму (тогда как подобные группы были довольно маргинальны в 1987—1988 годах), и даже приписывали движению этого периода характеристики, которые определили его лишь позже, в 1989—1990 годах, когда оно переросло в открытую оппозицию и стало называться «демократическим». Вот в то время оно уже использовало узнаваемый оппозиционный репертуар: массовые митинги, предвыборные кампании против компартии, формирование оппозиционных партий, «антикоммунистическое» самоопределение. Неформальное движение оказалось поглощено своим преемником, которого стали рассматривать как его логическое завершение. Такой телеологический подход порождает некоторую нечувствительность к изменениям в политическом пространстве, к быстро меняющемуся контексту, в котором развивались отношения между действующими лицами и в котором формировались их представления о том, что возможно, а что нет.

Если первые публикации едва упоминали о самом существовании политических клубов и растворяли их в более широких категориях, то в исследованиях 1990-х годов, напротив, их возводили в ранг знаковых представителей этих категорий и всячески демонстрировали, что гражданскому обществу, едва оно появилось на свет, ничего другого не оставалось, как кристаллизироваться в форме оппозиционного движения. Отказываясь изучать политические клубы в качестве особого явления, авторы закрывали глаза на то, что неформалы и сами представлялись, и воспринимались извне как выразители позиций гражданского общества перед лицом политической власти, используя неопределенность своего статуса для легитимации своего места в политическом пространстве. Такая неопределенность — один из элементов их идентичности.

Неформальные клубы остались вне внимания тех авторов, которые элитам¹ отводят важнейшую роль в политических и экономических изменениях, перевернувших СССР и Россию в 1980—1990-х годах. Таковы, к примеру, в остальном очень интересные исследования

¹ Мы используем этот термин не с отсылкой к «теории элит», а для обозначения доминирующих групп в разных социальных пространствах.

Джерри Хафа и Арчи Брауна¹ или труды авторов, причисляющих себя к транзитологам. По мнению последних, если не считать переворотов, осуществляемых «низовыми революциями», все процессы перехода — результат внутренних договоренностей и решений элит. Конечно, они признают важность «сил гражданского общества», но отводят им, как правило, лишь ограниченную роль, особенно если речь идет об этапе, предшествующем самому переходу.

Дж. Хаф, который не принадлежит к школе транзитологии, анализируя определяющие факторы изменений, тоже не рассматривает «низовых» акторов — потому что они не действовали в форме массового движения, способного свергнуть власть. Опираясь на исследования Крэйна Бринтона², он утверждает, что «успешные революции характеризуются, прежде всего, потерей элитами веры в себя»³. Объясняя распад советского государства, он называет три фактора:

— Исторически сложившиеся предпосылки. С одной стороны, речь идет (как этому учит теория модернизации) о глубокой трансформации социального устройства общества в связи с урбанизацией и общим повышением уровня образования, в результате которой в 1980-х годах на авансцену выходит поколение хорошо образованных, амбициозных людей, испытывающих фрустрацию из-за нехватки социальной мобильности. С другой стороны, к середине 1980-х государство вот уже несколько десятилетий пересекают множественные линии разлома: между доминирующими отраслями (тяжелая промышленность) и всеми остальными⁴; между разными поколениями бюрократии; между Москвой и провинцией.

¹ Hough 1997; Brown 1996a.

² Brinton 1938.

³ Hough 1995: 2. Автор использует термин «революция» для определения изменений режима в 1980—1990-е годы в СССР, а не в смысле «низовая революция».

⁴ В этом силовом противостоянии партия вовсе не всегда была самым мощным игроком. По сравнению с крупными предприятиями, правоохранительными органами, министерствами, контролирующими стратегические отрасли промышленности, комитеты КПСС постепенно теряли вес при принятии решений. В начале Перестройки партийный аппарат даже поддерживал реформы, надеясь, что они наконец позволят повысить престиж партии (Буланкин 2003: 11—12).

— Интеллектуальные ориентиры и воззрения Горбачева, который отверг китайскую модель и с 1987—1988 годов склоняется к экономической реформе, напоминающей то, что позднее будет названо «шоковой терапией». По мнению Хафа, Горбачев также уверен, что «центральные» аппараты (партия и министерства) настроены против этой реформы. Поэтому вместо того чтобы опираться на существующие институты, он, по всей видимости, делал ставку на их расформирование, которое должно было стать возможным по мере продвижения реформ. Такая ориентация приводит к тому, что руководители принимают решения, не позволяющие государству противостоять собственному разрушению; именно эти решения косвенным образом и вызывают «революцию».

— Рациональный расчет руководителей властных аппаратов, в какой-то момент понявших, что, проявляя непослушание, они уже ничем не рискуют, но могут многое выиграть благодаря приватизации¹.

В своем объяснении условий и последствий «революции» в России 1980—1990-х годов Хаф перекрещивает разные уровни и темпоральности анализа. Тем не менее ему, вероятно, не хватает переходных звеньев между социальными предпосылками, возникающими в 1960-х, ориентациями Горбачева на заре Перестройки и восприятием и реакциями элит, которые проявляются только в 1989—1990 годах. Не стоит думать, будто все воззрения Горбачева целиком сложились в начальный период Перестройки и что они не менялись впоследствии. Остается непроясненным ни собственно влияние контекста, ни то, каким образом головокружительные трансформации политического пространства с 1986 по 1991 год затронули всю систему в целом. А что, если такие акторы, как неформальные политические клубы, появившиеся лишь в Перестройку и игравшие второстепенную роль, смогли подорвать систему изнутри и способствовали ее делегитимации? А может быть, не покажется безумным предположение, что акторы, занимающие аналогичную позицию в других общественных сферах, совершали точно такую же подрывную работу и что общий распад системы был вызван

¹ Hough 1995: 2 и далее.

этими нападениями с разных сторон?¹ Не стоит ли для понимания происходящего переместить фокус внимания на взаимодействие акторов, занимающих позиции на разных уровнях политического пространства? Ограничивая анализ элитами и традиционными институциональными акторами, невозможно постичь этот процесс. И так ли уж важно знать, кто же все-таки, наверху или внизу, явился самым важным фактором распада системы? Один из наиболее любопытных аспектов — то, что происходит на границах институтов власти, то, каким образом последние теряют свою внутреннюю целостность и как некоторые акторы на их периферии становятся серьезными игроками в борьбе за власть в верхах. Хотя неформалы и не совершили «низовой революции», они ускорили процесс разложения партии и системы в целом.

Вторая причина, по которой некоторые исследователи не принимают во внимание значение неформальных клубов, состоит в том, что последние не вписываются во временные рамки, считающиеся релевантными. Многие работы, вдохновляющиеся транзитологией, берут в качестве отправной точки «демократизации» проведение первых свободных выборов (*founding elections*), которые определяются как «первые многопартийные выборы на состязательной основе, имевшие место после длительного периода авторитарного режима»². Неформальные клубы появились до первых выборов, поэтому их часто игнорируют. Зато в центре неустанного внимания транзитологов всегда остается демократическое движение: его представляют как великого победителя на выборах народных депутатов РСФСР в марте 1990 года, ему ставят в заслугу победу Бориса Ельцина на президентских выборах в России в июне 1991 года.

Нормативный подход, принятый в транзитологии, заставляет усомниться в обоснованности априорной периодизации процессов перехода, которая руководствуется критериями, применимыми ко всем странам, — такая периодизация, как мы видим, накладывает серьезные ограничения на поле наблюдения и на выбор объекта исследования.

¹ Гилл и Марквик (Gill, Markwick 2000: 47) объясняют крах системы сочетанием «давления сверху» и «давления снизу», которые не обязательно и не всегда совпадали во времени.

² Это определение, используемое многими авторами, взято из: O'Donnell, Schmitter 1986.

Сомнения вызывает также понятие «основополагающие выборы», да и сама идея отправной точки перехода. В транзитологическом подходе этот момент требуется определить для того, чтобы понять, о каком типе перехода идет речь, и потом, при помощи сравнений, судить об «успехе» или «провале» того или иного пути развития. Телеологическое видение, лежащее в основе этой объяснительной модели, критиковали многие исследователи¹, и такая критика тем более полезна, что труды по транзитологии легко применимы вне академического контекста, например для установления классификации стран по признаку их демократической «эффективности»².

Если началом перехода считать «основополагающие выборы», то, применяя этот принцип к СССР, придется, как ни парадоксально, частично или полностью исключить из «перехода» саму Перестройку, поскольку она соответствует лишь фазе «либерализации»³.

Первые относительно свободные выборы относятся к 1989 году (Съезд народных депутатов СССР); однако, по мнению большинства транзитологов, они недостойны статуса «основополагающих выборов». Дж. Линц и А. Степан полагают, что эти выборы нельзя считать вполне свободными, поскольку часть депутатских мест была закреплена за КПСС и подконтрольными ей общественными организациями, процедура отбора кандидатов позволила партии избавиться от многих конкурентов и выборы эти проходили в отсутствие многопартийной системы⁴. Без особых на то доказательств Линц и Степан называют выборы 1990 года в российский парламент (Съезд народных депутатов) более «важными» (может, потому, что они были более состязательными, хотя официально КПСС оставалась монополярной партией). Затем некоторые наблюдатели пришли к мысли, что «основополагающие выборы» произошли в декабре 1993 года (выборы в Государственную Думу после

¹ См., например: Stark 1992; Bunce 1995 и Dobry 2000.

² См., например, сайт Freedom House (<http://www.freedomhouse.org>).

³ Транзитология выделяет три периода: 1) либерализация, то есть «открытие некоторых пространств, без каких-либо изменений во власти»; 2) собственно переход, то есть интервал между двумя политическими режимами; 3) консолидация, то есть «расширение демократизации на другие институты» (Hunt 2001).

⁴ Linz, Stepan 1992.

ропуска и расстрела российского парламента по приказу президента Ельцина)¹. Макфол уточняет, что две предыдущие попытки перехода (Перестройка и первая Российская республика 1991—1993 годов) провалились, поскольку обе они закончились жестокими столкновениями между претендентами на власть, а не «договором» или по крайней мере «новым сводом правил политического соревнования»². Таким образом, то или иное событие (например, выборы) считается достойным статуса «отправной точки» перехода только в том случае, если оно приводит к заранее известному желаемому результату (установлению договора). Изучая российскую историю с такими установками, возможно, придется откладывать эту «отправную точку» до бесконечности.

Некоторые авторы, критикующие транзитологию, считают, что выборы 1989 года — предшествующие распаду СССР — все-таки знаменуют начало демократизации и что они стали «важнейшей точкой перелома», ибо впервые вызвали всеобщий энтузиазм и дали возможность избирателям отвергнуть кандидатов от партии³. Эти критики утверждают, что о важности выборов следует судить не только по достигнутым ими результатам, но и по тому значению, которое они обретают в момент своего проведения. Не менее важными отправными точками считались также политические события другого рода: августовский путч 1991 года, распад СССР в декабре 1991 года, XIX партконференция летом 1988-го, на которой были заданы важные политические ориентиры⁴.

Правомерно задаться вопросом: а не является ли сам поиск отправной точки перехода (точно так же, как и его завершения) тщетным и наивным занятием? Ведь на самом деле процессы распада и переструктурирования политического пространства происходят параллельно. И с чего тогда начинать анализ? Есть ли определенная точка перехода между «авторитарным режимом» и «началом демократизации»? По мудрому замечанию В. Банса, в Восточной Европе граница между авторитарным прошлым и либерализованным настоящим крайне размыта⁵.

¹ Golosov 1998; McFaul 1999.

² McFaul 1999: 106.

³ Solnick 1999; Brown 1996b.

⁴ Hunt 2001.

⁵ Bunce 1995.

Х. Виарда, в свою очередь, напоминает, что главные социальные изменения в Испании имели место до смерти Франко, которая дала лишь последний «легкий толчок»¹ к падению режима. Хотя предшествовавшие Перестройке социальные и политические изменения не столь заметны, как в случае Испании, невозможно объяснить политику либерализации, начатую Горбачевым, не вспомнив о периоде хрущевской оттепели — хотя бы уже потому, что она сама в разных формах напоминает о себе: восстанавливается взаимная поддержка между реформистским крылом партии и некоторыми секторами Академии наук, Горбачев боится, что его постигнет участь Хрущева, поколение оттепели обладает значительным интеллектуальным влиянием во время Перестройки, в частности на поколение тридцатилетних, которые и организуют неформальные клубы.

Можно также добавить, что определяющую роль в структурировании политического пространства России сыграли не столько «основополагающие выборы», сколько последовавшие одни за другими выборы 1989-го и 1990 годов (вне зависимости от степени их состязательности) — ведь в обоих случаях ставки были очень высоки. И не очень понятно, почему частично состязательные выборы 1989 года были неспособны привести к тем же результатам (появлению организаций и структурированию политической повестки дня), что и какие-нибудь более состязательные выборы. Почему «основополагающие выборы», в силу самого своего значения, следует считать самыми решающими из всех в определении правил политической игры, и почему только они способны породить *path dependence*?

Один из важнейших тезисов, который мы постараемся развить в этой работе, состоит в том, что если считать электоральный процесс единственным фактором, объясняющим формирование политического пространства, то другие сцены, на которых происходит соревнование, окажутся в забвении. То есть нормативная модель демократизации, предложенная транзитологами, не дает понять, что в 1989—1990 годах партийные структуры становятся столь же важной ареной соревнования, что и избирательное пространство.

Одним из существенных недостатков всего огромного корпуса литературы по переходному периоду в целом и по неформальным по-

¹ Wiarda 2002.

литическим клубам в частности является его относительное невнимание к разнообразным социальным характеристикам акторов. Лишь немногие исследования рассматривают политическую биографию этих людей, их семейную историю, социальное происхождение и профессиональную карьеру. Большинство лидеров московских политических клубов происходят из привилегированных слоев, у их семей наблюдается вертикальная мобильность при советском режиме, но при этом многие из них познали тяготы репрессий в сталинские времена. Какое влияние оказало семейное прошлое на политическую социализацию акторов? Как мы увидим далее, из биографического измерения можно извлечь полезную информацию для исследования. И не следует забывать, что эти люди, как все вместе, так и каждый в отдельности, обладают историей, и их социализация начинается задолго до момента Перестройки и переходного периода. Это измерение очень важно для того, чтобы понять, какой тип демократии возник в то время.

Некоторые авторы, вследствие своего относительного безразличия к социальному бытию акторов, используют преувеличенно однородные категории, не лишенные двусмысленности («маргинальная интеллигенция», «низовые» акторы), для идентификации неформалов в социальном и политическом пространстве. Мысль о том, что для неформалов характерны те или иные формы социальной маргинальности, часто проскальзывает уже в первых исследованиях по этой теме¹ и, в неявном виде, в работах, сфокусированных на элитах. Но на основании каких признаков они считаются маргиналами? Потому, что они в самом низу социальной лестницы; потому, что они еще не вступили в трудовую жизнь (в силу своей молодости); потому, что они принадлежат к социальным группам с нисходящей траекторией (негативно окрашенное деклассирование) — или же потому, что они отказались прогнуться под систему и были вытеснены из официальной сферы (позитивно коннотированное деклассирование)? С одной стороны, все эти формы маргинальности имеют совершенно разное значение как для всего общества в целом, так и в рамках неформального движения. С другой стороны, едва ли маргинальность является общим признаком деятелей неформальных клубов (по крайней мере московских политических клу-

¹ Например, Яницкий 1991: 55—56.

бов): многие из них далеко не подростки, не маргиналы и не являются деклассированными элементами, и лишь у немногих из них пролетарское происхождение.

Мало кто из исследователей обратил внимание на важнейшее изменение в социальном составе неформального движения начиная со второй половины 1988 года¹. А. Арато отмечает, что в ходе мобилизаций 1989—1990 годов в связи с выборами в движение приходят люди с иными характеристиками, нежели у его пионеров:

Люди, боявшиеся участвовать в независимых движениях, чья легальность всегда была под сомнением (особенно в Советском Союзе), и те, кто, вероятно, желал «загрести жар чужими руками», впервые смогли вовлечься в однозначно легальную и вместе с тем «нерискованную» предвыборную деятельность².

И наконец, избрав в качестве объекта исследования коллективного актора, который не принадлежит к когорте «принимающих решения», мы можем усомниться в адекватности подхода, сфокусированного исключительно на принятии решений и применяемого некоторыми авторами в отношении действующих лиц переходного периода. Транзитология в центр процесса ставит акторов и их выбор, хотя при этом и уточняется, что этот выбор не всегда рационален, учитывая высокую степень неопределенности, которая присуща таким историческим моментам. Предполагается, что на основе подобного стратегического выбора должны формироваться правила игры³. Поэтому акторы, которых принято считать значительными, вроде бы обладают властью определять процесс своими решениями.

Но что именно анализируют, говоря о решениях: процесс принятия решения, намерение, которое ему предшествовало, или его результаты? Стоит напомнить, что «великие исторические события (то есть, по мнению транзитологов, точки бифуркации в траекториях перехода) есть результат множества решений акторов, которые тоже, в свою очередь,

¹ Arato 1991; Urban and al. 1997; Шубин 2005.

² Arato 1991: 209.

³ O'Donnell, Schmitter 1986; DiPalma 1990.

множественны», и что к тому же эти решения могут привести к непреднамеренным результатам¹. Если судить по тому, как часто в литературе указывают на «ошибки» Горбачева, складывается впечатление, что анализируются скорее результаты решений, нежели процесс их принятия. И многие склонны забывать об ограничениях, которые накладываются институциональными структурами и правилами игры: в соответствии с транзитологическим подходом в контексте неопределенности, свойственном периодам перехода, выбор решения в меньшей степени детерминирован ограничениями, с которыми считаются в «обычной» ситуации, а то даже и вовсе свободен от них². Если же вместо актора, который всегда на виду в силу того, что принимает важнейшие решения, мы станем исследовать менее бросающегося в глаза коллективного актора, такого как неформальное движение, быстро проникающее в разные места политического соревнования, то это позволит нам понять, как именно вырисовывается и как меняется топология политического пространства. Благодаря своей тактической подвижности, это движение тоже участвовало в структурировании данного пространства.

Если сосредотачиваться исключительно на решениях, есть также риск упустить из поля зрения работу по категоризации, осуществляемую акторами в отношении самого понятия «решение». Акторы трактуют как результат принятых решений некоторые знаки, которые на самом деле не обязательно таковыми являются (неформалы, к примеру, убеждены, что их первая всесоюзная конференция в августе 1987 года была разрешена в высших эшелонах власти). Эти неявные знаки обладают таким же эффектом, как решения: от догадок акторы быстро переходят к убежденности, и пусть кому надо, тот и опровергает эту интерпретацию (что отнюдь не всегда возможно). В иных случаях акторы характеризуют отстаиваемые ими позиции по тому или иному вопросу как решения, тогда как на самом деле те являются лишь угрозами, и именно так, по всей видимости, другие акторы должны их понимать. «Демократическая платформа» — объединение неформальных партийных клубов (или партклубов), которое на самом деле является первой внутрипартийной

¹ Dobry 2000.

² См. критику Мишелем Добри (Dobry 1986) этого методологического пробуксовывания в анализе кризисных ситуаций.

фракцией, — выходит из КПСС в июле 1990 года. Шестью месяцами раньше ею было объявлено об этом намерении, однако ошибочно считать, что она окончательно приняла это решение уже тогда; в январе 1990 года речь шла лишь об угрозе с целью получить доступ к власти. Если не замечать разницу между угрозой и решением, мы не поймем стратегию, принятую «Демократической платформой» ради того, чтобы реформистское крыло партии уступило ее требованиям.

Непрерывные изменения политического пространства

Политическое пространство, появляющееся в 1987 году, состоит из двух полей, или арен, состязания. «Легитимное» поле состоит из официальных организаций: партия, комсомол, организации в других социальных сферах (академические институты, газеты, творческие союзы¹ и т.д.). Новые политические организации: неформальные клубы, «националистические» или «патриотические» группы, «небольшевистские» или «сталинистские» организации, — лишённые официального статуса, образуют «нелегитимное» поле. Но эти поля находятся в процессе постоянного изменения, трансформирующем отношения между ними, да и самих акторов, которые их составляют; границы между этими полями становятся все более размытыми, проницаемыми. Ритуальное упоминание категории «политического поля», рассматриваемого как обездвиженный объект, ни в коем случае не должно подменять настоящий анализ его вызревания и сотрясающих его перемен. Сформированное таким образом политическое пространство за изучаемый период (1987—1991) прошло через несколько стадий развития, или конъюнктур².

Неформалы меняются, их «социальное бытие» трансформируется под влиянием конъюнктур, которые они к тому же сами меняют своими

¹ Как, например, Союзы кинематографов, архитекторов, театральных деятелей и писателей.

² Мы позаимствовали этот термин у Мишеля Добри (*Ibid*: 39—40); он считает, что конъюнктуры представляют собой разные стадии, через которые проходят социальные системы под влиянием происходящих в них мобилизаций.

мобилизациями. Поэтому очень важно принять реляционный подход к осмыслению неформального движения и избегать эссенциалистской его интерпретации. Одна из опасностей, поджидающих исследователя, кроется в самоопределениях акторов. Какими бы интересными эти самоопределения ни были, они не всегда дают ключ к пониманию происходящего. Неформалы определяют себя то через тактическое противопоставление диссидентам, то через оппозицию националистам («Память») и коммунистам-консерваторам («сталинистам», «большевикам»). В другие моменты им приходится определять себя по отношению к КПСС. Содержание движения тоже меняется: со временем его наполняют несколько когорт с разным политическим прошлым и габитусом, они вводят разные и меняющиеся формы самоорганизации (неформальные дискуссионные клубы, партклубы, клубы избирателей и т.д.). Меняется и сама структура движения: в Москве оно увеличивается с нескольких сотен до нескольких сотен тысяч участников. С 1989—1990 годов движение называет себя «демократическим», и это изменение названия отражает трансформацию его стратегии и его социальной реальности. Если изначально движение стремилось к сотрудничеству с партийными реформаторами, то теперь оно определяет себя через открытую оппозицию по отношению к партии, включая Горбачева, и примыкает к радикальному крылу реформаторов-аппаратчиков. Смысл политического «радикализма» тоже меняется: в 1987—1988 годах он был уделом маргинальной группы, определяющей себя в качестве наследников диссидентства, а с 1989—1990 годов становится сердцевинной идентичности демократического движения; «радикализм» отстаивают самые разные акторы, включая «аппаратчиков» и новобранцев движения. Эти изменения, через которые проходит движение, в конце концов приведут к размыванию его изначальной идентичности.

Партия тоже трансформируется: она перестает представлять себя единой (каковой, скорее всего, она никогда и не была), отныне внутри нее открыто проявляется политическая конкуренция; она теряет монополию на политическую репрезентацию, и некоторые сегменты партии добьются фиксации этих изменений в Конституции.

Однако один устойчивый элемент оставил глубокий отпечаток на социальной идентичности неформалов — вопреки трансформациям,

которым они и партия подвергались. Речь идет об отношениях, выстроенных ими с некоторыми акторами, занимающими властные позиции в официальных организациях. В первое время неформалы вступают в отношения взаимной поддержки с партийными реформаторами. Они поддерживают реформы и в обмен на это получают признание и доступ к ресурсам. Речь, разумеется, не идет о сговоре между равными: данное отношение асимметрично, поскольку реформаторы обладают более значительными ресурсами и занимают доминирующую позицию. Но это и не клиентелистские отношения, поскольку в них есть элемент конфликта. Неформалы по большому счету являются оппозиционерами, хотя и стремятся изменить систему, и некоторые надеются сделать это с помощью тактического сговора с реформистским крылом власти. Тем не менее подобные взаимодействия делают их уязвимыми по отношению к некоторым акторам политического пространства. Поэтому они должны постоянно демонстрировать независимость, непокорность своим союзникам. Таким образом, они не выказывают той лояльности, которой вправе ожидать патрон от своего клиента. Для клиентелистских отношений требуется некая минимальная стабильность в ожиданиях и в поведении обеих сторон. Здесь же содержание отношений и их смысл становятся предметом почти непрерывных переговоров.

С 1989—1990 годов неформалы, ставшие «демократами», примыкают к «радикальным реформаторам» из аппарата (Ельцину, Афанасьеву и др.), которые откололись от «умеренных реформаторов» (Горбачев). Отношение остается асимметричным, но в силу специфической конфигурации политического пространства неформалы-демократы теперь гораздо менее независимы от новых союзников, их поле для маневра сужается. И наконец, за изучаемый период иерархические отношения между двумя сторонами ни разу не переворачиваются, несмотря на то, что они развиваются на фоне распада системы и что идентичность и позиции акторов меняются. «Аппаратчики» все время остаются в доминирующей позиции.

Процесс мобилизаций и распада системы, начинающийся в СССР в ходе Перестройки, разворачивается одновременно на многочисленных аренах. Это явление объясняется множественными линиями разлома, которые пересекают государство и партию. Этот процесс невозможно

понять, если всерьез принимать версию о том, что СССР до Перестройки являлся тоталитарной системой. Как же тогда некоторые неформальные клубы смогли появиться и развиваться внутри самой этой системы? И даже если не идентифицировать тоталитаризм как идею организации или социальной реальности, а свести его к идеологической ориентации господствующей элиты, к политическому видению, которым проникнута большая часть политического режима, этот тезис все равно не выдерживает критики. Те, с кем неформалы контактируют, не «тоталитарны», поскольку они уже не верят в систему. Действующие лица, трансформировавшие систему, вышли из самой сердцевины КПСС и разных ее аппаратов. «Ревизионисты», противостоящие «тоталитарной школе», прекрасно показали, что соперничающие группы интересов существовали уже давно, что между противоположными тенденциями внутри различных институтов шла борьба¹, что в лоне государства развивались разные сети влияния и критика системы, которые воздействовали на разные властные инстанции². В свою очередь, официальные институты, потерявшие свою автономию по отношению к партии, постепенно «изъяли у государства некоторые сферы его полномочий» и создали «зоны микроавтономии», которые, не бросая открытого вызова системе, исподволь подтачивали ее³. Советская система испытывала внутренние трансформации задолго до 1980-х годов.

Но во время Перестройки появляется новый феномен: мобилизации затрагивают одновременно несколько разных сфер деятельности и оказывают отныне глубокое влияние на эти сферы и их взаимоотношения. Институты изменяют свое функционирование и свое место в игре, некоторые (например, партия) распадаются. Прежние ориентиры, которыми акторы пользовались для позиционирования и самоопределения, теряют свою состоятельность. И даже правила игры, сформированные в ранний период Перестройки (например, между неформалами и их партнерами внутри партии), переворачиваются самим ходом событий. Тем не менее ничто не позволяет утверждать, что советская система была

¹ См., например: Hough 1972 и Cohen 1979.

² Lewin 1988: 80.

³ Ferro 1985.

обречена на крах и что она должна была распасться именно таким образом. В считанные месяцы Горбачев и Ельцин полностью меняются как акторы, меняется и поле для маневра каждого из них. То, что казалось возможным в начале 1990 года, уже невозможно шесть месяцев спустя, потому что отношения между центром и республиками, между партией и советами уже не те. И, по всей видимости, все это произошло за очень короткий отрезок времени; когда политическое пространство неожиданно стало местом всеобщего яростного соревнования, система прекратила существование в прежнем виде, потеряв тот минимум координации, на котором была основана. История клубов и их трансформаций дает нам представление о разных состояниях политического поля между 1987 и 1991 годами.

Таким образом, можно выделить три основные исторические конфигурации, или конъюнктуры. В первой (1987—1988) система ослабляет свое давление и функционирует несколько иначе, чем прежде. Внутрипартийная борьба заставляет реформаторов искать внешней помощи против консерваторов. Они мобилизуют творческую интеллигенцию (журналистов, деятелей искусств, ученых) и ищут народной поддержки; в порядке эксперимента они позволяют развиваться неформальным политическим клубам, которые соглашаются играть роль «низовой поддержки». Неформалам и реформаторам КПСС эта игра в сговор представляется выгодной. Однако, как мы уже сказали, клубы претендуют на реальную политическую роль; они отказываются быть в подчинении у реформаторов и требуют новых полномочий, пытаются создать прецеденты, втиснуться в зазоры системы, расширить пространство для своего действия, несмотря на то что у них нет на это особого разрешения. Они занимаются подрывной работой и ведут двойную игру с реформаторами.

Ситуация начала Перестройки уникальна: никто точно не знает, каковы правила игры, но акторы с обеих сторон — и с официальной, и с неформальной — пытаются избежать воспроизводства схемы «чистого» конфликта, которая действовала в отношениях между властью и диссидентами в предыдущие десятилетия (эта контрмодель служит для них, кстати, одним из основных ориентиров). Неформалы не имеют точного представления о том, как далеко они могут зайти, и тестируют границы возможного в отношениях с властью; партийные реформаторы

не знают точно, когда и как их остановить; защитники клубов (в частности, представители академического истеблишмента) тоже не знают, как далеко может и должна заходить их поддержка. Все стороны наблюдают, интерпретируют, угадывают стратегии друг друга. Для стабилизации этих отношений вводятся некоторые правила, но им никто и никогда полностью не следует.

Во второй конфигурации (1989—1990) соревнование становится всеобщим. Появляется множество арен соревнования в политическом пространстве, что приводит к полному распаду изначальной игры. Этот процесс запущен длительной избирательной кампанией 1989—1990 годов. Наступает период очень высокой флюидности, когда рушатся прежние нормы и ориентиры¹. Внутри партии отношения власти теряют объективность: составляющие ее комитеты становятся автономными

¹ Понятие «флюидность политического пространства» отсылает к характеристикам особых состояний, которые Мишель Добри называет *конъюнктурами политической флюидности*. Эти состояния свойственны социальным системам, дифференцирующимся на многочисленные и более-менее автономные социальные сектора, или «поля», — что происходит под влиянием конкурирующих мобилизаций, которые могут одновременно разворачиваться в нескольких из них, особенно в политических и государственных. Важнейшей характеристикой таких состояний, или конъюнктур, является в той или иной степени выраженная тенденция к *десекторизации* социального пространства в обществах, где они имеют место (затронутые данным процессом сектора теряют автономию, между ними стираются границы, арены соревнований внутри самих секторов также становятся взаимопроницаемыми). Среди свойств этих конъюнктур могут быть выделены следующие: 1) крайне высокая *подвижность ставок*, которые разыгрываются в столкновениях; 2) появление *структурной неустойчивости*, которая оказывает глубокое влияние на восприятие, стратегические расчеты и действия всех акторов этих исторических эпизодов: они в одночасье теряют те ориентиры, которые в обычных (или рутинных) конъюнктурах позволяли им ориентироваться в различных социальных играх и, в частности, оценивать и предугадывать допустимые и недопустимые ходы в игре, возможную отдачу от наличных ресурсов и эффективность доступных им стратегий действия; 3) процесс резкой *дезобъективации социальных отношений*, свойственных многочисленным институциям, то есть ослабление «естественного», безусловного характера того, что прежде в социальных отношениях проживалось большинством акторов в режиме очевидности, как «само собой разумеющееся» или, иными словами, «легитимное». Эти характеристики и свойства выявляют, таким образом, *пластичность самих структур* высокодифференцированных социальных систем и их уязвимость по отношению к мобилизациям, которые в них могут происходить (по поводу всех этих свойств см.: Dobry 1986: 140—171). — *Прим. перев.*

и вступают в конкуренцию; политическая иерархия больше не действует на акторов (так, главный соперник Генерального секретаря не является членом Политбюро). Партия теряет свое главенство, советы составляют ей конкуренцию. Властная иерархия пошатнулась также в результате борьбы между центром и республиками, как в советах, так и внутри партии. Границы между акторами рушатся: разные комитеты КПСС стремятся присоединить к себе неформальные партклубы; некоторые руководители аппарата становятся их членами. Речь идет уже не о простой оппозиции между консерваторами и реформаторами: оба лагеря сами, в свою очередь, распадаются на части. Акторам все сложнее понимать ставки борьбы за власть и локализовывать властные инстанции. Поэтому, чтобы оценить свои способности к действию и оказанию влияния, а также понять позиции других участников игры, им приходится действовать методом все более многочисленных проб и ошибок.

Рассеивание фронтов борьбы напрямую повлияло на неформальное движение. Последнее разворачивается на избирательной и на партийной аренах. Первые неформалы сталкиваются с конкуренцией внутри собственного движения — со стороны вновь пришедших. Они уже не могут отстаивать право на наименование «клуб», поскольку появляются другие типы клубов (клубы избирателей, партклубы). Идентичность «неформала» оказывается даже дискредитирована, и они в конце концов с ней расстаются. Новые игроки примыкают к «радикальным» реформаторам из КПСС, которые пускаются в создание оппозиции. Лидерам первых клубов приходится терпеть неожиданное вторжение на политическую арену этих крупных фигур оппозиции из среды аппаратчиков; теперь им приходится постоянно с ними пересекаться, чтобы политически выжить. От логики сотрудничества с реформаторским лагерем движение переходит к логике противостояния власти. В этой трансформации первые неформалы уже не знают, какую идентичность им отстаивать и какое место занять в своем собственном движении и в общем политическом пространстве.

Третья конфигурация, после выборов в марте 1990 года в российский парламент, также отмечена флюидностью, но теперь появляются некоторые элементы структурирования. Становится понятно, что избирательное поле получает главенство над всеми остальными: политические игры все более организуются вокруг предвыборных кампаний.

К тому же противостояние между центром и республиками становится принципиальным и способствует прояснению игры. Эти точки отсчета во многом задают направление трансформации движения. Например, ему теперь приходится самоопределяться как «русское».

Эти исторические ситуации, в которых акторы постоянно вынуждены изменять свои позиции, словесные и идентичности в связи с очень быстрым изменением конфигураций, позволяют выявить стратегическое измерение коллективного действия и то, как акторы действуют и мобилизуют свои ресурсы. Они приобрели габитусы, «на основании которых порождается, в соответствии с искусством изобретения, аналогичным музыкальному письму, бесконечное множество конкретных схем [поведения], напрямую применимых в конкретных ситуациях»¹. Благодаря своей пластичности, габитусы в небывалых прежде обстоятельствах способны породить «новое». Вчерашние оппозиционеры, вроде некоторых неформальных лидеров, вдруг втягиваются в отношения сговора с одной из фракций власти, зная, что тем самым рискуют своей репутацией (но именно благодаря своей репутации оппозиционеров они и могут попытаться счастья в такой двусмысленной игре). Приобретенные диспозиции не исключают наличия у акторов расчета, который влияет на их позиционирование. Этот расчет производится под внешним давлением и в отсутствие исчерпывающей информации; он определяется позицией, занимаемой акторами во властных и соревновательных отношениях, а также тем, что они представляют собой в социальном плане. Таким образом, речь не идет ни о механическом результате работы однородного и неизменного габитуса, ни о рациональном расчете.

Полевое исследование и используемые материалы

В своей работе мы применяем метод перекрестного анализа исторических конфигураций политического пространства, стратегий «политических предприятий»² и биографических траекторий, которые

¹ Bourdieu 1970.

² По мнению Оффреле (Officlé 1987: 12), «идея политического предприятия [для обозначения политической партии или организации] отсылает к идее политического

выкристаллизовались в клубах Перестройки. В анализ включены две временные шкалы: с одной стороны, мы рассматриваем группу индивидов на большом временном промежутке (семейные биографии начиная с революции 1917 года и индивидуальные биографии на протяжении двадцати лет), с другой стороны — ряд политических организаций, существовавших в короткий исторический период (1986—1991). Для объяснения форм мобилизации и стратегий неформального движения необходимо принять во внимание обе эти шкалы.

Наша работа не претендует на всеохватный анализ неформального политического движения в СССР. Мы рассмотрим в ней около тридцати московских организаций. Десяток из них появился в 1987—1988 годах, а еще двадцать были созданы со второй половины 1988-го. Все они поддерживают друг с другом отношения в 1986—1991 годах. По некоторым данным, в Москве в 1987—1988 годах существовало около сотни политических организаций, а в 1989—1990-м — от 160 до 200¹.

Москва как поле для исследования представляет двойной интерес. Столица традиционно рассматривалась властью как место политических экспериментов, которое легче контролировать, и неформальное движение стало одним из (последних) таких опытов. Сами неформалы это прекрасно осознавали: именно по этой причине ленинградцы, решив создать один из самых первых дискуссионных клубов («Перестройка»), приехали в Москву, а уже затем, пользуясь этим прецедентом, основали аналогичный клуб в своем городе, где городской комитет КПСС находился под контролем консерваторов. Выбор Москвы позволяет также оценить способность неформалов к сближению с центральной властью, ибо в этом и состояла их цель.

рынка, этого абстрактного места [...] где агенты, конкурирующие за политическое посредничество, стремятся выменять политические блага на активную или пассивную поддержку сторонников. Итак, речь идет об особом типе отношений, при котором один или несколько агентов инвестируют капитал, чтобы получить политическую прибыль, производя политические блага».

¹ Эти оценки взяты из: Березовский, Кротов 1990: 70, Игрунов 1989. По данным последнего, к концу 1988 года московские политические клубы насчитывали в своих рядах от 3500 до 5000 активистов и в среднем в одном клубе состояло от 30-ти до 60-ти членов. (Патриотические группы в приведенные подсчеты не входят.)

Объектом исследования выступает скорее сеть клубов, нежели ряд организаций, выбранных по отдельности в соответствии с предзаданными критериями (размер, тип структуры, тип коллективных действий, выдвинутое политическое самоопределение и т.д.). Речь идет одновременно о сети взаимодействий, взаимозависимостей и о мире конкурентной борьбы. Анализируемые клубы организовывали собрания или участвовали в собраниях, которые считаются вехами в истории неформального движения, благодаря чему сыграли основополагающую роль в формировании и репрезентации движения. Они не только были признаны партийными реформаторами как достойные переговорщики, но им еще и удалось занять место в «большой политике».

Клубы выбирались в зависимости от их известности (упоминания в исследованиях по неформальному движению и в прессе) и от интенсивности их отношений с официальными структурами (партией, академическими институтами, комсомолом). Особое внимание мы обращали на тех, кто стремился к установлению отношений сотрудничества с партийными реформаторами, и в меньшей степени интересовались другими, относительно маргинализированными группами движения, которые следовали логике открытой оппозиции, перенятой у диссидентов. Таким образом, наш взгляд на движение отчасти зависит от того, откуда мы его наблюдаем.

В 1987—1988 годах три клуба выделяются своими тесными отношениями с официальными организациями: «Перестройка», «Клуб социальных инициатив» (КСИ) и «Община». Они пользуются административными ресурсами (помещениями, доступом к прессе и др.) и пытаются координировать деятельность других клубов. «Перестройка» (в 1988 году ставшая «Демократической Перестройкой») занимает особое место, поскольку это единственный клуб, располагавший помещениями в престижных академических институтах и в этой связи привлекавший на свои заседания большую часть членов других клубов. Вокруг этих центральных клубов вращается несколько групп: «Федерация социалистических общественных клубов» (ФСОК), общество «Мемориал», «Гражданское достоинство» (ГД), «Перестройка-88», семинар «Демократия и гуманизм», «Всесоюзный социально-поли-

тический клуб» (ВСПК), «Московский народный фронт» (МНФ) и «Демократический союз» (ДС).

В течение второго периода (1989—1991) политических организаций в Москве становится вдвое больше и их формы меняются. Этот подъем определяют следующие факторы: 1) две судьбоносные избирательные кампании 1989 и 1990 годов (в делегаты Съезда народных депутатов СССР, а затем в республиканские, городские и районные советы), в ходе которых появляются клубы избирателей; 2) растущая фрагментация КПСС, которая способствует появлению внутри нее все большего количества неформальных клубов (партклубов); 3) принятая в марте 1990 года поправка к Конституции СССР, позволяющая создавать партии¹; 4) либерализация прессы, позволившая неформалам приняться за создание своих «официальных» газет. Двадцать организаций, созданных в этот период, включены в наше исследование:

— организации, активно действующие на арене выборов: «Клуб избирателей Академии наук СССР» (КИАН), «Московское объединение избирателей» (МОИ), включающее около тридцати районных клубов избирателей, избирательный блок «Демократическая Россия», движение «Демократическая Россия»;

— партклубы: «Межклубная партийная группа» (МПГ), московский партийный клуб «Коммунисты за Перестройку» (МПК), «Межклубная партийная организация» (МПО), «Демократическая платформа в КПСС»;

— оргкомитеты партий и партийных организаций: «Социал-демократическая ассоциация» (СДА), «Социал-демократическая партия России» (СДПР), «Московский комитет новых социалистов» (МКНС), «Союз конституционных демократов» (СКД), «Конфедерация анархо-синдикалистов» (КАС), Республиканская партия Российской Федерации (РПРФ), Демократическая партия России (ДПР), Российское христианско-демократическое движение (РХДД), «Христианско-демократический союз» (ХДС), Конституционно-демократическая партия — партия Народной свободы (КДП—ПНС),

¹ Документ 33 (библиографическое описание цитируемых документов см. на с. 445 и след.).

ВВЕДЕНИЕ

Партия конституционных демократов (ПКД), «Демократическое движение коммунистов» (ДДК), Народная партия «Свободная Россия» (НПСР);

— пресса и информационные агентства: «Век XX и мир» (официальный журнал Советского комитета защиты мира, «колонизированный» неформалами), М-БИО (Московское бюро информационного обмена), «Панорама», «PostFactum» и «Коммерсантъ».

Мы не включили в нашу выборку экологические группы неформального движения. Мы также не рассматриваем ни отношения между неформальными клубами разных советских республик, ни их позиции по федеральному вопросу, хотя все это, безусловно, сыграло важную роль в процессе распада режима.

В биографических траекториях нас интересует в первую очередь то, кем были неформалы, прежде чем прийти в движение, как они вовлеклись в эти клубы и какой путь проделали внутри движения. Учитывая различные стадии социальной мобильности, выявленные в СССР, мы посчитали нужным поднять семейную историю начиная с революции, чтобы лучше идентифицировать этих людей социально и понять истоки их политической социализации.

При составлении выборки мы не принимали во внимание последующие траектории индивидов в 1990—2000-х годах, что позволило нам избежать ретроспективного определения мира неформалов. Тем не менее в конце книги мы приводим некоторые данные об их политическом и профессиональном становлении после Перестройки.

Биографический анализ помог нам выявить две группы людей, отличающихся по тому, когда и каким образом они пришли в движение. Первые неформалы создают клубы или вступают в них с 1986 по 1988 год; чаще всего они принадлежат к уже существующим дружеским сетям, связанным с академической или диссидентской средой. Вторые приходят в движение со второй половины 1988 года, рекрутируясь через митинги и демонстрации, и не связаны с существовавшими ранее сетями. Один из вопросов, которые встают в связи с наличием двух когорт, столь сильно различающихся по своему набору, состоит в том, можно ли объяснить таким образом радикализацию неформального движения.

Мы попытались обнаружить здесь некоторый поколенческий эффект¹ или некую неизменную сердцевину движения, сложившуюся на основе общности опыта и жизненных ситуаций участников². Возрастная структура выборки изученных нами неформальных лидеров действительно демонстрирует, что поколенческое ядро составляют родившиеся с 1948 по 1964 год; их особенно много в первой когорте (см. таблицу 1).

Мы выявили около 160 клубных лидеров (см. таблицу 2), которые обеспечивали функции руководства, организации и представительства. Мы собрали биографические данные о 87 активистах, с 65 из них мы провели интервью.

Стоит подчеркнуть, что все цифры, приводимые в этой книге, призваны лишь продемонстрировать некоторые тенденции и, учитывая малые размеры выборки, не имеют большого статистического смысла.

Выборка охватывает разные типы клубов неравномерно (см. таблицу 3). Члены двух центральных клубов («Перестройка» и КСИ) составляют половину выборки в первой когорте. Во второй волне вступи-

¹ Например, К. Шарль (Charle 1990: 206—207) отмечает в мобилизации вокруг дела Дрейфуса наличие поколенческого разрыва между дрейфусарскими и антидрейфусарскими преподавателями университетов и писателями. Дрейфусары рекрутировались скорее из числа не столь интегрированных в «существующие интеллектуальные и социальные иерархии, что в большей степени касалось молодежи, хотя некоторым старикам из числа начальников и удалось остаться или стать «молодыми», то есть пойти на риск».

² Демографические поколения способны превратиться в политические поколения в зависимости от исторических ситуаций, которые они проживают. Так, опыт Первой мировой войны 1914—1918 годов был определяющим фактором вовлечения части молодежи в военнизированные добровольческие отряды в Германии (Fierkopf) и во Франции (cogrs francs) в период между Первой и Второй мировыми войнами (Dobry 1986: 258); то же самое можно сказать и о вступлении в Коммунистический Интернационал тех, кто на Конгрессе 1921 года в Туре основали затем Французскую коммунистическую партию (Pudal 1989: 33). Болтански (Boltanski 1982: 66—67) делает похожее наблюдение в отношении костяка тех, кто сформировал затем специфическую французскую категорию «высших кадров» (cadres), во многом состоящую из инженеров: помимо схожего социального происхождения и образования, а также общей близости к социальному католицизму, эти заводские инженеры во время стачек 1936 года все оказались между директорами и рабочими, став, таким образом, «излюбленной мишенью рабочих» и будучи «оставленными на произвол судьбы директорами». Итак, устойчивое ядро формируется общностью диспозиций и прожитого опыта в конкретный исторический момент.

Таблица 1

**Структура выборки по году рождения
и когорте вступления в движение**

Год рождения	До 1947	1948—1964	После 1965	Всего
Когорта I (% от численности когорты)	12 23,5%	36 70,5%	3 6%	51 100%
Когорта II (% от численности когорты)	18 50%	15 41,6%	3 8,4%	36 100%
Всего	30 34,5%	51 58,6%	6 6,9%	87 100%

Таблица 2

Распределение выборки по когортам вступления в движение

	Когорта I (вступление с конца 1986 до середины 1988 года)	Когорта II (вступление с середины 1988 года)	Всего
Общая численность выявленных руководителей	≈ 100	≈ 60	≈ 160
Изученные индивиды	51	36	87
Из них проинтервьюированы	36	29	65

ления в движение было опрошено больше членов клубов избирателей, чем участников партийных клубов. Тем не менее мы смогли дополнить информацию о последних материалами идеологического отдела Севастопольского райкома Москвы по поводу «Московского партийного клуба» (МПК) (см. таблицу 3).

Мы включали в анализ некоторых неформалов из других городов — в том случае, если они сыграли важную роль в московском демократическом движении 1989—1990 годов (как, например, в случае с ленинградскими депутатами). И наконец, мы не включили в выборку

Структура выборки по неформальным группам

Когорта I	
Клуб «Перестройка»	20
«Клуб социальных инициатив» (КСИ)	7
«Община», «Мемориал», «Гражданское достоинство», христианские группы, «Демократия и гуманизм», «Демократические союзы» и др.	16
Неформалы из других городов	8
Всего в когорте I	51
Когорта II	
Клубы избирателей, «Московское объединение избирателей» (МОИ)	17
Партийные клубы, «Демократическая платформа в КПСС»	8
Члены демократических партий	11
Всего в когорте II	36
Всего в когорте I и в когорте II	87

«партаппаратчиков» и представителей академического истеблишмента (Б. Ельцина, Ю. Афанасьева, Г. Попова, А. Собчака, А. Сахарова), с которыми вступали в сговор «рядовые» неформалы и демократы.

Большая часть интервью была проведена вскоре после разгона Съезда народных депутатов России президентом Ельциным в октябре 1993 года и в ходе президентских выборов 1996 года. Это два переломных момента в политической карьере бывших неформалов (в частности, российских депутатов, которые оказались на противостоящей Ельцину стороне, то есть в лагере проигравших, а также тех, кто не были переизбраны в Госдуму несмотря на то, что примкнули к президентскому лагерю). Некоторые ретроспективно склонялись к острой критике своей собственной роли в процессе, приведшем Ельцина к власти.

Использованные материалы включают архивы неформальных клубов и Коммунистической партии. Если архивы клубов подробно изучены многими исследователями, то архивы партии оказались забыты. Эта работа уникальна, в том числе, и потому, что мы использовали архивы самых низовых уровней в иерархии КПСС (в частности, архивы заведующего идеологическим отделом Севастопольского райкома Юрия Чабанова). Ведь именно на этом уровне просматриваются непосредственные

отношения партии с неформальными клубами. Одна из характеристик клубных лидеров состоит в том, что у них нет доступа к верхам партийной иерархии. Их контактные лица — либо служащие райкомов, либо члены первичных партийных организаций двух академических институтов или Советской социологической ассоциации. Тем не менее эти посредники вовсе не являются простым «передаточным звеном», они ведут свою собственную игру. Поэтому данный уровень необходим для понимания ситуации, в которой находились неформалы. Проявив интерес к низам иерархии, мы, однако, не смогли уделить достаточного внимания архивам высших инстанций (Московского городского комитета партии и ЦК КПСС); это один из недостатков нашего исследования. Более общие работы по Перестройке, вроде тех, что мы уже цитировали (Дж. Хафа и А. Брауна), а также мемуары М. Горбачева, А. Яковлева и их близких соратников представляют для нас ценные источники, позволяющие понять процессы, происходившие в верхах, хотя они и не затрагивают напрямую тему неформальных клубов.

Архивы и устные источники дают нам дополнительную информацию о предмете исследования. До Всесоюзной конференции неформальных клубов в Москве в августе 1987 года (Информационная встреча-диалог «Общественные инициативы в Перестройке») не обнаруживается почти никаких письменных упоминаний о политических клубах, тогда как первые из них появились еще осенью 1986 года. Поэтому данная встреча существенно повлияла на формы репрезентации движения. Едва начав публиковаться, неформалы предназначают свои тексты — помимо, разумеется, самих сторонников движения — партии: они знают, что та за ними наблюдает, и даже поддерживают непосредственные отношения с теми, кто наблюдает. В этой связи каждый документ следует интерпретировать на двух уровнях. Так что не стоит удивляться тому, что источники, относящиеся к центральным клубам, никоим образом не упоминают о сложных переговорах с партией (письменные и устные партийные источники отчасти восполняют этот пробел).

В течение последних лет в России наблюдается некоторое возрождение интереса к Перестройке, в 1990-х отодвинутой на второй план. Некоторые исследователи усматривают в путинской политической системе, которую считают закрытой (особенно со второго путинского срока,

ВВЕДЕНИЕ

2004—2008), аналогии с брежневским «застоем». И хотя эти аналогии спорны, некоторые исследователи заново задаются вопросом: а что же позволило «открыть» советскую систему в середине 1980-х годов?

Прежде чем перейти к рассмотрению генезиса московского неформального политического движения, мы представим индивидуальные и семейные траектории тех, кто станут его главными лидерами. Во второй части мы проанализируем появление и изменения движения 1987—1988 годов, а также отношения сговора, которые устанавливаются между неформалами и партийными реформаторами. В третьей части мы покажем глубокие трансформации, которые претерпело неформальное движение с 1989 года, его постепенный распад и перерастание в демократическое движение. В качестве эпилога мы представим основные пути биографической реконверсии главных акторов движения после 1990 года.

Первая часть

ИЗ КОГО СОСТОИТ
НЕФОРМАЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ?
ЛОГИКИ
И ТЕМПОРАЛЬНОСТИ
ВОВЛЕЧЕНИЯ

Неформальное политическое движение — феномен, характерный для определенного политического поколения. Большинству лидеров московских клубов в 1987 году было около тридцати лет¹. Каким же образом можно определить положение этого поколения или, если вспомнить термин Карла Маннгейма, этого «поколенческого союза», который в момент Перестройки, пользуясь возможностями, открытыми находящимися у власти реформаторами, решил испытать себя в новых типах деятельности (в политике, предпринимательстве, искусстве)? Под поколенческим союзом К. Маннгейм понимает всех индивидов (которых нельзя свести к той или иной конкретной группе), которые принадлежат к соседним возрастным когортам и занимают «схожую позицию в социальном пространстве»²: они участвуют в одних и тех же общественных и интеллектуальных движениях, и это способствует формированию у них «особого рода опыта и мыслей, особых способов воздействия на исторический процесс»³. Поколенческая ситуация руководителей политических клубов, их позиция в социальном пространстве и общий опыт, пережитый ими до Перестройки, дают нам ключи к пониманию мотивов их вовлечения в деятельность на общественно-политической сцене в момент ослабления советского режима. Общностью политического прошлого можно также объяснить формы их коллективного дей-

¹ Поколения рожденных с 1948 по 1964 год составляют около 60% нашей выборки и 70,5% первой волны неформалов (см. таблицу 1 на с. 49).

² Mannheim 1990: 43.

³ Ibid: 45.

ствия, их стратегии по отношению к власти и специфические способы самоопределения, к которым они склонны. Активизм руководителей клубов в период Перестройки вдохновлен как их собственным опытом, так и опытом предшествующих политических поколений, которые предоставляют своего рода модели (или контрмодели), присваиваемые или трансформируемые ими при создании нового типа мобилизации.

Поколенческий союз, по мнению Маннгейма, — это вовсе не монолит; он состоит из разных поколенческих единиц, то есть групп, которые «различаются по способу освоения опыта» и типу социализации. Эти единицы по-разному структурированы и по-разному воспринимают реальность. В Пруссии начала XIX века «романтически-консервативная» молодежь совершенно четко отличается своей политической чувствительностью от молодежи «либерально-рациональной». В случае, который нас здесь интересует, в одном и том же движении участвуют две разные поколенческие единицы. Они отличаются своим политическим прошлым: первая состоит из людей, которые уже были оппозиционерами в 1970-х годах, вращались в средах, критично настроенных по отношению к советскому режиму; во второй же ничего подобного не наблюдается. Две эти группы соответствуют разным волнам вступления в движение: первая приходит с 1986-го до начала 1988 года, вторая — лишь с середины 1988-го. Момент прихода в движение отмечен существенными различиями в социализации, которые позволяют понять характер биографических траекторий членов обеих когорт. Эти различия в политическом и профессиональном прошлом — один из факторов, объясняющих существенные изменения в развитии неформального движения (и самой его природы), которые оно претерпело с прибытием второй когорты. Разумеется, изменения в движении объясняются также и эффектами конъюнктуры, то есть быстро меняющимся состоянием политической игры. Вторая когорта, прибывшая год или полтора года спустя после первой, сталкивается уже с иным контекстом взаимодействия с представителями власти, ведь властная структура сама претерпевала тогда мощные трансформации. Как отмечает Н. Уитьер, сосуществование следующих одна за другой когорт вовлечения, имеющих разное восприятие реальности, — достаточно частое явление в социальных движениях. Их коагуляция, иногда сопровождающаяся

борьбой, создает новую коллективную идентичность¹. Мы выделили две группы, вступившие в движение, поскольку считаем, что их внутренние характеристики и различия особым образом обусловили саму историю неформального движения.

В анализе траекторий первой когорты мы взяли за точку отсчета центральное ядро, сформированное поколением рожденных с 1948 по 1964 год, и рассмотрели его позицию в качестве политического, биологического и демографического поколения. Первые неформалы приходят на смену двум мощным политическим поколениям, которые оказали на них сильное интеллектуальное влияние: людям хрущевской оттепели, или шестидесятникам, и диссидентам. Пионеры неформальных клубов осознают свою преемственность по отношению к двум этим поколениям: некоторые из них в свое время посещали протестные мероприятия и места, созданные их предшественниками, и в неформальном движении обнаруживаются следы этой социализации. Но судя по всему, у них еще до Перестройки появилось смутное ощущение своей инаковости, и они попытались установить с властью иной тип отношений, нежели их предшественники. В своих семьях неформалы центрального ядра движения являются третьим биологическим поколением со времени революции. Их бабушки-дедушки и родители прошли через периоды интенсивной социальной мобильности, восходящей или нисходящей: первые — в 1920—1930-х годах, вторые — в 1950-х. Большинство этих неформалов происходят из привилегированных социальных групп, получили образование в престижных вузах и, как правило, успешно начали профессиональную карьеру. Так что они в совершенстве владели правилами социальной интеграции. Однако многие из них уже в лоне семьи были приучены к критическому взгляду на официальный дискурс, и это предрасположило их к поиску сред политического инакомыслия. Амбивалентность такой первичной социализации зачастую связана с одновременным сосуществованием в семейной истории восходящей, благодаря советскому режиму, мобильности — и падений, связанных со сталинскими репрессиями. И наконец, в качестве демографического

¹ Whittier 1997. Анализ быстрого и радикального изменения политической конъюнктуры в момент прихода второй когорты и трансформации идентичности, которые испытывает неформальное движение, составляет предмет третьей части нашей книги.

поколения центральное ядро первой когорты испытывает особые напряжения. Принадлежа к многолюдным поколениям послевоенного периода, его члены испытывали серьезную конкуренцию в рамках образовательной системы и на рынке труда; в этой связи им было сложно поддерживать относительно высокую социальную позицию, унаследованную от родителей.

Члены второй когорты, даже те, кто принадлежат к тому же демографическому поколению, что и первые неформалы, в их политическое поколение не входят, хотя при этом обнаруживают примерно те же самые социальные характеристики. Однако они не имели опыта посещения мест политического инакомыслия; удаленность от таких сред поддерживалась их образовательными и профессиональными траекториями. Они не читали самиздат и не вступали в конфликт с властью, пусть даже неявный. Напротив, они в большей степени были интегрированы в официальный политический аппарат. И только на продвинутой стадии Перестройки (конец 1988 — 1989) члены второй когорты начинают воспринимать себя как оппозиционеров и вступают в неформальное движение. Как мы увидим, с момента своего прибытия эти новообращенные в оппозицию акторы способствуют радикализации движения, форм его организации, его публичных выступлений и заключаемых им сговоров. Если в 1987—1988 годах родоначальники неформального движения отказываются открыто определять себя как оппозиционеров и стараются найти точки соприкосновения и возможности сотрудничества с партийными реформаторами (демонстративно порывая тем самым с диссидентством), то прибывшая вторая волна приведет неформальное движение к открытой оппозиции режиму.

1. Политическая социализация первых неформалов

С самого своего появления в 1986 году неформальные клубы вызывают живой интерес в академической среде¹. Некоторые авторы усматривают в нем молодежное протестное движение, вызванное кризисом

¹ См., например: Яницкий 1986.

прежних моделей социализации, наподобие тех, что имели место на Западе в 1960-е годы; другие видят в этих клубах типично советский феномен, порожденный административной и бюрократической системой, вытеснявшей за свои пределы все, что было ей чуждо. Эти объяснительные принципы (исходят ли они из того, что советское общество — это «нормальное общество», которое просто отстаёт, постулируют ли они, напротив, его «специфичность») совпадают в том, что оба указывают на процесс «социальной маргинализации», из которого якобы берет начало неформальное движение, и склонны располагать неформалов на периферии системы. Вплоть до 1988—1989 годов термин «маргинал» имел скорее позитивную коннотацию: он характеризовал всех, кто отказывался подчиняться правилам режима, противостоя «выдвиженцам системы». Неформальное движение, таким образом, было концептуализировано в рамках бинарных оппозиций между «официальной» и «неофициальной» сферами, между «выдвиженцами системы» и «маргиналами», между «верхами» и «низами».

А между тем, принимая такие линии раздела и классификации, мы рискуем пройти мимо самого главного. С одной стороны, ничто не позволяет сделать выводы о какой-либо социальной однородности тысяч участников неформальных клубов, и представляется более чем сомнительным характеризовать их всех как маргиналов. С другой стороны, те, кто постулируют дихотомию — официальная сфера и сфера, обреченная на нелегальность, — неизбежно игнорируют существование более свободных зон, открытых влиянию диссидентства, внутри официальной сферы. Ведь известно, что уже с конца 1950-х годов внутри самой системы развивались очаги критической мысли и что некоторые интеллектуалы публиковались как в официальных, так и в диссидентских журналах. Именно этой промежуточной средой уже до Перестройки были выпестованы многие основатели неформальных политических клубов.

Возможно, разумнее было бы объяснить появление политических клубов в начале Перестройки сочетанием трех феноменов, пронизанных разными темпоральностями. Во-первых, это, начиная с 1960-х годов, рост очагов инакомыслия, которые станут питательной почвой для первых неформальных клубов; во-вторых, это способы политической социализации особого поколения: в период Перестройки ему около

тридцати лет и оно воспитано в этих очагах альтернативной политической мысли; и в-третьих, это поощрение со стороны власти: в связи с внутренней борьбой в КПСС, начавшейся после прихода М. Горбачева на пост Генерального секретаря, она позволяет развиваться новым формам мобилизации, которые по-своему используют представители этого нового политического поколения.

Очаги критической мысли, способствовавшие зарождению неформальных клубов, обнаруживаются прежде всего в академической и диссидентской средах. Под влиянием всплеска оптимистических настроений после XX съезда партии в 1956 году шестидесятники отстаивали идею социализма с человеческим лицом и жаждали реформировать советскую систему изнутри. В 1970-х политическая элита держала их на удалении, однако они сумели сохранить свой социальный статус и развивать заповедники альтернативной мысли в рамках некоторых институций, в частности в академической среде. Что касается диссидентов, и прежде всего правозащитников, то они появились на политической сцене после смещения Хрущева в 1964 году. Порывая с шестидесятниками, они отказались «играть в игры режима и служить ему», предпочитая социальную маргинализацию любым формам компромисса¹.

Две эти модели политического действия и отношения к власти служили ориентирами для тех, кто образовали первые неформальные клубы. Рожденные после войны, на пятнадцать-двадцать лет моложе правозащитников и на двадцать пять — тридцать лет моложе шестидесятников, они принадлежат к той категории интеллектуалов, которые, занимая критическую позицию в отношении режима, стараются при этом социально интегрироваться. Тем не менее по сравнению с шестидесятниками их социальная интеграция гораздо менее совершенна, и они выработали более дистанцированное отношение к власти, хотя и отказывались следовать диссидентской логике маргинализации. Обретаясь в промежуточных средах между официальной и неофициальной сферами, границы между которыми стали размываться, инициаторы неформальных клубов интегрировали эту взаимопроникаемость в свои собственные траектории.

¹ Berelowitch, Wiewiorka 1996: 343.

Кратко характеризуя положение первых (по крайней мере московских) неформальных политических активистов в социальном пространстве, можно отметить, что они обладали относительно высоким происхождением и большинство из них делали свои интеллектуальные карьеры в науке и преподавании. Чтобы лучше понять их поколенческую ситуацию и обстоятельства политической социализации, нам представляется необходимым сделать экскурс в историю двух сред — академической и диссидентской, — где они завязывают знакомства, которые служат для них ориентирами. Анализ индивидуальных траекторий первых неформалов позволит нам проследить их перемещения между этими разными средами и местами, коррелируя их с семейным бэкграундом (социальной и политической позицией) и первыми политическими опытами в студенческой среде. Через эти перемещения и формируется их зачастую амбивалентное отношение к власти, которое они затем принесут в неформальное движение.

Два пространства протестной инициации

Реформистская академическая среда и диссидентство поддерживали совершенно разные отношения с советским режимом. После смерти Сталина в 1953 году между частью академической элиты и хрущевской властью наладилась взаимная поддержка. Эти отношения ослабли после смещения Хрущева и с приходом к власти в партии консервативного течения. Реформистские институты превратились тогда в очаги инакомыслия внутри системы и отвоевали некоторую автономию по отношению к политической власти. Что касается диссидентства, оно стало внесистемным оппозиционным движением и набирало обороты до тех пор, пока в начале 1980-х годов власть не совершила против него опустошительный крестовый поход. Правда, в самом диссидентском движении идея прямого противостояния системе перестала быть популярной еще до этого, и новые группы уже стремились к официальному признанию. С конца 1970-х и до начала 1980-х линии раздела между властью и оппозицией начинают терять свою четкость, и именно тогда будущие неформалы вступают в контакт с академической и диссидентской средами.

Реформаторская академическая среда

Академическое поле претерпевает глубокие трансформации после смерти Сталина. Реформаторы получают в нем доступ к властным позициям и занимают новые стратегические территории благодаря поддержке со стороны хрущевского аппарата. В 1956—1964 годах создаются новые институты, и Академия наук разрастается на восток страны; реформистское крыло научного поля инвестируется в эти новые пространства. С приходом Брежнева в 1964 году прежде тесные связи между политической властью и прогрессистскими институтами ослабевают. Но круги неортодоксально мыслящих интеллектуалов сохраняют силу в науке и пытаются расширить свое влияние на другие сферы общества (в частности, на промышленность и государственный аппарат).

Для оценки и переопределения позиции СССР на международной арене ученые широко востребованы хрущевским правительством, которое в 1956—1964 годах поощряет создание новых институтов. Если говорить прежде всего о социальных науках, то институты создаются в соответствии с двумя логиками: они либо специализируются на изучении отдельных экономических и геополитических зон (социалистические страны, капиталистические страны и третий мир), либо воплощают новые теоретические и методологические подходы.

В апреле 1956 года появляется Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) — для изучения экономических и политических систем капиталистических стран, их отношений с бывшими колониями и социалистическим блоком. В политическом поле это маркирует поражение сталинистского течения, ратующего за ужесточение отношений с Западом¹. Кроме того, это событие наносит удар и по консерваторам в Академии наук, поскольку создание ИМЭМО официально обосновывается «неспособностью» Института экономики (созданного при Сталине в 1930 году) производить «серьезную научную работу» по вопросам международной экономики и экономическому и политическому развитию капиталистических стран². Два года спустя

¹ Ibois-Hervé 1997.

² Президиум Академии наук СССР, Постановление № 155 «Об организации Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР», Москва 13.4.1956.

Институт экономики лишили еще одного сектора эмпирических исследований: экономика социалистических стран была передана новому Институту экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС), который приступил к изучению реформ в Венгрии и Югославии и стал важным центром реформистской мысли. В качестве сопровождения экономических реформ 1957 года, направленных на рассредоточение центров принятия экономических решений¹, реформаторы из партии стараются децентрализовать науку, развивать восточную часть страны и сближать образование, науку и НИОКР² (в этом состоит одна из целей реформы образования в 1958 году). Для этого в 1957 году под Новосибирском создается Академгородок, который становится резиденцией Сибирского отделения Академии наук. При Хрущеве и Брежневе оно будет главной цитаделью реформаторов в экономике и социологии. Позиция Новосибирска на удалении от центра позволяет обходить некоторые идеологические ограничения, навязываемые московским институтам, но по той же причине исследователи оказываются оторваны от центров принятия решений в науке и политике.

На волне появления новых дисциплин и методов, таких как математическая экономика и социология, создаются и другие институты. Быстрыми темпами институционализируется эконометрика. За каких-то восемь лет, с 1958 по 1966 год, лидеры этой школы занимают ведущие посты в двух экономических институтах и устанавливают тесные связи с социологией, которая тогда тоже находилась в стадии институционализации. Первоначальный импульс задан знаменитым статистиком, членом Академии наук В.С. Немчиновым³, который стремится противостоять господству консерваторов и облюбванного ими сектора политической экономии⁴. В 1963 году правительство, желая ускорить введение методов информатики в экономику, разрешает создать в Москве Центральный

¹ Тогда вместо центральных отраслевых министерств было создано сто пять региональных советов народного хозяйства (совнархозов).

² Научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы.

³ Василий Немчинов начал свою карьеру в 1920-х годах в Центральном статистическом управлении (ЦСУ). В 1932-м он был оттуда уволен — за «плохие» данные об урожае 1931 года (см.: Blum, Mespoulet 2003: 110—113).

⁴ Водичев, Куперштох 2002.

экономико-математический институт (ЦЭМИ)¹. Представители эконометрики установят также контроль над Институтом экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) в Новосибирске, работавшим под руководством А. Аганбегяна. Эта быстрая институционализация стала знаком официального признания определенного метода (введения математики и информатики в управление и планирование народного хозяйства) и определенной идеологической ориентации («рыночного социализма»). Исследователи из ЦЭМИ развивают теорию под названием «система оптимального функционирования экономики» (СОФЭ), призванную ввести некоторые рыночные механизмы в теорию и практику социалистической экономики. Исследуя процессы инфляции в СССР, они приходят к выводу о необходимости децентрализации экономики, предоставления большей автономии предприятиям (благодаря возможности их прямого доступа к ресурсам через оптовый рынок), определения цен не через затраты, а через стоимость, и их свободной флуктуации. В 1965 году работы основателей эконометрики награждены наивысшими знаками отличия, присуждаемыми правительством (в том числе Ленинской премией).

Институционализация социологии продвигается гораздо медленнее. Ее первое оформление происходит в 1958 году, но речь идет не о лаборатории и уж тем более не об институте, а всего лишь об «ассоциации» — Советской социологической ассоциации (ССА). Первая лаборатория, занимающаяся исследованиями труда и повседневной жизни, создана в 1961 году в московском Институте философии². Вплоть до 1968 года, когда появляется первый институт социологии (Институт конкретных социологических исследований, ИКСИ), эта дисциплина остается под каблуком у философии, хранильницы марксистской догмы. Чтобы выйти из-под власти марксистско-ленинской идеологии, социология, как и некоторые исторические школы, отдает предпочтение эмпирическим исследованиям. На ниве исторической науки школа так называемой «новой ориентации» и ее лидер Михаил Гефтер призывают к развитию исследований по модели «Восемнадцатого брумера Луи Бонапарта», выступают против «исторического материализма,

¹ Как создавался ЦЭМИ [<http://www.cemi.rssi.ru/about/how>]; Sutela 1991.

² Berelowitch 1993в.

который отказывается поверять теорию социальной реальностью»¹. С социологией же было сложнее. Если первые исследования труда поощрялись властью, то работы в других областях принимались настороженно. Однако в 1960-е годы им по крайней мере никто не пытался препятствовать. В институциональном плане социологи стремились найти защиту под крылом у экономистов, в частности в эконометрике. В 1961 году новосибирский ИЭОПП принимает в свое лоно Центр исследований по проблемам молодежи, а в 1966-м — Отдел социологии труда под руководством Татьяны Заславской.

Институты, созданные в 1960-е годы, расширяют сферу своего влияния за пределы научной сферы — в вузы, в государственный и партийный аппарат. Постсталинская власть не тормозит эту экспансию, а даже, наоборот, ее поощряет. Ища поддержки у академического истеблишмента, она, возможно, вынашивала план наделить этот сегмент советской элиты полномочиями по принятию решений «наравне с партаппаратом, административной бюрократией и ВПК»².

Некоторым из этих новых институтов разрешено создавать кафедры в самых элитных вузах, например в МГУ, на этом стратегическом плацдарме для интеграции во властные структуры, или в Новосибирском государственном университете, призванном стать кузницей кадров для Сибирского отделения Академии наук. Иметь кафедры в таких учреждениях означало обладать мощным подкреплением собственной легитимности в академическом поле, особенно на случай изменения политического курса.

Хрущевская власть жаждет заручиться поддержкой со стороны новых институтов. С самого своего создания ИМЭМО и ИКСИ должны вырабатывать рекомендации для правительства. ЦЭМИ расширяет свою сферу влияния в органах, связанных с планированием. В 1966 году отдельные его научные сотрудники вступают в Государственный комитет по материально-техническому снабжению (Госснаб), получая доступ к операционному центру системы планирования, в задачи которого входит снабжение предприятий всем необходимым для выполнения плана. Их

¹ Кагарлицкий 1993: 245. О работах исторической школы М. Гефтера см. также: Markwick 1994.

² Водичев, Куперштох 2002.

цель — реформировать это учреждение. По мнению отцов-основателей эконометрики, оно составляет «основное препятствие экономическому развитию», поскольку фиксирует цены «совершенно произвольно» и подталкивает к растратам капитала, который достается предприятиям даром¹. В 1970-х годах представители эконометрики внедряются также в Государственный комитет по науке и технике (ГКНТ), ведающий планированием в науке и помощью в принятии решений в сфере промышленного развития. Наконец, исследователи из реформистских институтов в индивидуальном порядке привлекаются в качестве советников Центральным комитетом партии (ЦК КПСС). Эта позиция открывает им доступ к ответственным постам в университетской и академической иерархии (в руководстве институтов). Ю. Андропов, заведующий сектором социалистических стран в Отделе международных отношений ЦК с 1957 по 1967 год, набирает своих консультантов в Академии наук. «Внутри того бастиона догматизма, каковым являлась Старая Площадь (штаб-квартира ЦК), — отмечает М. Левин, — отдел Андропова был “свободным миром”»². Андропов занимал тогда высокую позицию в иерархии (он — секретарь ЦК с 1962 года). Это означает, что его советники были достаточно надежно «застрахованы». Среди них фигурируют Г. Арбатов и О. Богомолов; первый в 1967 году станет директором Института США и Канады (образовавшегося на базе подразделения ИМЭМО), а второй — в 1969-м директором ИЭМСС.

При Брежневе связи между реформистскими институтами и политической властью ослабевают. Изменение политического курса становится ощутимым с 1968 года: теория «оптимального функционирования экономики» ЦЭМИ не попала ни в одну публикацию с 1968 по 1974 год; исторической школе Гейфера перекрыли кислород в 1969-м; в 1972 году ИКСИ и Советская социологическая ассоциация переходят под контроль консерваторов³. Исследователи реформистского течения продолжают тем не менее свои критические размышления, но теперь им приходится использовать обходные маневры: они изучают проблемы советского общества, «опираясь на материалы, заимствованные из

¹ Lewin 2003: 315. О Госнабс см.: Ibid: 447—451.

² Ibid: 320.

³ Berelowitch 1993в: 16; Пугачева 1994: 167—168.

других стран и эпох»¹. Так, при анализе господства советского бюрократического аппарата часто прибегают к концепту «азиатский способ производства», применявшемуся к странам третьего мира².

Институты, созданные в 1960-х годах, в силу своей методологической и эмпирической ориентации добились некоторой интеллектуальной близости с Западом, что считалось среди интеллектуалов определенной фракции знаком престижа и даже отличия «настоящей» науки от идеологии. Институты, прежде всего экономические, оставшиеся в руках реформаторов, становятся прибежищем для вставших в немилость исследователей из других дисциплин. Некоторые проводят там «полуофициальные» и «полуподпольные» семинары на периферии официальных исследовательских программ. Реформистские институты стремятся сохранить и даже расширить влияние и вне Академии наук. Несмотря на многочисленные нападки, они удерживают кафедры в университетах. Представители эконометрики компенсируют слабость своей политической позиции усилением влияния в промышленной сфере. Это проникновение происходит в том числе посредством журнала «Эко», публикуемого с 1970 года Новосибирским отделением АН под руководством А. Аганбегяна (Т. Заславская входит в редакцию журнала); в его работе участвуют экономисты ЦЭМИ, социологи и философы. Журнал выходит тиражом 163 000 экземпляров и широко распространяется среди руководителей предприятий и управленцев экономических министерств³.

Расширяя сети взаимодействий в своем собственном поле и устанавливая связи с другими секторами, реформистские институты сформировали то, что Марк Ферро называет «зонами микроавтономии»⁴. После периода 1920-х годов, когда государственные и общественные институты были изнутри подорваны большевиками и лишены своей социальной роли (по примеру профсоюзов, у которых отобрали функцию защиты работников на предприятиях), какие-то из них сумели, отчасти еще в 1930-е годы, а в основном при Хрущеве и Брежнев, присвоить себе новые области компетенции. Они вступали во внутри-

¹ Кагарлицкий 1993: 90.

² Там же: 249.

³ Mandrillon 1985.

⁴ Ferro 1985.

и межинституциональные взаимодействия, внедрялись в органы власти и защищали свои позиции. Когда политическая власть ослабила свои связи с академическими институтами, созданными в 1960-е годы, она тем самым невольно подтолкнула их к тому, чтобы расширять влияние за пределы своего сектора и приобретать определенную автономию. Свои стратегии адаптации к ситуации (выбор методов и объектов исследования, близость к Западу, связи с экономическими акторами) они превратили в почетный знак отличия от более близких власти институтов, завоевывая престиж в рамках академического поля. Более того, пользуясь внешним (со стороны Запада или со стороны промышленного сектора) признанием, они постепенно смогли делегитимировать институты, «обслуживающие партию».

Диссидентское движение на стадии кризиса

Некоторые неформалы первой когорты завязывают отношения с диссидентскими группами в 1970-е годы, когда инакомыслие переживает острый кризис в связи с ужесточившимися преследованиями со стороны властей и внутренними спорами по вопросу о лидерстве среди правозащитников.

Сразу после вторжения в Чехословакию концепция демократического социализма, продвигаемая шестидесятниками, желавшими демократизировать партию и реформировать власть изнутри, теряет всякую поддержку в протестных интеллектуальных кругах. Вследствие этого отступления несоциалистическое течение правозащитников быстро занимает все пространство инакомыслия, и отныне между правозащитниками и диссидентами практически ставится знак равенства. Однако оппозиционное движение очень разнородно: в него входят и движения национального освобождения в советских республиках, и этнические и религиозные группы, и коллективы по защите экономических и социальных прав. Ядро правозащитных лидеров удерживает доминирующую позицию благодаря сильной внутренней сплоченности и относительной закрытости по отношению к новичкам. Оно навязывает всему диссидентскому движению «юридическое» видение политической игры, в которой противостоят два лагеря — общество, представленное диссидентами, и власть. Все это разворачивается под внешним взглядом Запа-

да, который выступает гарантом норм международного права. В период с 1976 по 1982 год, как объясняет Людмила Алексеева, правозащитники стремились «навязать власти диалог с обществом при посредничестве правительств стран свободного мира»¹.

В конце 1970-х верховенство правозащитников и их концепция политической игры становятся шаткими. С 1979 по 1981 год власть нейтрализует их ядро, арестовав пятьсот самых известных диссидентов. Эти аресты привели к глубокой трансформации всего движения: те, кто еще вчера были в тени вождей, занимают теперь ведущее положение; появляются новые организации, стремящиеся порвать с прежним видением политической игры, свойственным диссидентам. Некоторые ратуют за сближение с властью, будучи убеждены, что неофициальная и официальная сферы неразрывно связаны друг с другом. Новый журнал «Поиски» заявляет, что готов к диалогу. Некоторые организации обращаются к конкретным сферам деятельности (в частности к трудовому праву), вместо того чтобы заниматься абстрактной защитой прав человека, и стремятся к официальному или хотя бы негласному признанию. Левые снова заявляют о себе в диссидентской среде (одной из первых в этом течении появилась московская группа «Молодые социалисты»). Как мы увидим далее, именно в такого рода новые организации вступают будущие неформалы. Тем не менее власть предпочитает не замечать эти ростки изменений и, приписывая оппозиции мощный мобилизационный потенциал², без разбору преследует как «традиционных» диссидентов, так и тех, кто им противостоит внутри диссидентства. В 1983—1984 годах движение фактически было уничтожено.

Академия наук и диссидентское движение стали теми пространствами, где будущие неформалы смогли наблюдать взаимодействия с властью в разных формах. Эти способы мышления и действия, к которым акторы (как неформалы, так и их покровители из Академии наук и партийного аппарата) оказались приобщены, станут неявным ориентиром в политической игре между неформальными клубами, партией и Академией наук в момент Перестройки.

¹ Алексеева 1984.

² По оценкам КГБ, у диссидентского движения было 8,5 млн потенциальных сторонников (Lewin 2003: 410).

Социальные механизмы изобретения двусмысленной практики

Многие неформалы первой когорты довольно рано и серьезно вовлеклись в политическую деятельность вне официальных структур. Такое дистанцирование от «системы» тем не менее не помешало им задействовать все доступные ресурсы, чтобы поступить в лучшие вузы и получить наиболее выгодное распределение. Под воздействием противоречивых установок (социальная интеграция, с одной стороны, дистанцирование от режима — с другой) они избрали двойственный путь:

Жить и процветать в Системе казалось постыдным, сшибаться в лоб — безнадежным и бессмысленным, отъезжать — банальным и не совсем приличным. Приличным выбором казалось жить слегка на отшибе, во «включенно-выключенном» состоянии, отчасти во внутренней эмиграции, отчасти в не до конца переваренных Системой сферах деятельности. Но соблазн социального успеха и страх аутсайдерства были, если честно, равноправными элементами той жизни. Ежедневно приходилось идти на компромиссы, о которых не принято было рассказывать друзьям. Этой ситуации — при нашей жизни — не было видно конца¹.

Склонность, которую питали эти акторы к местам параллельной политической социализации, объясняется тремя факторами: во-первых, самой их восходящей социальной траекторией; во-вторых, особой динамикой вузовской среды 1970-х годов, где параллельная политическая активность становилась все более распространенной практикой; и наконец, принадлежностью к очень политизированным семьям, которые способствовали их раннему вовлечению в политику вне официальных сфер. Индивиды, проявлявшие активность в средах инакомыслия во время учебы и по ее окончании, с большей вероятностью попадали в неформальные перестроечные клубы. В нашей работе мы стремимся понять, каким образом эти будущие неформалы включали данные места политической социализации в свои университетские, а затем профессиональные траектории и как они конструировали с их помощью свое собственное отношение к власти.

¹ Фадин 1995.

*Семейное наследие,
способность выбирать позицию и идти на риск*

Студенческие годы — тот отрезок биографии, на котором особенно хорошо просматриваются как семейное происхождение акторов, так и профессиональные перспективы, которые им открываются (*поле биографических возможностей*). Именно тогда задействуется и переопределяется семейное наследие, и тогда же большинство неформалов первой когорты усваивают «девиантные» политические практики. В вузовскую среду все больше проникают политические явления, выходящие из-под контроля официальных организаций (в ней возникают диссидентские круги и все более многочисленные студенческие группы, независимые от комсомола).

Университетскую карьеру, то есть последовательные «занятия позиций и перемещения», следует рассматривать в историческом контексте, поскольку социальное пространство, в котором разворачиваются биографические траектории, «само, в свою очередь, находится в постоянном становлении и трансформации»¹. В период с 1965 по 1980 год, когда поколение, рожденное в 1948—1964 годах (центральное ядро первой когорты), начинает учебу в вузах, функции и очертания института высшего образования претерпевают глубокие изменения. Речь идет уже не о всеобщей социальной мобильности, а скорее об удержании позиций, достигнутых родителями после Второй мировой войны: вузовский диплом призван легитимировать вхождение семьи в ряды интеллигенции, начавшееся одним или двумя поколениями раньше. Но это социальное воспроизводство происходит в ситуации острой конкуренции, поскольку неформалы первой когорты принадлежат к многолюдным послевоенным поколениям.

Чтобы лучше понять стратегии по отношению к высшему образованию, мы разделили все траектории по трем типам достижения позиций, к которым акторы стремятся: достижение позиции через выбор вуза, особенно точно характеризующее семейную позицию в социальном пространстве; выбор той или иной профильной специализации, который демонстрирует склонность будущих неформалов к дисциплинам, име-

¹ Bourdieu 1986.

ющим отношение к политике, но не ведущим к партийной карьере; и наконец, вхождение в политическую активность вне официальных рамок.

Престижные вузы

Анализируя семейные траектории первых неформалов, мы обнаруживаем, что у многих из них отцы пошли на повышение сразу после войны¹, в тот период, когда бывшие фронтовики из низших социальных слоев (крестьян, ремесленников, рабочих) стали получать высшее образование и массово рекрутировались в армию и военную промышленность². Но и другие социальные категории также воспользовались открывшимися возможностями социальной мобильности. Дети инженеров, техников и военных получили образование более высокого уровня, чем их родители. Статус «фронтовика» также позволил детям деклассированных элементов 1930-х годов (чьи родители стали жертвами чисток или происходили из таких социальных категорий, как священники, дворянство, «враги народа») начать с чистого листа и избавиться от стигматов деклассированности: некоторые из них во время войны вступили в партию, затем пошли на службу в армию или в промышленность, где в связи с нехваткой рабочей силы³ строгость отбора кадров смягчилась. Эти выдвиженцы получили доступ к высоким постам в профессиональных сферах, хотя при этом своей позицией в иерархии они не всегда были обязаны обладанию престижным дипломом. И поскольку сами они получили диплом, не гарантировавший доступ к более высокой социальной позиции, вузовские стратегии их детей состоят в удержании достигнутой социальной позиции за счет обретения *более* престижного диплома.

¹ Это наблюдается в случае отцов двадцати из двадцати шести семей неформалов, рожденных с 1948 по 1964 год, чьи профессиональные траектории известны нам на протяжении трех поколений. Что касается девяти остальных опрошенных членов первой когорты, мы не располагаем достаточно точными данными о профессии их бабушек и дедушек.

² С 1938 по 1948 год постоянный состав армии увеличился почти вдвое, с 1,5 до 2,87 млн человек (Sapir 1988: 236, 243), и наблюдался непрерывный рост военно-промышленных отраслей.

³ Война добавила 26—27 млн человек к обычной смертности; 4,4 млн были узниками лагерей с 1940 по 1953 год плюс 2,7 млн депортированных в 1953 году (Blum 1994: 114—115 и 123—125).

Однако этой цели достигнуть было сложно, так как те, кто составит поколенческое ядро неформального движения, поступали в вузы начиная с середины 1960-х годов, то есть в период обострившейся конкуренции между доминирующими группами за доступ к учебным заведениям, которые находились на вершине образовательной иерархии. Взросление многолюдных послевоенных поколений и всеобщее распространение среднего образования с середины 1950-х годов приводят к увеличению приема в вузы¹, однако при этом шансы на поступление уменьшаются. С 1965 по 1975 год доля поступивших в вузы выпускников средних школ падает с 41,4% до 15,8%, тогда как доля выпускников, начинающих работать сразу после школы, возрастает с 16,2% до 55,3%. Таким образом, в 1975 году выпускников средних школ оказывается в шесть раз больше, чем мест в вузах².

Неформалы первой когорты (поколение 1948—1964), получившие образование в престижных вузах — а таковых более половины (19 из 36), — происходят в основном из трех профессиональных сред: армии, партийного аппарата и интеллектуальных профессий (наука, высшее образование, журналистика). Выпускники немного менее престижных вузов Москвы и Ленинграда (12 человек из 36) или второстепенных институтов (4 человека) происходят в основном из семей инженеров и военных. Эти вполне ожидаемые результаты подтверждают воспроизведение социальной иерархии, сложившейся в послевоенное время.

Учитывая конкуренцию, вызванную демографической ситуацией, позиция главы семьи уже не является единственным фактором, определяющим карьеру детей. Выгода от наличия отца-военного, даже когда он старший офицер, работающий в Москве или Ленинграде (зачастую уже на закате карьеры), в полной мере действует лишь для старших или для единственных в семье детей. На младших детей отцовских ресурсов уже не хватает, и им, как правило, приходится довольствоваться вузами второго эшелона. Среди восьми детей военных из нашей выборки лишь

¹ Количество поступающих в вузы в РСФСР в 1960 году составляло менее 400 000 человек, с середины 1970-х оно увеличилось до 600 000 человек и продолжало расти в течение 1980-х годов. Таким образом, за одно двадцатилетие численность студентов удваивается: с 1,5 до 3 млн (Гохберг, Миндсли 1999: 67).

² Berton-Hogge 1984: 10.

половина учились в лучших заведениях страны. Это распределение можно проиллюстрировать примером братьев Чубайсов. Их отец пошел на повышение во время войны. Он был полковником Политуправления армии и штатным сотрудником кафедры философии Высшего военного института в Ленинграде, когда его старший сын Игорь (род. в 1947 году) поступил на философский факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ), одного из лучших вузов страны. Младший сын, Анатолий¹ (род. в 1955 году), поступил в Ленинградский инженерно-экономический институт им. Пальмиро Тольятти (ЛИЭИ) — второе-степенное учебное заведение, которое считалось прибежищем для тех, кто не смог поступить в ЛГУ.

В некоторых случаях наследие по материнской линии играет столь же важную роль, что и позиция отца. Часто встречаются такие сочетания: по отцовской линии имело место недавнее повышение и занятие властных должностей, тогда как по материнской линии социальное восхождение произошло раньше и имелся более высокий культурный капитал. У 15 неформалов из поколенческого ядра (из 26 семей, траектории которых нам известны начиная с революции) наблюдается «раскоординация» среди родителей². Если по материнской линии восхождение началось в 1920-х годах, велика вероятность того, что семья стала жертвой чисток и пережила нисходящую фазу. Отвоевание социальной позиции произошло в следующем поколении благодаря «матримониальной стратегии», то есть через вступление в брак с выходцем из незапятнанной семьи, находящейся в фазе социального восхождения. Вклад по материнской линии выражался в повышенном культурном капитале по сравнению с отцовской линией. Поступление ребенка в элитное учебное заведение объективирует сочетание высокой социальной позиции и обладания культурным наследием. Андрей Фадин (род. в 1953 году) — старший сын в семье. Его отец — с 1956 года чиновник в Центральном комитете КПСС; происходит из семьи крестьян, бежавших с Украины

¹ Будущий вице-премьер Российской Федерации при Б. Ельцине.

² Бурдьё (1979: 125) выявляет феномен «супругов, расходящихся не только по своему происхождению и социальной траектории, но и по своему профессиональному статусу и уровню образования», в новых фракциях среднего класса, то есть в «местах неопределенности» во Франции 1970-х годов.

во время большого голода 1933 года и обосновавшихся в Москве. Во время войны изучает немецкий и шведский языки в Военном институте иностранных языков. После демобилизации в 1947 году отец Фадины продолжает лингвистическое образование в гражданском институте и в 1956-м поступает на работу в международный отдел ЦК, отвечая там за связи с норвежской компартией. В то время в ЦК насчитывалась всего тысяча работников высшего звена¹. По материнской линии восхождение начинается после революции. В 1905 году материнские предки Фадины покинули «черту оседлости» на западной окраине Российской империи, в которой предписывалось селиться евреям², и переехали в Харбин, русскую концессию в Китае — место обитания крупной еврейской диаспоры. Дедушка Фадины выучился там китайскому языку. Будучи активистом-социалистом, он покидает Харбин, оккупированный белыми во время Гражданской войны, и переезжает жить в Читу, где участвует в установлении Дальневосточной республики³ и работает в ее Министерстве иностранных дел; затем его посылают в Москву преподавать китайским иммигрантам и коммунистам в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Благодаря своему знанию Китая, он занимает разные должности в исследовательских институтах. В конце 1920-х годов становится личным переводчиком Блюхера⁴ в Китае, а затем работает там в советском консульстве. По возвращении в Москву он находит место специалиста по Китаю в Институте картографии НКВД. В 1938 году его арестовывают и расстреливают по обвинению в шпионаже в пользу Японии, Польши и Германии. Его дочь обучается немецкому языку в пединституте (где и знакомится со своим будущим мужем) и становится учителем в средней школе. Социальное восхождение по материнской

¹ Lewin 2003: 287.

² «Черта оседлости» была определена в конце XVIII века, сразу после завоевания Россией Польши, Белоруссии и Литвы, и отменена в марте 1917 года постановлением Временного правительства.

³ Эта республика была основана в 1920 году и присоединена к РСФСР в 1922-м.

⁴ Блюхер был главнокомандующим Народно-революционной армии Дальневосточной республики в 1921—1922 годах; затем, с 1924 по 1927 год, — главным военным советником Сунь Ятсена, когда тот возглавлял Революционное правительство Кантона. В 1938 году, в ходе чисток, затронувших высшее командование армии, Блюхер погиб от побоев во время следствия.

линии произошло благодаря политическому активизму и знанию языка, связанного со стратегически важной территорией. После чисток семейный капитал мог быть передан потомкам лишь в атрофированной форме знания иностранного языка (к тому же другого, нежели тот, что послужил восхождению дедушки). Однако потомкам передается одновременно и память о дедушке, бывшем важной фигурой и павшем жертвой чисток, и модель социальной мобильности, в которой карьера в политических учреждениях сочетается со знанием языка, связанного с территориями планируемой экспансии (реальной или символической). Такая модель социальной мобильности будет перенята отцом А. Фадиным и самим А. Фадиным. Его отец обязан своей должностью в ЦК знанию скандинавских языков в момент, когда СССР стремится расширить свое влияние на европейские страны несоциалистического блока через связи с их компартиями. В 1971 году А. Фадин поступает на исторический факультет МГУ и параллельно изучает испанский. Его берут в ИМЭМО на должность специалиста по Латинской Америке в эпоху, когда СССР расширяет свою зону влияния на страны третьего мира.

Дети инженеров (среди родителей наших респондентов почти нет начальников предприятий) учатся скорее в среднепрестижных вузах (таковы семеро из восьми детей инженеров). Подобная «средняя» позиция включает в себя разнообразные ситуации: слабоинтенсивное восхождение в периоды сильной социальной мобильности, замедление восхождения, начавшееся еще при бабушке и дедушке (иногда оно сопровождается закреплением в провинциальном городе, тогда как до тех пор у семьи была высокая географическая мобильность). Объективно у этих детей инженеров меньше шансов поступить в очень престижные учебные заведения, чем у детей высокопоставленных военных и ученых. Будучи убеждены в недостаточности своего капитала, они самоустраиваются от попыток поступления в элитные вузы. У некоторых наблюдаются и другие мотивы, отвращающие их от попыток поступить, скажем, в МГУ. Двое наших неформалов объяснили, что отказались от мысли попасть в этот университет из-за царящего там антисемитизма. Однако дети из привилегированных слоев, поступившие в МГУ, не воспринимали еврейское происхождение как непреодолимое препятствие. Для тех, кто занимает среднюю и низкую социальную позицию, любая другая

характеристика, которую воспринимают как дискриминирующую, становится дополнительным фактором самоустранения, тогда как для детей из доминирующих групп она остается нейтральной. Решение отказаться от попыток поступить в вузы, которые им «не по зубам», оказывается тем более вероятным, что ошибка в оценке своих шансов на поступление может обернуться призывом в армию¹. Итак, многочисленные факторы склоняют детей инженеров к тому, чтобы довольствоваться вузами более низкого статуса, например педагогическими или техническими институтами, которые выпускают массы учителей средних школ и штампуют инженерные кадры.

Лишь 3 респондента (из 51) происходят из рабочих. Они начали социальное восхождение в 1970-х, поступив в МГУ после года обучения на «рабфаке». Таким образом, они возвращаются на путь продвижения, открывшийся для рабочих в 1920-е годы, затем закрытый при Сталине и снова открытый в 1958-м. Начиная с 1965 года, когда усиливается социальный отбор на пути к высшему образованию, абитуриенты из низших социальных слоев уже не пользуются прежними льготами при поступлении в самые престижные заведения, хотя для них остаются доступными подготовительные курсы рабфака и особая система вступительных экзаменов². Механизмы социальной мобильности ставятся на службу главным образом детям из привилегированных семей, тогда как дети рабочих должны «потом и кровью» зарабатывать свое поступление: кто-то сначала проходит службу в армии, другие по несколько лет работают на заводе.

Выбор специализации и профессиональные стратегии

Неформалы первой когорты проявили свою «способность выбирать позицию»³, отдавая предпочтение специализациям в социальных науках

¹ Студенты, поступившие в вузы, где есть военная кафедра, проходят военную подготовку в течение всего обучения, что освобождает их от двухлетней службы в армии. Эта привилегия тем более ценна, что в СССР существует традиция «дедовщины», отличающаяся крайней жестокостью (см. Sapir 1988: 270—271).

² Ревенко 1973: 42.

³ «Среди сведений, составляющих унаследованный культурный капитал, одним из самых ценных является практическое или книжное знание флуктуаций рынка дипломов, способность выбирать позицию, позволяющая добиться максимальной отдачи от унасле-

и литературе (это касается $\frac{3}{4}$ нашей выборки, см. таблицу 4) и нацеливаясь на исследовательскую карьеру в реформистских институтах, созданных в 1960-е годы (в тех случаях, когда они могли себе это позволить). Почти все они совершают профессиональную переориентацию, и лишь немногие остаются в той же сфере специализации, что и родители.

Таблица 4

Изучаемые дисциплины

	Когорта I	% от когорты I	Когорта II	% от когорты II
Социальные и гуманитарные науки, литература, искусство	37	72,5	15	41,7
в том числе: экономика	12	23,5	0	0
история, международные отношения	11	21,5	5	14
философия	5	9,8	4	11
Точные науки, техническая и военная специализация	12	23,5	21	58,3
Среднее (общее) образование	2	4	0	0
Итого	51	100	36	100

Неформалы первой когорты, рожденные в 1948—1964 годах, в том числе дети военных и инженеров, отказываются от технических специальностей. Ни один сын военного не идет по стопам отца. Из 8 детей инженеров 6 поступают на литературные и гуманитарные факультеты. В 1970-е годы карьера инженера теряет привлекательность: прежде было выпущено слишком много инженеров, и зачастую они работают в качестве техников¹. К тому же те из них, кто работают в военно-промышленном комплексе, скованы ограничениями, связанными с секретностью: запретом на контакты с иностранцами и отсутствием целостного представления о проекте, в котором они заняты².

дованного культурного капитала на образовательном рынке, а от образовательного капитала — на рынке труда, например благодаря способности вовремя переориентироваться с теряющих ценность специализаций или карьер на многообещающие специализации и карьеры» (Bourdieu 1979: 158).

¹ Ревенко 1973: 125.

² Sapir 1988: 292.

Выбор специализации происходит прежде всего в пользу экономики, истории (19 человек из 36, то есть половина поколенческого ядра) и в меньшей степени — в пользу философии и права, то есть дисциплин, имеющих *политическое* содержание; они (за исключением философии) позволяют избежать карьеры в идеологическом аппарате государства и партии и способны (особенно в случае экономики) дать доступ к интересным профессиональным позициям. Каждая политическая веха в истории СССР (военный коммунизм, нэп, коллективизация, оттепель) сопровождалась экономическими реформами, и всякий раз экономическая наука ставилась на службу государству. В 1960-е годы, как мы показали, это научное поле разделилось на два противоположных методологических, институциональных и идеологических полюса: «реформаторы» обосновались в поле математической экономики и *эмпирических* исследований экономических систем, заняв ведущие позиции в новых институтах, тогда как «консерваторы» удерживали влияние в теоретическом поле политэкономии и доминировали в Институте экономики. Поэтому неудивительно, что как только появляются кафедры математической экономики (или «кибернетики») и экономики социалистических стран, студенты охотно выбирают эти специализации, открывающие прямую дорогу в крупные реформистские исследовательские институты (ЦЭМИ, Новосибирский ИЭОПП, ИЭМСС). Из 5 неформалов, учившихся на кафедрах эконометрики, статистики и экономики социалистических стран, 4 поступили в один из этих институтов.

На втором месте среди специализаций, выбранных неформалами первой когорты, стоит история, дисциплина менее «идеологизированная», чем философия, и в то же время в советской университетской системе более близкая к тому, что один из наших неформалов назвал «политологией». Предпочтение истории в ущерб философии особенно явно в выборке первой когорты: в ней насчитывается 11 студентов-историков и всего 3 философа. Таблица 5 показывает отток студентов от философии к истории начиная с середины 1960-х годов.

Итак, наблюдается охлаждение интереса как к философии, в том виде, в каком она преподавалась в СССР, так и к карьерам, к которым она давала доступ (идеологические отделы партии и комсомола, препода-

Таблица 5

**Распределение студентов по специальности «философия»
и «история» (первое высшее образование)
по поколениям и когортам вступления**

Когорта	Рожденные до 1947 года					Рожденные после 1948 года				
	Численность когорты	Количество студентов-философов		Количество студентов-историков		Численность когорты	Количество студентов-философов		Количество студентов-историков	
I	N=12	2	16,6%*	0	0%	N=39	3	7,7%	N=11	28,2%
II	N=17	1	5,8%	2	11,7%	N=19	3	15,8%	N=3	15,8%
Итого	N=29	3	10,3%	2	6,8%	N=58	6	10,3%	N=14	24,1%

* Проценты от N.

давание марксизма-ленинизма). Историческое образование, хотя оно и позволяет держаться в отдалении от аппарата пропаганды, не ведет к престижным и «надежным» карьерам, на которые можно надеяться, обучаясь эконометрике, поскольку выпускники исторических факультетов в основном идут в учителя средних школ. Неформалы-историки, таким образом, стараются применять стратегии ускользания в момент распределения на работу по завершении учебы. В зависимости от наличных ресурсов (престижности вуза, где они учились, семейных связей и проч.) стратегии они выбирают разные. Некоторые отказываются от распределения, предварительно удостоверившись в том, что у них есть альтернативное назначение, — чтобы избежать обвинения в тунеядстве. Так, А. Фадин, выпускник МГУ, воспользовавшись связями отца из ЦК, получает место переводчика в Институте мировой литературы, а затем идет работать в ИМЭМО. Некоторые совершают тактические перемещения в ходе обучения, чтобы получить место

в аспирантуре¹: перейдя на факультет философии и защитив диссертацию в МГУ, В. Лысенко смог получить место преподавателя на кафедре научного коммунизма Московского авиационного института (МАИ). Другие неформалы иначе уворачиваются от учительской карьеры. С. Митрохин, студент филфака Московского государственного педагогического института им. Ленина (МГПИ), сумел избежать службы в армии, имитируя психическое расстройство. Прибегнув к этой стратегии, он тем самым закрыл себе доступ к преподавательским должностям.

Итак, неформалы первой когорты выбирают дисциплины с политическим содержанием, но не ведущие к карьерам в партии и комсомоле. Обладающие связями и ресурсами находят себе место в науке и системе высшего образования, а все остальные впадают в неустойчивое профессиональное состояние (преподаватели поневоле).

Опыты «параллельной» политической социализации

Большая часть неформалов первой волны участвуют в более-менее подпольных студенческих группах или вступают в контакт с сетями распространения самиздата еще в годы учебы. Такие практики широко распространены во многих вузах больших городов в 1970-е годы. В чем-то они напоминают то, что Э. Гоффман назвал «формами вторичной адаптации» к институции, то есть «любую обычную диспозицию, позволяющую индивиду использовать запрещенные средства или добиваться запретных целей (или и то, и другое) и обходить таким образом претензии организации относительно того, что он обязан делать или получить, то есть каким должен быть он сам. Формы вторичной адаптации дают индивиду возможность дистанцироваться от роли, которую институция навязывает ему естественным образом»². Такая адаптация позволяет не только держать дистанцию по отношению к роли студента и комсомольца, но и маркировать свою принадлежность к определенной поколенческой и социальной общности. Она помогает реализовать спе-

¹ Поступление на дневное отделение аспирантуры приравнивается к профессиональному распределению.

² Goffman 1968: 245.

цифическую стратегию *интеграции* в привилегированную социальную среду, но вместе с тем в ней заключен и риск социальной *маргинализации*. Истоки такой склонности к посещению мест параллельной социализации, возможно, следует искать в политической истории семьи, в отношениях, которые она поддерживала с режимом и в передаче порой рассогласованных между собой схем политического восприятия.

Участие в неофициальных формах политической активности является знаком отличия в студенческой среде. На факультетах гуманитарных наук, филологии и физики циркулирует самиздат, распространяемый в основном диссидентскими группами. Некоторые будущие неформалы участвуют в подпольных левых организациях. А. Фадин и П. Кудюкин основывают социалистический кружок на истфаке МГУ в середине 1970-х годов¹. Студенты-историки из МГПИ, будущие лидеры неформального анархистского клуба «Община», создают «Революционную марксистскую партию» в конце 1970-х.

С этого времени власти осознают масштабы циркуляции самиздата в университетских кулуарах и роста числа подпольных политических групп. Принимаются меры пресечения, и тем не менее некоторые учреждения закрывают глаза на весьма неофициальные формы политического общения. Так, в 1971 году студенты МГУ организуют «Лабораторию экспериментальной пропаганды», не зависящую от комсомола, и регистрируют ее при домкоме физфака. Раньше и представить было невозможно, чтобы университет потерпел существование неофициальной организации². Причем такое большое количество студентов (около 150 человек) было привлечено в «Лабораторию...» не столько характером ее деятельности (ни в кой мере не подрывной: выставки по истории франкизма, по войне в Испании, по Парижской коммуне и перевороту Пиночета), сколько ее особым статусом и удаленностью от комсомола³. По всей видимости, степень терпимости к девиантным формам деятельности и общения зависит от «клиентуры» заведения. Элитные

¹ Этот кружок перерастет позднее в оппозиционную группу, известную как «Молодые социалисты» (см. ниже).

² А. Данилов, интервью 4.8.1994 г.

³ В этой организации участвовали три будущих неформала: А. Данилов, А. Фадин и П. Кудюкин.

гуманитарные вузы проявляют больше «понимания», усиливая, таким образом, роль социального маркера подобного рода практик. И напротив, терпимость падает до нуля в институтах, готовящих технические кадры и находящихся в сфере влияния ВПК, они более склонны блюсти строгие нормы поведения, учитывая характер будущей профессиональной деятельности своих выпускников.

Альтернативные политические кружки посещают студенты, происходящие как из элиты, так и из рабочей среды. Но цена такой двойной социальной интеграции — то есть интеграции как в «систему», так и в поколенческий и социальный союз, предполагающий дистанцирование по отношению к режиму, — оказывается явно более высокой для детей из рабочих семей. Зачастую эти молодые люди обязаны своим продвижением в вузы активным взаимодействием с режимом (они отслужили в армии, стали секретарями партийных организаций, отработали на заводе). Поэтому чтобы попасть в места критической мысли, им приходится преодолевать гораздо более длинный путь, чем их товарищам, которым не приходилось «прогибаться». Они также более уязвимы в случаях, когда становится известно об их «подрывной деятельности»: исключение из университета лишает их не только перспективы получения диплома, но и права проживания в Москве (все студенты рабочего происхождения родом из провинции).

Некоторые неформалы происходят из очень политизированных семей, как лояльных, так и враждебных режиму. Самыми политизированными семьями оказываются, безусловно, те, которые выше были названы «раскоординированными», то есть где у предков очень несхожие траектории. В некоторых семьях под одной крышей оказываются и те, кто поднялись по социальной лестнице благодаря участию в актах репрессий или в мобилизационных кампаниях сталинского режима, и те, кто стали жертвами чисток или были заклеймены как враги народа в 1920—1930-е годы. В других семьях разворачивается драма кардинальной перемены отношении к режиму от одного поколения к другому. Переплетение нисходящих (вследствие стигматизации) социальных траекторий с восходящими (благодаря служению режиму) в большинстве случаев приводит к сильному идеологическому раздору между родителями. В такого рода конфигурациях политические позиции

оказываются персонифицированы, и личный политический выбор будущего неформала часто делается по принципу близости с материнской или отцовской линией либо с тем или иным поколением предков.

Как мы уже показали, некоторым семьям удается снять клеймо, полученное родителями в 1930-е годы, за счет заключения брачного альянса в следующем поколении (с выходцами из семей с восходящей социальной мобильностью, служащих режиму). В результате отцовская и материнская линия ведут между собой символическую борьбу за третье поколение¹. Противостояние разворачивается не только и не столько в рамках родительской пары, сколько между членами всей расширенной семьи. А. Фадин вспоминает, что оказался между двух огней: с одной стороны, отец — чиновник ЦК, с уважением относящийся к власти, с другой — бабушка по материнской линии, врач, которая «испытывала стойкую ненависть к Сталину»; с одной стороны, «патриархальная, христианская, полулюмпенская среда [по отцовской линии], с различными антисемитскими комплексами»; с другой стороны, материнская линия, происходящая из образованной среды, «не просто еврейская семья, а еще семья, в которой отец был репрессирован»².

В других случаях стратегия снятия клейма состоит в том, что дети жертв репрессий добиваются профессиональных и социальных позиций, символизирующих сталинский режим (военные, стахановцы), и придерживаются ортодоксальных политических взглядов. И тогда линия водораздела проходит не между отцовской и материнской семьями, а между поколениями в рамках одной семьи. Неформалы первой когорты, попадающие в эту конфигурацию, формируют свое политическое сознание через противостояние «перековавшемуся» поколению. Дедушка В. Кардаильского по отцовской линии был арестован в 1937 году, как и многие председатели колхозов. Во время войны его сын стал высшим офицерским чином в Политуправлении армии. Ему удалось закамуфлировать свое тяжелое семейное наследие, он влился в ряды «военной интеллигенции» и был послан корреспондентом в страны Восточной Европы (Польшу, Венгрию). Однако вследствие доноса становится известно, что его отец был арестован, и его карьера

¹ Об этом феномене см.: Berteaux, Berteaux-Wiame 1988.

² Интервью с А. Фадиным, 7.9.1994 г.

замедляется. Кардаильский враждебно относится к своему отцу, который «ненавидит демократов», и, по его словам, испытывает гордость за то, что его дедушка стал жертвой сталинских чисток¹.

«Обращенные» в служение режиму предки часто описываются как некое исключение в семейной среде, которая по идее должна была не сделать из них «убежденных сталинцев», а, напротив, заставить их дистанцироваться от режима. В каком-то смысле они встали на сторону режима (и социального продвижения) в пику своим семейным позициям. В. Игрунов характеризует своего отца как «человека системы, с иерархическим мировоззрением». Тот происходит из крестьянской семьи; продвижение получил благодаря войне; на фронте был ранен и стал надзирателем в тюрьме НКВД. В награду за верную и усердную службу после войны ему была предоставлена возможность поступить в Одесский институт народного хозяйства. Став партийным чиновником, Игрунов-отец руководит плановым отделом нескольких провинциальных заводов. С самого детства он был верен режиму, несмотря на растущее недоверие к власти со стороны его отца и еще более явную оппозиционность со стороны семьи его жены. Дедушка Игрунова по отцовской линии вступил в ряды большевиков во время революции и стал редактором региональной партийной газеты. По доносу жены он был исключен из партии в 1935 году и потерял свое место. «У моего деда выработалось очень скептическое отношение к существующему режиму. Он говорил, что социализм никогда не будет построен, что социализм — это выдумка, что все планы, о которых говорят, нереализуемы. И он по этому поводу спорил с моим отцом, который был правозащитным школьником»².

Весь этот жизненный опыт, в ходе которого индивиды «скомпрометируют» себя участием в репрессивных действиях (коллективизации, подавлении восстаний, работе в НКВД, репрессиях на территориях, освобожденных советской армией) или интегрировались в институты, олицетворяющие советскую власть (армия, партия и т.д.), является одним из факторов «лояльности» по отношению к режиму. Как подчеркивает А. Хиршман, чем выше цена, которую приходится заплатить за вход в организацию (имеется в виду вход, позволяющий двигаться

¹ Интервью 27.7.1994 г.

² В. Игрунов, интервью 2.8.1994 г.

по восходящей траектории), тем дороже обходится выход из нее и тем менее вероятен выход вообще¹. Неформалы первой когорты с подобной семейной конфигурацией не просто убежденно противостоят такой «лояльности»; некоторые из них еще и замечают, что слишком последовательная привязанность к декларируемым ценностям режима на самом деле оказалась препятствием на пути к социальному преуспеванию их предка. А. Фадин объясняет, что его отец, чиновник ЦК, «карьеру не сделал отчасти потому, что слишком серьезно воспринимал идеологические постулаты, в то время как основное мироощущение в этой среде было достаточно циничным». По прошествии лет пятнадцати он начинает адаптироваться к нормам поведения, бытующим в ЦК, и в частности к весьма прозаичному, но крайне важному для стратегий продвижения ритуалу: он начинает пить со своими коллегами, интегрирует сети отношений, и с этого момента начинается его быстрое продвижение².

Наконец, есть третий тип политизированных семей, из которых вышли неформалы первой когорты: в них критическая позиция по отношению к режиму не только разделяется обоими родителями, но и сильно влияет на их карьеру, хотя они и не уходят в диссидентство. Некоторые родители внесли немалый вклад в интеллектуальную жизнь страны с приходом оттепели. Отец А. Данилова, Виктор Петрович, был один из самых известных специалистов по аграрной истории. Он происходил из семьи ремесленников и поступил в провинциальный педагогический институт благодаря своему статусу фронтовика. В своих трудах 1960—1970-х годов, созданных в Институте истории СССР, он стремится показать, что производственные отношения в российской деревне 1920-х невозможно считать капиталистическими, оспаривая тем самым главный аргумент в пользу коллективизации. Он открыто критикует политику доступа к архивам по коллективизации сразу после XXII Съезда КПСС в 1961 году. В 1966 году, как объясняет А. Березович, он, будучи секретарем парторганизации в Институте истории, «празднует десятую годовщину XX Съезда; в 1970-м он организует защиту историка А. Некрича, на которого нападали за его описание поражений советской армии в 1941 году. Вследствие этой борьбы Институт

¹ Hirschman 1970: 93.

² А. Фадин, интервью 7.9.1994 г.

истории реорганизован и поделен надвое. Виктора Данилова чуть не исключили из компартии, и он оставался в маргинализированном положении до самой Перестройки»¹.

Клеймо, приобретенное в 1920—1930-е годы, так или иначе влияет на семейные траектории, и, возможно, это является решающим фактором в формировании предрасположенности будущих неформалов к ранней инициации в политическую деятельность вне официальных рамок. Чтобы социально затушевать эти стигматы, их родителям приходится заключать «мезальянсы» или быстро менять позицию (социальную и политическую), инкорпорируя внутрь семьи конфликты, свойственные отношениям между социальными группами. В таких семейных конфигурациях дихотомическое видение социальной и политической жизни («лояльность и социальное продвижение» vs «оппозиция и понижение в статусе») передается третьему поколению. Последнее чувствует близость к тому или иному политическому «лагерю», но при этом с 1960—1970-х годов оказывается свидетелем размывания границ этого двухполюсного видения. В конъюнктуре оттепели становится возможным открыто выражать определенную критику без риска для своего статуса; и хотя в брежневскую эпоху критические дискурсы в официальной сфере стали менее острыми, некоторые неформалы интуитивно чувствуют, что лояльность «старой школы» им уже не поможет. В их университетских траекториях вертикальная социальная мобильность сочетается с приобщением к оппозиционной политической культуре.

Четыре типа активистских карьер

В рамках первой когорты неформалов можно выделить четыре идеальных типа профессиональных и политических траекторий². Одним удалось заниматься политической деятельностью без ущерба для профессиональной карьеры. Такова ситуация исследователей, работающих в социальных науках и поступивших на службу в реформистские институты, и диссидентов, которые вынесли как политическую, так и профессиональную деятельность за пределы официальной сферы. Во

¹ Berelowitch 2004.

² Об «активистских карьерах» см.: *Devenirs militants* [Пути становления активистов] // *Revue française de science politique*. 2001. Vol. 51. № 1—2.

всех остальных случаях индивиды, задействованные в профессиональных сферах, далеких от сред инакомыслия, инвестировались в параллельную политическую активность менее интенсивно¹. И наконец, следует упомянуть последнюю, четвертую, категорию неформалов: тех, кто не посещали ни одного из перечисленных нами мест неортодоксальной политической социализации, но оказались в начале Перестройки в промежуточной зоне между академической средой и партией; эта стратегическая позиция позволила им сыграть решающую роль в формировании первых клубов. Индивидуальные траектории часто приближаются к этим идеальным сконструированным типам, но, разумеется, есть и такие, которые довольно сильно от них отличаются, оказываются более сложными и извилистыми.

Внимательное изучение этих траекторий позволит нам, помимо более тонкого понимания «мотиваций» и факторов вовлечения, четче выделить типы «ресурсов» и «социального капитала», с которыми индивиды приходили в появившиеся позднее клубы. В частности, мы увидим, каким образом в конце брежневской эпохи оказались возможными попытки установления новых отношений с властью. Эти попытки отмечены меньшей оппозиционностью, чем диссидентские, и нацелены на то, чтобы сблизить официальную и подпольную политическую культуру, обеспечить их взаимопроникновение, изменить традиционный репертуар действий и восприятия диссидентов, с одной стороны, и власти — с другой. При Брежневе такое поведение воспринималось как неуместное, не давало видимых результатов и наказывалось как властью, так и оппозицией. Но несмотря на неуспех в тот период, те, кто предпринимали подобные попытки сближения, займут доминирующие позиции в перестроечных неформальных клубах: отныне именно они будут задавать тон. Другой ресурс, обеспечивающий доминирующую позицию в московских неформальных клубах, — это принадлежность к реформистской академической среде.

¹ Связь, возникающая в 1970—1980-х годах между профессиональной карьерой и «карьерой» политической, важна, поскольку она поддерживается в той же самой форме и в рамках неформального движения: исследователи в социальных науках смогут интегрировать свою неформальную деятельность в профессиональную траекторию, тогда как другие будут вынуждены по-прежнему разделять одно и другое.

Исследователи в реформистских институтах

Доля исследователей в выборке первой когорты весьма существенна: 25 из 51 работали в том или ином академическом институте, университете или научно-исследовательском институте при министерстве; 15 из них работали в реформистских учреждениях (ЦЭМИ, ИЭМСС, ИМЭМО, на кафедре математической экономики в МГУ или в Новосибирском университете) или поддерживали с ними контакт. Среди них обнаруживается большая доля экономистов, получивших диплом в очень престижных вузах, и выходцев из привилегированных слоев общества. Поэтому они обладают всеми необходимыми ресурсами для успешной карьеры.

Тем не менее около $\frac{2}{3}$ исследователей, принадлежащих к поколению 1948—1964 годов рождения, не защитили кандидатскую диссертацию. Некоторые, как руководители группы «Молодые социалисты» (созданной в 1977—1978 годах), параллельно втягиваются в подпольную деятельность. Фадин изучает авторитарные режимы в странах третьего мира, Кудюкин — франкистскую Испанию; арест в 1982 году положил конец их карьере еще до окончания работы над диссертацией. Другие не задаются целью целиком посвятить себя выстраиванию образцовой научной карьеры или дискуссиям об общественных реформах в рамках менее официальных кругов: они работают в науке, но не завершают диссертацию, довольствуясь самой принадлежностью к престижному и политически реформистскому институту. Ни один из них не вступил в партию. Интеллектуалу, не намеренному заниматься пропагандистской работой либо делать партийную или комсомольскую карьеру, в 1970-е годы стало сложно вступить в партию из-за введения системы квот по социальным категориям. А большинство неформалов первой когорты, как мы видели, самим выбором своей специализации (в частности, избеганием философского образования) решительно устранились от этих путей. Им свойствен другой способ интеграции в академическую среду — скорее через принадлежность к сетям, объединенным по принципу интеллектуальной и политической близости, нежели благодаря обладанию более объективированными благами, такими как научные степени или партбилет. Такой способ интеграции был вполне возможен в реформистских институтах.

Совсем небольшая доля научных работников из нашей выборки делают более «эффективную» карьеру: защищают диссертацию, вступают в партию и быстро продвигаются по служебной лестнице. Анатолий Чубайс вступает в КПСС в 1980 году, в возрасте 25 лет. Он защищает диссертацию по экономике и начинает работать в Ленинградском инженерно-экономическом институте (ЛИЭИ), который не относится к числу престижных вузов. В 1980-м он вступает в контакт с группой московских экономистов, которые вводят его во властные политические круги. Этой группой руководит Е. Гайдар, молодой ученый, незадолго до этого защитивший диссертацию под руководством С. Шаталина, сотрудника кафедры математических методов в МГУ (1970—1983) и заместителя директора Всесоюзного НИИ системных исследований. С 1983 по 1985 год Гайдар участвует в работе Комиссии по совершенствованию управления народным хозяйством при Политбюро, готовившей экономические реформы¹. В 1985 году А. Чубайс выдвигает свои предложения этой Комиссии и в следующем году напрямую участвует в ее работе. Обладание учеными степенями и членство в партии открывают новые возможности и способствуют довольно внушительному прорыву в карьере. И, безусловно, тот факт, что эти экономисты проникли во властные круги, играет не последнюю роль в их последующем участии в «правительстве реформ», сформированном в 1991 году тогдашним президентом России Ельциным.

Наряду с работой по выстраиванию карьеры большая часть будущих неформалов стремится войти в прогрессистские академические круги, исходя из более политизированной перспективы — с целью участия в дискуссиях об экономических и социальных реформах; некоторые вступают в группы, руководимые шестидесятниками. Ю. Самодуров (род. в 1951 году) постоянно следит за достижениями социологии организаций, присутствует на полуофициальных семинарах и осуществляет радикальную профессиональную переориентацию. Получив образование геолога, он в течение семи лет работает по своей специальности и в 1985-м защищает кандидатскую диссертацию. Однако с начала 1980-х годов решает специализироваться в социологии труда

¹ Комиссия работает под руководством Н. Рыжкова, который станет премьер-министром СССР в правительстве Горбачева.

и организаций, оставаясь исследователем в Московском геологоразведочном институте (МГРИ). Его переориентация начинается с периода самообразования, а затем он ходит на семинары А.И. Пригожина (изгнанного из ИКСИ в начале 1970-х), Т. Заславской в Новосибирске и Г.П. Щедровицкого, «советского родоначальника управленческого консультирования и ролевых игр». Там Самодуров и знакомится с будущими неформалами¹.

Другие исследователи, позднее принявшие участие в неформальных клубах, стараются создать свои собственные дискуссионные кружки в академической сфере или в пограничной зоне между нею и диссидентскими кругами. Один из таких примеров — группа «Молодые социалисты», созданная в 1977—1978 годах и распущенная в 1982-м. Ее влияние явственно ощущается в некоторых московских неформальных клубах Перестройки. Именно из нее вышли многие важные фигуры неформального движения, обогатив его своим опытом взаимодействия с властью. Группа сформировалась вокруг А. Фадина и П. Кудюкина, студентов исторического факультета МГУ, а затем научных сотрудников ИМЭМО. Она актуализируется как место перехода и посредничества между официальной и подпольной сферами в научном и политическом поле. В группе участвуют как исследователи (из ИМЭМО) и студенты (истфака МГУ), так и левые диссиденты (в том числе группа Б. Кагарлицкого²). Эта сеть состоит примерно из сорока человек. Ее бюллетень «Варианты» тоже задуман как платформа, открытая исследователям, работающим со спецификой советского режима, но не имеющим возможности публиковаться в официальных журналах³.

А. Алексеева упоминает, что хотя «Молодые социалисты» и не стремились к установлению контакта с брежневской властью, «в отдаленной перспективе они [все-таки] надеялись, что при достаточно остром кризисе властвующий блок расколется и определенная его часть пойдет на сотрудничество с оппозицией (опыт Чехословакии 1968 года, Испании

¹ Ю.Самодуров, интервью 22.7.1994 г.

² Борис Кагарлицкий издает журнал «Левый поворот» тиражом около сотни экземпляров, который распространяется в Москве и еще трех городах. В 1981 году журнал переименован в «Социализм и будущее» (Алексеева 1984: глава 17).

³ П. Кудюкин, интервью 12.1.1994 г.

после 1976 года, Бразилии после 1978 года, Польши в 1980—1981 годах и так далее)»¹. Это сотрудничество могло бы привести к появлению «полулегальных независимых объединений — клубов, профсоюзов и т.п.»². Иными словами, «Молодые социалисты» ратуют за появление нового пространства мобилизации — отличного от диссидентства, в котором «правозащитники» не занимали бы уже центральное место. Но эту срединную позицию, на которую претендует группа, трудно удерживать, поскольку она противоречит господствующим схемам восприятия. Стремясь дистанцироваться от «правозащитников» за счет своей левой политической позиции и сблизиться с реформаторами партии, «Молодые социалисты» подставляют себя под удар со стороны «традиционных диссидентов». Их «двусмысленные» отношения с системой вызывают у диссидентов сомнения в подлинности их борьбы на стороне оппозиции. Двусмысленными эти отношения считаются прежде всего потому, что «Молодые социалисты» избрали левую позицию, а также потому, что их определяют как детей номенклатуры³, представителей «золотой молодежи», «предателей», не побрезговавших запятнать себя близостью к власти. Эти ярлыки, навешиваемые на них диссидентами, останутся с ними до самой Перестройки⁴. В апреле 1982 года шесть членов группы (в их числе А. Фадин, П. Кудюкин и Б. Кагарлицкий) арестованы и помещены в СИЗО. Все они соглашаются покаяться в обмен на помилование, за исключением двоих, которые из принципа отказываются признать свою вину. Все остальные освобождены, но привлечены в качестве свидетелей против их товарищей на суде, в результате которого один из них осужден на семь лет лагерей и пять лет ссылки. Власть, в свою очередь, использует одновременное присутствие группы в оппозиции и в академической сфере, чтобы свести счеты с против-

¹ Алексеева 1984: глава 16.

² Там же.

³ Несмотря на то что такое социальное происхождение дает повод для критики, некоторые избегают ее благодаря своей позиции в диссидентском движении. Это, например, касается жены Андрея Сахарова, Елены Боннэр, чьи родители были руководителями Коминтерна и московского горкома партии.

⁴ С. Григорьянц, бывший диссидент, в 1989 году опубликовал в журнале «Гласность» два свидетельства о поведении бывших лидеров «Молодых социалистов» в ходе следствия и суда по делу их группы (Ривкин, Шилков 1989).

никами внутри официального поля: «дело “Молодых социалистов”» позволило нанести удар по ИМЭМО и, в частности, по его директору Н. Иноземцеву, которого КГБ подозревал в «покрывательстве» группы. Это «дело» имело также целью ослабить позиции Андропова в Центральном комитете. По словам Б. Кагарлицкого,

...они из маленьких вот этих дел (самиздатовский журнал) пытались создать, видимо, грандиозную, страшную, подрывную организацию с подготовкой террористических актов и т.д. [...] Его и сделали при Федорчуке [председатель КГБ с мая по декабрь 1982 года]. Одна из задач, которую ставили внутри КГБ, — доказать, что при Андропове, в частности, социалисты практически безнаказанно развернули крайне опасную и антигосударственную деятельность [...]. Но в это время это был элемент внутренней борьбы между группой Андропова и группой Черненко. Но в тот момент, когда Федорчук уже сделал все это дело огромное и сделал его в таком виде, чтобы оно несло удар по Андропову, Брежнев умер, и Андропов сел на место Брежнева¹.

Таким образом, власть тоже по-своему пользуется проницаемостью границ, однако по стечению обстоятельств «делу “Молодых социалистов”» не суждено было произвести ожидаемого эффекта. После того как Андропов в ноябре 1982 года стал Генеральным секретарем ЦК, ИМЭМО остается в руках реформаторов: руководство им перепоручено А.Н. Яковлеву, которого рекомендовал М. Горбачев, в то время член Политбюро и один из близких соратников Андропова². Преследования в отношении членов группы, помещенных в СИЗО, остановлены. Власти даже вынуждены прибегнуть к техническому решению, с точки зрения юридической граничащему с бессмыслицей: членам группы даровано помилование, хотя они не были осуждены. После освобождения члены группы «Молодые социалисты» занимаются неквалифицированным трудом (ночной сторож, охранник), а те из них, кто снова находят работу в сфере интеллектуального труда, становятся служащими в учреждениях,

¹ Б. Кагарлицкий, интервью 6.2.1991 г.

² Бывший директор ИМЭМО Н. Иноземцев скончался в августе 1982 года. А. Яковлев станет советником М. Горбачева после того, как тот займет пост генсека.

не относящихся к Академии наук и намного менее престижных (НИИ при заводах или министерствах). Тем не менее они поддерживают связь с академическими кругами (некоторые участвуют в полуофициальных семинарах).

Незадолго до Перестройки интеллектуальные кружки, которым удалось выжить, постепенно выходят из подполья. Анатолий Чубайс в 1978/1979 году основал «полуподпольную» группу исследований по экономическим реформам в СССР (в частности, по нэпу) и в странах Восточной Европы (Венгрии и Югославии)¹. К 1981—1982 годам он находит способ сделать официальным это начинание в рамках своего исследовательского института. Благодаря чему Чубайс, как мы уже упоминали, и войдет в контакт с Гайдаром, тоже руководителем исследовательской группы по экономической истории СССР.

Как бы там ни было, все эти люди развиваются в критически настроенных профессиональных средах. Они не занимают никаких властных позиций в академической иерархии (в силу своей молодости, а также беспартийности и отсутствия соответствующей кандидатской степени у большинства из них). Но почти все они «имеют контакты» с властью в рамках групп, к которым принадлежат.

Диссиденты

Профессиональные карьеры некоторых из будущих неформалов в официальной сфере сворачиваются в пользу «истинной» карьеры в оппозиции. В центральном ядре первой когорты нет почти ни одного «правозащитника» (а те, кто, подобно В. Новодворской, вписывают себя в это диссидентское течение, оказываются маргинализированы). Большая часть диссидентов, ставших неформалами (например, Г. Павловский, В. Игрунов, Б. Кагарлицкий, А. Фадин, П. Кудюкин), с начала 1970-х годов решают порвать с традиционным диссидентством и искать новые формы взаимодействия с властью. Они оказываются в положении инакомыслящих внутри самого диссидентства. Некоторые традиционные диссиденты (Г. Якунин, А. Огородников), в свою очередь,

¹ См. биографию Анатолия Чубайса: <http://www.panorama.ru/gov/gov20010.shtml#E9E8>.

примыкают к неформальному движению, но лишь со второй половины 1988 года (тогда как к общественной деятельности они возвращаются уже с 1987-го). Таким образом, их приход совпадает по времени с началом деятельности второй когорты¹.

Восемь членов этой группы происходят скорее из «средних» социальных категорий: у шестерых родители инженеры или военные. Почти все пошли работать на те должности, на которые их распределили после университета. Но по истечении обязательного трехлетнего периода их траектории становятся более подвижными, что зачастую связано с их параллельной политической деятельностью. Мобильность между отраслями иногда сопровождается географическим перемещением (к Москве) — чтобы выйти из-под контроля местных властей. В некоторых случаях принадлежность к диссидентству становится способом вырваться из провинциальной жизни. Переезд в Москву позволяет приблизиться к эпицентру политической активности. Г. Павловский (род. в 1951 году) был под наблюдением КГБ за свою диссидентскую деятельность с 1968 года; в возрасте 23 лет он покидает свой родной город Одессу, оставляет должность преподавателя и свою семью и начинает «новую жизнь» в Москве, полностью уйдя в диссидентство².

Их «истинная», «единственно стоящая» профессиональная карьера развивается в диссидентской сфере. Они становятся главными редакторами самиздатовских журналов, руководят работой кружков и организуют сети распространения подпольной литературы.

Те, кто вступили в неформальное движение во время Перестройки, с середины 1970-х годов стали стремиться к диалогу с властью, к движению по пути «наверх» через зоны взаимной проницаемости между легальной и нелегальной сферами, пытаясь сформировать некоторые каналы коммуникации. Эти диссиденты внутри диссидентства избрали в качестве *посредников* некоторых шестидесятников, таких как историк Михаил Гефтер и журналист Григорий Водолазов (историк по образованию). Оба они при Хрущеве публиковались в журнале «Новый

¹ Однако поскольку они начинают политическую деятельность до 1988 года, мы отнесли их к первой когорте.

² Г. Павловский, интервью 10.8.1994 г.

мир». В конце 1970-х Г. Павловский знакомится с М. Гефтером, и тот становится его «учителем»¹. После того как в 1969 году был распущен сектор методологии истории под руководством М. Гефтера, ему запретили публиковаться и фактически лишили возможности вести исследования. Тогда он постепенно отдаляется от Академии наук (уйдя на пенсию в 1976-м), выходит из партии в 1982-м и обращается к самиздатовским кругам. В 1977 году он участвует в создании диссидентского журнала «Поиски», редактором которого становится Павловский. Осознавая пользу промежуточности своей позиции между диссидентством и официальной сферой, Гефтер отказывается уходить в подполье. Когда его допрашивают в 1982 году в ходе следствия по делу «Поисков», он подчеркивает, что никогда не скрывал своего участия в этом журнале (хотя его имя и не фигурирует в списке членов редколлегии). Основатели «Поисков» стремились также внедрить новый тип журнала, который не был бы ни подпольным, в отличие от других самиздатовских изданий, ни официальным.

Можно заметить, что некоторые диссиденты и научные работники, задействованные в этих кругах (наподобие «Молодых социалистов»), схожи в своем стремлении войти в контакт с властью и поврать с логикой правозащитников. Однако отличие между первыми и вторыми состоит в том, что научные работники стремятся к социально одобряемому статусу (они интегрируются в престижные исследовательские институты, хотя и не делают там карьеру классического типа), тогда как остальные целиком и полностью отдаются диссидентству, отбрасывая саму идею официального статуса.

В начале 1980-х годов некоторые из этих неортодоксальных диссидентов, как В. Игрунов, открыто выражают идею о том, что власть и оппозиция должны вести переговоры, чтобы стабилизировать свои отношения и прийти к взаимовыгодным результатам. По мнению Игрунова, государству невозможно навязать процесс переговоров. Поскольку договаривающиеся стороны следуют несовместимым логикам, именно слабая сторона, то есть диссидентство, должна пойти на уступки и допустить, что диалог может происходить не в публичной форме, не

¹ Г. Павловский, интервью 10.8.1994 г.

в условиях «абсолютной прозрачности» и не в виде «максимально широкого обсуждения» (как любили требовать правозащитники). По мнению этих диссидентов, власть способна лишь к «неконтролируемому распространению информации, к нарушению этикета, исключаящему диалог»¹. Г. Павловский, как и «Молодые социалисты», надеется на возможность переопределения правил политической игры, то есть на раскол блока власти и сближение между реформистскими фракциями партии и оппозицией. Из периферийной эта конфигурация должна была отныне стать центральной в новом пространстве игры:

Идея [в 1981 году] была в том, что система в силу принципиальной нереформируемости социума, в котором мы находились, Советского Союза... не давала никакой возможности... То есть возникла тупиковая ситуация как для власти, так и для любых оппозиционных сил — радикальных или нерадикальных, все равно, реформистских или нет, неважно. [...] Реформа будет вынуждена в кратчайший срок перерасти в неконтролируемый, революционный процесс без какого-либо политического субъекта, потому что времени на создание такого субъекта тоже не будет. А оппозиционные силы не могут сформировать такого субъекта, ни своими силами изменить власть, ни воздействовать на нее в силу того, что как бы концепция движения, его идеология не изменилась. А в противостоянии просто не то чтобы уничтожается человеческий состав движения, но нарастают, как я считал, неправовые интонации, неправовые акценты в деятельности самой власти. [...] Шло постоянное ухудшение. Вот мне казалось, что в случае начала по какому-то поводу пускай даже неравноправных каких-то контактов движения и власти произойдет, с одной стороны, как бы временное ослабление репрессий, с другой стороны, некоторая консолидация движения. Потому что возникнут какие-то поводы для консолидации интеллектуальных сил

¹ Письмо Игрунова Гефтеру, 8.1.1981 [http://igrunov.ru/cv/vchk-vin-lett/chosen_lett/vchk-vin-letters-chosen—1981.html]. Тем не менее можно предположить, что диссиденты, в свою очередь, тоже могли быть заинтересованы в ограничении публичности — в целях сохранения пространства для маневра в переговорах, сокрытия возможного отступничества и заботы о репутации (по вопросам секретности и публичности в переговорах см.: Schelling 1966: 29—30).

движения, которые были оттеснены на периферию [...]. С другой стороны, в составе власти произойдет тоже некоторый отбор, может быть, со временем будет некоторый отбор ориентированных на конструктивные силы людей¹.

Попытки неортодоксальных диссидентов переопределить расклад политической игры, сблизиться с властью и поставить под сомнение схемы восприятия, господствующие среди диссидентов и представителей власти, наталкиваются на сопротивление с обеих сторон. Правозащитники стигматизируют эти «нелегитимные» вылазки в официальную сферу и обличают их как предательство и провокацию; власти без разбору репрессируют и арестовывают всех диссидентов, как «традиционных», так и «неортодоксальных». С обеих сторон строго зафиксированные репертуары действия накладывают жесткое ограничение даже на тех, кто им сопротивляется. Но именно эти опыты и составят основу будущего неформального движения.

Актеры с изменчивыми траекториями

По остаточному принципу среди неформалов первой когорты можно выделить третью группу. Хотя в ней и нет заметных лидеров, она, безусловно, самая многочисленная, и ее сложнее всего охарактеризовать. Ее члены — это и не молодые исследователи, располагающие местами критической рефлексии в своем профессиональном поле, и не индивиды, явно отмеченные печатью диссидентства. Члены третьей группы поддерживают связи с диссидентскими кружками, созданными в конце 1970-х годов²; однако их деятельность там весьма умеренна и чаще всего сводится к чтению самиздата. В большинстве своем они проводят более четкую границу между разными сферами своей активности и реже идут на риск. Поскольку они не были в первых рядах оппозиции, то и арестам не подвергались. Их политический активизм и прямые контакты с вла-

¹ Г. Павловский, интервью 10.8.1994. Возможно, в начале 1980-х годов у Павловского не было столь ясного видения ситуации и произносимое им в 1994 году является ретроспективной рационализацией.

² Такими как «Молодые социалисты», профсоюз СМОТ, пацифистское или коммунаское движение (культивировавшее жизнь в коммунах).

стью до начала Перестройки менее интенсивны, чем у двух других групп¹. При этом, несмотря на отдаленность профессиональной карьеры от подпольной политической деятельности, нельзя сказать, что члены этой группы ведут какую-то отдельную, параллельную, «двойную жизнь».

Среди них наблюдается сильная тенденция к профессиональной мобильности (межотраслевой и/или географической). Одним из возможных объяснений этой склонности к мобильности является тот факт, что они попадают в ситуацию «подневольной» рабочей силы сразу после окончания вуза. Именно в этой группе обнаруживается самая высокая концентрация детей инженеров, военных и рабочих, которым, как мы уже упоминали, приходилось довольствоваться не самыми престижными вузами и учиться на педагогических и технических специальностях, ведущих к не особо прельщавшим их карьерам преподавателей в средних школах и инженеров. Вполне возможно, что их положение на рынке труда и подтолкнуло их к поискам мест параллельного политического общения.

Члены этой группы пытаются скорректировать свою слишком жестко predetermined стезю и диверсифицировать свою идентичность как во времени (за счет профессиональной мобильности), так и в социальном пространстве (за счет девиантных политических практик). Отсюда и происходит столь большое разнообразие наблюдаемых профессиональных траекторий. В некоторых случаях межотраслевая мобильность была преднамеренной, в других — вынужденной, став следствием «неадекватного поведения». Как бы там ни было, девиантное поведение оказывает разный эффект на профессиональные траектории в зависимости от того, какими ресурсами располагает семья. Для москвичей и ленинградцев, происходящих из привилегированных сред, последствия почти безболезненны. Так, И. Чубайс, сын полковника, устроил в Одессе индивидуальный пикет против вторжения в Чехосло-

¹ Эта группа напоминает депутатское большинство Третьего сословия во Франции в 1789 году. Такетт описывал его как «переходную категорию неопределенных социальных мутантов [...] где-то на границе между дворянством и буржуазией», у которых до Революции не было четко выработанных проектов реформирования власти. Хотя они и находились под влиянием идей Просвещения, изначально они не были революционерами, но стали таковыми в разгар революционного действия (Tackett 1997: 49).

вакию в 1968 году. В отличие от других представителей этой категории он совершил публичный акт протеста и мужества, причем вплоть до Перестройки ничем другим не отличился. Его исключают из Ленинградского государственного университета, правда, тремя годами позже снова принимают по ходатайству его отца. Однако для детей рабочих, прибывших на обучение в столицу, малейшее отклонение в поведении оборачивается тяжкими последствиями и вполне может привести к выдворению из Москвы и краху всякой надежды на социальное продвижение. Поэтому лишь небольшое (относительно) количество будущих неформалов пополняет ряды «поколения дворников и сторожей»: даже не будучи занятыми оппозиционерами, они подвергаются исключению из профессиональной среды, и им удается найти лишь неквалифицированную работу. При этом они не компенсируют это деклассирование какой-либо заметной позицией в диссидентстве, которая могла бы стать источником социального престижа.

У представителей этой группы наблюдаются очень подвижные профессиональные траектории, и они быстро отклоняются от карьер, к которым были предназначены в силу своего социального происхождения и специализации своего высшего образования.

Посещение мест альтернативной политической коммуникации дает им доступ к другой культуре и к интеллектуальным кругам, удаленным от их изначальной профессиональной сферы. Вполне вероятно, что эти внепрофессиональные связи открывают им новые возможности и тем самым расширяют сферу доступной переориентации.

Посредники

И наконец, последняя группа неформалов, пришедших в клубы с 1986—1987 годов, состоит из «восходящей элиты» партии (выражение В. Игрунова). Это члены КПСС, которые принадлежат к реформаторскому крылу и осуществляют функции пропаганды в академических и университетских учреждениях. В отличие от всех остальных они (почти) не посещают места критической мысли, идентифицированные как таковые властями, и приходят на полуполитические-полунаучные должности в результате двух типов траекторий. Первые после обучения философии преподают марксизм-ленинизм в вузах. Вторые, придя из

производственной сферы, занимают должности в комитетах комсомола или партии, служащих им стартовой площадкой для дальнейшей работы в социальных науках. С. Скворцов (род. в 1956 году) вступил в партию в двадцать лет, еще в бытность студентом Тульского политехнического института. Тула, город в двух сотнях километров от Москвы, является одним из крупнейших центров производства оружия и боеприпасов. Скворцов начинает карьеру инженера в конструкторском бюро ВПК и параллельно становится инструктором райкома комсомола. Отслужив в армии (1980—1982), он получает должность в Москве в Совете по пропаганде конкретной экономики (тогда под руководством Шаталина) в рамках общества «Знание» РСФСР. Эта организация, специализирующаяся на распространении научно-популярного знания и пропаганде, служит ему ступенькой в академическую сферу. В 1984 году он начинает работу над диссертацией в Институте экономики (защитит в 1988-м), занимая при этом должность в Институте экономики и проблем научно-технического прогресса АН СССР. В 1987 году Скворцов становится одним из организаторов первого крупного съезда неформального движения (Информационная встреча-диалог «Общественные инициативы в Перестройке» в августе 1987 года).

Этим «посредникам» удастся пристроиться в промежуточной зоне между партией и научным миром. Благодаря своему прошлому «девиантному» опыту, а также потому, что они не являются чистыми «агентами партии»¹, в начале Перестройки они становятся стратегическими посредниками по проведению политики партии в отношении появляющихся неформальных клубов.

Изучение мест альтернативной политической социализации до Перестройки позволяет выделить некоторые основополагающие элементы генезиса *поколенческого союза* и *политического поколения*. Некоторые неформалы происходят из очень политизированных семей. Эта политизированность проявляет себя в двух смыслах: 1) у этих семей есть политическое прошлое (будь они сторонники режима или его жертвы), которое сильно повлияло на траектории последующих поколений; 2) эти семьи становятся театром столкновения между однозначными

¹ Хотя некоторые неформалы и считали их таковыми.

и зачастую антагонистическими политическими позициями. В период учебы в вузах многие из будущих неформалов вовлекаются в не- или полуофициальную деятельность. Последняя в 1970-х годах постепенно становится знаком социального престижа и привлекает также студентов из менее политизированных и менее привилегированных семей, выполняя, таким образом, функцию настоящего очага, где выплавляется новое политическое поколение. Места параллельной социализации являются важными элементами в индивидуальных траекториях, и их влияние распространяется на послеуниверситетский период. Наблюдаются разные варианты переплетения профессиональных и политических траекторий в академической и диссидентской средах и «взаимовлияние» между ними.

У поколения (будущих) неформалов есть два основных ориентира — шестидесятники и диссиденты. Они как вдохновляются ими, так и отталкиваются от этих примеров. Они не стремятся ни к критике системы изнутри, как это делали шестидесятники, ни к тому, чтобы оставаться вне ее, как диссиденты. В конце 1970-х годов некоторые будущие неформалы переходят к действию, стараясь порвать с господствующими моделями поведения и восприятия. Через эти отдельные (и бесплодные) попытки они и получают свой первый опыт взаимодействия с властью.

2. Социальные логики позднего вовлечения (вторая когорта)

Вторая когорта вступает в неформальное движение, когда оно становится заметным и легкодоступным. Вплоть до весны 1988 года московские клубы собираются в основном в закрытых помещениях. Накануне XIX Всесоюзной конференции КПСС (июнь—июль 1988) некоторые из них начинают организовывать еженедельные митинги в самом центре столицы, на Пушкинской площади. Именно в этом российском «Гайдпарке» рекрутируется часть представителей второй когорты. Позднее, в ходе кампании перед выборами депутатов СССР в начале 1989 года, новобранцы привлекаются в движение через неформальные клубы двух типов: районные «клубы избирателей» и «партийные клубы» (парт-

клубы, куда приходят именно члены КПСС). И наконец, в 1990 году некоторые клубы первого поколения сами преобразуются в «партии» и расширяют свою «социальную базу».

В отличие от первопроходцев новобранцы второй волны вступают в движение, в основном не проходя через какие-либо сети предшествующих отношений. У них нет почти никаких связей с академической или диссидентской средами, и, за редким исключением, они не занимались никакой «девиантной» политической активностью до Перестройки. Поэтому им незнакомы альтернативные практики и знания, сформировавшие опыт первой когорты. Чем объяснить тот факт, что участники второй волны, которые в общем и целом не отличаются от первой по своему социальному происхождению, оказались вне влияния различных форм политического протеста или инакомыслия?

Это отличие в *политическом* поведении может быть связано с иной ориентацией *университетской* и *профессиональной* карьеры. Специализация образования вновь прибывших менее «политизирована», поскольку они изучали скорее точные и технические науки, нежели социальные. Первым неформалам свойственна сильная межпоколенческая мобильность, тогда как у вторых она гораздо слабее, и они зачастую остаются в той же образовательной и профессиональной специализации, что и их родители. Наконец, последние широко прибегают к официальным механизмам социального продвижения (военная служба, активизм в комсомоле, вступление в партию, карьера в партаппарате), которых, как правило, избегают представители центрального ядра первой когорты. Такой выбор (его так и хочется назвать осторожным) приводит к предпочтению социальной интеграции, соответствующей установленным нормам, и делает менее вероятным посещение мест, где были распространены девиантные политические практики и критика режима. Запоздалое прибытие второй когорты в неформальное движение само по себе отражает некую осторожность, поскольку оно происходит в 1988—1989 годах, когда уже стало ясно, что процессы реформ необратимы, а риски санкций — весьма маловероятны.

Прежде чем приступить к анализу траекторий, которые держат участников второй волны вдалеке от критично настроенных политических сред вплоть до самой Перестройки, полезно было бы остановиться на

некоторых аспектах семейного наследия, предрасположивших многих из них к большей предусмотрительности, а главное, к большему конформизму в их жизненном выборе, к более «ортодоксальной» социальной интеграции, чем в случае первых неформалов. Затем, сделав скачок во времени, мы увидим, что их приход в движение — поздний, но крайне интенсивный — приводит к очень быстрой трансформации некоторых черт неформального движения.

Разнородное социальное происхождение предрасположенности к «конформизму»

Семейная история и сталинские репрессии

Самое разительное отличие между двумя группами состоит в их поколенческой структуре (см. таблицу 1). Если первая когорта принадлежит в основном к послевоенным поколениям, то вторая состоит из оных лишь наполовину, а остальную часть составляют активисты, родившиеся с 1937 по 1941 год, в другой период высокой рождаемости¹. Две группы различаются прежде всего по положению семей их участников в политической истории. Для большей части вновь прибывших вся советская история концентрируется всего в двух поколениях. *Родители* (а не бабушки и дедушки) сделали карьеру в 1920—1940-е годы, в период высокого риска репрессий (чистки 1930-х, понижения в должности после смерти Сталина), тогда как родители активистов центрального ядра первой когорты вступили в профессиональную жизнь уже после войны, в гораздо более стабильный период.

Чистки оказали разный эффект на семейные траектории, и вторая когорта в этом отношении неоднородна. В целом она несколько менее ими затронута, чем первая, однако пострадавшее меньшинство испытало на себе гораздо более жесткий удар, поскольку жертвами были их родители. Отец Г. Водолазова, крестьянского происхождения, являлся одним из основателей комсомола в годы революции. В ходе Гражданской войны он сражался на стороне красных и получил звание «героя». Затем изучал историю и философию в МГУ. Во время коллективизации он

¹ Вследствие запрета абортов в 1936 году и государственных мер по повышению рождаемости.

поддержал группу Бухарина. В 1930 году его арестовали и приговорили к расстрелу, который был заменен на заключение в лагерях. С 1930 по 1954 год Водолазов-отец был арестован несколько раз и почти весь этот период провел в лагерях или в маргинализированном состоянии (его последний арест пришелся на 1948 год, когда его сыну было десять лет).

Все та же близость к революции и сталинскому периоду обнаруживается и у неформалов второй когорты, рожденных *после* войны, в семьях, где вследствие чисток и войны дети появляются настолько поздно, что от родителей их отделяет полвека. Так, например, отец Александра Механика (род. в 1947 году) 1901 года рождения. Он был сыном еврейского портного, вступил в партию в 1917 году и участвовал в боях Гражданской войны. В 1920 году он становится секретарем райкома партии в Крыму, а затем учится в Институте красной профессуры в Москве¹. В 1927-м участвует в подавлении демонстрации троцкистов, хотя в 1923-м сам был троцкистом. До 1937 года он занимал высокие должности в Московском горкоме партии, а затем был арестован и сослан в Семипалатинск (Казахстан). Вернувшись из ссылки во время войны, Механик сражается на фронте. После демобилизации ему, как бывшему ссыльному, запрещено пребывание в Москве. Он возвращается в Казахстан, в Алма-Ату (где и рождается его сын). В 1947 году он снова арестован и отправлен в лагерь. По возвращении стал ученым-экономистом.

Можно предположить, что родители, пережившие сталинский период и тем более поднявшиеся по социальной лестнице, осуществляя важные политические функции после революции, более или менее сознательно прививали своим отпрыскам привычку к осторожности. Что касается большинства вновь прибывших, чьи семьи не подверглись чисткам, то им свойственна не осторожность, а скорее некоторый конформизм.

Относительная межпоколенческая стабильность

При равных социальных характеристиках две когорты отличаются между собой способами трансформации семейного наследия. Участники

¹ Этот институт создан в 1921 году с целью производства «молодой элиты большевистских кадров [...] в области политических и общественных наук» (Вгосц 1980). Из этого института (ликвидированного в 1938 году) вышли некоторые троцкисты и бухаринцы.

второй волны склонны воспроизводить как профессию родителей, так и их политическую позицию.

Социальное происхождение у двух когорт примерно одинаковое. Лидеры клубов обычно происходят из семей с вертикальной социальной мобильностью, хорошо интегрированных в систему. В обоих случаях обнаруживается одинаковая доля семей, занимающих высшие позиции в социальной иерархии или принадлежащих к «среднему классу». Главы семей заняты в одинаковых сферах: армии, промышленности, партии. Однако две эти группы отличаются между собой способами трансформации семейного наследия. Представители второй когорты склонны воспроизводить специализацию своих родителей (полностью или в смежной области), сохраняя, таким образом, *структуру* семейного наследия (образование и профессию), тогда как участники первой когорты проявляют более сильную горизонтальную мобильность.

Поздно присоединившиеся к движению участники во многом склонны «довольствоваться» наследованием результатов усилий по социальной мобильности, межпоколенческой и даже внутривозрастной (переориентация или двойная специализация), уже совершенных их родителями. Самым типичным примером этой двойной, вертикально-горизонтальной, мобильности служат отцы, поступившие на службу в армию во время или после Второй мировой войны. Армия послужила рычагом социального восхождения не только для детей рабочих и крестьян, в ней также служили гражданские специалисты (медики, юристы, физики, инженеры, историки). Она производила профессиональную переквалификацию боевых офицеров (в частности необходимую для политических работников). В большинстве случаев дети военных, принадлежащие ко второй когорте, наследуют специализацию своих отцов, перенося ее в гражданскую сферу. Социальная позиция, таким образом, удерживается с помощью минимальной трансформации профессионального семейного наследия. Василий Липицкий объясняет это:

Мой отец [крестьянского происхождения] учился на историческом факультете Московского университета. Затем война изменила его направление. Воевал, был летчиком. После войны учился в Военной академии. Затем его оставили в аспирантуре. И его специальностью стала военная

история, история авиации. Он стал доктором исторических наук, достаточно известным специалистом по раннему периоду нашей военной истории — Первая мировая война, Гражданская война¹.

Василий Липицкий (род. в 1947 году) перенял эстафету своего отца в гражданской сфере, став после учебы в МГУ историком КПСС.

Представителям второй волны удастся лучше сохранить семейное наследие (уровень в социальной иерархии). Исходя из большей способности их семей передать им средства воспроизводства семейного наследия с наименьшими потерями и пристроить их в самые престижные учреждения, можно сделать вывод, что эти семьи занимают более высокие социальные позиции, чем в первой когорте. Одним словом, они чаще принадлежат к *доминирующим* фракциям в доминирующих сферах. Достаточно привести пример отцов-военных. Все они — офицеры высокого ранга (что не всегда наблюдается в первой когорте), выпускники военных академий, занимающие посты в командовании и регулярно отправляемые за границу. И кстати, все они служат в авиации, то есть в одном из престижнейших родов войск.

Как мы помним, самыми политизированными семьями ранних неформалов были те, чьи отцовская и материнская линии конфликтовали из-за их расходящихся траекторий. Будущие неформалы, принадлежащие к следующему поколению, часто становятся объектом борьбы между ними; они вынуждены очень рано выработать четкую позицию и начинают искать формы политического активизма вне официальных путей. К этой первичной социализации добавляется эффект горизонтальных перемещений. Например, возможно возникновение межпоколенческого конфликта, проистекающего из противостояния ценностей и образа жизни вследствие разрыва с родительской профессиональной средой².

¹ В. Липицкий, интервью 6.5.1992 г.

² Как показывает Бурдьё (1979: 530), «в случаях [изменения положения, отмеченного горизонтальным перемещением в социальном пространстве,] трансформация способа социального конституирования агентов приводит к появлению отличающихся поколений, чьи конфликты не сводятся к тому, что обычно характеризуют как межпоколенческие конфликты, поскольку в их основе лежит противостояние между ценностями и стилями жизни, связанными с преобладанием в наследии [того или иного капитала]».

В следующей же когорте неформалов не проявляется ни один из тех факторов, что привели первых неформалов к раннему вовлечению в активизм: нет ни феномена расходящихся траекторий родителей, ни горизонтальных перемещений. Родительская семья не является местом политического воспитания; в лучшем случае это место, где происходит пассивное наследование позиции родителей (будь она лояльной или критичной в отношении режима). Политическое сознание не кристаллизуется в противостоянии главе семейства. Однако степень «предрасположенности к протестному активизму» может быть различной в зависимости от ситуации.

В некоторых случаях семейная история подталкивает родителей к тому, чтобы удерживать детей подальше от политики. Эту стратегию избегания можно объяснить стигматизацией, перенесенной после революции. Отец Михаила Астафьева был дворянского происхождения и не смог поступить в университет. Он стал специалистом по электронике в военной промышленности, получив среднетехническое образование. Таким образом, становление советского режима обернулось для него социальным нисхождением. Несмотря на то, что — а может, и *потому, что* — эта деградация не была такой жесткой, как сталинские чистки, ее хватило, чтобы пресечь на корню всякую склонность к радикальной оппозиции. Отец М. Астафьева вжился в новую идентичность, которую ему навязали. Его аполитичность представляется следствием осторожности, которая выработалась у него одновременно как у выходца из стигматизируемой социальной среды и как у человека на скромной технической должности в профессиональной сфере, принесшей ему социальное спокойствие и не способствующей появлению протестных настроений. М. Астафьев объясняет, что сам выработал в себе критичное политическое сознание тем, что с 13 лет регулярно читал «Правду», подвергая все прочитанное дистанцированному осмыслению¹. После обучения в МГУ он становится физиком — то есть сыну удалось «наверстать» потерянные отцом социальные позиции. В других случаях поддержка режима принимается с тем большей очевидностью, что семейная история не дает никакой «объективной» причины усомниться в его правоте. Ирина Боганцева объясняет:

¹ М. Астафьев, интервью 7.5.1992 г.

ИЗ КОГО СОСТОИТ НЕФОРМАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ?..

Я считала, что система нормальная, хорошая. [...] Я с ней не ссорилась, и не потому, что я ее боялась. А просто вот с самого детства как-то у меня не было таких ситуаций, когда вокруг меня были эти конфликты. Так сложилось все мое окружение. Отец мой — военный, мама — учительница музыки. Даже родственники у меня не были репрессированы¹.

И наконец, даже в семьях, где политика не вытесняется, «политизация» при этом не подкрепляется противостоянием главе семьи. Дистанцирование по отношению к режиму совершили уже родители; а дети, опять-таки, всего лишь следуют по их стопам. Отец Ильи Ройтмана, сын и внук военных, был офицером в инженерных войсках Бакинского военного округа, затем, уйдя на пенсию в 1969 году, стал заместителем директора московского театра «Современник». И. Ройтман рассказывает:

Круг, в котором были и мои друзья, общение, которое было у моих родителей, это был круг людей, которые были [...] близкими к диссидентским кругам. И поэтому всю литературу, которая была запрещена тогда, я имел дома, я ее читал. [...] Мой отец меня приучил в детстве слушать «Голос Америки», «Би-би-си»².

Наряду с этой семейной традицией свободомыслия и принадлежности к артистической среде, развивающейся вне официальных институций, И. Ройтман наследует и другую традицию, противоречащую первой: сразу после окончания школы он идет служить в армию (тогда как те, кто собирались продолжить обучение в вузах, обычно без колебаний использовали возможность отсрочки, которая им таким образом предоставлялась). Иными словами, он в точности воспроизводит отцовскую траекторию, во всех ее противоречиях.

Отдаление от мест альтернативной политики

В продолжение своей университетской и профессиональной карьеры участники второй когорты оказываются в ситуациях, которые объективно открывают им меньше возможностей посещать места политической

¹ И. Боганцева, интервью 26.7.1994 г.

² И. Ройтман, интервью 15.5.1992 г.

социализации наподобие тех, которые способствовали появлению первых неформальных клубов. Отсутствие «девиантной» социализации — не результат сознательной стратегии, а косвенный эффект выбранной ими образовательной и профессиональной траектории. Их незнание или удаленность от этих интеллектуальных и политических сетей дают ключ к объяснению их более позднего прибытия в неформальное движение.

Университетские траектории

Поздние неформалы не состоят в контакте с сетями распространения самиздата или со студенческими группами, независимыми от комсомола, тогда как для первой когорты такая ситуация типична. Выбор места обучения, вуза и факультета во многом объясняет это отсутствие контакта.

Представители второй когорты склонны специализироваться в сферах, лишенных какого-либо политического содержания. Они гораздо чаще, чем неформалы первой волны, выбирают точные науки и техническое образование, тогда как доля отцов с техническим образованием одна и та же в обеих когортах (около 40%). Поскольку техническое образование часто ведет к занятости в военном деле и промышленном секторе, оно вряд ли может привести к попаданию в критические и диссидентские среды (возможно, за исключением некоторых институтов, связанных с физикой). Когда представители второй когорты выбирают социальные науки, они в равной степени выбирают историю и философию, вне зависимости от периода поступления в вуз. В результате среди поколения 1948—1964 годов в два раза больше студентов-философов во второй когорте, чем в первой¹. Эта разница в поведении может объясняться либо большей склонностью участников второй когорты к партийной карьере, либо тем, что их карьерные стратегии формируются так, чтобы не уклоняться от проторенных путей. По всей видимости, им присуща склонность делать менее рискованные ставки при своем жизненном выборе. Чтобы подстраховаться, они отдают предпочтение классическим техническим факультетам (точные науки) или философии — где есть более ясная перспектива. Это не означает, что они делают плохие ставки. Просто они не способны предвидеть возможность переопределения

¹ См. таблицу 5 на с. 80.

игры, в результате которого места изначально менее интересные могли бы получить бóльшую ценность.

В зависимости от своего типа и географического положения разные вузы дают большие или меньшие возможности прохождения через девиантные формы политической социализации. *Отраслевые* технические институты гораздо более непроницаемы для внешнего влияния: будучи привязаны к промышленному сектору, они готовят специалистов, которым предстоит быть зафиксированными на определенных рабочих местах, и они менее склонны к «идеологическому попустительству» в отношении студентов, чем учреждения, дающие более теоретическое образование. А ведь специалистов в точных науках и инженеров, вышедших из отраслевых институтов, во второй когорте почти в три раза больше, чем в первой. Местонахождение вуза является еще одним фактором доступа к формам альтернативной политической социализации. Москва занимает центральное место в этой политической географии; в 1970-х годах студенческий активизм вне комсомола был там очень динамичным и касался выходцев из самых разных социальных слоев. Москва — это место относительной свободы и меньшего контроля по сравнению с провинцией. И показательно, что во второй когорте большинство провинциалов прибывают в столицу лишь после окончания вуза. Это запоздалое прибытие, возможно, объясняется их географическим происхождением: многие из них родились в маленьких городках или поселках, так что сначала им пришлось пройти период внутри- или межрегиональной мобильности в период учебы в вузе, а уж потом «прорваться» в Москву. Их пространственное и временное удаление от столицы не только сделало менее вероятным включение в протестную политическую активность; оно вынудило их не играть с огнем во время учебы в вузе, а затем старательно накапливать кредит доверия своей образцовой лояльностью системе, чтобы сохранить шанс однажды быть переведенными на работу в Москву.

Профессиональные траектории и интеграция в систему

Участники второй когорты склонны накапливать одобряемые системой знаки успешной социальной интеграции (активное членство в комсомоле, вступление в партию, служба в армии). Среди них про-

порциональное число членов КПСС в два раза больше, чем в первой когорте; и этот разрыв углубляется в послевоенных поколениях. Стоит отметить, что многие из них работают в секторах, где членство в партии является обязательным условием интеграции (военная промышленность, теория педагогики и др.).

Таблица 6

Распределение членов КПСС по когортам вступления в движение и по годам рождения

Год рождения	до 1947	1948—1958*	После 1959	Всего
Когорта I	7 (из 12 человек, или 58,3%)	6 (из 26, или 23%)	0 (из 13, или 0%)	13 (из 51, или 25,5%)
Когорта II	10 (из 17, или 59%)	6 (из 11, или 55%)	2 (из 8, или 25%)	18 (из 36, или 50%)
Всего	17 (из 29, или 58,6%)	12 (из 37, или 32,5%)	2 (из 21, или 9,5%)	31 (из 87, или 35,6%)

* Поколение рожденных в 1958 году достигает обычного возраста вступления в КПСС (29 лет) в 1987 году. Однако некоторые категории (ответственные комсомольские работники, военные) могут вступать в партию и до 29 лет.

Военная служба и получение партбилета не сводятся к ритуалам интеграции в установленный социальный порядок. Они также дают возможность расширения пространства профессиональной мобильности — как вертикальной (давая начальный импульс к социальному восхождению и/или к более быстрому карьерному росту), так и горизонтальной (открывая сразу несколько возможных путей роста и упрощая межотраслевую мобильность). Для семей, которым не посчастливилось подняться на волне массовых продвижений по службе в 1930-е годы¹ или после войны, совмещение военной службы с членством в партии является эффективным способом начать карьеру. Георгий Гусев (род. в 1939 году), сын рабочего, в 18 лет поступает на службу в военно-морской флот, а затем в десантные войска сроком на четыре года. Во время службы в армии вступает в партию. Затем он зачислен в Московский энергетический институт, но продолжает работать монтажником на за-

¹ См.: Fitzpatrick 1979.

воде. Благодаря военной службе, статусу рабочего и членству в партии он занимает руководящую должность среднего звена в Московском научно-исследовательском телевизионном институте. Впоследствии он получает образование в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, что знаменует его вхождение в ряды номенклатуры. В других случаях военная служба или вхождение в комсомольскую элиту оказываются единственным способом профессиональной переориентации. Провалившись на вступительных экзаменах на медицинский факультет во Львове, Вячеслав Шостаковский (род. в 1937 году) вынужден довольствоваться фармацевтическим образованием. За год до получения диплома, в 1959-м, он начинает карьеру в комсомоле, а затем в партии и всего за три года получает назначение в Москву, в аппарат ЦК. В 1986 году он достигает пика своей карьеры, став ректором Московской высшей партийной школы при ЦК КПСС¹.

В секторах, где поощряются знаки лояльности системе, членство в партии является решающим фактором карьеры. Отказ от вступления в партию оборачивается остановкой на относительно низком иерархическом уровне. Поэтому инженеры и исследователи второй когорты, оставшиеся работать в ВПК больше трех обязательных лет после вуза, почти все являются членами партии.

Активная работа в комсомоле, вступление в партию и военная служба дают также возможность занимать позиции в разных отраслях. Владимир Жириновский² (род. в 1946 году) выстраивает свою университетскую траекторию так, чтобы сделать карьеру в дипломатии и/или в партии. Он изучает международные отношения в Институте марксизма-ленинизма при ЦК и турецкий язык в Институте восточных языков МГУ, где занимает также должность секретаря комсомольской организации. Во время военной службы в Политическом управлении Кавказского военного округа он специализируется на Ближнем Вос-

¹ Интервью 13.2.1991 г.

² В мае 1988 года он активно участвует в учредительном съезде «Демократического союза» (ДС), первой «партии», вышедшей из неформального движения, не имея при этом в ней формального членства. Он представит свою кандидатуру — под националистическими лозунгами — на президентских выборах в России 1991 года и обретет с этого времени международную известность.

токе. Затем изучает международное право в МГУ. Работая в Советском комитете защиты мира в течение двух лет, Жириновский наблюдает за деятельностью западноевропейских пацифистских движений. Затем, с 1973 по 1984 год, работает в адвокатской конторе, занимаясь международными разбирательствами в гражданских делах по вопросам собственности. И в конце концов возглавляет юридическую службу издательства «Мир» Советского комитета защиты мира. Таким образом, он работает не напрямую в дипломатическом корпусе, а в институтах, имеющих отношение к международным отношениям.

Итак, новички движения делают карьеры такого типа, который не встречается у первых неформалов, поскольку те, во имя поддержания «чистоты» своей социальной идентичности, держатся на расстоянии от некоторых властных институтов. Тем не менее иногда они не брезгают прибегать к ресурсам партии: Андрей Фадин задает связи своего отца в ЦК, чтобы избежать распределения учителем средней школы после окончания университета; Борис Кагарлицкий становится кандидатом в члены партии, надеясь обеспечить себе прикрытие для подпольной политической деятельности. Но и у того, и у другого эти компромиссы не принимают больших масштабов и не затрагивают основы их идентичности. Как бы там ни было, вторая когорта не соблюдает те табу, которые свойственны первой.

Политические траектории

Поздние неформалы, за редким исключением, не ведут подпольной или параллельной политической деятельности. Большая их часть оказывает поддержку реформаторам лишь на продвинутом этапе Перестройки. В их профессиональных карьерах не наблюдается отклонений, которые были бы вызваны их политическими позициями. Если не считать шестидесятников второй когорты, они не пытались использовать свою должностную позицию (порой довольно высокую), чтобы поменять правила игры.

Во второй когорте шестидесятники представляют собой исключение, несмотря на то что поколение оттепели представлено там широко. Это особенно чувствуется в партклубах: 53% из 66 активных членов «Московского партийного клуба» (МПК) родились до 1939 года, тогда как

эти поколения составляют лишь 40% от общего числа членов партии. Создается впечатление, что неформальное демократическое движение дает второй шанс тем, кто в 1960-х «упустил момент».

Профессиональная деятельность и семейная среда рожденных с 1948 по 1964 год способствовали их удаленности от центров притяжения протестного активизма, однако волны, исходящие от этих мест, все-таки широко распространялись по советскому обществу. Поэтому членам второй когорты довелось контактировать с политизированными кругами, но они, сознательно или неосознанно, не использовали свои возможности. Это объясняется тем, что представители этого поколения выстраивали свою социальную идентичность таким образом, что не могли опознавать девиантные роли как легитимные. Так, Владимир Боксер постфактум считает, что не примкнул к «правильной» фракции интеллигенции, хотя имел все возможности доступа к диссидентству:

Я погрешил бы так против истины, если бы считал, что я был каким-то диссидентом до 1988 года. [...] Я вообще не только не был диссидентом активным, но и пассивным я не был. [...] Я не вращался в такой среде, которая имела больше информации, чем другие люди. Если взять тех, кто стал диссидентом, то в основном это представители чисто творческой интеллигенции и те люди, которые имели возможность в этот момент уезжать как-то на Запад... А мы¹ жили в таком информационном вакууме [...]. Среди моих родственников были какие-то родственники, которые имели в силу своего положения доступ к другой информации. [...] Я помню, что я даже спорил с ними. Теперь понимаю: очень глупо при этом выглядел. У меня был троюродный брат, который был близок к Сахарову. С его отцом я спорил, говорил, что все не так по поводу событий в Чехословакии, даже в Афганистане².

Даже когда у представителей второй когорты имеется политический опыт вне официальных рамок, в нем обнаруживаются элементы самоцензуры: этот опыт длится недолго, он ограничен в социальном про-

¹ В. Боксер происходит из семьи врачей.

² В. Боксер, интервью 3.7.1992 г.

странстве и в самих формах, которые принимает мобилизация. Будучи студенткой исторического факультета МГУ, Ирина Боганцева участвует в спонтанной политической мобилизации, на которую руководство смотрело сквозь пальцы и которая воспроизводила официальный репертуар коллективного действия, ни в коей мере его не преворачивая:

В 1973 году, когда случился в Чили переворот, то это ужасное впечатление такое... очень гнетущее на всех произвело. И в университете поднялась такая буча по этому поводу. И мы организовывали субботники. Не комитет комсомола — он был против, он с нами боролся. И не комитет партии. А вот просто какие-то неформальные такие... еще тогда нельзя сказать, что лидеры, но... мои приятели там. Не только на нашем факультете эти люди были. На биофаке, я помню, было много. И мы организовывали сами... мы находили место работы. Например, мы работали в метро. [...] И мы зарабатывали деньги, и эти деньги мы отдавали чилийцам, которые тут были, чтобы они могли, например, вернуться на родину, чтобы они там могли купить оружие. [...] И обязательно в этих субботниках участвовало человек по сорок, по-разному было. Был маленький митинг всегда¹.

Хотя комсомол и партия демонстрируют скепсис в отношении этой инициативы, ее организаторы не пытаются использовать одобряемые формы в неодобряемых целях в логике «вторичной адаптации» — в отличие от некоторых членов «Лаборатории экспериментальной пропаганды» (появившейся в МГУ двумя годами раньше), которые продолжают свою деятельность в подпольной группе «Молодые социалисты», а затем окажутся в первой когорте неформалов. Ирина Боганцева не стала трансформировать свой опыт, слегка уклоняющийся от официальных путей, в «девиантный» политический активизм.

Таким образом, новобранцы движения делают карьеры, более соответствующие официально установленным моделям. Иногда встречающиеся отклонения в поведении остаются весьма ограниченными. Причины могут быть связаны с семейной историей (когда кто-то из ро-

¹ И. Боганцева, интервью 26.7.1994 г.

дителей пережил период чисток), с местом рождения (позднее прибытие в Москву не способствует ранней эмансипации от некоторых давящих социальных норм) или с политической историей семьи (слабая степень вовлеченности в политику в рамках семьи или слабая трансформация родительской политической позиции). Этот конформизм оказывает влияние на стратегии в профессиональной сфере: отсюда слабость горизонтальной (межотраслевой) переориентации от поколения к поколению, настойчивая погоня за знаками социальной интегрированности, выбор карьеры, уменьшающий вероятность контакта с местами инакомыслия или социального деклассирования (доля людей, не имеющих стабильной занятости, во второй когорте гораздо меньше). Со второй волной на сцену неформального движения выходят акторы нового типа: они не принадлежат ни к категории шестидесятников (являвшихся в каком-то смысле «духовными отцами» первой когорты), ни к тому более или менее протестному поколенческому единству, из которого вышли многие участники первых клубов. В движении произойдут качественные изменения, поскольку эта новая волна активистов привнесет в него другие способы восприятия политической ситуации (прямая оппозиция режиму) и трансформирует его формы организации и мобилизации.

Вовлечение в неформальное движение

Поздний приход

В отличие от первых неформалов, быстро уловивших изменения в партийной элите, новобранцы не стали бросаться на поиски новых возможностей с самого начала Перестройки. Они приходят в движение лишь с весны 1988 года или даже в 1989 и 1990 годах. Некоторые не замечают текущих трансформаций или, по крайней мере, считают их недостаточными, чтобы решиться на вступление в общественную деятельность. Во многих случаях их рекрутирование происходит как бы случайно, будь то на Пушкинской площади или в клубах избирателей по месту жительства, проявляющих большую активность. Они отнюдь не сразу осознают, что ситуация изменилась, продолжая бояться запретов, которые на практике уже давно сняты. И. Боганцева, например,

понимает это только во время выборов 1989 года, но и тогда не верит до конца, что ситуация действительно изменилась. В марте 1989 года милиционер позвонил в ее дверь и спросил, за кого она будет голосовать на выборах народных депутатов СССР.

Этот случай с милиционером меня страшно возмутил. [...] Я нашла Инициативную группу Ельцина, в Госстрое, и сказала: «Знаете, если той стороне помогает милиция, то я готова помогать вашей стороне. Что мне делать, скажите, я буду делать. Давайте я буду клеить листовки». [...] Прошло три дня этой всей деятельности [наклеивания листовок], и тут был пленум партии [16.3.1989], который осудил Ельцина за его «неэтичное поведение» [...]. И мне было очень страшно. [...] Я, член партии, агитировала за человека, который... ну в общем, его поведение партия осудила. То есть я веду антипартийную деятельность. [...] И вот я выхожу из дома, у меня пачка этих листовок, я думаю, что, если я сейчас себя не преодолею, этот страх, он всегда будет внутри меня, то есть я всегда буду помнить, что было такое в моей жизни, чего я не смогла переступить. Я этого не хотела. [...] И вот понимаете, это было самое начало. И они меня в это втягивали. У меня не было такого намерения¹.

После выборов 1989 года неформальные группы стали восприниматься «всерьез» многими «видными представителями» КПСС как локального, так и общенационального уровня. Отныне партийные деятели присоединяются к ним без колебаний. Некоторые из них уже давно заинтересовались движением, но до поры до времени довольствовались тем, что наблюдали за ним издалека², иногда оказывая поддержку, но не вступая в него: сделать такой шаг было тогда для них невысказано. После выборов они смело вступают в клубы, сохраняя свои должности в партаппарате. Такой процесс стал возможен лишь потому, что само политическое пространство начало трансформироваться. Его флюидность проявляется в смыкании нескольких разных социальных сцен

¹ И. Боганцева, интервью 26.7.1994 г.

² Ректор Московской высшей партийной школы В. Шостаковский негласно присутствовал на Первой всесоюзной конференции неформальных клубов в августе 1987 года.

и в проницаемости границ между разными коллективными акторами. Так, Игорь Яковенко, заведующий идеологическим отделом Дзержинского райкома КПСС города Москвы, сближается с неформальным движением поэтапно. В конце 1986 года он дает неформалам разрешение на митинг, вследствие чего его увольняют с должности. До той поры он следовал по проторенному пути самой обычной партийной карьеры. Вступив в партию в 20 лет (в 1971-м), он получил философское образование в МГУ и стал ответственным комсомольским, а затем партийным работником. В партии он сделал карьеру и возглавил идеологический отдел райкома, получив параллельно образование в Московской высшей партийной школе (МВПШ) (1982—1986). После его увольнения из райкома в начале 1987 года ректор МВПШ В. Шостаковский, который считается протее Александр Яковлева (правой руки М. Горбачева), берет его под свое крыло и делает его одним из своих ближайших соратников. Получив бóльшую мобильность, И. Яковенко изучает клубы и становится сторонником «Московского народного фронта». В январе 1990 года он окончательно вступает в движение, присоединившись, одновременно с самим Шостаковским, к «Демократической платформе в КПСС». С приходом высокопоставленных аппаратчиков все сложнее становится провести границу между партклубами и самой партией, поскольку видные деятели последней используют клубы в своей борьбе за власть и предоставляют им некоторые партийные ресурсы (помещения, партийную прессу и т.д.). Правда, стоит отметить, что такого рода пополнение движения касается лишь небольшого количества людей: «профессиональные аппаратчики» остаются в абсолютном меньшинстве во всех неформальных клубах, даже в партийных.

В целом участники второй когорты вступают в движение только после того, как были приняты законодательные решения, сделавшие необратимыми текущие политические трансформации. Их вступление в движение привязано к трем ключевым моментам в политической жизни страны:

- XIX партконференция летом 1988 года; на ней обсуждаются реформы КПСС и новые избирательные правила. Неформальные клубы пополняются в основном в ходе митингов на Пушкинской площади.

- Первая избирательная кампания 1989 года перед выборами на Съезд народных депутатов СССР (январь—май 1989). Появившиеся тогда клубы избирателей, а также партклубы становятся главными каналами входа в движение.
- Принятие в марте 1990 года поправки к Конституции СССР, отменившей монополию КПСС на власть и разрешившей многопартийность. Возникновение партий не стало переломным в развитии демократического движения, поскольку большая их часть образовалась в рамках клубов первого периода, или партклубов. Они стали новой формой организации и новым каналом рекрутирования в движение.

По приходе в движение новички сразу же начинают практиковать активизм в радикальных формах, проявляя политический радикализм и целиком и полностью предаваясь этой новой деятельности.

Проблемные отношения с участниками первой когорты

Поскольку у вновь прибывших иное политическое прошлое, нежели у пионеров движения, и они вступают в него в ином контексте, у них вырабатывается совсем иное видение того, чем является и чем должно быть движение, а также какими должны быть отношения, устанавливаемые с «властью» и «реформаторами». Они имеют существенный вес, потому что столь же многочисленны, что и представители первой когорты; в Москве их насчитывается более тысячи.

Первая и вторая когорты располагают разными формами компетентности, и эта разница станет одной из причин их соперничества. Самые первые неформалы создают дискуссионные клубы, придают большую важность дебатам, проводимым зачастую по академической модели. Они пытаются повлиять на партийных реформаторов. А новобранцы стремятся в первую очередь задействовать места большого скопления людей, организуя митинги и демонстрации. У большинства из них нет таких исторических и политических познаний, как у лидеров первых клубов. И хотя они не брезгают малопрестижной рутинной работой (расклейкой плакатов, распространением листовок, организацией охраны во время митингов, наблюдательской работой на избирательных

участках), им доводится исполнять и более престижные роли (готовить депутатов-демократов к публичным выступлениям в преддверии первой парламентской сессии, организовывать первую демократическую парламентскую фракцию). Но главное, они выступают в роли организаторов митингов, а для этого опыт, приобретенный за годы работы в партии и комсомоле (привычка к публичным выступлениям перед неакадемической публикой, проведение мероприятий в партийных и комсомольских организациях, работа в советах), оказывается гораздо более полезным, чем «интеллектуальные» компетенции центрального ядра первой когорты.

Первые неформалы пытаются внедриться во властные игры, подерживая порой двойственные отношения с партийными реформаторами. Ведя такую двойную игру, они склонны при этом занимать умеренные позиции. Новички же, в целом не привыкшие проникать в зазоры системы, плохо приспособлены к ситуации амбивалентности, к двойной игре, к интерпретации и переопределению смысла институций. Первые неформалы вступили в движение, когда система еще только начинала раскрываться вовне; когда же приходит вторая волна неформалов, система уже сдает позиции по многим пунктам. Да и сама предпочитаемая ими форма массовых акций, доказавшая свою успешность, заставляет их быть более резкими в отношении представителей партии и толкает к открытой оппозиции власти. Однако у такого рода радикализма совсем иной смысл, нежели у того, который был распространен в движении 1987—1988 годов, когда «радикальные» группы, приписывающие себя к диссидентству, оказались маргинализированы. Хотя радикализм новобранцев отчасти можно объяснить рвением неопитов и стремлением отделиться от «старых» неформальных клубов, прежде всего он позволяет сблизиться с «радикальными» реформаторами внутри аппарата, такими как Ельцин. Этот радикализм, диктуемый (как и умеренность первой когорты) стратегическим чутьем, идеально вписывается в тенденции времени, и его выигрышность подтверждается результатами выборов на Съезд народных депутатов СССР в 1989 году.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Отсюда и происходит то, что на первый взгляд может показаться парадоксом: именно социально интегрированные индивиды, оставшиеся вдали от инакомыслящих и диссидентских сред, становятся главными проводниками политической радикализации¹ и противостояния режиму, тогда как акторы, начавшие свою оппозиционную деятельность задолго до Перестройки, предпочитают разыгрывать сценарии сотрудничества с властью и весьма умеренны в своем противостоянии ей.

¹ Об эффектах «радикализации» см.: Collovald, Gaiti 2006.

Вторая часть

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ФОРМИРОВАНИЕ ОСОБОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
(1987 — ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
1988 ГОДА)

Неформальное движение — это подвижный объект, развивающийся в политическом мире, который сам находится на стадии формирования. Тем не менее создание движения и его коллективной идентичности опирается на отдельные элементы стабильности. Конфигурация отношений клубов с другими политическими акторами, существовавшими ранее или появляющимися одновременно с ними, обнаруживает определенное постоянство с 1987 года и до второй половины 1988-го. Однако содержание этих отношений, правила, по которым они развиваются, весьма различаются в зависимости от конъюнктуры. Иными словами, при некоей постоянной структуре игры наблюдаются значительные вариации происходящего внутри этой структуры.

Несмотря на то что неформальное движение отсылает к очень разнородной совокупности типов организаций и форм мобилизации, ему удается сформировать некую коллективную идентичность. Как форма «клуб», так и термин «неформал», существовавшие до Перестройки, присваиваются новыми акторами, которые переопределяют и по-новому их используют. Вскоре лидеры основных политических клубов уже стремятся привести всю эту разнородность к общему знаменателю, к идентичности, способной создать между ними некую связь, а также обозначить отличие от других политических акторов, порождая общий эффект «движения». Термин «неформал» оказывается в эпицентре этого формирования идентичности. Прежде всего, он является синонимом «неофициального», «независимого» от государственных органов. Но это также и политическое позиционирование: неформалы в основном

принадлежат к «левым». Однако сам термин «левые» неоднозначен. С одной стороны, он отсылает к классической западной типологии: большинство клубов определяют себя как «социалистические» (с разными нюансами), что в контексте 1987—1988 годов означает близость с партийными реформаторами. С другой стороны, этот термин обретает специфический смысл в традиционной российской терминологии, которая тогда вновь всплыла на поверхность, обозначая силы, выступающие за политическую и экономическую либерализацию. Два эти смысла не обязательно совпадают друг с другом, и двойственность понятия будет оказывать глубокое влияние на «неформальную» идентичность в течение всего ее существования.

Как мы уже сказали, структура игры, в которую были втянуты московские клубы, достаточно стабильна. Их официальные собеседники — партия, комсомол, институты, принадлежащие интеллектуальным средам, КГБ... — занимают четко определенное место в политической системе, которая сама еще сохраняет консистентность, хотя в начале Перестройки уже и проявляет первые признаки деформации. Одним из признаков относительного послабления стал тот факт, что впервые со времен уничтожения диссидентства было позволено создание независимых ассоциаций. Соперничество между «консерваторами» и «реформаторами», являвшееся константой политической жизни с середины 1950-х годов, заставило «реформаторов» сделать ставку на эти организации и клубы — чтобы те их поддерживали, обеспечивали им народную поддержку в противостоянии с «консерваторами», играя роль «низового одобрения реформ». И еще до разрешения собственно политических групп они вводят в политическую игру этих новых акторов, пока неопределенных и аморфных. Створ, который завязывается между клубами и реформаторами, — это центральный элемент идентичности неформального движения, так как он позволяет последнему выйти на политическую сцену.

Структура игры, в рамках которой развиваются клубы, не сводится к противостоянию «реформаторов» и «консерваторов», входящих в партийные и государственные институции. В нее попадают и новые акторы, возникающие вне официальной сферы: это различные «националистические» (самая известная среди которых — «Память»),

«сталинистские» и «небольшевистские» группы, а также группы, провозглашающие себя наследниками диссидентов. Наименования, отстаиваемые этими акторами, позволяют неформалам достаточно четко себя позиционировать: они противостоят «националистам» и «сталинистам» и видят конкурентов в тех, кто хочет возродить или заново создать «диссидентство». Своими разнообразными взаимодействиями эти новые акторы порождают новое политическое поле.

Позиционирование неформальных клубов по отношению к разным участникам игры накладывает ограничение на формируемую ими коллективную идентичность. Эта идентичность — не только результат производства неформалами дискурса о самих себе или работы по налаживанию связей и строительству сетей; она зависит также и от того, каким образом их воспринимают и определяют их противники и конкуренты. Неформальные лидеры прекрасно знают, что их козырь — стовор с партийными реформаторами — является вместе с тем их ахиллесовой пятой. В чистом виде кооперация с данной фракцией власти грозит их дискредитировать — если им не удастся четко обозначить свою автономию. Да и сами они стремятся к гораздо более существенной роли, чем роль простого демократического алиби реформаторов. Они хотят вести собственную политическую игру, тогда как их контактные лица из партии взаимодействуют с движением по привычной схеме «руководить и направлять». Поэтому в их отношениях переплетаются сотрудничество и конфликты¹. Поскольку необходимо сохранить репутацию в глазах других акторов, неформалам приходится вести двойную игру с реформаторами. Эта сложная и тонкая игра объясняется их позицией внутри разных, но взаимозависимых пространств.

Неформалы пытаются различными способами расширить свое поле действия в ущерб реформаторам, не брезгуя любой возможностью, и замечают, что в некоторых местах система дает слабину. Сам успех их мобилизаций и динамика, которую они порождают, толкают неформалов к несоблюдению определенных ранее правил игры. Конструирование

¹ Стороны вступают в то, что Schelling (1966: 83) называет *игрой координации*, в которой перемешиваются взаимозависимость и конфликты, партнерство и соперничество; несмотря на расхождение в позициях, игроки вынуждены координировать свои действия для получения взаимной выгоды.

«неформальной» идентичности, таким образом, во многом регулируется системой отношений, установленных клубами с другими акторами и накладывающих серьезные ограничения на их действия. Оно зависит также от возможностей мобилизации, связанных с состоянием политического пространства. Волны мобилизаций способны дестабилизировать некоторые правила игры и устоявшиеся отношения, представляя собой своего рода переломные моменты в развитии движения.

Сначала мы рассмотрим генезис неформального политического движения Москвы, уточняя при этом, в каком контексте оно появляется, какие существовавшие ранее элементы коагулируются внутри него, как этот мир клубов складывается и иерархизируется. Затем мы увидим, как конструируется союзничество между клубами и партийными реформаторами, которое обе стороны изначально всячески идеализируют. Об этом тактическом союзе было впервые публично и торжественно объявлено на Всесоюзной конференции неформальных клубов в августе 1987 года, и с этого момента он быстро трансформируется. Это очень важный момент объективации неформального движения. Порождаемая им особая динамика изменяет взгляды различных участников на перспективы неформального движения и влияет на стиль их игры. Соперничество и протесты внутри движения усиливаются. Неожиданный успех августовской конференции приводит также к расширению репертуара коллективного действия клубов.

1. Неформалы и партийные реформаторы: игра в сговор

Отношения сотрудничества и взаимодействия, которые отдельные клубы устанавливают с партийными реформаторами, могут показаться рискованным начинанием в эпоху, когда еще так свежа память об истреблении диссидентства. Клубы вовлекаются в поддержку реформ, понимая, что отныне открыта возможность отвоевать пространство для действия путем переговоров с властью. В борьбе против консервативного крыла партии реформаторы с помощью неформальных клубов хотят доказать, что их политика пользуется народной поддержкой. По-

этому они признают их легитимными собеседниками и предоставляют ресурсы, придающие клубам политическую значимость. И те, и другие чувствуют, что вести переговоры и признавать друг за другом легитимность стало «рентабельно». В результате обе стороны делают ставку на то, чтобы представить клубы как однородное движение и показать: это движение не только само порождено реформами, но и делает последние необратимыми.

Каждая сторона обдумала свою стратегию, иногда задолго до этих событий. Представление об игре в створ существовало еще до Перестройки. Напомним, что идея «диалога с властью» была сформулирована в 1970-х годах некоторыми диссидентами, стремившимися порвать с традицией «правозащитников». Это представление и приводит участников обеих сторон к совместной работе по подготовке Информационной встречи-диалога «Общественные инициативы в Перестройке» — первой конференции неформальных клубов, ставшей ключевым моментом во всей истории движения.

Рождение новой формы политической мобилизации: неформальные клубы

Рождению в 1986—1987 годах неформального политического движения способствовала борьба между фракциями внутри КПСС. Консолидация лагеря «реформаторов» начинается при Юрии Андропове (ноябрь 1982 — февраль 1984). Она была приостановлена при Константине Черненко и возобновилась с избрания Михаила Горбачева на пост Генерального секретаря Центрального Комитета в марте 1985 года. Во время XXVII Съезда КПСС происходят «чистки», в результате которых 55% членов руководящих органов смещены с занимаемых ими постов¹. Эта борьба дает сигнал тем, кто обретаются в реформистских академических средах, бывшим диссидентам, старавшимся в свое время наладить «диалог» с реформаторами в КПСС, и части «восходящей партийной элиты». Появление неформальных клубов объясняется соединением двух факторов: намерений партийных реформаторов, позволяющих развиваться новым формам мобилизации, и присутствия акторов, которые, в поисках новых возможностей, присваивают себе

¹ Фадин и др. 1991.

эти еще аморфные места для разворачивания своего собственного политического действия.

Форма, поощряемая властями...

Реформаторы стремятся мобилизовать две категории населения: интеллектуалов и «молодежь». Они способствуют развитию новых форм высказывания и действия, но при этом неизменно пытаются направлять их, боясь, что они выйдут из-под контроля. Поэтому они просят содействия у государственных институтов и «общественных организаций», составляющих ответвления партии. Эти организации обладают «организационной автономией» (своей собственной иерархией), но при этом подконтрольны КПСС¹ — в соответствии с советской Конституцией 1977 года (6-я статья которой подчеркивает, что КПСС является ядром политической системы и всех общественных организаций). Тем не менее, как отмечает М. Ферро, некоторые из этих институтов постепенно отвоевали себе зоны «микро-автономии» по отношению к партии и, опираясь на свою организационную автономию, присвоили новые сферы компетенции. Таким образом, система, описанная Т. Ловиттом в 1979 году, испытала к началу Перестройки некоторое ослабление, и уже ничто не гарантировало партийным реформаторам абсолютного сотрудничества и беспрекословного подчинения со стороны всех ответвлений партии. Реформаторы предпочли опереться только на те из них, которые казались им наиболее надежными.

Мобилизация интеллектуалов происходит по принципу профессиональной принадлежности, одна за другой мобилизуются разные профессии. Символы, ассоциирующиеся с хрущевской оттепелью, обретают вторую жизнь. С 1985 года именитые шестидесятники назначены главными редакторами таких органов прессы, как «Новый мир», «Огонек» и «Московские новости»². Что касается научной сферы, А. Аганбегян и Т. Заславская, лидеры «новосибирской группы», в 1986 году призваны в Москву на ответственные посты в Академии наук. Заславская назначена главой Советской социологической ассоциации. Оба становятся советниками М. Горбачева. Реформаторы пытаются также возродить формы

¹ Lowitt 1979.

² См.: Berelowitch 1993a: 118.

взаимной поддержки между партией и академической средой, возникшие при Хрущеве и действовавшие при Андропове. Последний за свое недолгое пребывание у власти действительно обратился к интеллигенции за «поддержкой в деле реформирования системы»¹ и приказал исследования социального и экономического положения страны академическим институтам. Т. Заславская составила тогда свой знаменитый отчет, где объяснялось, что советское общество вовсе не однородно, поскольку группы, которые его составляют, имеют потенциально расходящиеся между собой интересы; что высшие чины администрации сопротивляются проведению реформ; что существующая экономическая система не адаптирована к современным классам — более образованным, чем раньше, и имеющим собственные интересы².

Однако М. Горбачеву недостаточно идти по следам своих предшественников. Он поощряет создание новых пространств для дебатов, новых форм мобилизации в рамках официальных структур. Именно отсюда и берут начало неформальные клубы. В некоторых академических институтах появляются дискуссионные группы, обсуждающие будущие реформы. Весной 1986 года положение, ратифицированное двенадцатью организациями (включая Министерство культуры и ВЦСПС), разрешает подчиненным им общественным организациям давать официальное прибежище «любительским объединениям» и «клубам по интересам»³. Этот текст, призванный прежде всего вернуть молодежь в лоно официальных институтов, реабилитирует наименование «клуб».

Врезка 1

Различное использование понятия «клуб»

Термин «клуб» существует с самого начала советского режима. В 1920-е годы он обозначает дома культуры и постепенно становится общим термином для все более многочисленных ассоциаций, коммун

¹ Lewin 2003: 332.

² См.: Sutela 1991: 115—116 о «новосибирском отчете», опубликованном за границей (Novosibirsk report // Survey. 1984. № 1. P. 88—108) и тайно циркулировавшем в СССР.

³ «Положение о любительском объединении, клубе по интересам», 13.5.1986 г.

и т.д., у которых есть определенная свобода действий. Единственное условие, которому нужно удовлетворять для регистрации клуба, — обладать целями, не противоречащими закону. С 1926 по 1935 год их развитие прерывается. С 1932 года все ассоциации законодательно напрямую подчинены соответствующим официальным институтам, получившим над ними полную власть¹. И только после смерти Сталина наблюдается возрождение ассоциативной сферы, которая, однако, так и не освобождается от административного контроля. Тогда появляется множество «самодеятельных клубов» (театр, бардовская песня и др.). В 1970-е годы в СССР их насчитывается около 133 000.

Научно-исследовательский институт Министерства культуры РСФСР, занимающийся их изучением, констатирует, что с 1986—1987 годов в досуговой сфере происходят структурные изменения, не предусмотренные властью. Государственные инфраструктуры находятся в плачевном состоянии, и интерес к ним граждан резко падает, тогда как частные «инициативы» (дискотеки, клубы аэробики) переживают настоящий «бум». В ответ власти решают с 1986 года создать «экспериментальные центры досуга», которые должны предлагать платные услуги населению. Цель этой меры состоит в том, чтобы интегрировать частные «инициативы» в официальные организации. Таким образом, можно было не только лучше их контролировать, но и направлять их выручку в государственный бюджет². Поэтому неверно было бы усматривать в Положении 1986 года лишь стремление к политическому контролю — большое значение здесь имеют бюджетные соображения. Независимые организации могут легализоваться через регистрацию в рамках организаций официальных. Но последние получают право полностью распоряжаться клубами и всем их имуществом.

Именно эту, единственно доступную форму клуба примут первые политические организации, поскольку они не могут претендовать ни на статус общественной организации (на него имеют право лишь

¹ ВЦИК и СНК РСФСР 1932 (док. 29). Мы вернемся к вопросу законодательства о клубах позже.

² Жежко, Фадин 1987.

официальные организации), ни уж тем более на статус партии. Предполагалось, что универсум клубов примет форму, соответствующую институциональному миру, и точно воспроизведет его отраслевые и территориальные деления.

Проведение этой политики сопровождается рекрутированием или продвижением партийных работников нового типа. В партийной элите Александр Яковлев с августа 1985 по август 1986 года возглавлял отдел пропаганды ЦК КПСС. Делая партийную карьеру, он параллельно смог заслужить репутацию в академической среде, став директором ИМЭМО, а затем членом-корреспондентом Академии наук. На местном уровне парткомы двух районов Москвы (Брежневского и Севастопольского), где находятся многие академические институты, принимают на работу чиновников, хорошо интегрированных в научные структуры. В горкоме Москвы, то есть на промежуточной ступени между ЦК и райкомами, назначение Бориса Ельцина на пост первого секретаря в декабре 1985 года (взамен консерватора В. Гришина) приводит к значительным перетасовкам внутри аппарата¹, и некоторые чиновники начинают специализироваться на работе с неформальными клубами.

Таким образом, реформаторы выстроили стратегическую цепочку между партией, некоторыми институциями и будущими клубами (как они их себе представляли). Ключевую позицию в этой игре призвано занять связующее звено — организации, регистрирующие клубы. Они были способны установить с клубами доверительные отношения и обладали рычагами давления на них, поэтому считалось, что эти организации станут гарантами их адекватного поведения. Такое посредничество позволяло также избежать непосредственного контакта между КПСС и клубами, который мог бы поставить под сомнение политику партии — ведь последняя нуждалась именно в «спонтанной» низовой поддержке.

Форма, осваиваемая акторами в поисках новых возможностей

Первые политические клубы Перестройки создаются вовсе не на пустом месте. Они образованы на основе сетей отношений, которые

¹ Головы полетели уже с января 1986 года, то есть через месяц после назначения Ельцина в горком. В ходе этой «чистки» было замещено двадцать три из тридцати трех первых секретарей райкома (Шубин 2005: 158—159).

в той или иной мере поддерживались до середины 1980-х годов и участники которых только и ждут возможности снова открыто заняться политической деятельностью. В зависимости от своей способности найти официальные институты, которые бы их поддержали, эти клубы могли получить доступ к административным ресурсам, а этот доступ, в свою очередь, стал определяющим фактором структуризации их универсама.

*Два центральных московских клуба:
«Перестройка» и КСИ*

1983—1986 годы — это период прекращения подпольной деятельности; диссидентство существует лишь в остаточной форме. Но как только появляются первые клубы, прежние сети восстанавливаются и формируют каркас неформального движения¹. Первыми устремляются в политические клубы представители социальных наук, отличающиеся политизированностью и некоторым отклонением от норм научной карьеры; бывшие диссиденты; люди, критично настроенные по отношению к диссидентству; молодые члены партии реформистской тенденции, близкие академическим кругам. Остальные придут несколько позже и через различные промежуточные группы².

Отношения, предшествующие основанию клубов, делают невозможным поддерживать то четкое разделение, которое попыталась установить партия, привязав клубы к отраслевым общественным организациям. Так, клубы, созданные в академических институтах, стали открыты и для людей, не принадлежавших к науке, а клубы, возникшие вне Академии наук, использовали ресурсы исследовательских институтов. «Перестройка» и «Клуб социальных инициатив», играющие ведущую роль в начальном периоде движения в Москве, иллюстрируют различные обстоятельства зарождения клубов, способ рекрутирования первых неформалов и то, каким образом разные элементы пришли во взаимодействие в рамках научной среды или в пространстве, отведенном для «молодежи». Несмотря на то что две эти группы появились в удаленных друг от друга средах, в конце концов они сблизятся.

¹ Фадин 1990.

² См. выше (с. 87 и следующие) о четырех типах профессиональных траекторий в рамках первой когорты.

Клуб «Перестройка» образуется в рамках Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) в марте 1987 года, после круглого стола, организованного месяцем раньше Клубом друзей журнала «Эко»¹. На круглом столе обсуждались аспекты будущего закона о государственном предприятии², проект которого был опубликован в «Правде» в феврале — с целью стимулировать «широкое обсуждение».

Изначальное намерение организаторов круглого стола было двояким: создать своего рода think tank (мозговой центр) среди экономистов и юристов, поддерживающих реформаторов во власти³, и при этом выйти за рамки чисто научных дебатов, чтобы создать клуб общегородского масштаба. Во время круглого стола Е. Гайдар, тогда руководитель экономического отдела теоретического журнала ЦК КПСС «Коммунист», предлагает создать «комитеты защиты Перестройки», чтобы дать отпор консерваторам, которые, по его оценке, «снова объединяют свои силы»⁴. Учитывая институциональную позицию Гайдара, участники имеют все основания предполагать, что данное предложение предварительно одобрено в верхах партии. И кстати, более чем вероятно, что организаторы получили поддержку на высшем уровне, поскольку доступ к залам заседаний в ЦЭМИ, как и в любом государственном учреждении, тогда строго контролировался органами КГБ.

Чтобы подготовить круглый стол, П. Филиппов, редактор журнала «Эко», ищет поддержки в академических кругах. Он вступает в контакт с Клубом друзей «Эко» в Ленинграде и с некоторыми сетями московских экономистов. На круглый стол призваны две разные поколенческие группы: шестидесятники, занимающие ответственные посты в науке, и молодые экономисты (такие, как Е. Гайдар и А. Чубайс), приближенные к некоторым властным кругам. Но ни те ни другие не вкладывают свои

¹ Экономический журнал, издававшийся Сибирским отделением Академии наук (Новосибирск).

² Закон, принятый в июне 1987 года, дает предприятиям некоторую управленческую автономию по отношению к вышестоящим инстанциям, а «трудоу коллектив» наделяется полномочиями по контролю в отношении начальства.

³ Интервью с П. Филипповым, 7.7.1992 г.

⁴ Там же.

силы в организацию клуба, который должен был продолжить начатое дело. Они предпочитают сохранять дистанцию и наблюдать за происходящим издалека.

Ситуацию берут в свои руки ленинградские экономисты, объединившиеся вокруг Филиппова: они едут в Москву и начинают первые дискуссии. Их идея — создать прецедент в столице, чтобы потом организовать такой же клуб в Ленинграде, где партийные власти считались более консервативными, чем в Москве¹. И только по прошествии двух-трех месяцев москвичи наконец подключаются к процессу. Тем не менее новобранцы отличаются от участников круглого стола и образованием (это скорее историки, социологи и философы), и более низкой позицией в академической иерархии (хотя интеллектуально они считают себя ничуть не менее состоятельными), и меньшей интегрированностью в партийные структуры. Некоторые из них имели даже опыт участия в диссидентском движении (например, два бывших лидера «Молодых социалистов» А. Фадин и П. Кудюкин, вступившие в «Перестройку» в апреле 1987-го). Ленинградцы, таким образом, решают направить свои усилия на участие в пока еще аморфной организации, которая, завязывая отношения с другими клубами вне академического поля (в частности, с КСИ), становится «неформальным клубом».

«Клуб социальных инициатив» появляется незадолго до «Перестройки» (сентябрь 1986) в рамках клуба «Наш Арбат», созданного властями в 1985 году с целью оживления центрального квартала Арбат, где было предусмотрено создание пешеходной зоны². Центральное ядро КСИ состоит из горстки людей, обладающих очень разнообразными связями в академической среде, партии, комсомоле, среди диссидентов и западных левых (три члена КСИ имели отношения с троцкистскими группами, через которые они и встретились).

Группа обретает очертания в совместной работе над анализом 6000 писем читателей, присланных в рубрику «Патент на социальное изобретение» в «Комсомольской правде». Она осуществляет классификацию содержащихся в них предложений реформ и устанавливает контакт между их авторами, в связи с чем получает доступ к материальным

¹ Интервью с П. Филипповым, 7.7.1992 г.

² См.: Малютин 2001.

ресурсам (помещению и компьютерам) чемпиона по шахматам Гарри Каспарова, в то время члена ЦК комсомола и руководителя клуба «Компьютер», попавшего в орбиту «Нашего Арбата». КСИ представляет свои первые результаты на двух конференциях, организованных в конце 1986 года совместно с Советской социологической ассоциацией (ССА) под руководством Т. Заславской. В июле 1987 года группа покидает «Наш Арбат» и попадает в сферу влияния ССА, предоставляющей ей помещение и протекцию¹.

Концентрическая совокупность клубов

Московское политическое движение, в том виде, в каком оно вырисовывается в 1987 году, похоже на то, что Норберт Элиас назвал двухуровневой игрой олигархического типа, в которой «все игроки остаются взаимозависимыми, но уже не играют друг с другом напрямую»². На нижнем уровне находится совокупность клубов; на верхнем — «координирующие движение чиновники», монополизирующие доступ к игре с реформаторами партии. Легитимность акторов верхнего уровня основывается на их способности быть признанными некоторыми представителями власти в качестве приемлемых посредников, а клубами — в качестве легитимных организаторов и официальных представителей.

Те, кто составляют руководящее ядро (примерно 20 человек), обладают специфическими компетенциями и, благодаря своей близости к институциям, которые служат передаточным звеном для партийных реформаторов, занимают позиции, позволяющие им лучше других неформалов уловить смысл игры в формирующемся политическом поле. Этим доступом к ресурсам они обязаны прежде всего своему прошлому. Как объясняет Г. Павловский³, политическое прошлое заранее обеспечивает высокую репутацию при входе в неформальное движение, а также место в руководящей группе. Обретаясь долгое время в местах

¹ Клуб был выдворен из своего помещения в центре города в июле 1987 года за то, что его лидеры передали «Комсомольской правде» информацию о насилии, учиненном силами правопорядка в отношении участников демонстрации хиппи в Москве в мае 1987 года (Кагарлицкий 1988).

² Elias 1991: 99.

³ Интервью 10.8.1994 г.

сбора инакомыслящих в академической сфере или среди диссидентов, составляющие это ядро люди приобрели определенную политическую культуру, которая в момент Перестройки дает им преимущество во всех интеллектуальных дебатах. Они способны использовать это знание в научной среде, облекая его в подобающие формы. Умение вести дискуссии с участием светил Академии наук служит гарантией легитимности для некоторых лидеров «Перестройки», поскольку им удастся сделать свой клуб популярным местом ораторских схваток, притягивающим требовательную аудиторию. По словам А. Фадына¹, «лидеры могли без страха противостоять таким людям, как Клямкин², тогда как отнюдь не все на это отваживались или были способны». У них есть не только достаточная *компетентность*, чтобы соревноваться с этими знаменитостями, но и настоящее стремление к этому. Эта возможность для них тем более ценна, что сами они — выходцы из научной среды, однако не занимают там столь высоких позиций, как приглашенные знаменитости; при этом они не испытывают никакого комплекса интеллектуальной неполноценности. И наконец, практическое знание, обретенное в диссидентском движении (публикации в самиздате и взаимодействие с властью) дает им дополнительное преимущество в конкуренции с менее опытными неформалами.

Доступ к руководящему ядру зависит не только от ресурсов, накопленных в прошлом. Важно еще оказаться в нужное время в нужном месте, а именно в 1986—1987 годах в пространстве взаимодействия Академии наук, партии или комсомола — и официальных клубов для «молодежи». Такая позиция позволяет некоторым лидерам «Перестройки» и КСИ контролировать доступ к институциональным ресурсам: залам заседаний в официальных учреждениях, личным отношениям с некоторыми инстанциями партии, каналам официальной коммуникации (научным публикациям, прессе). Вследствие концентрации административных ресурсов³ сеть политических клубов, которая формируется

¹ Интервью 7.9.1994 г.

² Игорь Клямкин — сотрудник ИМЭМО АН СССР. Один из самых видных общественных деятелей в период Перестройки.

³ Источником этих ресурсов служат прежде всего институции, расположенные в академическом квартале Москвы, то есть в Севастопольском и Брежневском районах,

вокруг «Перестройки» и КСИ (на начальном этапе их около десятка), принимает концентрическую форму. Что позволяет этим двум клубам осуществлять функции координации и представительства. Именно они организуют два больших всесоюзных слета неформалов в Москве в августе 1987 и в июне 1988 года, объединивших более полсотни клубов и получивших широкий общественный резонанс.

Активисты «нижнего» уровня вовлекаются в клубы несколько позднее. Одни приходят через те же сети, что и руководящее звено, но поскольку в этих сетях они уже находились на периферии, они не могут претендовать на доминирующие позиции в неформальном движении. Другие сначала перемещались между разными местами дебатов и прикнули к сети лишь после исторической встречи в августе 1987 года. У этих «припозднившихся», несмотря на их многочисленность, не хватает адекватных ресурсов. Они занимают «вспомогательные» позиции в центральных клубах (секретари клубов, редакторы бюллетеней, «протезе» лидеров) и руководящие места в клубах периферийных, находящихся под влиянием центральных. Это простые активисты.

Среди периферийных клубов можно назвать «Общину», «Заочный социально-политический клуб» (ЗСПК), «Демократию и гуманизм», «Гражданское достоинство», «Мемориал» и «Федерацию социалистических общественных клубов» (ФСОК). «Община» создана весной 1987 года студентами-историками Московского педагогического института имени Ленина (МГПИ) — изначально для того, чтобы выдвинуть предложение по изменению Устава комсомола накануне его XX Съезда в апреле 1987-го. В 1983—1985 годах ее лидеры (А. Исаев, А. Шубин, В. Губарев) организовали подпольные марксистские группы, а затем обратились к анархизму, откуда и возникло название «Община». В течение 1987 года клуб сближается с левым крылом КСИ («Социалистическая инициатива»). В ходе Встречи-диалога в августе 1987 года обе группы стали главными инициаторами создания «Федерации социалистических общественных клубов» (ФСОК). «Община» организует лекции по истории СССР для клубов старшеклассников и студентов. Ее члены

составляющих «экспериментальную зону» для работы с неформалами (далее мы проанализируем, как сложилась эта зона).

участвуют также в научно-популярных лекциях общества «Знание» и публикуют бюллетень «Община», в котором они рассказывают об истории анархистского движения и его различных течений.

«Заочный социально-политический клуб» появляется в конце 1986 года, после публикации в «Комсомольской правде» письма А. Сухарева о советской экономике. Сотни ответов на письмо вдохновляют Сухарева на создание клуба, объединяющего людей, рассеянных по всей территории СССР. Первая его конференция организована в мае 1987 года в Москве, вторая — в августе 1987-го (в то же время, что и Информационная встреча-диалог) в Таганроге. Эта группа, позднее переименованная во «Всесоюзный социально-политический клуб» (ВСПК), состоит из трех фракций: социально-демократической, «центристской» (социалистической) и марксистско-ленинской; она вступает во ФСОК.

Семинар «Демократия и гуманизм» под руководством бывшей диссидентки В. Новодворской единственный во всем этом множестве клубов заявляет о своей враждебности «социализму» и отвергает любой компромисс с советской властью. Появившись в апреле 1987 года, он принимает участие в августовской Встрече-диалоге, но оказывается маргинализирован из-за своих позиций, которые считаются слишком близкими диссидентству (см. далее). Семинар попытается вступить в ВСПК, чтобы основать в нем либеральную фракцию.

«Гражданское достоинство», созданное в ходе Встречи-диалога в августе 1987 года, задается целью продвигать реформы юридической и пенитенциарной системы. Клуб вступает в КСИ, а его члены, в том числе В. Золотарев и его сестра А. Золотарева, активно участвуют в «Перестройке». С января 1988 года группа выпускает бюллетень «Гражданское достоинство».

И, наконец, «Мемориал» (существующий по сей день) появляется в момент Встречи-диалога, поставив целью возвести архитектурный комплекс в память жертв сталинских репрессий. Этот мемориал должен был состоять из центра архивов реабилитированных, центра исследований истории репрессий, музея и библиотеки. Проект, появившийся в недрах КСИ, был взят под крыло «Перестройкой» в форме рабочей группы, а с 1988 года стал независимым.

С началом Перестройки игра между фракцией «аппаратчиков» и политическими акторами, не принадлежащими к властным органам, обретает новые формы. Реформаторы из КПСС разрешают неформальные клубы, чтобы обеспечить массовое движение в свою поддержку. Первые активисты этих клубов принадлежат скорее к оппозиционным кругам, но при этом готовы «играть по правилам», то есть вписываться в официально разрешенные формы действия, не уходя в новое диссидентство. Весьма вероятно, что первые неформальные клубы так хорошо прижились как раз потому, что имели весьма смутные очертания и вызвали разнообразные ожидания со стороны разнородных акторов. Такие обстоятельства появления клубов предположительно влекут за собой следующие последствия: 1) важную роль начинают играть переговоры (явные и неявные) между заинтересованными сторонами: партийными реформаторами, клубными лидерами и посредническими институтами, чья роль определена нечетко (они выполняют по отношению к клубам одновременно контролирующую и защитную функции); 2) феномен «неформальных политических клубов» получает низкую степень предсказуемости.

Как возник сговор

Очертания пространства игры

Когда в 1986—1987 годах появляются первые *политические* клубы, наблюдатели из реформаторского лагеря внутри партии понимают, что речь идет о принципиально новом феномене, о непреднамеренном эффекте политики демократизации и что следует выработать специфические каналы связи с ним, чтобы держать процесс под контролем.

Этот вопрос считается крайне важным, и в высших эшелонах партии принимается решение дать клубам зеленый свет, при этом направляя их развитие и работу в нужное русло. Однако *управление* процессом было отдано на откуп партийным, комсомольским и академическим институтам более низкого уровня. На местах ответственные лица — будь то представители органов власти, посреднических институций или неформальных клубов — быстро понимают, что политика партии в отношении клубов крайне неопределенна и что это

может обеспечить им значительную свободу действий. Но их автономия шла рука об руку с неуверенностью по поводу того, как должны распределяться полномочия и ответственность. Итак, либерализация советской системы происходит как преднамеренно, так и, отчасти, непреднамеренно: колебания на некоторых уровнях аппарата при принятии решений заметны извне и демонстрируют неоднородность власти, в том числе и реформаторского крыла. Партия отнюдь не является идеально отлаженным механизмом.

Создание «экспериментальной зоны»

Вплоть до 1987 года реформаторы во власти обращаются с неформальными клубами как с относительно понятным для них феноменом. Контроль над ними поручен комсомолу и МВД¹, так же как в 1970—1980-е годы это было с «контркультурными» группами. Втягиваются в процесс и другие институции, специализирующиеся на «работе» с молодежью: Высшая комсомольская школа, Комиссия по пропаганде научных знаний среди молодежи в рамках Общества «Знание» и проч. Как мы видели, параллельно власть старается интегрировать эти спонтанные ассоциации в организации, занимающиеся работой с молодежью. Однако перелом происходит, когда партия замечает, что академическая среда — и в частности такие политически значимые единицы, как ЦЭМИ, ИЭМСС и ССА, — втянута в создание и поддержку клубов, имеющих явно политические намерения². С этого времени данные клубы переходят в сферу партийной компетенции: реформаторы решают пристально следить за происходящим и проводить тщательно контролируемый «эксперимент»:

- в географическом и социальном пространстве — Академический район Москвы и исследовательские институты, дающие приют неформалам, рассматриваются как места со слабым риском эксцессов;

¹ См.: Березовский, Кротов, Червяков 1991: 16.

² Присутствие бывших членов «Молодых социалистов» в руководящем ядре «Перестройки» и КСИ в глазах КГБ и чиновников партии, таких как Юрий Чабанов, заведующий идеологическим отделом Севастопольского райкома (и работавший в ИМЭМО в момент ареста «Молодых социалистов»), является бесспорным доказательством политизированности этих клубов.

- в партийном пространстве — неформалы поддерживают постоянные контакты с КПСС, но лишь с самым низким иерархическим уровнем (райкомами и парторганизациями исследовательских институтов). Прямые контакты с Московским горкомом крайне редки, а с ЦК их практически нет.

В рамках этой «экспериментальной зоны» неформалы пользуются доступом к помещениям и относительной свободой слова.

«[Севастопольский и Брежневский/Черемушкинский районы¹] были таким полигоном, в котором власти решили собрать всех в одном месте, где разрешили дискуссии, и чтобы можно было наблюдать [...]. Я не знаю, кто именно принимал [решение]. Конечно, сверху. Может быть, это горком, может быть, ЦК, не знаю. Во всяком случае, где-то наверху это решалось, потому что нигде больше не было такой свободы²».

Вне этого «полигона» неформальные клубы и институции, желающие их поддерживать, не пользуются подобной протекцией. Так, один из райкомов партии, расположенный вне Академического района, наказан за то, что разрешил демонстрацию неформалов (Игорь Яковенко, заведующий идеологическим отделом, вынужден покинуть свой пост). Столь жесткая мера объясняется в том числе и тем, какую форму приняло коллективное действие: центральные власти всячески стремятся предотвратить любые демонстрации и разрешают неформалам собираться исключительно в закрытых помещениях.

Неясный процесс принятия решений внутри партии

Несмотря на то что два райкома, на которые возложено проведение в жизнь политики партии в отношении неформалов, находятся в самом низу аппаратной иерархии, они, судя по всему, пользуются значительной свободой действий. Возможно, воспользовавшись неопределенностью

¹ Оба района находятся недалеко от метро «Профсоюзная» — примерно в 8 км от Кремля. (В январе 1988 года Брежневский район будет переименован в Черемушкинский.)

² Г. Ракитская, член «Перестройки» и Советской социологической ассоциации, интервью 24.2.1994 г.

процесса принятия решений, они инициировали создание этого полигона наблюдений и взаимодействий. По крайней мере, так представляет дело заведующий идеологическим отделом Севастопольского райкома:

Когда стало появляться, всплывать, что называется, на поверхности неформальное движение, было, как мне кажется, естественным и разумным, во-первых, не только держать руку на пульсе, знать, что там творится, но и попытаться не дать этому движению принять какие-то там, ну скажем, глупые формы. [...] Что касается решения о том, что у нас в какой-то степени будет проходить эксперимент, я, честно говоря, не могу вспомнить формального документа, где это решение было бы закреплено.

— Но на каком уровне оно было принято?

— Это сначала был ваш покорный слуга, который доложил А.М. Брячихину [первому секретарю райкома] о том, что создается клуб «Перестройка». [...] Мы договорились с ним о том, чтобы я и мои работники достаточно активно участвовали в работе этого клуба, пытаюсь помочь всему хорошему, что там творится, пытаюсь нейтрализовать тенденции, которые нам казались неразумными. [...] После этого неоднократно это обсуждалось в самых разных инстанциях: в МГК и в ЦК КПСС. Мы в целом получили поддержку¹.

Судя по этим свидетельствам, было не очень понятно, кому, собственно, принадлежит инициатива создания экспериментальной зоны. Неопределенность является основополагающим элементом игры между неформалами и партийными реформаторами. Тот факт, что неформалы, опираясь также на мнения ученых, считают, что решение принято «наверху», оказывает решающее влияние на их видение ситуации и их стратегии.

Для руководителей обоих райкомов такая неясность составляет один из весомых аргументов в пользу убедительности их собственных действий. По словам одного неформала, служившего посредником в отношениях с партией², первый секретарь Севастопольского райкома

¹ Ю. Чабанов, интервью 22.6.1996 г.

² М. Малютин, интервью 16.2.1994 г.

пытался расширить поле для маневра, выдавая некоторые собственные решения за намерения Горбачева. Эта утверждаемая близость с центральной властью, этот «блеф» оказываются тем более убедительны, что оба райкома наделены исключительным статусом в политическом «хозяйстве» Москвы. Они контролировали густонаселенные кварталы исследовательских институтов (их в Севастопольском районе тридцать шесть). Их руководители усматривали в присутствии политических клубов на своей территории возможность обрести вес во внутрипартийных властных играх. По всей видимости, воспользовавшись этим, А. Брячихин в 1988 году получает повышение: он становится единственным первым секретарем райкома (из тридцати трех), заседающим в бюро Московского горкома КПСС. Человеческие ресурсы, брошенные на работу с неформалами, весьма значительны: из одиннадцати работников идеологического отдела Севастопольского райкома пять (включая заведующего и его заместителя) заняты на этом направлении. Со временем инструкторы обоих райкомов расширяют поле наблюдений за пределы собственной территориальной юрисдикции: они следят за работой «своих» неформалов, когда те ходят на мероприятия в другие районы, и едут в Прибалтику и в Болгарию — изучать, как там ведется работа с неформальными клубами¹.

На среднем уровне иерархии Московский горком (МГК) посылает противоречивые сигналы как неформалам, так и райкомам, что объясняется тогдашними расхождениями во взглядах внутри партии на всех ее уровнях. Сам Ельцин, первый секретарь горкома, бросается из одной крайности в другую. То в апреле 1987 года он встречается с лидерами националистического движения «Память», навлекая на себя критику неформалов², и ограничивает право на публичные собрания в центре города³; то в августе 1987-го разрешает проведение Информационной встречи-диалога «Общественные инициативы в Перестройке», при-

¹ Ю. Чабанов, интервью 22.6.1996 г.

² «Память» организовала митинг в апреле 1987 года без официального разрешения, однако он не был разогнан силами правопорядка (в отличие от того, что всякий раз случалось с мероприятиями «Демократии и гуманизма»). Более того, Ельцин еще и согласился принять делегацию митингующих (Василевский, Прибыловский 1993. Т. 1: 194).

³ См. ниже врезку 6 на с. 211 о законодательстве о митингах.

чем в очень престижном помещении. Райкомы «экспериментальной зоны» находят поддержку у идеологического отдела горкома, в котором в 1987 году сформирован «специальный сектор» по работе с неформалами, но в то же время наталкиваются на враждебность Ельцина накануне Встречи-диалога. Последнему приписывают фразу: «Перестройка подняла много пены. Пора эту пену снять»¹.

Когда в ноябре 1987 года Б. Ельцин был снят со своей должности и заменен А. Зайковым, в отношениях с неформалами устанавливается относительная стабильность. И хотя новый первый секретарь — консерватор и занимает сильную позицию в Политбюро в качестве заведующего военно-промышленным комплексом, он отнюдь не ставит под вопрос работу специального сектора МГК и обоих райкомов².

В ЦК КПСС борьба за власть между консерваторами и реформаторами создает благодатную почву для инструментализации активности неформальных клубов. Главную поддержку они находят в отделе пропаганды и культуры под управлением А. Яковлева (1985 — октябрь 1988), а также в отделе науки. Их главные противники, то есть консерваторы, представлены Е. Лигачевым, вторым лицом Политбюро; он возглавляет Секретариат ЦК, где занимает должность секретаря по идеологии. Таким образом, Яковлев и Лигачев являлись прямыми конкурентами в области идеологии, и стратегическая война между ними продолжалась вплоть до октября 1988 года (еще в марте 1988-го оба были отстранены от контроля над идеологией). Случаи прямого вмешательства высших эшелонов власти в политику в отношении неформалов хоть и редко, но бывали. Так, во время XIX Партконференции (лето 1988) реформаторы демонстрируют неформальному движению знаки публичного признания: в итоговом документе о клубах упоминается скорее в позитивном смысле. Органы прессы, ставшие проводниками гласности (Агентство печати «Новости», «Огонек», «Московские новости», «Литератур-

¹ Интервью с Н. Кротовым, инструктором Брежневского/Черемушкинского райкома, 17.2.1994 г.

² А. Зайков был в Ленинграде первым секретарем. В 1985 году назначен секретарем ЦК, а в 1986-м — членом Политбюро. К моменту своего назначения главой Московского горкома он, по некоторым наблюдениям, является в партии человеком «номер три» (Tinguy de 1993: 47).

ная газета») под покровительством А. Яковлева, дают клубам площадку для высказывания и используют их как источник информации¹.

Молчание или замешательство в высших эшелонах являются важнейшими факторами этого пространства игры. Неясность позволяет райкомам пользоваться относительной автономией, а вверенная им специфическая задача дает им больше веса во властных отношениях внутри партии. Однако, с другой стороны, колебания высших инстанций подвергают их риску быть призванными к ответу за возможные эксцессы. А риск этот значителен, поскольку неформальные клубы ведут двойную игру в отношении партийных реформаторов.

Новые правила игры

Диссидентство как антимодель

Неформальные лидеры исходят из того факта, что политическая конъюнктура изменилась и необходим разрыв с диссидентским мировоззрением и прежними способами действия. Г. Павловский, один из руководителей «Клуба социальных инициатив» (КСИ), открывает Информационную встречу-диалог «Общественные инициативы в Перестройке» в августе 1987 года (первая всесоюзная конференция неформальных клубов) весьма открытым заявлением о необходимости новых позиций:

Мы бы сегодня не собрались, если бы не появились в нашей среде, вокруг нее люди, которые поняли раньше нас, что прежняя ситуация изменилась, что прежняя ситуация больше не существует, что возникла новая, более конституционная концепция легальности². Эта легальность означает открытую, честную игру в сотрудничестве с государством, без игры в оппозицию, потому что те, кто сегодня играют в оппозицию, фактически обыгрывают идеи, выдвинутые правительством, обращая их против правительства. Это, по-моему, не очень честно. И речь идет

¹ Urban и др. 1997: 88.

² Противопоставление конституционного и легального объясняется тем, что советская Конституция утверждает общественные права и свободы (свобода слова, пресса, собрания — см. Статью 50), которые закон интерпретирует максимально узко.

просто о том, чтобы вывести это движение из каких-то стесненных условий, причем стесненных даже уже не по чьей-то вине, а по нашей, на широкий информационный и общественный простор¹.

Перестройка дает возможность испытать на практике идею «диалога» с властью, выдвигавшуюся в 1970-е годы отдельными диссидентами (в том числе Г. Павловским и В. Игруновым) в пику доминирующей тенденции «правозащитников». Когда неформалы решают вступить во взаимодействие с властью, они вполне осознают, что силы неравны, что они ничего не могут навязать своим собеседникам во имя высших юридических норм (как это пытались делать диссиденты). Наоборот, они понимают, что сначала должны признать легитимность режима, чтобы самим быть признанными. Появляется новое определение политической игры: старые правила отвергнуты, а новые еще предстоит совместно определить в переговорах, а также через негласную координацию². Так, неформалы и власть не стовариваясь воздерживаются от использования предыдущих репертуаров коллективного действия: клубы могли бы устраивать демонстрации, но не делают этого; власть не отменяет репрессивных механизмов, использовавшихся против диссидентов, но перестает к ним прибегать. Г. Пельман, член КСИ, объясняет это так:

Мы постоянно пытались продвинуться чуть-чуть вперед и занять некоторые позиции, мы чувствовали, что сейчас достаточно благоприятное время или просто можно сделать больше, чем есть на самом деле, но нужно быть хорошим тактиком для того, чтобы это делать. Как это делать? Если ты будешь просто выходить [...] на Красную площадь и кричать «это плохо», это кончится ровно тем, что через полчаса тебя поведут в тюрьму. [...] Возникла историческая ситуация прецедентов. То есть вроде как активно не сажали, но психушки были, тюрьмы были³.

¹ Г. Павловский, 20.8.1987 г.

² Если воспользоваться определением, данным в работе Schelling (1966: 53), координация является негласной, когда коммуникация между сторонами неполная или она невозможна.

³ Поэтому опасения, что власть пойдет на попятную, в 1986—1987 годы еще не были полностью исключены.

Однако уже все друг на друга смотрели, [чтобы уловить,] что возникает, какой новый прецедент, и что можно создать. И внутренняя наша задача [...] — это создание системы прецедентов, как бы открытие новых дверей. Вот они сейчас закрыты, непонятно. С той стороны точно есть человек, который ее держит. Но если постучать и сказать: «Хочешь покурить, давай поговорим», — двери были полуоткрыты. Можно постоять, а может быть, даже зайти в комнату¹.

Тем не менее, хотя неформальные клубы самоутверждаются через отличие от диссидентства, последнее служит не только антимоделью: они перенимают у него некоторые практики. Оппозиционное прошлое составляет неотъемлемую часть политической культуры. Для организации митингов весной 1988 года неформальные клубы выбирают Пушкинскую площадь, место публичных собраний, отмеченное печатью диссидентства. Они входят в пространство, полное политических смыслов, и чтобы присвоить его себе, называют его «Гайд-парком». Как и диссиденты, они занимаются самиздатом и организуют сбор подписей под петициями в знак протеста против официальных решений. Они также (возможно, бессознательно) заимствуют видение политики, сфокусированное на праве, хотя и пользуются последним несколько иначе, чем правозащитники. Вследствие этой сосредоточенности на юридических аспектах реформ они окажутся неспособны оценить всю важность экономических вопросов.

Система взаимных услуг

Сговор между неформалами и реформаторами во власти представляется в форме взаимного обмена услугами, который всякий раз сопровождается переговорами. Нестабильность этих отношений, при которых клубы не могут быть уверены в необратимости достигнутых результатов, становится средством осуществления контроля над ними.

Одним из решающих моментов в формировании правил игры стала Информационная встреча-диалог «Общественные инициативы в Перестройке» в августе 1987 года, которая считается чем-то вроде

¹ Пельман, интервью 6.7.1994 г.

учредительного съезда неформального движения. Если раньше некоторые клубы и поддерживали контакты с представителями власти, то речь шла скорее о спорадических взаимодействиях. В ходе же этой встречи наблюдается настоящее самоутверждение неформального движения, его кристаллизация и первое публичное признание его сотрудничества с реформаторами из партии. Организаторы встречи добиваются от власти и других неформалов, чтобы их признали в качестве официальных представителей нарождающегося движения и центральных координаторов отношений с центральной властью. Партийные реформаторы, в свою очередь, стремятся придать некое единое представительство этому разнородному множеству клубов, сформировавшихся на периферии официальных институций. Как выразился ответственный работник Севастопольского райкома, нужно сделать так, чтобы «движение не принимало крайних форм»¹. Определившиеся тогда правила игры тем более важны, что обе стороны делают ставку на то, чтобы превратить совместные встречи в модель отношений между властью и неформалами, потенциально воспроизводимую по всей стране.

Однако эта первая встреча, прежде всего, дала возможность каждому актору протестировать всех остальных, при этом не осознавая до конца, какую игру ведет он сам. Партия не вполне представляет, что произойдет дальше, и как будто на всякий случай запрещает иностранным журналистам присутствовать на обсуждениях; организаторы не работали прежде с клубами, которые они пригласили (последние были отобраны среди ответивших на заметку, опубликованную в прессе); участники не знают, не является ли оргкомитет проводником какой-либо диверсии со стороны партии, и в ходе пленарных заседаний некоторые задаются этим вопросом. Несмотря на эти многочисленные сомнения, у представителей различных клубов впервые есть возможность увидеть друг друга, заявить о своих позициях и понять, как другие реагируют на них.

Встреча-диалог потому и стала возможной, что неформальные клубы и партийные реформаторы взаимно признали друг за другом легитимность. Так, конференция была объявлена в официальной прессе². Она

¹ Интервью с Ю. Чабановым, 22.6.1996 г.

² Заметка в «Собеседнике», приложении к «Комсомольской правде».

проходила в бывшем Дворце культуры Коминтерна (переименованном в ДК «Новатор»), престижном месте, предоставленном по решению московского горкома, — в зале достаточно большом, чтобы вместить три сотни делегатов, представителей около пятидесяти клубов. Стоит подчеркнуть, что все участники принимают, по крайней мере *по умолчанию*, политику переговоров с партийными реформаторами¹: ведь они прекрасно знают, что доступ во Дворец культуры был бы невозможен без согласия властей.

В этом обмене признанием взаимной легитимности неформалы предстают как единственное осязаемое проявление Перестройки, которое символизирует, что идея реформ «прижилась» в обществе (по меньшей мере до тех пор, пока не начались структурные реформы). Они идентифицируют себя с Перестройкой, перенимают официальные лозунги, у них складывается общность интересов с партийными реформаторами. Будучи представителями спонтанного движения, зародившегося благодаря реформам, они наглядно демонстрируют необратимый характер этих реформ. В своей вступительной речи Г. Павловский заявляет:

Год назад Перестройка была политикой. Сегодня Перестройка — это движение, охватывающее весь народ. И мы часть этого движения. Собственно говоря, *мы есть это движение* (курсив автора. — К.С.). Возможно, мы не монопольные его представители, но такие суверенные представители, как любая другая группа в советском обществе. Вот это привело к подготовке этой конференции. Партия дает ход, граждане держат путь. Партия открывает дверь, граждане наполняют Перестройку своим содержанием, которое, собственно говоря, и есть общественное содержание².

Неформалы поддерживают первые судьбоносные решения реформаторов: судебный контроль над административными актами³; Закон о государственном предприятии от 30 июня 1987 года. Кроме того, они

¹ Исключая В. Новодворскую, лидера «Демократии и гуманизма», которая использовала эту трибуну в целях провокации.

² Г. Павловский, 20.8.1987 г.

³ Это право, признанное Конституцией 1977 года (статья 58-2), не применялось.

одобряют решения январского Пленума ЦК 1987 года о демократизации избирательной системы¹.

Неформалы также присваивают себе некоторые официальные лозунги (по возможности те, которые можно трактовать по-разному). Когда Горбачев утверждает, что «никто не может претендовать на обладание истиной в последней инстанции» (эта фраза звучит как отвержение постулата о безупречности позиции партии), неформалы перенимают ее в своих итоговых отчетах о конференции². И наконец, они считают, что у них с реформаторами один общий враг — консерваторы-бюрократы, которые «боятся потерять свои привилегии»³. Эта критика привилегий входит в резонанс с официальным дискурсом⁴. А главное, общий фронт против консерваторов позволяет неформалам публично оправдать свой союз с реформаторами. Это способ оградить себя от потенциальной критики этого взаимодействия со стороны других игроков политического поля.

Учитывая этот риск, обе стороны стремятся заручиться взаимными гарантиями в целях защиты от нападений извне. Это наблюдается во время подготовки к августовской конференции 1987 года. Еще весной этого года между КСИ и Брежневским райкомом начинаются трения. Затем по требованию горкома в игру вступает второй райком, под тем официальным предлогом, что Дворец культуры «Новатор» расположен на его территории, а на самом деле — в целях распределения ответственности⁵. Это тем более необходимо, что высшие партийные эшелоны не определили точную линию поведения, и заведующий специальным сектором по работе с неформалами идеологического отдела горкома предчувствует множество трудностей в деле предотвращения рисков:

Лантрагов был очень осторожным. Он нас [инструкторов обоих райкомов] действительно поддерживал, но тем не менее очень часто при-

¹ ФСОК 1987 (документ 2).

² АКОИ 1987 (документ 1).

³ ФСОК 1987 (документ 2).

⁴ В начале 1986 года запущена кампания против «бюрократов» и привилегий номенклатуры (Guseit 1993).

⁵ М. Малютин, интервью 16.2.1994 г.

ходило (грех на душу) его обманывать для того, чтобы что-то сделать. Потому что он понимал значительно лучше нас, что если что-то произойдет, то отвечать он будет головой. А ему падать значительно выше¹.

Также имеет место симметрия между официальными и неформальными переговорщиками (см. врезку ниже). КСИ доминирует в оргкомитете Встречи-диалога. Члены «Перестройки», кстати, сетуют на то, что были несколько оттеснены в сторону². Поэтому есть все основания предполагать, что присутствие этого клуба в числе организаторов было навязано официальной властью, чтобы каждая сторона в переговорах имела единого собеседника и «гаранта» в противоположном лагере.

Врезка 2

Состав оргкомитета Информационной встречи-диалога
«Общественные инициативы в Перестройке» (август 1987)

Оргкомитет со стороны неформалов (9 участников) ³	Участники с официальной стороны
Члены КСИ: Г. Павловский, Г. Пельман, М. Малютин, Б. Кагарлицкий и С. Скворцов	Брежневский райком
Члены «Перестройки»: О. Румянцев, А. Фадин, П. Кудюкин	Севастопольский райком
Член «Общины»: А. Исаев	комсомол

Клубы, ведущие переговоры с партией, получают ресурсы, дающие им центральную позицию в движении. Взамен они должны подчиняться некоторым формам контроля. Клуб «Перестройка» обязан своим центральным положением в движении и своим беспрецедентным

¹ Н. Кротов, инструктор Брежневского райкома, интервью 17.2.1994 г.

² Фадин 1990.

³ По интервью Н. Кротова 17.2.1994 г.

долголетием (март 1987 — 1990) имевшемуся у него доступу к залам заседаний в социально престижных и политически значимых местах (ЦЭМИ и ИЭМСС). Использование подобных залов дает большую символическую власть, ибо все, что там произносится, освящено как официально допущенное к произнесению. Участник «Перестройки», научный сотрудник ЦЭМИ, так описывает эту способность публичного высказывания к чудесному «преображению»:

[ЦЭМИ] был единственным местом [, где мы могли встречаться]. Иногда стали организовывать встречи у меня в комнате. Тогда я просто выписывал пропуска на пять или десять человек. Это было очень важно для всех нас, потому что подобного рода встречи в диссидентских, в околодиссидентских кругах происходили в других местах, то есть это могло проходить на квартирах. Но значимость всего того, что происходило в клубе «Перестройка», состояла в том, что это происходило именно в ЦЭМИ, в этом официальном здании. И [этот факт] придавал официальный статус тому, что мы говорили. Мы говорили и считали, что мы поднимаем планку того, что можно говорить, и того, что нельзя говорить¹.

В каком-то смысле использование официальных помещений клубами наделяет ответственностью партийных реформаторов, которые разрешают «такие разговоры». Но оно также дает в руки последним и могущественное средство контроля. Так, отбор клубов на августовскую Встречу-диалог осуществляется с согласия райкомов. По крайней мере, на это указывает одна статья в журнале «Гласность»². И если вдруг неформалам вздумается проявить несговорчивость, власть знает, что всегда может блокировать физический доступ к местам заседаний с помощью пропускной системы, действующей в казенных помещениях. Власть также имеет возможность направлять темы обсуждений. Партия участвует в выборе рабочих групп Встречи-диалога. Организация одной из групп,

¹ И. Минтусов, интервью 15.8.1994 г.

² Общественные инициативы в Перестройке // Гласность. 1987. № 7. Журнал выпускал бывший диссидент С. Григорьянц, который позиционировал себя как противника неформального движения.

посвященная «проблемам экстремизма в неформальном молодежном движении», кстати, вызывает несогласие со стороны неформалов (мы к этому вернемся ниже). Что касается «Перестройки», то проведение публичных дебатов всякий раз становится результатом переговоров с Первым отделом ЦЭМИ — подразделением КГБ, ответственным за безопасность в здании и распоряжающимся ключами от залов заседаний:

Каждую неделю у меня происходили встречи с начальником Первого отдела. [...] Каждый раз я приходил в Первый отдел с заявкой, что в следующий вторник у нас будет заседание клуба, нужно помещение. И долго нужно было этому начальнику Первого отдела обосновывать тему, которую мы будем обсуждать. Соответственно, он мне задавал разные вопросы, я на них должен был отвечать. То есть я не мог сказать — «на, подпиши эту бумагу». Он там спрашивал, я что-то там рассказывал, всячески делал вид, что это очень нужное дело, прикрываясь идеологией, которую Горбачев вводил в это время в лексикон¹.

И хотя отказ предоставить ключи маловероятен (присутствие клуба благотворно сказывается на имидже института), он все-таки возможен, так что клуб прибегает к тактическому использованию перестроечной фразеологии, чтобы сделать отказ политически затруднительным. Члены клуба, приспособляясь к ситуации, решают по требованию руководства ЦЭМИ, например, не затрагивать тот или иной горячий сюжет из текущих событий (скажем, отстранение Бориса Ельцина от должности первого секретаря МГК в ноябре 1987 года) или выбирают темы, которые и так уже везде обсуждаются (сталинское прошлое, создание мемориала жертв сталинских репрессий, тысячелетие крещения Руси).

Неформалы соглашались на присутствие наблюдателей от партии на своих заседаниях. Вовсе не считая это обузой, они используют их для общения с высшими инстанциями КПСС. В полемику с представителями партии не вступают, по крайней мере на публичной сцене; замечания произносятся лишь за кулисами. Ввиду и без того массового присутствия официальных представителей власти на Встрече-диалоге неформалы-

¹ И. Минтусов, интервью 15.8.1994 г.

организаторы удивляются, что первичные комсомольские организации академических институтов отправили каждая по три-четыре делегата на это заседание. Вот как один из представителей ВЛКСМ оправдывался перед организаторами в кулуарах:

Основная была установка такая, на самом деле достаточно либеральная — чтобы группа блокировала каким-то образом экстремистов и чтобы они создавали какой-то определенный фон интеллектуальный, потому что райком комсомола не может доверить такой задачи людям из других организаций, неакадемических институтов. Ничего криминального нет¹.

О. Румянцев, один из лидеров «Перестройки», научный сотрудник в ИЭМСС и член комсомола, парирует так:

Конкретный результат на лицо. Ко мне подошли и сказали: «Хочешь ли ты участвовать в списке людей, которые будут вести правильную политическую линию на тусовке независимых клубов?»²

Высокопоставленные партийные чиновники интересуются и дискуссиями на конференции, но негласно. Их скромное присутствие никак не афишируется, но в любом случае неформалы на него рассчитывают. Считается, что Б. Ельцин издалека отслеживал ход дебатов; ректор Московской высшей партийной школы В.Н. Шостаковский, известный как близкий соратник А. Яковлева, вероятно, присутствовал на конференции в качестве приглашенного.

Документы, принятые на конференции, также проходят предварительный контроль со стороны работников райкома, что, возможно, приводит к трениям. Как указывает заведующий идеологическим отделом Севастопольского райкома, он «просматривал некоторые документы, которые [неформалы] готовили. В доверительном порядке они [предварительно] показывали [их мне]»³.

¹ Аудиоархивы Г. Пельмана.

² Там же. Делегаты конференции не были проинформированы об этом разногласии.

³ Ю. Чабанов, интервью 22.6.1996 г.

И наконец, последнее правило сговора состоит в том, что обе стороны, как официальная, так и неформальная, сообща устраняют любого неудобного игрока. Так из игры был выведен «Заочный социально-политический клуб» (ЗСПК), который воспринимается КСИ как конкурент, а комсомолом — как потенциальный смутьян. Когда ЗСПК, насчитывающий несколько сотен членов, в мае 1987 года объявил о своем намерении созвать всеобщий съезд в августе того же года, эта новость вызвала беспокойство комсомола. По причине своего географического разброса и отсутствия каких-либо институциональных привязок (участники общаются по почте, у них нет встреч в каких-либо официальных помещениях) этот клуб почти не дает власти возможностей для контроля, и ЦК комсомола опасается, что он станет очагом диссидентства:

Испут комсомола был таким, что комсомольцы вместе с партийными своими старшими товарищами решили сделать что-нибудь такое, чтобы сорвать съезд [ЗСПК]. Вот Миша Малютин был тем человеком, который был направлен на то, чтобы разрушить складывающееся общественное движение молодежное. Такие люди, как Скворцов, были вместе с ним. [...] Но кроме них в [КСИ] были Пельман и Павловский, которые, со своей стороны, подумали, что это будет очень здорово — собрать свой съезд и приступить к созданию собственного движения. Контакты у них были довольно большие¹.

Заседание ЗСПК все-таки состоялось в августе 1987 года, в городском парке Таганрога, небольшого города на побережье Азовского моря, и на нем было гораздо меньше участников, чем на встрече, организованной КСИ. Показательный момент в соотношении сил между КСИ и ЗСПК состоит в том, что последний отправил своих делегатов на конкурирующую встречу в Москву.

Сговор с партийными реформаторами оказывает глубокое влияние на коллективную идентичность неформального движения, поскольку для последнего он становится дискредитирующим фактором и накладывает ограничивающие эффекты на отношения клубов с другими политическими акторами.

¹ В. Игрунов, член КСИ, интервью 6.2.1994 г.

2. Условия сговора: одновременная игра в разных пространствах

Чтобы быть признанными в качестве политического актора, неформальные клубы должны встроиться в сложное и еще только формирующееся политическое пространство. Они вступают в отношения с другими акторами, часть из которых появляются одновременно с ними. В целом неформальные клубы представляют себя как *союзников* партийных «реформаторов», как противников «консерваторов-аппаратчиков», «националистических» и «сталинистских» группировок и как *конкурентов* бывших «диссидентов» или неформалов, считающих себя наследниками диссидентства. Вступая во взаимодействия с этими разнообразными акторами, они участвуют в строительстве некоего множества отношений со «значимыми другими», способными через систему взаимного признания наполнить «реальным» смыслом статус политического актора, к которому каждый стремится.

Не все эти пространства игры существовали до появления клубов; некоторые даже стали результатом вхождения последних в политическое поле. Пространства отличаются между собой установленными в них правилами игры, соотношением сил между акторами, способами взаимного различения и защиты, которые вырабатывают в них неформалы. Среди последних также наблюдается иерархия: самым главным для конструирования идентичности неформалов является их отношение с партийными реформаторами; как только клубы признаются реформаторами в качестве собеседников, они обретают вес в политическом пространстве. И наконец, эти пространства игры взаимозависимы, и каждое из них накладывает собственные ограничения на само определение движения, на то, как оно ведет игру и как очерчивает свои границы. Понятно, что союз, заключенный с партийными реформаторами, чреват неоднозначными последствиями для коллективной идентичности неформалов и для их отношений с другими акторами. С одной стороны, он, конечно, придает им политический вес, а с другой — делает их крайне уязвимыми в отношениях с партийными консерваторами, а также с другими оппозиционерами, поскольку угрожает их репутации.

Поэтому неформалам очень важно публично продемонстрировать, что их движение обладает автономией по отношению к реформаторам. Но последние при этом стремятся использовать диалог с клубами как доказательство того, что процесс демократизации общества находится «под контролем». Для лидирующих клубов движения следование этой предписанной роли ставит под вопрос любые претензии на автономию, столь важную для формирования их идентичности. А ведь им нужно сохранять лицо перед своей аудиторией. Во-первых, перед конкурентами, то есть бывшими диссидентами, которые возвращаются к политической деятельности, но «не играют в такие игры». Во-вторых, перед западной прессой, от которой ожидается подтверждение того определения, которое они дают своему движению. Находясь сразу в нескольких пространствах отношений, неформалы вынуждены вести сложную игру.

По-своему используя неформальное движение, партия способствует усилению взаимозависимости этих пространств игры, поскольку реформаторы и консерваторы зачастую ведут борьбу через посредничество самостоятельных групп: первые опираются на неформалов, а вторые — на «националистов» и «сталинистов». Опасность для неформалов состоит в том, что их самоопределение может начать расширительно применяться ко всем самостоятельным группам в силу структурного сходства их позиций и что, таким образом, они начнут ассоциироваться со своими противниками. Чтобы предотвратить любое смещение смыслов, неформалы избегают прямых, «порочащих» контактов со своими идеологическими противниками, поддерживая некоторую закрытость движения и строго ограничивая зоны взаимодействия.

Официальные арены

Институции, вовлеченные в совместную игру

Помимо партии, другие официальные институции вступают в игру — в силу самой специфики своих функций (комсомол «отвечает» за работу с молодежью, КГБ по-прежнему играет роль политической полиции) или потому, что служат партии посредником, предоставляя неформальным клубам свои ресурсы (исследовательские институты). Однако заметно: как только система дает слабину, почти все эти институции начинают

проводить свою собственную политику, причем они вовсе не полностью подчинены партии. Относительная автономия этих посредников, в свою очередь, накладывает ограничения на действия обеих сторон.

Развязав дебаты накануне XX Съезда (в апреле 1987 года) в целях пересмотра своего Устава, комсомол способствует появлению «спонтанных» дискуссионных кружков в университетах, и некоторые из них превратятся потом в неформальные клубы (как, например, «Община»). Однако ЦК ВЛКСМ испугался растущих как грибы и воспринимаемых как угроза фракционизма клубов; отныне, призвав партию пресечь этот процесс, комсомол уходит в ее тень. Подобное самоустранение из политических дел сильно контрастирует с его бурной активностью, которая с 1986 года заметна в делах экономических¹. Тем не менее ВЛКСМ не освобожден от своей роли переговорщика с неформалами, и в отличие от партии, где прямые отношения возможны в основном на уровне райкомов, здесь публично задействованными в переговорах оказываются высшие инстанции (Московский и Центральный комитеты ВЛКСМ).

Вмешательство КГБ можно описать лишь точно, ввиду почти полного отсутствия доступа к источникам. По некоторым данным, Комитет, руководимый с 1982 года по октябрь 1988-го консерватором В. Чебриковым, внедрил своих агентов в неформальное движение с 1988 года². Но стоит ли за этим внедрением стремление разрушить движение изнутри, или его можно интерпретировать как часть рутинной работы КГБ? В экспериментальной зоне КГБ действует через Первый отдел исследовательских институтов (в ЦЭМИ и ИЭМСС), наделенный эксклюзивным правом разрешать доступ в залы заседаний. Первый отдел ни разу не воспротивился проведению встреч «Перестройки», и создается впечатление, что на то был отдан специальный приказ. Однако в июне 1988 года местное подразделение КГБ прерывает заседание клубов, проходящее под эгидой Советской социологической ассоциации (ССА). Что это — удар по неформалам? По отдельным *personaе non*

¹ С июля 1986 года комсомол разрешает учреждать первые коммерческие организации под названием Центры научно-технического творчества молодежи (НТТМ). Они имеют право заключать договоры с предприятиями и сами устанавливать цены импортируемых товаров; они освобождены от таможенных пошлин (Крыштановская 1996).

² По мнению А. Яковлева (2003: 579).

gratae («радикалам»), по ССА в целом? Или по А. Яковлеву, «покрывающему» ССА? А может быть, это вообще предупреждение, чтобы никому nepoвaднo было выходить за пределы экспериментальной зоны?

Отдельные академические институты (ЦЭМИ, ИЭМСС и ССА) служат посредниками между партией и неформалами и предоставляют последним свои ресурсы (помещения, ксероксы и т.д.). Поэтому КПСС, не имея прямой власти над этими ресурсами, осуществляет иерархический контроль над институтами через свои первичные организации и райкомы. Однако этот контроль существенно нейтрализуется ЦЭМИ и ИЭМСС: работая для центральной власти, они пользуются доступом к более высоким руководящим инстанциям, чем райкомы. Президент ССА Т. Заславская является советником Горбачева, и к тому же Ассоциация располагает автономией *de jure*: хотя ее штаб-квартира и находится в Севастопольском районе, она райкому не подчинена¹. Причем Заславская всячески избегает вступать с ним в контакт по поводу неформалов. «Если можно было райком обойти, [она] с удовольствием его обходил[а]»². ССА в ноябре 1987 года создает Комиссию по проблемам движения самостоятельных объединений, клубов и инициативных групп, которая призвана выполнять три функции: изучение неформального движения, формирование рекомендаций для власти и *поддержка движения*. То есть Ассоциация выходит за пределы чисто научной компетенции; возможно, именно по таким еще малозаметным признакам можно ощутить начало разрушения советской системы.

Эти академические институты первыми стали играть роль посредников между клубами и КПСС. Они одновременно являлись союзниками неформалов и потенциальными контролирующими инстанциями. Позднее, особенно после лета 1988 года, другие институты («Комсомольская правда», Советский комитет защиты мира, Общество «Знание» и Политехнический музей, различные творческие союзы), в свою очередь, активно втягиваются в подобный тип отношений. Возможно, что в других городах эту роль играли другие институты. Далее мы рассмотрим, как эти отношения устанавливаются в Москве и как они

¹ Ю. Чабанов, интервью 22.6.1996 г.

² Там же.

создают особую динамику, охватывающую все более широкое социальное и географическое пространство.

Защита от партийных «консерваторов»

Прямые взаимодействия между неформалами и консерваторами КПСС случаются редко. Обмен происходит на двух взаимозависимых аренах: 1) внутри партии — между реформаторами и консерваторами, вступающими в конфронтацию по вопросу о клубах; 2) вне партии — между самостоятельными группами: прореформистскими (неформалы) и проконсервативными («националисты» и «сталинисты»). Эти пары акторов противостоят друг другу в соответствующих полях, то есть игра поделена на сектора. Главная трудность для неформалов состоит в том, что они неспособны в одиночку противостоять прямым нападкам партийных консерваторов; более того, им не гарантирована неизменная поддержка со стороны реформаторов. Поэтому они вырабатывают различные тактики избегания любых прямых столкновений, а когда собственных ресурсов оказывается недостаточно, вовлекают в дискуссию своих союзников-реформаторов.

Клубы тщательно избегают любого столкновения с силами правопорядка. Они никогда не устраивают митингов без предварительной санкции властей¹, прибегают к мягким и безопасным формам оккупации публичного пространства (сбор подписей в закрытых публичных местах) или стараются сделать так, чтобы их собрания не были квалифицированы как митинги и чтобы, таким образом, не пришлось получать на них разрешение². Тем не менее иногда собрания подвергаются откровенному запрету, и невозможно подчиниться и не потерять при этом лица (в силу внутренней конкуренции с «радикалами» из «Демократии и гуманизма»); в таких случаях неформалам приходится сознательно ставить себя в конфликтную ситуацию, одновременно пытаясь ее разрядить. Так, участники митинга «Мемориала» в память жертв сталинских репрессий придали ему форму «похоронной церемонии», которая вначале дез-

¹ За исключением одной маргинальной группы движения — «Демократия и гуманизм», которая отвергает любое подчинение советскому правопорядку.

² Как мы увидим далее, именно такая тактика была применена во время митингов на Пушкинской площади («Гайд-парк») весной 1988 года.

ориентировала силы правопорядка. Лишь к концу церемонии милиция осознала что к чему и разогнала митинг¹.

Вторая тактика состоит в том, чтобы регулярно обращаться к некой третьей буферной инстанции, то есть переносить конфликт внутрь институционального аппарата, способного переоформить или даже перенаправить удар, нацеленный на неформалов. После обличительной кампании в прессе против клубов в январе—феврале 1988 года² Б. Кагарлицкий, один из неформальных лидеров, наносит ответный удар — но не в поле официальной прессы (к которому у него фактически нет доступа), а в судебной сфере, подав жалобу на клевету. Перенеся борьбу в судебное поле, неформалы стремятся испытать влияние реформаторов в этом институциональном аппарате и готовность защищать их. Кагарлицкий процесс выигрывает.

Однако партийные и комсомольские реформаторы не особо спешат прийти на помощь клубам. По примеру неформалов, стремящихся показать свою независимость от реформаторов, последние также предпочитают сохранять дистанцию. Когда они вмешиваются в конфликт — поскольку понимают, что в лице неформалов нападают на *них самих*, — они избегают демонстрировать слишком большую близость с клубами. В марте 1988 года в «Советской России» опубликовано письмо ленинградской учительницы химии Нины Андреевой³, которое вызвало громкий резонанс на политической сцене. Это настоящий памфлет против перестройки; его автор обвиняет во всем происходящем неформальное движение, продвигающее «экстремистский» сценарий реформ. Лигачев, лидер консерваторов, настоятельно рекомендует письмо к прочтению всем партийным организациям. И только через три недели реформаторы наносят ответный удар, задействовав тяжелую артиллерию: Горбачев добивается от Политбюро официального осуждения этого «манифеста антиперестроечных сил» и разрешения

¹ Степенин 1988: 12.

² Неформалы названы в «Комсомольской правде» «самозванцами» и «любителями» (Губенко, Писарев 1988), а в «Правде» — марионетками Запада («Память и другие», 1.2.1988; в этой статье они, кстати, приравнены к националистам общества «Память»).

³ Андреева 1988.

опубликовать в «Правде»¹ обращение редакции, в котором отсутствует всякое упоминание неформалов.

«Отделить зерна от плевел»:
неформалы в новом конкурентном пространстве

Дистанцирование от «националистов» и «сталинистов»

Неформальные клубы подозревают своих «националистических» и «сталинистских» противников в том, что те действуют по указке консерваторов КПСС. Тем не менее их присутствие в политическом поле невозможно интерпретировать как чистую манипуляцию: даже если допустить, что изначально они были марионетками части партийного аппарата, втянувшись в столь неустойчивую политическую игру, они неминуемо должны были обрести некоторую автономию.

Главной проблемой для неформалов стало *дистанцирование* от этих групп, необходимое для того, чтобы коллективный «лейбл» — «неформальное движение» — не стал родовым наименованием и не использовался бы для обозначения их противников. Клубы используют различные тактики: принципиально ограждают свое движение от проникновения «националистов» и «сталинистов»; задействуют «сравнительные преимущества», такие как отличительные названия, которые придают каждому клубу свою уникальность, а движению в целом — «фирменное» качество, контрастирующее с «неразличимым болотом» националистических групп и структурным вакуумом «сталинистов». Неформалы четко обозначают социальные границы, отделяющие их от противников: они считают единственно достойными только битвы, идущие на интеллектуальном фронте.

Неформальное движение не открыто первому встречному: в нем отвергается любая «пропаганда насилия», любая идея «национальной и расовой исключительности и враждебности к другим народам»². «Сталинисты», так же как и «Память», открыто исповедуют националистические и антисемитские взгляды. При определении своего

¹ Принципы перестройки: революционность мышления и действия // Правда. 5.4.1988. См. рассказ об этих событиях в: Василевский, Прибыловский 1993: 159.

² АКОИ 1987 (док. 1).

движения неформалы категорически исключают из него русское патриотическое движение — из-за его авторитарных и антисемитских тенденций¹. Что касается «большевистского», или «сталинистского», движения, иногда оно даже и не упоминается, настолько самоочевидной представляется его невообразимость в рядах неформалов. Последние предчувствуют, что консерваторы будут пытаться ассоциировать их с националистами из общества «Память», и зачастую так и происходит. Газета «Правда» не брезгует подобными приемами. Утверждая строгие принципы отбора при входе в движение, неформалы избегают растворения в классификациях, ставящих под вопрос их идентичность.

Неформалы стараются подчеркнуть свое отличие не только через дискурс, но и через формы организации. Выбранные ими названия символизируют их фронты борьбы — «Мемориал», «Гражданское достоинство», «Перестройка» и т.д., — по совокупности которых можно определить основные принципы их движения. Мобильность участников между группами (перемещения, принадлежность к нескольким организациям) и подвижность структур (расколы, слияния) не препятствуют кристаллизации этих наименований и процессу обретения неформальным движением некоторой интеллектуальной прозрачности. Что касается националистических групп, те отличаются лишь именами своих лидеров, поскольку все или почти все они называются «Память». Консерваторы же («сталинисты» и «необольшевики») еще даже не создали своих организаций и фактически актуализируют себя лишь под именем «Нина Андреева».

Культ вождя, практикуемый в националистическом лагере, всячески высмеивается неформалами. Им тем проще его критиковать, что в их собственном движении такой культ невозможен. На это есть две причины. С одной стороны, центральное ядро движения состоит из акторов, привнесших различные ресурсы (интегрированность в академические круги или в реформистское крыло партии, репутация бывших неортодоксальных оппозиционеров в рамках диссидентства и др.), и ни один из них не стал доминирующим. Поэтому коллегиальность естественным образом стала нормой, по крайней мере в наиболее значительных клубах. Способ

¹ Игрунов 1989.

формирования руководящего ядра делает маловероятным появление единого вождя и признание каких-либо притязаний на харизматическое господство. С другой стороны, рядовые неформалы бдительно следят за тем, чтобы лидеры ни индивидуально, ни коллективно не присваивали себе гегемонию над движением. Так, газета «Хронограф», публикующая репортажи о московских клубах и зорко следящая за малейшими огрехами лидеров, немало способствовала тому, чтобы предотвратить некоторые злоупотребления. Имея хождение среди широкой публики как в Москве, так и в регионах, газета стала своего рода инструментом внутреннего контроля.

И наконец, неформалы остерегаются любых прямых контактов с «националистами» и «сталинистами», чтобы избежать этой «заразы». Общество «Память» Васильева, привлеченное принципом «антибюрократической солидарности», который неформалы провозгласили в августе 1987 года, предлагает клубу «Перестройка» объединиться для совместной борьбы против бюрократов, определяемых «Памятью» как «масонская ложа». «Перестройка» игнорирует это предложение.

Борьба между неформалами и их противниками разворачивается прежде всего вокруг исторической памяти. Центральной в интеллектуальных дебатах становится тема прошлого, и в частности сталинской эпохи¹. В ходе одной дискуссии в клубе «Перестройка» неформалы прибегают к аргументам историков для критики позиции «сталинистов», впрочем, на встрече не присутствовавших. Отвергая телеологическое видение истории, приводящее к оправданию политики форсированной индустриализации и коллективизации специфическими историческими условиями 1930-х годов (экономическим отставанием СССР, надвигающейся войной, строительством социализма), лидеры «Перестройки» опираются на историческую школу Михаила Гелфера. Эта школа рассматривает историю в терминах «развилок» и переломов. В данной историографической парадигме считается, что исход никогда полностью не определен заранее. Обращаясь к этой версии советской истории, неформалы используют историографический дискурс в своих политических целях.

¹ Garros 1992.

«Мемориал» становится ярким символом всего движения потому, что самим своим названием¹ вступает в прямую конкуренцию с «Памятью», а его цели и задачи прямо противостоят позиции «сталинистов». Здесь разыгрывается борьба за присвоение памяти: самого слова «память», а также способа увековечения истории. Националисты защищают церкви и монументы, посвященные великим победам нации; «Мемориал» же ставит целью воздвижение памятника жертвам Большого Террора. «Националисты» и неформалы противостоят друг другу через обслуживаемую ими «клиентуру». Националисты находят опору в литературных кругах (в таких журналах, как «Наш современник», «Москва» и «Молодая Гвардия»²), неформалы же сотрудничают скорее с академическими кругами и представителями социальных наук.

Избранная неформалами стратегия ускользания в целом дала хорошие результаты. Но у нее было несколько недостатков. Во-первых, она работала и вызывала доверие лишь до тех пор, пока основные места встреч находились в пределах Академии наук, однако эта ситуация изменилась в связи с расширением пространства политического действия в 1989 году. Во-вторых, в политическом соревновании невозможно было последовательно проводить академическую логику: этому противоречило, в частности, то, что неформалы не позволяли публиковать в своих бюллетенях материалы противников.

Соблюдение дистанции с бывшими диссидентами

Присутствие особого типа конкурентов делает границы неформального движения размытыми и хрупкими: речь идет о бывших диссидентах или наследниках диссидентства, отвергающих любые компромиссы с властью. Через отношения к этим расположенным на периферии движения фигурам можно изучить деятельность неформалов по поддержанию границ своей идентичности.

В 1987—1988 годах категория «диссиденты» становится двойственной: она означает одновременно и тех, кто участвовал в движении

¹ Изначальное ядро, сформированное в августе 1987 года, называлось «инициативная группа по увековечению памяти жертв репрессий (мемориал)».

² Тем не менее эти журналы стараются соблюдать дистанцию по отношению к «Памяти», опасаясь скандала (Митрохин 1991).

в 1960—1970-х, и тех немногих, кто вернулся к политической деятельности во время Перестройки (иногда с момента освобождения из ссылки в 1987 году). Последние рьяно отстаивают свою «диссидентскую» идентичность: чтобы быть замеченными, им необходимо подчеркнуть свое отличие от неформального движения, определяющего себя через оппозицию диссидентству. Что касается неформалов — те стремятся закрыть доступ в свои клубы людям, слишком явно «отмеченным» печатью принадлежности к правозащитному движению.

Неформалы развивают дифференцированные стратегии. «Приемлемым» диссидентам (в силу их неопасности в качестве политических конкурентов) позволено время от времени заходить за ограничительную линию; «нежелательным» дается отпор, однако и в этом случае границы зачастую оказываются легко проницаемыми; и наконец, открыто враждебные неформалам диссиденты не проникают на их территорию и действуют исключительно на ниве самиздата. Напомним, что полностью «приемлемыми» диссидентами стали исключительно те, кто с 1970-х годов поставили под сомнение авторитет «правозащитников» и отстаивали идею диалога с властью.

Бывшие диссиденты и неформалы в 1987—1988 годах живут и действуют в разных пространствах, как если бы между ними существовала негласная договоренность о соблюдении дистанции. Нас же здесь интересуют исключения из этого правила. Действительно, неформалам иногда доводится приглашать диссидентов к участию в своих заседаниях. В основном речь идет о не составляющих конкуренции или «дружественных» активистах, таких как христианские диссиденты А. Мень, Г. Якунин, В. Аксютин и А. Огородников. Неформалы дорожат также отношениями с теми диссидентами, которые открыто принимают их принцип: не быть оппозицией. Таков, например, Л. Волохонский, противостоящий бывшему диссиденту С. Григорьянцу, главному редактору журнала «Гласность». Здесь, вокруг дискуссии о неформальном движении, с новой силой разгораются давно тлеющие ссоры среди диссидентов. И наконец, когда сами неформалы понимают, что перевес сил явно на их стороне, они стремятся преодолеть манихейское противостояние, в которое оказались втянуты

обе стороны, и предоставляют слово диссидентам, чтобы те смогли обрести «официальный статус»¹.

Однако есть еще диссиденты «нежелательные», однако присутствующие *внутри* движения. «Демократия и гуманизм» под руководством В. Новодворской занимается «энтризмом»²: ее участники без приглашения приходят на заседания неформалов, особенно живо интересуясь встречами, организованными при помощи партии и комсомола. Неформалы не в состоянии их устранить. Во-первых, отнюдь не все они так уж враждебны к диссидентам, и есть даже те, кто симпатизируют «Демократии и гуманизму». Во-вторых, подвергая «диссидентов» остракизму, они рискуют заработать репутацию марионеток партийных реформаторов (которые не желают предоставлять трибуну диссидентам и их соратникам). И наконец, даже те, кто еще в 1987 году называли себя «диссидентами», в 1988-м меняют название и обретают новую легитимность, отныне больше настаивая на своей *радикальности*, нежели на родстве с диссидентством.

Защитная стратегия, избранная по отношению к ним неформалами, состоит в маргинализации и систематической критике. В. Игрунов, член КСИ, описывает «Демократию и гуманизм» как некий «куръез в общественном движении»³. Журнал группы «Перестройка» — «Открытая зона» — публикует статью В. Новодворской только затем, чтобы сразу же разнести ее в пух и прах. Но вопреки этим попыткам маргинализации членам «Демократии и гуманизма» удается занять свое место в движении благодаря серии ударов, обязывающих другие клубы к ответной реакции. Они быстро занимают авансцену на Пушкинской площади — где более умеренные неформалы организуют еженедельные митинги в течение лета 1988 года — и оказываются в центре внимания советских и западных СМИ. Устраиваемые ими скандальные спектакли надолго отпечатываются в памяти: они рвут в клочья советский флаг и портреты

¹ Интервью с И. Минтусовым, членом «Перестройки», 15.8.1994.

² «Диссидентскую» идентичность этой группе придает именно В. Новодворская — своим прошлым и своими выступлениями. Возможно, другие участники не были по преимуществу диссидентами, однако они сознательно ориентировались на организацию, представляющую себя наследницей диссидентства.

³ Игрунов 1989.

Ленина и Горбачева, вступают в конфликты с милицией. Создается впечатление, что диссиденты-неформалы и партийные консерваторы укрепляют позиции в своем поле, придавая этому столкновению видимость эскалации, тогда как на самом деле их отношения достаточно стабильны и ритуализованы. «Радикалы» из группы «Демократия и гуманизм» квалифицируются консерваторами и поддерживающей их прессой как главный символ неформального движения; последнему ничего другого не остается, как встать на их сторону. «Демократы и гуманисты» не ограничиваются митингами; вступив в сговор с некоторыми другими неформалами, они основывают в мае 1988 года «Демократический союз» (ДС), провозглашающий себя «первой оппозиционной партией». ДС назвался партией из провокации (в СССР еще действует однопартийная система) и в насмешку («карлик» ДС, причисляя себя к той же категории, что и «спрут» КПСС, намекает на то, что понятие партии потеряло всякий смысл). Само его появление становится шоком для всех политических акторов, поскольку вводит в обращение до тех пор табуированную тему многопартийности.

Границы движения оказываются не защищенными от вторжения этих конкурентов, но последние обречены на маргинальность. И лишь отбросив лейбл «диссидентства» в пользу «радикальности», они могут надеяться занять в движении более устойчивое место. Лидерам основных неформальных клубов удалось дисквалифицировать понятие «диссидент», а вместе с ним и тех, кто намеревались сделать из их движения простое продолжение диссидентства.

Некоторые бывшие диссиденты, вернувшиеся на политическую сцену, быстро занимают позицию, противостоящую неформалам, обвиняя их в сотрудничестве с режимом. Главной ареной борьбы становится самиздат — традиционная вотчина диссидентов, превратившаяся в средство самоопределения неформального движения. Например, С. Григорьянц, главный редактор «Гласности» (вероятно, самого известного в начале Перестройки неофициального издания), представляет неформалов как «марионеток» партии. Со своей стороны, неформалы обвиняют его в работе «на экспорт» и в том, что он намеренно искажает реальность в угоду иностранным спонсорам.

На самом деле неформалы сами поставили себя в уязвимую позицию, переняв термин «самиздат» для обозначения своих бюллетеней. Они вынуждены равняться на «профессионалов», которые превосходят их по репутации и опыту и которым довольно легко удается извлекать выгоду из своей позиции сторонних наблюдателей за деятельностью неформалов. Последние признают два своих слабых места. Они чувствуют себя жертвой «запаздывающего габитуса», наблюдавшегося среди многих значимых представителей неформального и прежнего диссидентского движений (как в СССР, так и за рубежом). В силу запаздывания своего восприятия реальности эти активисты продолжали руководствоваться прежде усвоенными и теперь уже безусловными установками, придавая чрезмерное значение диссидентским газетам¹. Так, эмигрантские издания и многие западные газеты склонны сосредотачиваться исключительно на информации, почерпнутой из самиздат-журналов бывших диссидентов, не замечая того, что происходит в других местах². К тому же, будучи републикована западными СМИ, эта информация возвращается в СССР облеченная возросшей легитимностью. Второе слабое место весьма парадоксально: находясь на периферии политической игры, бывшие диссиденты могут позволить себе публиковать в порядке информирования широкий спектр документов самых разных политических *лагерей* и представлять тем самым гораздо более полную картину неформального движения, чем это способны делать бюллетени самих неформалов.

Неформальные клубы отказываются выступать в качестве оппозиции — это становится поводом для их дискредитации и оказывает сковывающее действие на их отношения с другими политическими акторами. Неформалы противостоят «консерваторам» партии, «националистам» и «сталинистам», тщательно дистанцируются от «диссидентов». В ответ эти акторы определяют их как некий субститут реформаторов, на который легче напасть, дисквалифицировав его как «марионеток» в руках власти или своего рода подобие общества «Па-

¹ Фадин 1988.

² Французская газета «Монд», уделяя внимание исключительно диссидентам, заговорила о неформалах, лишь когда они начали митинговать, летом 1988 года. Тем не менее такие газеты, как «Нью-Йорк Таймс», гораздо раньше прочувствовали важность неформальных клубов в политической жизни СССР.

мать». Защищаясь от дискредитации, неформалы прибегают к разным техникам дистанцирования. Понимая, что слишком слабы, чтобы напрямую противостоять консерваторам, они ищут институциональных и политических посредников; избегают любых «компрометирующих» отношений с «националистами» и «сталинистами»; и наконец, охраняют свою территорию от «заразы» диссидентства. Однако эти границы оказываются легко проницаемыми.

3. Августовская Встреча-диалог 1987 года: публичная объективация неформального движения

Условия сговора, на которые ориентировались организаторы августовской Встречи-диалога 1987 года, оказались полностью переопределены самим ходом заседания и его непосредственными эффектами. Именно в этот момент перехода от идеализированного сговора к реальному обе стороны осознали настоящую суть игры.

Встреча становится местом борьбы между партией и клубами, а также между самими неформалами за определение их движения и его отношений с властью. Неформалы вынуждены выдерживать противостояние с представителями власти, чтобы сохранить свой независимый имидж и по причинам внутренней конкуренции. Какой должна быть дистанция по отношению к реформаторам у власти; какие формы может принять сговор и какова допустимая степень вмешательства в их дела — среди неформалов нет согласия по этим вопросам. Однако все они готовы представлять себя как нового актора политической игры, определяя себя и занимая позицию прежде всего по отношению к реформе политических институтов. Зато *экономическая* реформа играет совсем незначительную роль в их дебатах; это почти полное отсутствие экономики будет ахиллесовой пятой неформального движения на протяжении всего его существования.

Августовская встреча 1987 года воспринимается разными заинтересованными сторонами как успех неформалов, и эта оценка в корне меняет взгляды тех и других на возможное развитие движения. Заседание порождает динамику коллективного действия. О заседании говорит пресса, Центральный Комитет официально его одобряет. Клубы вступают

понимают, что они сильнее, чем думали, и что наверху их принимают всерьез. Отныне они уже не стесняются публично определять себя как *политические* клубы. Их собеседники из партии, наблюдая динамику, которую не могли предвидеть, пытаются всеми способами удержать над движением контроль, но это уже явно невозможно.

Период, следующий за Встречей-диалогом, стал важнейшим для переопределения идентичностей и их формирования самим развитием движения. Политика сговора с реформаторами подпитывает постоянный протест и критику, несмотря на то что она негласно принимается большинством клубов: этот элемент коллективной идентичности проблематичен, и проблема вовсе не была решена во время конференции. Прибытие новых участников после Встречи-диалога способствует появлению крыла, которое радикально противостоит сговору и которое будет занимать все более легитимное место в движении. Таков обратный эффект успеха Встречи-диалога.

Борьба за определение движения

Движение не оппозиционное, но независимое от реформаторов

Неформальное движение, в том виде, как его определяют организаторы августовской Встречи-диалога, намерено сотрудничать с официальными институциями и играть *внутри* системы. Этой стратегии противостоит миноритарное течение, представленное лидером «Демократии и гуманизма» В. Новодворской, которая рассматривает клубы как продолжение диссидентства. Они, по ее словам, называются «социалистическими» лишь для вида или в тактических целях, а не по убеждениям. Она призывает движение стать зародышем будущего парламента, Государственной думы, и тем самым одним махом аннулировать все существующие политические институты¹. Выступление Новодворской позволяет претендентам на лидерство в неформальном движении затронуть вопрос отношений с диссидентством. Они жестко критикуют ее политическую программу, которая «безудержно идеализирует» западную демократию, предписывает возврат к дореволюционным

¹ Новодворская 1987.

институтам и является лишь набором лозунгов без какой-либо связи с сегодняшней социальной и политической реальностью¹. Такая стратегия дискредитации явно находит отклик у многих неформалов, которые когда-то прямо или косвенно участвовали в диссидентском движении и, по всей видимости, разделяют некое смутное неприятие диссидентства. Оппозиционерам, упорно пережевывающим потерявший актуальность дискурс, неформальные лидеры противопоставляют «реалистический», «конструктивный» подход, удерживающий от тотального отрицания советского режима. Seriously относиться к политическим институтам, из которых выхолощен изначальный смысл (например, рассматривать Советы как *настоящие* органы власти), — в этом будет состоять их высокоэффективная субверсивная стратегия.

Неформальное движение, тем не менее, намерено поддерживать некоторую автономию по отношению к своим союзникам из партии и вступает с ними в конфронтацию. Используемые средства часто опираются на те самые ресурсы, которые им предоставили реформаторы. Так, когда инструктор райкома КПСС пытается запретить В. Новодворской выступить в ходе Встречи-диалога, со стороны неформалов поднимается (почти) всеобщая буря протеста во имя защиты свободы слова: столь явное подчинение требованиям партии повлекло бы за собой слишком разрушительные последствия для имиджа их движения.

Неформалы также смело пользуются любым поводом, чтобы утвердить себя в качестве *политических* акторов. Партийные реформаторы пытались представить движение как общественное и аполитичное, как «передаточное звено» нового типа. И хотя клубы-организаторы вроде бы согласны с этим изначальным определением, они быстро перестают соблюдать условности и открыто требуют собственного места в политической игре. В ходе конференции даже те, кто представляются наиболее «лояльными» к партийным реформаторам (например, «социалисты»), начинают требовать политических прав. Вероятно, представители партии никак не ожидали столь крутого поворота. Продолжая признавать конституционную роль КПСС², неформалы теперь требуют права

¹ Кудюкин, Данилов 1987.

² КПСС является «руководящей и направляющей силой советского общества (и) ядром ее политической системы, государственных и общественных организаций» (Статья 6 Конституции СССР).

представлять кандидатов на выборы и выступать с законодательными инициативами¹.

В конце концов один из членов оргкомитета августовской конференции, которого считали достаточно надежным, чтобы допустить после Встречи-диалога к участию в первой пресс-конференции неформалов в Агентстве печати «Новости», берет на себя смелость представить клубы как зародыш своего рода многопартийности:

Хотя нас инструктировал какой-то крупный кагебист — что мы должны были говорить, что мы не должны были говорить, — мы все равно сказали, что вполне реально, что из этих маленьких общественных политических движений выйдут крупные политические партии. Тогда все было очень страшно. Я сам сказал это и очень сильно испугался потом².

Вдвойне интересен тот факт, что неформалы, наиболее близкие к властным инстанциям, например те, что ведут переговоры с ними, не только обладают таким видением горизонта возможного, открывшегося с августа 1987 года, но еще и берут на себя риск публично нарушать идеологические табу.

И наконец, неформалы используют некоторых посредников, чтобы передавать своим официальным собеседникам иногда весьма колкие сообщения, в частности о том, что не стоит пытаться слишком откровенно вторгаться на их территорию. Эти посредники занимают центральное место в структуре взаимодействий, разворачивающихся между двумя сторонами. Они не только делают эти взаимодействия возможными и допустимыми, но и служат перенаправлению критики, на самом деле направленной против партийных реформаторов. В этой игре нет места прямым атакам против власти.

Сказанное хорошо иллюстрирует фигура М. Малютина, члена КСИ и одного из координаторов Встречи-диалога. Его двусмысленная стратегия предстает как ключевой элемент, без которого само событие не состоялось бы:

¹ ФСОК 1987 (док. 2).

² Г. Пельман, член КСИ, интервью 6.7.1994 г.

Есть очень редкий тип совершенно талантливых людей, которые в любое выступление могут внести элемент не просто детективного жанра, а элемент некой интриги. И [Малютин], я считаю, в этом отношении просто гений, гений интриганства. [Благодаря своей способности] формировать, может быть, искусственно возникаемые некие конфликты, которые живут только в домыслах, он помогал развитию общественного движения. [...] Идея сделать такой форум [августовскую встречу 1987 года] — это, скажем, моя идея. Но создано это все было и могло осуществиться только с помощью всего объединения КСИ и, в том числе, интриганства Миши Малютина, который, будучи членом КПСС и преподавателем философии, имел [контакты] с МГК и всеми остальными и просто дал такую оценку общественному движению: «лучше его держать под наблюдением и под контролем, чем дать этому движению спонтанный характер и [потерять возможность] его контролировать и направлять». Это была его подача материалов в МГК. Он искренне, может быть, в это верил, и одновременно он верил в то, что этот форум должен состояться¹.

Посредничество М. Малютина позволило участвующим сторонам сделать взаимное сотрудничество более приемлемым в глазах сторонних наблюдателей и тем самым спасти собственное лицо. Инструктор райкома объясняет:

— Миша Малютин был практически один из первых, с кем мы начали работать. Он был одним из немногих членов КПСС, который был готов работать с неформалами. Когда я его взял на работу, у Шостаковского [ректора Московской высшей партийной школы] на работе взял как раз, Миша Малютин был некоей возможностью нам прикрыться общественностью. То есть если бы инициативу проведения съезда проявил инструктор райкома, нас бы прогнали...

— Да, но он был в Высшей партийной школе.

— Ну и что?

— Это тоже партийная работа.

¹ Г. Пельман, интервью 6.7.1994 г.

— Это нормально воспринималось. Он не был аппаратчиком. [...] Он философию преподавал и не воспринимался столь страшно, как я¹.

Посредники устанавливают каналы коммуникации с партией, доступные неформалам, напрямую не участвующим в переговорах. Некоторые уверены, что это засланные агенты партии, и используют их, чтобы указать власти, за какую черту нельзя переступать. Безусловно, КПСС стремилась контролировать движение и даже им манипулировать. Нам же здесь важно то, что неформалы считают необходимым явным образом очертить границы этого контроля. В ходе Встречи-диалога был поднят вопрос о «рабочей группе по борьбе с экстремизмом в неформальном движении», созданной по инициативе Малютина. Экстремизм здесь определен как «безнравственные и противоправные действия практического и теоретического характера, осуществляющиеся в целях увеличения своего общественно-политического влияния, осуществляемые лицами, группами, общественными или государственными учреждениями»². Предлагается создать своего рода внутренний трибунал, перед которым будет предстать любой человек или организация, обвиняемые в «экстремизме, разжигании ненависти и страха, клеветнических действиях или интригах в общественной среде». Этот механизм явно нацелен на исключение националистического движения («Память»), не представленное на Встрече-диалоге (о чем, кстати, никто не пожалел). Однако некоторые неформалы опасаются прежде всего, что этот механизм может быть использован для исключения тех течений, которые считаются приемлемыми (например, «Демократия и гуманизм»)³. В результате делегатам к голосованию было предложено два конкурирующих документа. Тот, что составлен Малютиным, не нашел поддержки у главных организаторов — лидеров «Перестройки» и КСИ. После Встречи-диалога и уже на менее публичной сцене⁴ Малютина обвинили в попытке создать механизм, позволяющий манипулировать движением извне.

¹ Н. Кротов, интервью 17.2.1994 г.

² См. док. 20. Среди неформалов ходила шутка, что это определение вполне можно было бы применить к КПСС (П. Кудюкин, интервью 12.1.1994).

³ См. док. 21. Документ подготовлен Д. Леоновым, И. Чубайсом («Перестройка») и А. Вайсбергом (КСИ).

⁴ Речь идет о журнале клуба «Перестройка» — «Открытая зона», имевшем хождение почти исключительно внутри движения. Тем не менее не вызывает никаких

Посредники вовсе не находятся в изоляции, а, напротив, полностью вовлечены во внутренние игры движения. Это, кстати, и позволит многим из них превратиться в «настоящих» неформалов. Так, Малютин станет одной из центральных фигур «Федерации социалистических общественных клубов» (ФСОК), созданной на августовской Встрече, а затем — «Московского народного фронта» (в мае 1988-го). Как видим, партии не удастся сохранить влияние над своими посредниками: занимаемую ими двойственную позицию сложно удержать в силу динамики коллективного действия, порожденной августовской конференцией.

*«Правильная» дистанция по отношению к партии:
поиск идеологических наименований*

Итак, неформалы пришли к негласной договоренности по поводу взаимодействий с партийными реформаторами, и защита относительной автономии придала некоторую сплоченность их движению. Однако среди них нет никакого единодушия по поводу общего идеологического наименования, поскольку нет согласия по поводу «правильной» дистанции, которую следует поддерживать по отношению к «власти» (под «властью» понимается то советский режим в целом, то реформистское крыло КПСС). Выбор наименований ограничен: единственный лейбл, разрешенный потенциальными собеседниками из партии, — «социалистический». Только члены «Демократии и гуманизма» открыто выходят за эту рамку (см. график 1). Но пока они не называют себя ни «либералами», ни «правыми» — эти термины на публичной сцене были тогда непроезжими.

Поэтому свою позицию в отношении реформаторов неформалы могут выражать лишь через нюансы в градациях социализма. «Левое» крыло движения, объединяющее убежденных марксистов (подразделение КСИ «Социалистическая инициатива» под руководством Кагарлицкого и Малютина) и анархистов («Община»), определяет себя как «социалистическое». Его члены признают центральную роль партии в политической системе и отсылают к источникам периода

сомнений тот факт, что журнал читали партийные работники, занимавшиеся работой с неформалами.

революции («строительство бесклассового общества», «полное отмирание государства»¹); они желают закрыть доступ в движение тем клубам, которые явным образом не называют себя социалистическими. Другие неформалы (в том числе лидеры «Перестройки») называют себя сторонниками «демократического социализма»: они выдвигают на первый план скорее демократические ценности, нежели ортодоксальный социализм, и отказываются делать из «социалистического» лейбла главный критерий определения движения. И наконец, третья категория не имеет никаких лейблов, но тем не менее ее существование всем очевидно. Отсутствие наименования имеет политическое значение: оно позволяет акторам не перенимать официальный дискурс и тем самым лишний раз подчеркивать свою удаленность от социалистической «нормы». Эта неполитическая тенденция, преобладающая внутри КСИ, представлена, однако, неформалами с политическим прошлым: одни имели контакты с западными троцкистами, другие пришли из диссидентства.

В итоговых документах Встречи-диалога неформалы предпочитают не особенно настаивать на глубинных идеологических вопросах, по которым они расходятся. Соревнование проявляется скорее в создании двух конкурирующих координаторских организаций. «Социалисты» формируют «Федерацию социалистических общественных клубов» (ФСОК), тогда как сторонники «демократического социализма» и «безымянные» основывают Ассоциацию «Кольцо общественных инициатив» (АКОИ), открытую всем неформальным группам без каких-либо идеологических барьеров. Логика внутреннего соревнования приводит неформалов к созданию двух всесоюзных организаций, несмотря на то что партия настойчиво увещевала их не создавать вообще никакой всесоюзной организации².

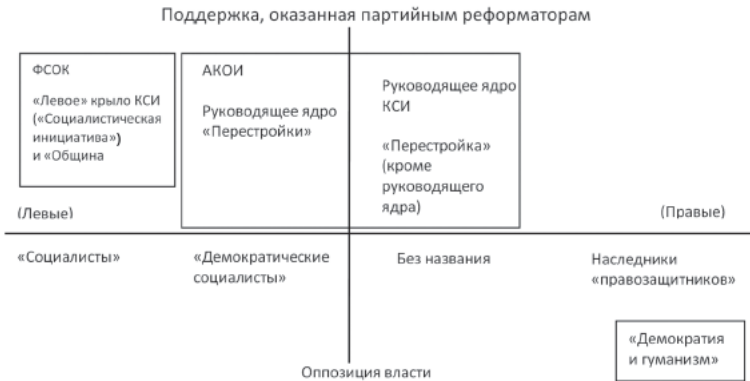
Соревнование разворачивается также и на другой арене, за которой партия напрямую не следит. Кстати, необходимость представать на *нескольких* сценах, где приняты разные системы классификаций, являет собой одну из сложностей, с которыми сталкиваются неформалы. Так, перед иностранными журналистами они определяют себя в рамках за-

¹ ФСОК 1987 (док. 2).

² По словам Д. Леонова, интервью 25.7.1994 г.

График 1

Политическая позиция неформальных групп во время августовской Встречи-диалога «Общественные инициативы в Перестройке» (1987)

ФСОК: Федерация социалистических общественных клубов

АКОИ: Ассоциация «Кольцо общественных инициатив»

КСИ: «Клуб социальных инициатив»

падной терминологии. «Социалисты» назвали себя «новыми левыми», в связи с чем «Перестройке» пришлось обозначить свою дистанцию:

В статье [...] «Нью-Йорк Таймс» [...] наш клуб назван одной из группировок в рамках движения «новых левых». Никто из членов клуба никогда не использовал для определения собственной позиции выражение «новые левые». [...] Очевидно, [это] выражение почерпнуто журналистом из общения с лицами, воспринятыми им в качестве представителей движения в целом¹.

В конце 1987 года деление на «левых» и «правых» входит в моду в рамках легитимного политического пространства «большой политики» — как отклик на «дело Ельцина» (см. ниже). Однако оно

¹ Пишут о нас // Открытая зона. 1988. 3 января: 59.

вынуждает неформалов совершать немислимые пируэты, поскольку «правыми» официально стали называться консерваторы, то есть коммунисты, а «левыми» — реформаторы, сторонники политики экономической либерализации. И неформалам приходится жонглировать двумя разными таксономиями: одна из них имеет внутреннее хождение в их движении и перенимает европейскую политическую традицию; в другой — характерной для периода Перестройки — «правые» и «левые» поменялись местами. Хотя в целом им ловко удается переходить от одной таксономии к другой, все-таки иногда они попадают в ловушку. Так было, например, когда «левые» неформалы выступали с критикой экономических советников Горбачева, с конца 1987 года предписывающих повышение цен на продукты питания и в официальном языке обозначившиеся как «левые». Социалистические неформалы отказываются использовать для их характеристики термин «левые». Они сопротивляются официальной классификации потому, что их политические представления сформировались задолго до Перестройки, а также, возможно, потому, что инверсия терминов «правые» и «левые» уходит корнями в диссидентское движение¹. Диссидентская терминология с легкостью внедряется в официальный язык, однако в неформальное движение она проходит не настолько легко.

Экономический вопрос: ахиллесова пята неформального движения

В истории неформального движения есть некоторые слепые пятна: клубные дискуссии почти не прорабатывают экономическую сферу, тогда как она составляет важную часть политической игры. Так или иначе, этот вопрос не является центральным элементом коллективной идентичности неформального движения.

С августа 1987 года дебаты разворачиваются между сторонниками «равенства всех форм собственности» (общественной, коллективной и *частной*) — и защитниками господства общественной собственности, но эти расхождения никак не обозначены в итоговых текстах. Позднее, в ноябре 1987 года, левое крыло движения (ФСОК) выступает против предусмотренной властями реформы цен на продукты питания, по-

¹ Brown 1996a: 186.

скольку, ударив по беднейшим слоям населения в период дефицита, эта форма перераспределения усугубляет социальное неравенство. ФСОК усматривает в монетаристских решениях, продвигаемых советниками Горбачева, прямое копирование рекомендаций МВФ, всегда приводивших к результатам противоположным заявленным целям¹. Однако это выступление не порождает никаких дебатов внутри движения (по крайней мере, нам не удалось обнаружить их следов). В июне 1988 года первая общая политическая программа московских клубов², уделяющая много страниц юридическим вопросам, отводит лишь скромное место в конце текста экономическим предложениям, мало отличающимся от позиций ЦК КПСС³. Их предложения касаются в основном двух пунктов: самоуправления для работников предприятий и децентрализации системы планирования. Вне этих всеми одобряемых тематик экономический дискурс неформалов крайне уклончив и непостоянен. Они требуют упразднения партийных хозяйственных органов, которые дублируют органы государственные, выступают за постепенное сворачивание госзаказа, за передачу крестьянам (в форме аренды) земель хронически убыточных колхозов и совхозов, за повышение защиты прав потребителей. В движении не произносится ни слова о таком ключевом экономическом вопросе, как реформа цен, но некоторые его официальные представители предлагают «провести референдум по альтернативным проектам экономической реформы», составленным известными специалистами. Однако сами неформалы не только не сформулировали собственных проектов, но даже и не намеревались этого делать⁴.

Неформалы пренебрегают этим полем, несмотря на то что заседают в экономических институтах и насчитывают в своих рядах немало экономистов. Можно ли это объяснить тем, что они предпочитают избегать любых дополнительных поводов для раздора на стадии кристаллизации

¹ «Перестройка и цены» // Левый поворот. 1988: 3—16.

² Эта программа («Общественный наказ»), принятая примерно сорока организациями в июне 1988 года и адресованная делегатам XIX Всесоюзной партийной конференции, во многом вдохновлена более детальной программой клуба «Перестройка», которую мы приводим здесь в качестве одного из ключевых документов (Демократический клуб «Перестройка», 1988, док. 23).

³ См.: Тезисы ЦК на XIX Всесоюзной партийной конференции (1988).

⁴ Общественный наказ (1988, док. 26).

своего движения — ведь клубы уже и так стали пространством столкновений политического характера? Стремятся ли они избежать публичного осуждения своих защитников из академической среды (в частности Т. Заславской), поддерживающих решения МВФ? Недооценили ли они важность этого вопроса в политической борьбе или просто предпочли молча отдать его на откуп защищавшим их шестидесятникам или молодым экономистам своего поколения, которые обретались в тех же, что и они, академических кругах и время от времени приходили на их встречи (как Е. Гайдар)? Именно последние, вхожие в кулуары власти с середины 1980-х¹, а не неформалы, будут приглашены на ключевые посты в правительстве, сформированном российским президентом Ельциным в конце 1991 года. То, что экономический вопрос не стал отдельной ставкой в борьбе, конечно, усилило сплоченность неформального движения на начальной стадии; однако со временем отсутствие какого-либо самостоятельного экономического дискурса станет, безусловно, фактором их уязвимости.

Как бы там ни было, сговор, в том виде, в каком он осуществился в ходе августовской Встречи-диалога, вышел за рамки, изначально предназначенные партийным реформаторам и, возможно, неформалам. Эти организации требуют политических прав, более или менее прямо критикуют вмешательство партии в свои дела и намерены организовать свое движение во всесоюзном масштабе, вопреки несогласию своих партнеров из реформистского крыла партии. Одним словом, они представляют себя как фермент будущих политических партий. Но едва ли не самой любопытной характеристикой этих «отклонений от генеральной линии» является то, что происходят они не под влиянием радикальных неформалов, вышедших из-под контроля, а по воле тех, кто ведут переговоры с властью и считаются самыми надежными.

Успех Встречи-диалога и ее последствия
для взаимодействия неформалов с партийными реформаторами

Конференция августа 1987 года становится поворотным моментом в восприятии акторов и в их взглядах на будущее неформального движе-

¹ Как мы помним, Е. Гайдар и А. Чубайс участвовали в работе Комиссии по совершенствованию управления народным хозяйством.

ния. Как партийные чиновники, так и неформалы ищут новых способов взаимного отличия. Партия ощущает, что неформалы научились частично ускользать из-под ее контроля; она пытается всячески ограничить их поле действия, закрыть им доступ к политическим институтам, при этом удерживая их в политической игре. Встреча-диалог придала динамику существованию неформальных клубов и внесла в него кардинальные изменения: появляются новые клубы, а те, что организовали Встречу, обретают высокую репутацию и привлекают все новых членов. Восприятие ими своего движения как пребывающего на подъеме влияет на их манеру игры, и они осмеливаются применять некоторые новые тактики. Тем не менее этот успех пошатнет прежние идентичности и систему внутренних отношений в движении. Новобранцы оспаривают легитимность сговора с партийными реформаторами и делают из этого протеста смысловое ядро движения. Кризис клуба «Перестройка» (сентябрь 1987 — январь 1988), ставшего форпостом московского политического движения, хорошо показывает происходящую кристаллизацию идентичностей, которые порождаются этой новой конъюнктурой.

Новый взгляд на развитие движения

Сразу после Встречи-диалога партия вынуждена с горечью констатировать, что вопреки ее чаяниям движение не позволило установить над собой контроль:

Это был первый всплеск неформальной активности, когда, как мне кажется, не удалось *нам* отстоять ту точку зрения, которая нам казалась правильной. То есть в первый раз эта активность выплеснулась в те формы, которые нам казались не очень разумными. [...] В *первый раз неформалы поняли, что могут обойтись без нас*¹.

К обоим райкомам «экспериментальной зоны», на которые партийные иерархи быстро навесили вину за «перехлесты», горком и ЦК

¹ Ю. Чабанов, заведующий идеологическим отделом Севастопольского райкома, интервью 22.6.1996 г. Как мы увидим позже, того же видения придерживаются и сами неформалы. Курсив автора.

применяют санкции. ЦК оказывает давление на контрольную комиссию, увольняющую одного инструктора райкома. Секретарь горкома по идеологии угрожает руководителям другого райкома исключением из партии и «тюремным заключением»¹. Но уже осенью наблюдается полный поворот: ЦК КПСС действия обоих райкомов одобряет. Эта перемена происходит в ноябре 1987 года, сразу после смещения Ельцина с поста первого секретаря горкома (см. ниже). Возможно, в связи со сложившейся ситуацией реформаторы в высших эшелонах власти решили продемонстрировать некоторую признательность неформальному движению — чтобы как-то скрасить негативный эффект, произведенный этой отставкой внутри партийного аппарата. Организаторам Встречи-диалога разрешают дать две пресс-конференции в АПН, а «Московские новости» и «Огонек» публикуют благожелательные статьи о Встрече. Таким образом, неформалов впервые используют во властных играх на высшем уровне.

После августа 1987 года главные клубы привлекают все больше участников в поиске мест для проведения дебатов. Это играет на руку клубу «Перестройка», который также вступает во все более многочисленные контакты с иностранной прессой. По всей стране проходит множество заседаний с участием неформалов и представителей власти. И хотя ни одно из них не имеет такого же огромного резонанса, как конференция августа 1987 года, взятая за образец, все это создает ощущение бурно развивающегося движения. Благодаря Встрече-диалогу запущены некоторые новые проекты, в частности «Мемориал», которому суждено будет стать одним из наиболее значительных клубов неформального движения.

Но главное, августовская конференция служит катализатором *открытой* трансформации клубов в политические акторы:

Участие во встрече [...] стало для клуба «Перестройка» во многом поворотным пунктом. Большинству активистов стало ясно, что дискуссионный зал уже не может оставаться единственной и главной формой существования. Стремление превратить клуб в независимый обществен-

¹ Н. Кротов, интервью 17.2.1994 г.

ный субъект, со своей политической физиономией и программой, стало общим. (Как показала встреча, сходные процессы развивались и в других клубах общественных инициатив.¹)

Самые важные дебаты «Перестройки», которые формируют ее «истинное лицо», касаются политических тем. И хотя клуб организует дебаты на экономические темы (см. врезку ниже) в соответствии с ожиданиями партии, его бюллетень «Открытая зона» передает содержание лишь политических дискуссий.

Врезка 3

**Дискуссии, организованные клубами «Перестройка»
и «Демократическая Перестройка» (март 1987 — июнь 1988)**

Экономические темы

- Законопроект о государственном предприятии
- Рыночные механизмы в США
- Управление экономикой: демократизация
- Радикальная экономическая реформа и ценообразование
- Экономический аспект борьбы с бюрократией
- Пути экономической реформы
- Экономические противоречия Перестройки
- Законопроект о кооперативах
- Экономика и экология

Политические темы

- Бюрократизм и Перестройка
- Советы и парламентаризм
- Опыт развития демократии в социалистических странах Европы
- Законопроект о добровольных обществах и объединениях
- Комсомол и Перестройка
- Социалистическая демократизация и историческая ответственность нашего поколения (в качестве лекторов выступают шестидесятники)

¹ Фадин 1990.

- Проблемы совершенствования политической системы и юридические гарантии демократизации
 - Программные тезисы «Демократической Перестройки» к XIX партконференции
 - Этические и исторические аспекты создания мемориала жертвам сталинских репрессий
 - Тысячелетие крещения Руси
-

Политический характер клубов становится еще более явным, когда неформалы получают осязаемые доказательства попыток своей инструментализации в борьбе между консерваторами и реформаторами внутри партии и комсомола. В ходе атаки против них со стороны консервативной прессы в начале 1988 года им сливают информацию — передают конфиденциальный документ ЦК комсомола, который они немедленно публикуют. Неформалы находят в этой двойной инструментализации со стороны консерваторов и реформаторов новые возможности для действия и делают из нее выводы о своем значении в этой игре: партия и комсомол принимают их всерьез и все чаще используют в качестве аргумента в своих междоусобных войнах.

Обратный эффект: попытки партии локализовать клубы

После августовской Встречи-диалога партийные реформаторы, которым уже трудно идти на попятную в «эксперименте» с клубами, пробуют ввести в действие новые механизмы, чтобы ограничить поле их деятельности.

Прежде всего они пытаются удалить их от политической сферы. Месяц за месяцем Севастопольский райком обращается к партийному бюро ЦЭМИ с призывом перевести дискуссионную повестку клуба «Перестройка» в экономическое поле. Здесь используется классический метод: на институтских членов партии и пропагандистов возлагают миссию контроля и влияния. Партбюро поручает двум своим членам («кураторам») «подробнее ознакомиться с работой клуба “Перестройка” и доложить в райком КПСС»¹.

¹ Первичная организация ЦЭМИ 1987 (док. 51).

Вторая тактика партии нацелена на то, чтобы переориентировать деятельность клубов на *административные* задачи микро-уровня. Так, неформалов привлекают к разработке моделей реформ на уровне района (разделение властей) и предприятия (введение экономического самоуправления). «Перестройка» принимает эти предложения в обмен на помощь в получении ксерокса, помещения или телефонной линии.

Наконец, партия разрабатывает и более сложную стратегию *поглощения* неформалов. Райкомы создают две формы опосредованного взаимодействия: «*специальные группы идеологического актива*» (прежде называвшиеся «комиссии по контрпропаганде») и те, которые можно было бы назвать «истинно-ложными» неформальными клубами.

Врезка 4

Специальные группы идеологического актива Брежневского/ Черемушкинского района

Целью этой группы является сбор клубных материалов и разработка «практических рекомендаций и моделей для действия в типичных ситуациях» (митинги, публичные дебаты...). «Коммунисты должны непосредственно (не только извне, но и изнутри) влиять на выдвижение лидеров [неформалов], на выработку программ, организованных форм, характер действий социалистических общественных клубов».

Активисты должны пройти боевую выучку методам ролевых игр в «идеологических дебатах». Обучение включает «острые вопросы истории СССР, КПСС», «межнациональные отношения в СССР», «демократизацию политической системы, прав человека» и «роль религии и церкви в исторической и современной жизни в СССР»¹.

Эти пропагандистские группы официально подчинены райкомам, но их члены не являются партийными работниками. В них рекрутируются

¹ Станкевич 1988. Ю. Станкевич — одновременно член «идеологического актива» и нескольких неформальных клубов — отрицает свое авторство этой статьи, однако подтверждает адекватность ее содержания.

молодые исследователи и преподаватели вузов, будь они члены КПСС или кандидаты в члены. После годичного обучения они должны были, по всей видимости, вступать в неформальные клубы. По крайней мере, на эту мысль наводит траектория С. Станкевича. Он был преподавателем Московского государственного педагогического института им. Ленина (где складывается клуб «Община»), когда вскоре после Встречи-диалога августа 1987 года с ним связывается Брежневский райком и он фактически становится правой рукой Н. Кротова, инструктора по работе с неформалами. В 1988 году он вступает в две неформальные группы: в один из партклубов и в «Московский народный фронт» (МНФ). «Идеологические группы» также рекрутируют неформалов, отдавая предпочтение тем, кто уже входит в руководство клуба; комсомол и, по всей видимости, партия даже предполагают официально вознаграждать этих рекрутов.

Кроме того, комитеты партии и комсомола создают оригинальную форму переходной организации — «истинно-ложные клубы». Один документ из архивов идеологического отдела Севастопольского райкома так объясняет этот подход:

Попытки нейтрализовать их активность административным путем приведут лишь к более тесной смычке «неформалов» с «диссидентами», еще более направят их деятельность в сторону организации действий, рассчитанных на «международный резонанс». [...] Думается, было бы целесообразно дать определенный контролируемый выход стремлению «неформалов» к политическому «действию», одновременно привлекая к участию в митингах, встречах, обсуждениях выдвигаемых ими документов достаточно подготовленных теоретически пропагандистов — коммунистов, комсомольцев и беспартийных. Учитывая, что «неформалы» весьма чувствительны к попыткам поставить под «официальный контроль» деятельность своих организаций, но охотно идут на контакт и сотрудничество с другими организациями, видимо, следует максимально активизировать работу ВАКСМ по созданию политических клубов среди студенческой и рабочей молодежи [...]. Думается, контакт таких клубов с «неформалами», подготовка и участие

в совместных мероприятиях явятся, с одной стороны, для комсомольцев действенной школой реального опыта политической и идейной борьбы, а с другой — ликвидируют ореол «бунтарства» и «подвижничества», во многом привлекающий к «неформалам» интерес, а отчасти и сочувствие определенной части общества¹.

В 1988 году комитеты КПСС и ВЛКСМ сполна осознают дилемму: если власть будет обращаться с неформалами как с диссидентами, то они рискуют превратиться в оппозицию; а если их слишком «баловать», то они могут нанести вред репутации комсомола и партии. Одним словом, создавая свои собственные «неформальные клубы», райкомы стремятся локализовать настоящие клубы в некоем герметичном и безопасном мире, где, как им кажется, они смогут осуществлять контроль, опираясь на дисциплину членов партии и ВЛКСМ. Чтобы скрыть происхождение этих лжеклубов, выстраиваются порой весьма сложные комбинации, с привлечением групп, которые сами находятся на пути между комсомолом и неформальным движением. Однако в силу чрезмерной заботы о формальной стороне дела эти «истинно-ложные» клубы регистрируются в райкомах, поэтому их легко идентифицировать. Такова, например, ситуация с клубом «Факел», объединившимся под протекторатом Черемушкинского райкома КПСС.

Риск того, что неформалы трансформируются в серьезных конкурентов комсомола, кажется специалистам из КПСС и ВЛКСМ весьма вероятным, поскольку они наблюдают за происходящим в странах Восточной Европы. Так, ими констатируется, что в Венгрии все зашло гораздо дальше, чем в СССР: «*универсальность комсомола*» была там поставлена под вопрос уже в начале 1980-х годов, а в 1988-м руководители этого комсомола официально признали, что их движение больше не обладает правом на идейную монополию среди молодежи. Они даже отказались от своей политики поглощения неформалов и стирания границ, считая, что «абсорбция разного рода молодежных ассоциаций

¹ Этот текст (док. 39), возможно, датируется июнем 1988 года. Он не подписан и не адресован какому-либо конкретному получателю, так что, вероятно, это рабочий документ для внутреннего пользования.

только размывает идентичность [комсомола] и все более очевидным образом удаляет его от молодежных масс»¹.

Неформальные лидеры не особенно скрывают свое участие в разных посреднических инстанциях, созданных райкомами. Тем не менее регулярные беседы (раз в три месяца и даже ежемесячные), проводимые с ними представителями соответствующих идеологических отделов, нигде не упоминаются.

Цена победы: сплочение «радикального» крыла

Отношение к власти служит постоянным источником конфликтов среди неформалов, и прибытие новых участников, ставшее следствием успеха Встречи-диалога, также трансформирует внутренние отношения в движении, поскольку новобранцы оспаривают легитимность сговора. С этого времени наблюдается появление и сплочение категории «радикалов». Это наименование поначалу используется как клеймо, однако затем становится ценным ресурсом внутри движения. Оно исходит не от маргиналов, а из самой сердцевины московского движения (клуб «Перестройка»). Возможно, именно поэтому оно обретет легитимность, которой не смогли получить «экстремисты» из «Демократии и гуманизма», маргинализированные в августе 1987 года. Следствием конфликтов по поводу политики переговоров с партией становится не только объективация некоторых категорий («радикалы», «умеренные» или «реалисты»), но и глубокая трансформация самой идентичности движения, его самоопределения — ведь они связаны и с внутренней борьбой за власть. В конфликте, сотрясающем «Перестройку», критика сговора с властью тесно переплетается с оспариванием способов внутреннего доминирования.

Значение этого конфликта выходит далеко за рамки клуба, поскольку последний стал главным местом собраний московских неформалов. Многогранная разработка внутренних правил игры и переопределение идентичности в ходе этого кризиса обладают системным эффектом для всего движения.

¹ Левичева 1988. В. Левичева работает в аппарате ВЛКСМ, а также является членом Комиссии по проблемам движения самостоятельных объединений, клубов и инициативных групп в рамках Советской социологической ассоциации (см. выше, глава 2).

Клуб «Перестройка» в эпицентре урагана

После августа 1987 года «Перестройка» оказывается единственным клубом, располагающим залами заседаний (включая зал на 400 мест) в престижных исследовательских институтах (ЦЭМИ и ИЭМСС). Это дает ему преимущество в конкуренции с КСИ, его самым серьезным соперником. За пять месяцев «Перестройка» утраивает численность своих членов — от 30 действующих активистов (к августу 1987 года) до 90 (в январе 1988-го). Речь идет как о новобранцах, так и о членах клубов, не имеющих доступа к помещениям («Гражданское достоинство», КСИ и др.).

Кризис разражается в переходный момент, вскоре после августа 1987 года, когда новички начинают превосходить числом активистов-основателей. Руководящее ядро уже предчувствует переворот в соотношении сил, деформацию изначального имиджа клуба и изменение отношений, установленных с ЦЭМИ, — то есть оспаривание политики «сотрудничества» с реформистским крылом партии. Своими действиями новички в корне меняют смысл изначальной мобилизации.

Линия разлома проходит отныне между ядром «стариков» и всеми остальными. Идея о некой однородности сообщества активистов-основателей быстро распространяется внутри клуба, опираясь одновременно на структурные причины (принадлежность к одним и тем же кругам политического общения, сходство профессиональных траекторий) и на конъюнктурные обстоятельства (межличностные связи в рамках руководящего ядра только укрепились в ходе подготовки Встречи-диалога). Однако этой однородности после августа 1987 года приходит конец — из-за очевидного изменения состава клуба, наступившего с поступлением все более многочисленных участников, которые проходят все менее тщательный отбор. А главное, последние, хотя и принадлежат к вузовской среде, отличаются более радикальным и агрессивным политическим поведением, не соответствующим нормам ожидаемого поведения «академических» интеллектуалов.

Антагонизм между «новичками» и «стариками» проявляется по двум вопросам, которые тесно переплетаются в ходе конфликта: отношение клуба к власти и легитимность господства основателей.

Среди новичков некоторые считают руководящее ядро слишком услужливым по отношению к ЦЭМИ и боятся, что клуб превратится в «придаток его администрации»¹. Другие стремятся перейти к прямой оппозиции и придать клубу более критическую ориентацию по отношению к власти — руководящее ядро назовет их «радикалами». Что касается основателей, они представляют себя «реалистами»: признавая необходимость самоцензуры в некоторых ситуациях во имя сохранения своего клуба, они усваивают это условие настолько хорошо, что отношения с властью по большому счету не воспринимаются как особенно обременительные. Но и они тоже стараются подстроиться к ритму политической жизни:

Некоторые пытались создать сразу из ничего сверхрадикальную организацию. Мы были против *такой* быстрой радикализации (курсив автора. — К.С.). Они пытались практически немедленно оформить клуб в качестве, по существу, диссидентской организации. [...] Я исходил из того, что движение должно быть постепенным, поэтапным, что те люди, которые приходят на заседания клуба, не подготовлены к вступлению в открытую политическую борьбу².

Таким образом, руководящее ядро вовсе не из принципа противостояит стратегии конфронтации с представителями власти (здесь мы имеем дело с оппозиционерами, которые избегают стратегии прямого столкновения³). Оно делает это, исходя из особого политического контекста, учитывая характерные страхи, приписываемые тем общественным слоям (в частности «статусной интеллигенции»), которые клуб намеревается мобилизовывать и представлять в политическом пространстве.

Другая причина для раздора: «новички» обвиняют «стариков» в монополизации лидирующих позиций в клубе. И действительно, именно «старика» готовят проходящие раз в две недели дискуссии,

¹ С. Митрохин, интервью 9.8.1994 г.

² А. Данилов, интервью 4.8.1994 г.

³ По мнению другого «старожила» клуба «Перестройка», руководящее ядро уже в то время явно рассчитывало на то, что как только клуб будет допущен в политическую систему, он станет оппозиционным (С. Митрофанов, интервью 20.8.2004).

заказывают залы заседаний, выбирают темы, приглашают выступающих (часто из числа академического истеблишмента) и ведут сами дебаты. Пишут материалы в бюллетень клуба «Открытая зона» и руководят рабочими группами тоже они. По мнению протестующих, они образуют некую «касту», которая кооптирует одних и маргинализирует других. Их власть держится прежде всего на хороших отношениях, которые они поддерживают с двумя принимающими академическими институтами. Иными словами, их авторитет происходит исключительно извне. Как объясняет Митрохин,

[члены руководящего ядра] себя считали вправе устанавливать порядки. Поскольку [они были] лояльные к начальникам (часть из них работали в этом ЦЭМИ), то они чувствовали себя на своем месте, а нас воспринимали как нахальных соискателей, что нам не полагается иметь эти места в президиуме [во время дискуссий]. Авторитет вытекал из самого изначального положения людей в данной структуре, при которой был организован клуб, в частности в ЦЭМИ. Поскольку они уже работали в ЦЭМИ, они уже знали начальство и начальство их знало. Естественно, в их руках были основные ресурсы. [...] Они с самого начала считались некими тузами, [так же как] и те, кто с самого начала к ним примыкал, кого *они* уважали¹.

Поначалу новые члены клуба выражают свое несогласие через иную интерпретацию некоторых правил игры. То они устраивают обструкцию и требуют систематического следования процедурам, которые хотя и являются писаными правилами, однако никто не ожидает, что им будут следовать столь буквально. То они нарушают неписанные правила, которые, наоборот, по идее следует соблюдать. Так, все тот же Митрохин в один прекрасный день устраивается в «президиуме» заседания, нарушая «естественный порядок вещей», в соответствии с которым *de facto* места в «президиуме» закреплялись за членами руководящего ядра². Руководящему ядру предъявляется два рода претензий: его под-

¹ С. Митрохин, интервью 9.8.1994 г.

² Там же.

чиненность ЦЭМИ и его безраздельная власть в клубе. Доминирующая группа противостоит двум другим группам — «радикалам» и сторонникам «внутренней демократии», также прозванным «этическими демократами». Последние (пока еще) не образуют единого сообщества и полностью зависят от ресурсов руководящего ядра.

После конференции августа 1987 года клуб стремится формально преобразоваться в политическую организацию, и руководящее ядро пользуется этой ситуацией, чтобы «закрутить гайки»: формализовать некоторые правила (устав, процедуры делегирования власти, принятия решений и т.д.), а также отбор при принятии новых членов¹. «Этические демократы» склоняются, в свою очередь, к идее формирования массовой организации, где принятие решений уже не будет прерогативой некоего клубного Совета, а будет обсуждаться в гораздо более широком кругу.

Конфликт принимает неожиданный оборот, когда обе группы недовольных сливаются воедино. Каким бы господством ни обладали «старика», они быстро теряют контроль над ситуацией, которая приводит к расколу внутри клуба. Вполне возможно, что непредсказуемость этой ситуации во многом была связана с негативным восприятием новыми участниками тех принуждений, которые довели над руководителями клуба. В этом внутреннем конфликте руководящему ядру приходится действовать жестко, поскольку за ним наблюдают администрация ЦЭМИ и оба райкома, с которыми оно ведет переговоры: чтобы сохранить за собой репутацию во взаимодействиях с партией, оно не может позволить себе дать слабину на своем собственном поле². Недовольные явно недооценили решимость ядра в его стремлении не потерять лицо в отношениях с властями.

В стратегии, избранной руководителями клуба, использование категории «радикалы» занимает центральное место. Изначально она обозначала одну конкретную группу недовольных («радикалы по от-

¹ Фадин 1990; Кудюкин 1988.

² Эта ситуация представляет собой случай «перекрестных переговоров» (intersecting negotiation): одна из сторон, вовлеченная в несколько переговоров одновременно, понимает, что, если она сдаст позиции на одном поле, это не может не поставить под удар ее репутацию и на других полях (Schelling 1966: 30).

ношению к власти»), но постепенно превращается в ярлык для *всех* внутренних оппозиционеров.

По мнению руководителей, любое изменение тактики по отношению к реформаторам у власти или оспаривание их собственной позиции в клубе привело бы к потере помещений и попросту к исчезновению клуба.

Риск того, что ЦЭМИ отберет помещения у клуба, — будь он реальным, возможным или маловероятным — оказывает вполне ощутимое влияние на взаимодействия внутри клуба¹. «Акты провокации», недостаток самоцензуры и даже развязный тон некоторых радикалов вполне могли бы поставить под вопрос доступ к залу заседаний, который, как мы помним, еженедельно становился предметом переговоров с Первым отделом ЦЭМИ. В этом смысле протестующие обладают некоторой властью над руководителями, поскольку могут повлиять на их отношения с администрацией института. Тем не менее вероятность того, что ЦЭМИ выгонит клуб, была невелика: ведь это означало бы для него подрыв своей репутации «либерального» института, находящегося в авангарде перестройки, и оказание услуги партийным консерваторам. Можно думать, что неформалы понимали, какой властью они обладают над ЦЭМИ, и что именно поэтому угрозы руководящего ядра не возымели ожидаемого действия на недовольных.

Руководители описывают своих противников — и «радикалов», и защитников внутренней демократии — как «маргиналов» и даже «люмпен-интеллигентов», испытывающих «социальную нереализованность»² и лишенных чувства реальности. Сами же лидеры движения с момента Встречи-диалога определяют себя именно в терминах реализма:

Перестройка-88 [т.е. противники изначальных лидеров] вобрала в себя людей, для которых критика существовала для критики. Это была цель. Самовыражение, постоянная эскалация радикальных требований и критика властей без надежды на реальный результат. И если результат

¹ В соответствии с «теоремой» В. Томаса, сформулированной Мертоном (1965: 140 и след.): «Если люди определяют ситуации как реальные, то эти ситуации становятся реальными по своим последствиям» («If men define situations as real, they are real in their consequences»).

² Фадин 1990.

все-таки появлялся, они не знали, что с ним делать, и критиковали уже результат¹.

Руководители пресекают конфликт, официально и бесповоротно обрубив всякие связи с прежней организацией. Собравшись на тайное заседание в ИЭМСС в январе 1988 года, они объявляют о создании нового клуба «Демократическая Перестройка», *de facto* исключив недовольных.

Возможно, именно коалиция «радикалов» и «этических демократов» приводит руководителей к решению об исключении вместо простой маргинализации. Присоединение «этических демократов» к «радикальным» оппозиционерам имеет решающее значение, поскольку придает последним большую «респектабельность». Ведь «этические демократы» не относят себя к диссидентству (хотя кто-то из них к нему раньше и принадлежал); некоторые вступили в движение *еще до* августовской Встречи-диалога; некоторые и прежде пытались соперничать с лидерами «Перестройки» на интеллектуальном поле.

Защитный риторический прием протестующих состоит в перестановке аргументов, используемых «стариками» для конструирования категории «радикалы». Руководители клуба обвиняют их в том, что их политическая стратегия лишена ориентиров; они же, в свою очередь, упрекают их в ведении двойной игры с властью, приводящей к нарушению внутренних правил игры. Недовольных шокируют не столько «интриги» внутри клуба, сколько то, что руководители прибегают к помощи властей для разрешения внутреннего конфликта.

Для того чтобы оградить «Перестройку» от давления КГБ (в его роли «политической полиции». — К.С.), [руководители] прибегали к помощи КГБ для того, чтобы не пропустить определенных людей на [собрание клуба «Перестройка» в январе 1988 года]. Была выборка: вот этого пускать, вот этого не пускать. Я, например, на такой шаг пойти не мог. [...] [Некоторые руководители] вообще считали правильным сохранить клуб, и для этого надо было маргиналов выбросить².

¹ А. Фадин, интервью 7.9.1994 г.

² В. Игрунов, интервью 22.6.1994 г.

По мнению «этических демократов», речь идет не только о поправке принципа «антибюрократической солидарности», заявленного на конференции августа 1987 года. Ситуация усугубляется в связи с использованием такой символически маркированной силы, как КГБ (точнее, Первый отдел ИЭМСС). Однако принцип «антибюрократической солидарности» был высказан в совершенно ином смысле: неформалы должны были объединиться против «бюрократии» как символа консервативного крыла партии. По мнению руководителей «Перестройки», это правило не должно применяться в отношении реформаторов.

Атаки «этических демократов» направлены прежде всего против посредников в отношениях с властями. И хотя все негласно сходятся на том, что не следует превращать неформальное движение в диссидентство, по поводу того, каким образом надо вести двойную игру, нет никаких ясных правил, даже неписаных. Поэтому внутренние конфликты всегда в конце концов фокусируются на посредниках, которых подозревают в игре в пользу власти.

Раздел ресурсов и автономизация «радикального» лейбла

По завершении кризиса две трети членов клуба остаются в «Демократической Перестройке», созданной руководящим ядром. Этот клуб продолжает занимать зал заседаний в ЦЭМИ и вести ту же самую деятельность, что и «Перестройка», вплоть до 1990 года. Оппозиционерам, чей протест потерпел провал, приходится платить высокую цену за выход: с ними не только не делятся прежним помещением, их еще и долгое время не пускают на заседания «Демократической Перестройки». Зато лейбла «Перестройка» используют обе стороны. Недовольные добавляют к ней отсылку к диссидентству, назвав свой клуб «Перестройка-88», что должно напоминать чехословацкую «Хартию-77». Именно благодаря этому названию клуб «Перестройка-88» зарабатывает себе некоторую репутацию, оно становится одним из немногих его символических ресурсов. Клуб находит себе помещение, расположенное в подвале жилого дома и не идущее ни в какое сравнение с залом в ЦЭМИ. Нет у него и столь важного проекта, как у «Мемориала», способного привлечь неформалов из других клубов. Зато наиболее активные «радикалы» клуба пытаются извлечь выгоду из самого

определения «радикальности», которым их наградили противники, и сближаются с «Демократией и гуманизмом», участвуют в общих митингах и вместе создают «политическую партию» («Демократический союз») в мае 1988 года. Клуб вскоре теряет свое помещение и исчезает, просуществовав четыре месяца. Его члены расходятся по разным новым неформальным организациям («Мемориал», партийные клубы и «Демократический союз»).

Отношения взаимопомощи между неформалами и реформаторами из КПСС являются постоянным источником конфликтов внутри движения. С самого начала неформалы, не входящие в руководящее ядро, оспаривают размах и формы, которые принял этот сговор, и пытаются очертить его границы. Однако — и это тоже входит в условия сговора — они удерживаются от прямых нападков на реформаторов и избирают в качестве мишени неформалов, известных как посредники в переговорах с партией.

Двойная игра поддержки и дистанцирования, которую вводят неформалы, обязывает представителей власти изобретать оригинальные способы контроля (например, «истинно-ложные» клубы), чтобы оставаться в постоянном контакте с неформалами. Реформаторы используют также некоторые способы косвенного контроля, такие как предоставление помещений, — возможно, более эффективные и сдерживающие, чем формы прямого контроля. Как мы видели, лидерам «Перестройки» приходится пресечь внутренний конфликт в столь резкой форме (исключив протестующих) в том числе и потому, что они знают: за ними наблюдают их контактные лица в верхах. В результате удаленное наблюдение со стороны партийных реформаторов оказывает отнюдь не нейтральный эффект на разворачивание «чисто» внутренних взаимодействий в движении.

4. Постепенное втягивание в «большую политику»

Успех Встречи-диалога августа 1987 года подталкивает неформалов все дальше разворачивать свои эксперименты и выходить за предписанные им рамки: репертуар коллективного действия расширяется¹. Их

¹ О понятии «репертуар коллективного действия» см.: Tilly 1986: 541 и след.

активность также принимает новый масштаб: клубы выступают на всесоюзной политической сцене и пытаются вести переговоры с властями самого высшего уровня; они просачиваются в «верхи». Успехи, которых они добиваются, подрывают изначальный створ: он претерпевает значительные изменения, хотя и не разрушается.

Появление разнообразных форм мобилизации и координации клубов стало следствием двух процессов: изменения их отношений с партийными реформаторами и все более интенсивной конкуренции внутри самого движения. Клубы пытаются преодолеть политику локализации, проводимую реформаторами, поскольку для них это единственный способ «заработать очки» и расширить арену действий. Им неизбежно приходится отклоняться от зачастую негласно установленных правил взаимодействия с их собеседниками. Они вторгаются на новые площадки, которые ранее им были негласно заказаны, атакуют границы и тем самым работают на расширение политической игры¹. Цель клубов состоит в том, чтобы заставить своих партийных партнеров рассматривать совершенно новое взаимодействие в этих пока еще не устоявшихся местах как законный компонент игры. Наблюдается борьба за определение фрейма интерпретаций², из которого должны вытекать применяемые правила (правила створа или, наоборот, обычные репрессивные правила). Эта цель тем более важна, что неформалы понемногу и незаметно подтачивают саму систему, используя некоторые из ее собственных элементов и применяя практики, которые в рамках официальной системы сохранялись лишь в формальном виде. Например, они вдыхают новую жизнь в старые институты, которые обладают высокой исторической легитимностью, поскольку относятся к референтным для реформаторов периодам (революция и нэп). Но при этом неформалы полностью меняют их смысл. Эта подрывная стратегия окажется гораздо более субверсивной, чем прямое столкновение.

Нестабильность правил игры вызвана также и действиями партийных реформаторов. Как мы видели, они лишь от случая к случаю

¹ Об устранении перегородок в социальном пространстве и уменьшении автономии социальных секторов см.: Dobry 1986: 141 и след.

² В том смысле, в каком И. Гофман (Goffman 1991) понимает «фреймы опыта», то есть то, каким образом мы наделяем смыслом какое-либо событие, сцену, отношение.

выделяют некоторые ресурсы отдельным клубам, демонстрируя неформалам, что ничего не следует воспринимать как должное. Возможно, поддержание неуверенности используется как средство держать в узде этих акторов, которым реформаторы не до конца доверяют (и действительно, неформалы весьма непредсказуемы) и которых нельзя было бы резко ограничить или остановить, не нанеся вред своему имиджу. Таким образом, сговор с неформалами накладывает ограничения и на них. Отношения между неформалами и реформаторами сложно назвать клиентелистскими, поскольку последние предполагают определенную стабильность условий взаимодействия. Здесь же услуги обмениваются одновременно и их условия непрерывно меняются. Кстати, вполне вероятно, что своей относительной автономией неформалы обязаны именно этой изменчивости правил взаимодействия.

Отношения между неформалами и реформаторами объясняются конъюнктурным состоянием всей политической игры. В этой склонности клубов втискиваться в малейшие пробойны, в их способности подгонять под себя политическую конструкцию, надавливая на ее уязвимые места, и состоит специфика нашего объекта исследования. Но клубы — не только лакмусовая бумажка изменений политического пространства, они еще и играют в них активную роль. Своей высокой мобильностью и усилиями по мобилизации поддерживающих их политически влиятельных секторов они и здесь способствуют устранению перегородок внутри политического пространства. Способы действия, применяемые движением, становятся особенно разнообразными во время двух переломных политических событий. Речь идет о «деле Ельцина» в октябре—ноябре 1987 года, знаменующем начало раскола в лагере реформаторов, и XIX Всесоюзной партконференции (июнь—июль 1988 года), воспринимаемой всеми акторами как поворотный момент Перестройки, когда должны быть приняты фундаментальные решения относительно реформ политической системы. Два эти события порождают динамику, охватывающую все политическое пространство, в том числе и неформальное движение, которое меняет свои формы и успешно вторгается в «большую политику».

Расширение репертуара действий неформалов также является следствием внутренней конкуренции в движении. У этой конкуренции

есть две движущие силы: «периферийные» клубы, которые, не принадлежа к руководящему ядру или занимая в нем маргинальные позиции, пытаются напрямую, минуя это ядро участвовать в политической игре, а также общее смутное ощущение, что движение вот-вот перейдет в статус массового. Чтобы преодолеть господство центральных клубов, неформалам из периферийных клубов приходится завоевывать новые пространства и изобретать новые способы действия. Их присутствие, ставшее более явным, меняет общественный имидж движения и его способы представления вовне. Успех отдельных инноваций подталкивает неформалов из руководящего ядра, втянутых в соревновательную логику, к тому, чтобы, в свою очередь, пересматривать собственные способы действия и координации. Появляются новые ресурсы (уличные акции, самиздат и др.), в результате чего снижается относительная значимость ресурсов, предоставляемых партийными реформаторами и их посредническими институциями. До того момента их ресурсы позволяли реформаторам оказывать давление на центральное ядро движения, а тому, в свою очередь, — сохранять влияние на другие группы. Процесс диверсификации ресурсов и расширения поля деятельности неформалов вовсе не контролируется руководящим ядром, однако, несмотря на это, он не приводит к перевороту во внутреннем соотношении сил. Множество форм действия неформалов на политическом поле, их успех и количественный рост дают им ощущение, что они выходят на более высокий уровень мобилизации. Это ощущение обостряет внутреннюю конкуренцию, и некоторые впервые задаются вопросом об уместности сохранения самой формы «клуба». Расширение репертуара действий, как мы уже поняли, стало не преднамеренной стратегией, но следствием сложных взаимодействий между клубами и партийными реформаторами, а также внутри самого движения.

Тактические инновации в игре с властью

Пока партия разворачивает свою политику локализации движения и пытается удержать его вне ключевых политических институтов, клубы стремятся расширить свое поле деятельности, чтобы занять как можно более заметные позиции в легитимном политическом пространстве. После августовской Встречи-диалога 1987 года они пытаются вести переговоры с властью уже *высшего* уровня (например, с ЦК КПСС).

Их ситуативная стратегия прорыва оцепления содержит несколько компонентов. Они стараются вовлечь в свою мобилизацию акторов из других секторов общества (в основном из интеллектуальной среды) и используют их как защитников, свидетелей и тех, кто поднимает их рейтинг; они прячутся за официальными лозунгами Перестройки или практиками, вышедшими из употребления; они осваивают запретное пространство улицы; и наконец, они вторгаются в пространство партии за счет специфического использования права.

Мобилизация интеллектуального истеблишмента

Политические клубы стараются втянуть в свою мобилизацию политически значимые институции и фигуры. Они нацеливаются на такие сектора, как академическая среда, пресса и сфера искусств, которые обладают большими, чем они, возможностями для давления на реформаторов¹. При этом неформалы не пытаются сблизиться с рабочей средой: они не воспринимают официальные профсоюзы как потенциальную опору (по крайней мере в 1988 году). Заручившись поддержкой со стороны специалистов умственного труда, клубы стремятся достичь трех целей: получить доступ к ЦК КПСС, обеспечить себе защиту от представителей среднего партийного звена (райкомов и горкомов) и повысить свой рейтинг в различных осваиваемых ими пространствах игры.

В 1988 году у неформалов есть ощущение, что политическая игра организована вокруг ЦК, к которому у них нет *прямого* доступа. Поскольку их попытка использовать горком в качестве посредника потерпела неудачу, они обращаются к Советской социологической ассоциации (ССА), в которой усматривают функциональный заменитель горкома. В июне 1988 года неформалы выторговали себе разрешение на проведение своей второй большой всесоюзной конференции под эгидой ССА. Это очень здравый расчет, поскольку Ассоциации удастся получить одобрение самого А. Яковлева².

Неформалы используют также академическую среду для защиты от средних эшелонов партии, которые пытаются обойти.

¹ См.: Lagroye и др. 2002: 125.

² В. Чурбанов, интервью 19.7.1994.

Для того чтобы нам легче было открывать двери, мы находили [...] совершенно сознательно некие структуры, организации, которые выступали для нас в роли зонтика или в роли щита. [...] Самой мощной такой системой поддержки и самым мощным человеком, который был и авторитетом для партии, был авторитетом для лидеров этой партии, для Горбачева, — это была Татьяна Заславская [председатель ССА]¹.

Воображаемая ими схема похожа на модель матрешки: главные московские клубы являются коллективными членами КСИ; с мая 1987 года последний является членом ССА, которая пользуется поддержкой А. Яковлева в Политбюро². Социологическая ассоциация — ключевое звено этой цепи поддержки. Хотя Т. Заславская никогда не фигурирует в авангарде переговоров между неформалами и реформаторами, судя по всему, она действует как их важнейший гарант. Ее позиции советника Горбачева, возможно, достаточно, чтобы обеспечить доверие ко всей этой системе, но вероятно также и то, что неформалы в своем воображении наделили ее большей властью, чем она на самом деле обладала. Стоит помнить, что тогда она лишь недавно переехала в Москву, приблизившись к эпицентру власти (с декабря 1986 года), и неизвестно, понимала ли сама, насколько эффективной может быть ее защита. В ЦЭМИ защита «Перестройки» обеспечивается через переворачивание системы контроля, установленной Севастопольским райкомом. Как мы помним, институтская парторганизация назначила «кураторов», в обязанность которых входило обеспечение «пристойного поведения» клуба: речь идет о двух заведующих лабораториями В. Перламутрове и Б. Ракитском, которые в реальности осуществляют скорее роль защитников:

В партийном бюро ЦЭМИ были ребята, которые хотели, чтобы этот клуб функционировал, потому что вообще в ЦЭМИ были всегда очень свободные идеи. [...] Они защитили этот клуб, насколько могли, от райкома и т.д. [...] Райком мог что угодно сделать, он мог и разогнать клуб, и запретить. Но если они хотели соблюдать приличие, то они

¹ Г. Пельман, интервью 6.7.1994 г.

² См.: Шубин 2005: 128—129.

должны были бы вступить в переговоры, в конфликт с Перламутровым и с Ракитским. А партбюро говорило бы: нет, Борис Васильевич [Ракитский] говорит, что все нормально, Перламутров говорит, все нормально¹.

Амортизирующие внешнее давление качества Перламутрова и Ракитского связаны с их репутацией в академической среде. (Ракитский был известен своими реформистскими позициями еще с 1960-х годов; к тому же он — вице-президент ССА.) Эти фигуры, пользующиеся доверием руководящих работников высшего ранга, также служат гарантами для райкомов, лавирующих между сциллой неформалов, играющих с правилами, и харибдой партийных иерархов, которые, как водится, при первой же возможности готовы свалить на них ответственность за «перегибы».

Чтобы получить доступ к «большой политике», неформалы пытаются поднять себе цену за счет связей в академической среде. Некоторые используют двойную позицию руководителей клубов и ученых, чтобы заработать репутацию официальных интерпретаторов движения. Они занимают стратегическое место в новом поле научных исследований, которое включает в себя не только социальные движения, но и новые формы общения молодежи и самоуправления на предприятиях. Обладая доступом к источникам информации, они поднимают свою значимость относительно двух других групп, тоже подвизавшихся в этом поле: «чистых» ученых (социологов, историков, философов) и партийных и комсомольских работников. Ученые особенно бережно поддерживают отношения с неформалами, чтобы успешно продолжать свои исследования, а также потому, что некоторые из них являются советниками партии по работе с неформалами (скажем, ССА составляет для нее рекомендации). Неформалы выступают еще и в роли специалистов по общественным движениям, занимая, таким образом, сильную позицию в стратегическом месте определения движения. Они организуют совместные семинары с ССА и в числе первых публикуют статьи в научных журналах. Неформальное движение — это движение, *подвергающее себя самоанализу* и соотносимое с научной средой.

¹ Г. Ракитская, интервью 24.2.1994 г.

Неформалы пытаются вовлечь в свою деятельность ярких представителей некоторых профессиональных секторов, которых считают способными повлиять на политическую власть. «Мемориал» собирает подписи 120 представителей культурной элиты (писателей, кинематографистов, режиссеров, актеров, журналистов, вузовских профессоров и исследователей) в поддержку возведения памятника жертвам сталинизма. Благодаря своему сговору с академической средой, неформалы передают документы высокопоставленным политикам в обход средних звеньев партии (райкомов и горкомов). Петиция «Мемориала» и «Общественный наказ» (общая программа сорока клубов) попадают на XIX Всесоюзную конференцию КПСС через посредничество самых видных деятелей Перестройки: Ю. Афанасьева (ректора Московского государственного историко-архивного института), И. Клямкина (крупного социолога), Э. Климова (председателя Союза кинематографистов) и В. Коротича (главного редактора журнала «Огонек»). На самом деле это взаимовыгодный обмен услугами, поскольку прежде неформалы организовывали митинги в поддержку их избрания делегатами партийной конференции, тогда как изначально аппарат отверг их кандидатуры. Границы между учеными и неформалами все более стираются, так же как и границы между академической средой и политической властью. Неформалы стараются также втянуть официальные институты в деятельность «Мемориала». Им удается использовать и те организации, которые *уже* трансформировались в политических акторов, как, например, Союз кинематографистов — первая организация, ответившая согласием на призыв «Мемориала» в июне 1988 года. Правда, иногда неформалы наталкиваются на сопротивление. Так, ИЭМСС отказывается подгонять свои предложения к XIX партконференции под формат «наказа» неформалов, то есть под проект *глобальной* реформы политической системы, в котором институт вышел бы за пределы своей сферы компетенции¹.

Присвоение официального дискурса и официальных практик

Движение использует терминологию Перестройки, но придает ей новый смысл. Оно также возвращает из небытия некоторые официальные

¹ Партийная организация ИЭМСС 1988 (док. 52).

ные практики, расширяя поле их применения, и втягивается в языковую войну, не выходя при этом за пределы дозволенного.

Темы гласности и реабилитации жертв сталинизма иллюстрируют работу по реинтерпретации официальных лозунгов. Опираясь на провозглашенный Горбачевым принцип «в советском обществе не может быть зон, закрытых для критики»¹, пресса понемногу раскрывает информацию о прошлом и поднимает проблемы современности — с явного или молчаливого согласия партийных реформаторов². В 1988 году еще наблюдаются несовпадения между тем, что позволяют себе публиковать реформистские газеты, и тем, что Горбачев готов официально разрешить. Во имя гласности реформаторы в высших эшелонах власти намерены навязать своим противникам-консерваторам новые правила игры, обязывающие тех предоставлять всем членам Политбюро информацию, которая раньше квалифицировалась как «государственная тайна»³.

Итак, партийные реформаторы по-разному используют механизмы «гласности»; и неформалы, в свою очередь присвоившие этот лозунг, придают ему собственный смысл. Они требуют прямого и свободного доступа к закрытым прежде источникам информации (статистике, архивам, «спецхранам» библиотек). Они требуют также прозрачности в процессе принятия политических решений: публикации подзаконных законопроектов и нормативных актов в сфере общественных прав и свобод, открытости прессы для дебатов во время предвыборных кампаний и возможности публиковать альтернативные законопроекты до принятия тех или иных законов. И наконец, закон «О печати» должен, по их мнению, дать любому индивиду или группе право публикации периодического издания и уничтожить цензуру (сохранив за государством возможность преследовать авторов публикаций в случае разглашения

¹ Этим лозунгом открыто вдохновляется название бюллетеня «Перестройки» — «Открытая зона».

² Яковлев 2003: 395—396.

³ «Государственные тайны» — относительно военных расходов, положения армии, исследований в военной промышленности, международной торговли оружием, зерном, углеводородами и металлом, всего, что касалось деятельности КГБ, большей части государственной статистики и бюджета, — при Брежневе были доступны только *некоторым* членам Политбюро (Горбачев 1995. Т. 1: 318—319).

ими государственной тайны или пропаганды насилия, расовой и межнациональной ненависти).

Если *свою собственную* концепцию гласности неформалам навязать не удалось, то совсем иначе дело обстояло с реабилитацией жертв сталинизма, для которой они разработали масштабный проект, заставший власти врасплох. Проект «Мемориал», впервые представленный во время Встречи-диалога августа 1987 года, берет в качестве точки отсчета решение XXII Съезда КПСС (1961) о строительстве памятника членам партии, павшим жертвами сталинских чисток. Реабилитация снова оказалась на повестке дня во время Перестройки: в октябре 1987 года создана *ad hoc* соответствующая комиссия в рамках Политбюро. Однако неформальная группа «Мемориал» сформировала гораздо более широкое понимание реабилитации, включив в нее не только представителей партии и власти: она стремится отдать дань памяти всем жертвам — неважно, были они членами КПСС или нет, и не желает ограничиваться лишь воздвижением памятника. В ее проекте — создание центра архивов, документации и исследований по модели Яд ва-Шем, мемориала жертвам Шоа, построенного в Израиле. Кроме того, группа не намерена ограничиваться 1930—1950-ми годами: памятник, конечно, следует посвятить жертвам сталинизма, однако исследовательский центр и библиотека призваны изучать «историю и механизмы репрессий [...] в нашем государстве и в других странах в недавнем прошлом»¹. И последнее серьезное расхождение с властью: группа считает, что «Мемориал» должен «принадлежать» обществу, а значит, финансироваться из частных пожертвований. В связи с этой идеей негосударственного финансирования, выдвинутой уже в августе 1987 года, государство оказывается отстранено от проекта, изначально сформулированного на съезде КПСС.

В периоды, когда институции начинают функционировать несколько иначе, чем прежде, и когда акторы находятся в поиске ориентиров, некоторые события могут являться своего рода «точками совпадения ожиданий», где фиксируются интерпретации и воззрения разных акторов². Таким событием была XIX партконференция 1988 года. А. Фадин отмечает:

¹ Самодуров 1987.

² См.: Dobry 1986: 198 и след.

Общественно-политическая жизнь последние полгода вращалась вокруг [нее]. Так или иначе на нее были завязаны и жестокие интриги внутрипартийной борьбы, и ходы неформальных «политиков» [...]. Ожидания, опасения, расчеты¹.

Врезка 5

ХІХ Всесоюзная конференция КПСС (июнь—июль 1988)

Эта конференция, объявленная в январе 1987 года, была призвана «компенсировать» XXVII Съезд КПСС (начала 1986-го), которым Горбачев остался неудовлетворен, поскольку на нем не был поднят вопрос о «демократизации». Конференция стала важнейшим событием политической жизни лишь после публикации «письма Нины Андреевой» в марте 1988 года, расцененного Горбачевым, как мы помним, в качестве «антиперестроечного манифеста». Реформаторы решают тогда использовать эту трибуну, чтобы снова заявить о своей решимости следовать выбранному политическому курсу.

На конференции должны рассматриваться два важнейших аспекта политической реформы²:

Внутрипартийная реформа:

- возможное ограничение до двух-трех количества следующих друг за другом мандатов на выборных партийных должностях;
- сокращение численности аппарата;
- совмещение постов первого секретаря парткомитета и председателя Совета.

Повышение статуса и роли Советов:

- передача Советам функций административного и экономического управления, которые осуществляет партия;
 - избирательная реформа (в частности, введение многомандатных округов).
-

¹ Фадин 1988.

² См.: Тезисы ЦК на XIX Всесоюзной конференции КПСС, одобренные на пленарной сессии ЦК КПСС 23 мая 1988 года (Москва, ТАСС-АПН, 26.5.1988), и Gazier 2002: 137—138.

«Демократическая Перестройка» пользуется этим случаем, чтобы сформулировать свою первую политическую программу в ответ на тезисы ЦК. «Общественный наказ», принятый примерно сорока клубами, адресован XIX партконференции наряду с предложениями от рядовых организаций КПСС. Но поскольку клубы не являются парторганизациями, у них нет полномочий обращаться к партийному собранию. Они обретут легитимность, назвав свой текст наказом. Наказ — практика, предусмотренная Советской конституцией, — позволяет избирателям уполномочивать депутатов на ту или иную миссию. Неформалы, таким образом, наделяют себя возможностью представлять народ и в то же время негласно сообщают партийной конференции статус законодательного собрания. Снова наблюдается обмен легитимностью между ними и реформаторами: выдержки из подготовительного документа («Демократический наказ»), написанного «Перестройкой», опубликованы в «Комсомольской правде», и клубы имеют возможность заседать во Дворце молодежи для обсуждения окончательной версии своего документа («Общественный наказ»). Тем не менее термин «наказ» содержит в себе некоторую неясность: прибегая к практике, подспудной моделью которой является императивный мандат, неформалы дают реформаторам понять, что их предложения носят не просто рекомендательный характер, а должны восприниматься как более обязательные. По сути, они совсем недалеко ушли от реформистского крыла КПСС, которое тоже стремится ограничить власть партии, мешая ей узурпировать полномочия Советов. Однако новый рубеж они преодолевают за счет самой *формы*, которую принимает их программа: в ней они пытаются негласно установить новый тип отношений с властью. На этом примере заметно, что неформалы, пользуясь чисто формальными политическими институтами, придают им иной смысл и находят в них опору для своей мобилизации¹. Это был весьма разумный расчет: вдохнуть новую жизнь в практики, потерявшие изначальный смысл, но черпающие свою легитимность в идеализируемом периоде революции и 1920-х годов.

¹ Наказы в советскую эпоху были распространенной практикой, но с большой степенью вероятности можно предположить, что ни один из них не был использован для разработки глобальной политической программы.

Игра с пределами дозволенного: улица

Неформалы переступают черту, проникая на улицу — то есть в пространство действия, однозначно запрещенное властями. Это приводит к борьбе за определение правил игры, применяемых к взаимодействиям, которые эта игра порождает. Когда взаимодействие происходит вне разрешенного поля, власть может определить ситуацию либо как продолжение транзакции на другом поле и применить к нему правила переговоров, либо как противостояние — и прибегнуть тогда к «обычным», то есть репрессивным мерам. Клубы выходят за рамки дозволенного со всевозможными предосторожностями.

В первой фазе неформального движения между политическими клубами и властью было достигнуто молчаливое соглашение об избегании уличных митингов. Это разделяемое большинством отрицание улицы подтолкнуло обе стороны к самоограничению: клубы соглашались не прибегать к этому типу действия, отмеченному явной печатью диссидентства, отдавая предпочтение кампаниям по сбору подписей и заседаниям в закрытых помещениях; реформаторы же, чтобы не толкать неформалов на улицу, предоставляли им залы заседаний. Однако эти вопросы продолжают сильно нервировать власть, и она принимает гораздо более конкретные предупредительные меры: первые законодательные ограничения на митинги приняты Моссоветом в августе 1987-го, а год спустя их действие распространено на всю территорию страны соответствующим актом Верховного Совета СССР.

Врезка 6

Регламентация митингов и демонстраций (1987—1988)

«Временные правила», принятые Моссоветом в 1987 году¹ (их основные положения будут подхвачены Верховным Советом СССР в 1988-м²), призваны воспрепятствовать проведению митингов и демонстраций в центре города. Заявки должны подаваться в местный райсовет. В случае отказа возможна лишь одна апелляция — к вышестоящему

¹ Исполнительный комитет Моссовета, 1987 (док. 32).

² Президиум Верховного Совета СССР, 1988 (док. 34).

Совету, чье решение является окончательным. Иск в судебном порядке не предусмотрен.

Когда какая-либо официально зарегистрированная организация решает выйти на митинг, ее представители должны указать свое имя и адрес. Если же группа неформальная (то есть у нее нет юридического лица), организаторы действуют в качестве физических лиц и должны упоминать к тому же свое место работы, что является весьма существенной формой давления. В случае нарушения общественного правопорядка организаторы могут быть привлечены к ответственности. Текст «Временных правил» не опубликован официально, однако неформалы получают к нему доступ и перепечатывают в своих бюллетенях.

Весной 1988 года некоторые клубы, как радикальные, так и умеренные, начинают — прежде всего по причинам внутренней конкуренции в движении — регулярно выходить на улицу, поскольку у них нет другого места для встреч. Умеренные, однако, предпринимают меры, чтобы избежать любых столкновений с силами правопорядка: они следуют административным процедурам и получают все необходимые разрешения. Когда им отказывают, они отменяют акцию.

При этом умеренные клубы изобретают новый тип митинга, выходящий за рамки, предусмотренные «Правилами о митингах». В мае — июне 1988 года «Гражданское достоинство», «Община», «Московский народный фронт» (МНФ) и «Демократия и гуманизм» еженедельно собираются на Пушкинской площади¹ — без призыва со стороны какого-либо «организатора», в результате простой договоренности между людьми. Отсутствие идентифицируемых организаторов затрудняет юридическую квалификацию такого рода собраний. Эта лазейка избавляет неформалов от необходимости запрашивать предварительное разрешение. В течение первых трех недель милиция не

¹ Пушкинская площадь не просто отсылает к традиции диссидентства — она расположена в стратегическом месте городского пространства: на пересечении улицы Горького (Тверской), ведущей в самый центр (на Красную площадь), и Бульварного кольца, традиционного места прогулок. Эта площадь является также крупным узлом метрополитена (местом пересечения трех линий метро).

разгоняет митинги «умеренных» клубов («Гражданского достоинства» и «Общины», к которым позже присоединяется МНФ), хотя всего в нескольких метрах от них, у памятника Пушкину, митинги радикальной группы «Демократический союз» (созданной, в числе прочих, «Демократией и гуманизмом») разгоняются за нарушение указанных выше правил¹. Силам правопорядка все сложнее становится различать два типа митингов, и «умеренные» впоследствии будут подвергаться тем же санкциям (арестам, штрафам), что и «радикалы».

Линия поведения, принятая разными секторами власти (партией, комсомолом, местными советами), в том числе и в тех случаях, когда во главе их стоят реформаторы, состоит в том, чтобы *афишировать* отказ от переговоров. Тем не менее переговоры все же завязываются — в некоторые критические моменты: когда партия считает, что центральные клубы угрожают своими митингами принятию законопроекта «О добровольных обществах, органах общественной самодеятельности и самодеятельных общественных объединениях» (январь—февраль 1988) или когда она ожидает демонстраций других коллективных акторов и желает освободить центр Москвы, нейтрализовав неформалов (накануне XIX партконференции).

В январе 1988 года, едва прослышав о готовящемся законопроекте «О добровольных обществах...»², неформалы инициируют новый виток противостояния. Эта мобилизация важна, поскольку приводит к победе неформалов и показывает им, что они способны вынудить реформаторов к поддержке. Одним из средств давления, силу которого они, возможно, прежде недооценивали, становится *угроза* выйти на улицу. До этой мобилизации они проводили дебаты и составили альтернативный законопроект, направив его в Верховный Совет СССР и в ЦК КПСС. Когда последний отверг любые переговоры, неформалы начали борьбу за блокирование законопроекта, который назвали «унизительным компромиссом» между реформаторами и консерваторами³. Некоторые группы подталкивают неформальное движение к скорейшему переходу к более

¹ Митрохин 1988.

² Док. 35.

³ Док. 27 (1988).

радикальным формам действия — демонстрациям, чтобы тем самым «поддержать свою репутацию общественного движения»¹. В разрешении на демонстрацию им отказано, но взамен предложено встретиться с авторами законопроекта: власть предпочитает начать диалог, лишь бы удержать их от выхода на улицу. Текст законопроекта не был принят по многим причинам, однако угроза *некоторых* клубов прибегнуть к демонстрациям, возможно, стала одним из самых весомых факторов. Реформаторы почему-то уверены, что «Демократическая Перестройка» фигурирует в числе подписавших запрос на разрешение демонстрации. А если уж этот центральный клуб, открыто определяющий себя как «умеренный»², встал на такой путь, то угроза столкновения и выход всего движения на улицу представляются весьма вероятными. Партийные реформаторы напуганы перспективой распространения недовольства неформалов на других социальных акторов, так как это испортит их репутацию; кроме того, они осознают слишком очевидную хрупкость юридического основания законопроекта (см. ниже). Есть и другие примеры. Так, власти (реформаторы и силы правопорядка), испугавшись подъема общественного активизма накануне XIX партконференции, сами инициируют переговоры с неформалами, чтобы те перенесли свой митинг с Пушкинской площади в окрестности Дворца молодежи, то есть в район, удаленный от центра. Ставка высока для обеих сторон: партия жаждет освободить центр, поскольку ожидает приезда делегатов из других регионов и республик (крымских татар, армян, прибалтов); а неформалы не желают покидать свой «Гайд-парк»: не отдавать же его на откуп своему радикальному сопернику, «Демократическому союзу», тем более в такой день! Московский горком пытается сегментировать политическую игру, изолировав неформалов от других акторов и проводя сепаратные переговоры с двумя группами — основоположниками «Гайд-парка» («Гражданским достоинством» и «Общиной»). Другие клубы, узнав о тайных переговорах, отказываются признать за ними какую-либо легитимность: место проведения митинга не подлежит

¹ Выступление А. Золотаревой («Гражданское достоинство») на дискуссии «Демократической Перестройки» («Открытая зона». 1988. Февраль. № 4. С. 30).

² Раскол «Перестройки» на «умеренных» и «радикалов» произошел за месяц до этого, и в «Демократической Перестройке», как мы помним, объединились «умеренные».

обсуждению. В результате к Дворцу молодежи приходит только «Община», но обнаруживает, что власти их обманули: митинг невозможно провести из-за шествия военного оркестра, организованного перед Дворцом¹; пришедшие перебираются на Пушкинскую площадь. В этом взаимодействии неформалы впервые выводят обсуждаемые вопросы из поля переговоров, поскольку правила сделки оказались нарушены (два клуба, участвовавшие в сделке, не уполномочены на это другими) и предлагаемые условия были расценены как недопустимые.

Вторжения в пространство партии

Вторжение неформалов в пространство партии принимает множество форм. Их первая вылазка стала неожиданностью даже для них самих. Она произошла во время «дела Ельцина» в ноябре 1987 года, когда клубам пришлось занять определенную позицию в этом внутрипартийном конфликте. Следующие вторжения уже более преднамеренны и опираются на юридическое право. Кстати, неформальное движение прочно укрепится на партийной арене, рассматривая ее как важнейший инструмент легитимации в политическом пространстве.

«Дело Ельцина» нарушает политическую игру в высших эшелонах, разделив реформаторов на два лагеря. Распад этой политической категории реформаторства, прежде выступавшей как ориентир, и устаревание некоторых внутрипартийных правил игры, которые Ельцин публично нарушает, глубоко потрясают также и неформалов.

Врезка 7

«Дело Ельцина» (октябрь—ноябрь 1987)

«Дело» начинается с двойного нападения Б. Ельцина, в то время первого секретаря Московского горкома, на Е. Лигачева, секретаря ЦК КПСС и лидера консерваторов, и на М. Горбачева. Кризис разражается во время Пленума ЦК в октябре 1987 года, то есть в юбилей революции. Ельцин предчувствует, что ему сложно будет остаться во главе горкома. Лигачев, обеспокоенный текучкой кадров в горкоме и в райкомах, уже пытался создать специальную комиссию в рамках Политбюро и в ЦК.

¹ Игрунов 1988.

В сентябре Ельцин пожаловался Горбачеву на методы работы его противника. Столкнувшись с необходимостью рассудить их, Горбачев предлагает Ельцину отложить обсуждение на будущее. Однако Ельцин, уже без посредничества генсека, напрямую обращается со своей жалобой к Пленуму и подает заявление о выходе из Политбюро (он был кандидатом в его члены). Он пользуется этой трибуной для критики привилегий чрезмерно разросшегося, по его мнению, бюрократического аппарата.

Горбачев расценивает поступок Ельцина как «неуважение к Генеральному секретарю, к договоренности», к которой они прежде пришли¹. Но главное, открыто определив себя как радикального реформатора, Ельцин негласно представляет Горбачева «слабым звеном» реформаторства. Это определение оказывается тем более правдоподобным, что застигнутый врасплох Горбачев вынужден занять линию защиты консерваторов. Ельцина критикуют за неумные личные амбиции и в ноябре снимают с постов в Политбюро и в горкоме. После назначения первым заместителем председателя Госстроя СССР в ранге министра СССР он на некоторое время исчезнет с политической сцены. Горбачев же, в свою очередь, попытается формализовать свою политическую позицию, определив ее как «центристскую»².

Обычно клубы с готовностью устремлялись в любую трещину, образовавшуюся в системе. Здесь же их реакция предопределена общей динамикой мобилизации, порожденной скандалом в партии. Вскоре мобилизуются студенты МГУ, а также некоторые неформальные клубы (вроде «Общины»). Лидеры неформального политического движения должны, в свою очередь, обозначить свое присутствие, но не знают, как определить ситуацию: идет ли речь о настоящем расколе в стане реформаторов или о политическом маневре властей? Фигура Ельцина добавила неопределенности, ибо никто по большому счету не понимает, что за игру он ведет. Видя непредсказуемость любой выбранной позиции, неформалы склоняются к осторожной тактике: не поддерживая

¹ Горбачев 1987.

² Правда, 13.01.1988.

ни Горбачева, ни Ельцина, они протестуют против молчания в прессе и требуют публикации отчета о пленуме. Такая позиция, акцентирующая внимание на принципе гласности, является своего рода непрямой поддержкой Ельцину. Неформалы решили поддержать его потому, что в сложившейся констелляции событий им было сложно встать на сторону Горбачева, а Ельцин, хоть и смещенный с занимаемых постов, остается важной фигурой в партии, и к нему следует относиться со вниманием. Но эта поддержка непрямая, потому что неформалы помнят: Ельцин скомпрометировал себя связями с обществом «Память»; сыграл активную роль в принятии «Временных правил» Моссовета, ограничивающих право на митинги; зарекомендовал себя как непредсказуемый политик. Горбачева они не атакуют, а предпочитают проверить его реальную приверженность декларируемым им принципам, потребовав публикации стенограммы весьма, как им известно, скандального пленума. Неформалы дистанцируются от участников «дела Ельцина», так как понимают, что эта игра идет не на их поле, и не желают напрямую включаться во внутрипартийную борьбу¹. Однако этот кризис позволяет им с ходу подняться на сцену «большой политики». В среднесрочной перспективе раскол среди реформаторов может дать им преимущества, поскольку чем больше во власти разных лагерей, тем больше возможностей для получения ресурсов.

Когда клубы появились, их юридический статус не был определен. Конечно, существовала общая юридическая база, на которую можно было опереться, но текст, обладающий максимальной юридической силой, имел слабую легитимность, поскольку относился к сталинскому периоду. Что касается более недавнего текста («Положение о любительском объединении», май 1986), у него не было статуса нормативного акта (его источником являлись общественные организации, а не исполнительные органы власти). Власть находит преимущество в поддержании этой неясности: не имея юридического статуса, неформальные организации не могут бороться за свои права (создавать газеты и другие атрибуты автономных организаций). Они сохраняют зависимость от админи-

¹ «Если человек держит дистанцию, он может это делать как потому, что другие для него слишком сакральны, так и потому, что они недостаточно сакральны» (Goffman 1974: 62—63). Неформальные лидеры в отношении Ельцина исходят из обеих логик.

стративных ресурсов и подчинены правилам, которые им навязывают общественные организации, взявшие их под крыло.

Однако неформалы тоже извлекают пользу из этой юридической неопределенности¹, получая своего рода иммунитет: власть не может легально запретить им вести деятельность, которая не подлежит регламентации. А. Фадин, член «Демократической Перестройки», так объясняет этот механизм в применении к самиздату:

Мы предали гласности инструкцию ЦК комсомола по работе с неформалами, секретную, в одном из номеров альманаха [«Демократической Перестройки»] за прошлый год.

— Неприятностей не было по этому поводу?

— Нет, неприятностей не было. [...] Вообще что касается неприятностей, то с нами до последнего времени было очень тяжело иметь дело, потому что *невозможно запретить то, что не существует* (курсив автора. — К.С.). У нас же не было легального статуса, во-первых. Во-вторых, на сегодня ситуация с самиздатом в Советском Союзе совершенно непонятна. [...] Власти, конечно, знают о местах и методах размножения литературы такого рода. Более того, некоторые клубы просто предоставляют властям экземпляры своих изданий в информационном порядке, так сказать. Но смотря на это сквозь пальцы.

— Так сказать, неформальное отношение к неформалам.

— Да, скажем так, в условиях отсутствия закона «О печати» другого и быть не может².

Очень немногие неформальные политические организации прибегают к официальной регистрации, ибо это *de jure* подчинило бы их общественной организации-«учредителю». Отношения клубов с официальными инстанциями могут принимать различные конфигурации, однако в целом клубы устраивает своего рода субординация *de facto*. Вопрос регистрации поднимался в ходе августовской Встречи-диалога, когда участники предложили оформить простую декларацию в местном

¹ Здравомыслива 1990: 71.

² А. Фадин, интервью на радио «Свобода», начало апреля 1989 г.

Совете, как в 1920-е годы. Но они сочли неуместным включить это предложение в окончательные документы Встречи-диалога.

По инициативе отдела пропаганды ЦК КПСС официальные инстанции стремятся «навести порядок» с помощью проекта «О добровольных обществах, органах общественной самодеятельности и самодеятельных общественных объединениях», тайно готовившегося в январе 1988 года¹. В нем воспроизводится большинство положений 1932 года, обязывающих ассоциации иметь в качестве «учредителя» то или иное «государственное учреждение, хозяйственный орган или общественную организацию»². Регистрацию следовало осуществлять при исполкоме местного совета, который обладал правом исключать тех или иных членов или учредителей, распускать выборные органы управления и даже саму ассоциацию, а также осуществлять над ней контроль. Никакого способа обжалования предусмотрено не было. В проекте 1988 года на общественную организацию-учредителя распространяется то же право контроля и роспуска, что и на регистрируемую организацию. В нем просматривается неуклюжее стремление прояснить ситуацию, тогда как лучше бы ей так и оставаться неясной. А главное, проект устанавливает весьма шаткое в глазах неформалов различие между тремя подкатегориями: «добровольными обществами», «органами общественной самодеятельности» и «самодеятельными общественными объединениями». В результате неформалы, понимая, что относятся к самой обездоленной третьей подкатегории, с полным правом возмущаются тем, что их дискриминируют.

Эта попытка официально закрепить отношения субординации вынуждает клубы пойти в контратаку на юридическом поле. Они, в частности, задаются вопросом о легитимности установленной иерархии для «общественных организаций» (созданных советской властью) и «добровольных обществ». Поскольку в Конституции СССР³ фигурируют только «общественные организации», то, по их мнению, между двумя

¹ Тем не менее неформалам удастся его достать и опубликовать (Открытая зона. 1988. Февраль. № 4. С. 41—52).

² ВЦИК и СНК РСФСР 1932 (док. 29).

³ Док. 30.

этими типами организаций не может быть никакой разницы и уж тем более иерархической субординации:

Проект закона [...] существенно ущемляет права общественных организаций, на которые он распространяется, по сравнению с общественными организациями, правовое положение которых не регулируется настоящим законом (КПСС, профсоюзы, ВЛКСМ), хотя такая дискриминация не вытекает из ст. 51 Конституции СССР¹.

Придя к такому выводу, неформалы требуют права регистрации юридического лица, которое дало бы им *полную* автономию, и тех же самых политических прав, что есть у «общественных организаций», а именно права представлять кандидатов на выборы и права законодательной инициативы. Мимоходом квалифицируя КПСС как общественную организацию, неформалы стремятся показать, что партии лучше бы не ступать на скользкий путь содержательных споров о юридическом статусе добровольных обществ и общественных организаций. Категория, к которой та принадлежит, на самом деле нигде не определена — ни в Конституции, ни в Уставе КПСС. И если получается, что партия — это общественная организация, то чем оправдана 6-я статья советской Конституции, в соответствии с которой КПСС является *ядром* для всех остальных организаций?²

Результатом этой борьбы, как мы видели, становится отказ от законопроекта. Неформальные организации, все еще не имея возможности добиваться для себя специфических прав, инвестируют свои частные требования в борьбу общего значения и поднимают вопросы о конституционном праве.

Именно этот шаг был сделан с адресованным XIX партконференции «Общественным наказом». Клубы открыто поднимают в нем вопрос о месте КПСС и советов в политической системе, пытаются найти способы внедрения в последнюю. Этот документ становится важной вехой

¹ Док. 27 (1988).

² В соответствии с 6-й статьей партия является ядром всей политической системы, но неформалы пока не ведут атаки против этого пункта для защиты своего статуса.

в формировании идентичности движения. Как мы уже сказали, речь идет о первой политической программе, которая, по мнению Дж. Хоскинга¹, является самым «радикальным» текстом, отправленным на конференцию.

Процесс работы над этим текстом требует особого рассмотрения. Его обсуждают и принимают в июне 1988 года около сорока клубов. Документ относительно небольшого объема (6 страниц) составляют: резюме «Демократического наказа» (16 страниц), сформулированного «Демократической Перестройкой»; «обращение» (7 страниц), которое подписано членами этого клуба, состоящими в партии (и объединившимися во «Внеуставную партийную группу»); критика тезисов ЦК КПСС со стороны «Межклубной партийной группы» (4 страницы), первой организации, объединившей в себе партийцев из разных неформальных клубов². «Общественный наказ» — в принципе не более чем обращение; настоящую программу следует искать во всем корпусе текстов, где написанный «Перестройкой» «Демократический наказ» занимает особое место и является самым подробным.

Главной заботой неформалов становится стремление ограничить «жизненное пространство» партии. Не решаясь потребовать отмены 6-й статьи³, они все-таки требуют ее коренного изменения, которое, по сути, равнозначно лишению партии ее статуса ядра политической системы. Властные функции, принадлежавшие партии, должны быть переданы советам и органам государственной власти. Отныне официальной целью объявлено строительство «правового социалистического государства», что означает соблюдение юридических норм, когда «никто, ни партия, ни органы власти, никакие лица не могут стать выше закона» («Общественный наказ»); с этим принципом также соглашается в своих тезисах и ЦК партии⁴. По всей видимости, неформалы — единственные, кто говорят в своей программе о возможности организовать «всесоюзные

¹ Hosking 1992: 22

² Клуб «Демократическая Перестройка» 1988 (док. 23); внеуставная партийная группа клуба «Демократическая Перестройка» 1988 (док. 25); межклубная партийная группа 1988 (док. 24)

³ Они сделают это лишь после выборов 1989 года.

⁴ Тезисы ЦК КПСС 1988.

дебаты об однопартийной системе». Чтобы ослабить влияние партии на власть, нужно также положить конец воспроизводству «касты партократов», «уничтожить номенклатурную систему формирования кадров». Высокопоставленные чиновники должны набираться по конкурсу независимо от их партийной принадлежности, а экономические органы КПСС, дублирующие государственные органы, следует упразднить. Однако партия пока остается главным центром принятия решений, и неформалы лишь стремятся подчинить ее общественному контролю: они требуют для беспартийных права участвовать в органах внутреннего контроля, присутствовать на заседаниях, где обсуждаются проекты реформ (в частности на XIX партконференции), транслирования в прямом эфире съездов, партийных конференций, пленумов ЦК и сессий Верховного Совета СССР.

Советы должны вернуться к своим функциям суверенной власти. Сам ЦК соглашается с тем, что «вся полнота власти должна быть передана Советам», равно как и с тем, чтобы дать им «преимущество» перед исполнительной властью. Их бюджет и продолжительность их заседаний должны быть увеличены. Будучи органами местного самоуправления, они должны пользоваться «полной автономией» при решении проблем обустройства территории.

ЦК желает вернуть Советам функции контроля (которые, кстати, прописаны в советской Конституции), однако не уточняет широту их полномочий. А между тем именно в этом и состоит центральный вопрос политических дебатов. В 1988 году единодушия по поводу содержания институции под названием «советы», ее функций, ее связей с другими властными институтами ничуть не больше, чем в 1905-м или в 1917-м, когда пытались изобрести новую модель представительной власти и политической организации¹. Неформальные клубы стремительно врываются на это еще не распаханное реформаторами поле. Следует увеличить полномочия советов в сфере контроля над исполнительной властью, в том числе и над органами, обеспечивающими безопасность государства (МВД, Минобороны и КГБ). Правительство должно нести ответственность перед Верховным Советом. Как и ЦК, неформалы подерживают идею увеличения бюджета и длительности заседаний советов,

¹ По поводу разных концепций советов с 1905 по 1921 год см.: Anweiler 1972.

но добавляют к этому положение о том, что Верховные Советы СССР и союзных республик должны заседать постоянно, вводя, таким образом, идею профессионализации депутатов.

Клубы также видят в советах средство внедрения в политическую систему. Тем не менее летом 1988 года они не считают возможным проникнуть в них напрямую, по крайней мере посредством выборов по одномандатной избирательной системе. Так, они высказываются за особые выборы по спискам, где были бы представлены не партии, а группы другого рода, которые перечисляет Румянцев, один из главных авторов «Демократического наказа»:

Советы должны стать профессиональным органом многофункционального представительства (трудовых коллективов, общественных организаций, *групп граждан* (курсив автора. — К.С.), территориальных округов, органов кооперативного представительства)¹.

Это представительство должно было сохраниться после выборов по системе двухпалатных советов:

Первая палата — общественная [...] компетентна принимать и обсуждать проекты решений по практическим вопросам труда, распределения, социально-бытовых, территориальных условий. [...] [Она] формируется трудовыми коллективами [...] и группами граждан [...]. Вторая палата — политическая — компетентна рассматривать законопроекты [...] с учетом их соответствия общей политической линии и возвращать их для коррекции в первую палату².

Понятно, что неформальные клубы должны быть отнесены к «группам граждан». Предложения о создании двухпалатных советов и о кате-

¹ Представление «Демократического наказа» О. Румянцевым перед партийной организацией ИЭМСС (1988, док. 52). По мнению некоторых авторов (например: Шубин 2005), этим предложением напрямую вдохновлялся Горбачев, который ввел в избирательную реформу декабря 1988 года принцип избрания трети депутатов СССР от «общественных организаций» (по поводу новой системы выборов см. график 2). На неформальные клубы такая система назначения, разумеется, не распространялась.

² Демократический наказ (док. 23).

гориальном представительстве, выдвинутые «Демократической Перестройкой», не были как таковые перенесены в «Общественный наказ» (но это вовсе не означает, что другие клубы их отвергли).

Накануне XIX партконференции неформалы-партийцы организуют «Межклубную партийную группу»¹, чтобы заставить прислушаться к себе неопределившихся *внутри самой* КПСС, поскольку после публикации письма Нины Андреевой в марте 1988 года усиливается ощущение, что консерваторы набирают силу внутри партийного аппарата.

По уставу КПСС можно было создавать неуставную партийную группу временную, работая на Северном полюсе или черт его знает. А мы ведь это использовали для создания такой неформальной партийной группы².

Неформалы действительно пользуются проницаемостью границ партии. Последней ее статус позволяет пустить корни в других институтах — в любых самых маленьких и даже временных инстанциях³. С началом Перестройки эта проницаемость постепенно становится фактором уязвимости, поскольку партия сама может подвергнуться диверсии. Выбивая себе нишу внутри КПСС, неформалы надеются на признание на более высоком иерархическом уровне. Однако ЦК не реагирует на создание двух этих групп — их и не признают, и не критикуют. И только общественное оживление в связи с выборами делегатов Съезда народных депутатов СССР в 1989 году приводит к расцвету новой формы — «партийных клубов», куда приходит все больше новобранцев. Стоит отметить, что они берут название «клуб»

¹ Кардаильский 1988.

² В. Кардаильский, интервью 27.7.1994 г.

³ «На съездах, конференциях, собраниях, созываемых государственными и общественными организациями, а также в выборных органах этих организаций, где имеется не менее трех членов партии, организуются партийные группы» (ст. 61). «На предприятиях, в колхозах, учреждениях, где имеется свыше 50 членов и кандидатов в члены КПСС, внутри общей первичной партийной организации с разрешения райкома, горкома, окружкома могут быть созданы партийные организации по цехам, участкам, фермам, бригадам, отделам и т.п.» (ст. 53) (см. док. 31).

и отказываются от «группы», чтобы явно обозначить свою принадлежность к неформальному движению.

Как бы там ни было, большая часть инициатив неформалов по преодолению барьеров оказываются успешными. Они используют академический истеблишмент, чтобы превратить изобретенную райкомами систему контроля в систему защиты. Они задействуют исторически легитимные способы представления, такие как «наказ», наполняя их радикальными (особенно по форме) требованиями. И наконец, они оборачивают всепроникающую логику партии против нее самой, просачиваясь в ее собственное пространство. В итоге система дает слабину по многим направлениям.

Усиление внутренней конкуренции

Диверсификация репертуара коллективных действий объясняется также и внутренними процессами в движении. Успех Встречи-диалога 1987 года и следующие за ней события создают у неформалов впечатление, будто они в состоянии перейти на более высокий уровень мобилизации. Между летом 1987 и летом 1988 года движение получает доступ в «высшие сферы», наращивает свое присутствие в политическом пространстве (регулярно организуя уличные акции и становясь главным производителем самиздата¹), численность его участников растет.

Одной из движущих сил свойственного движению непрерывного изменения служит внутренняя конкуренция. Конфликты вовсе не разрушают движение, а, наоборот, позволяют ему шире развернуться в политическом пространстве. Недовольные внутри движения обретают новые ресурсы, находят новые поля для действия, чтобы выйти из-под влияния центральных клубов. Лидеры сталкиваются с оспариванием используемых ими способов координации и репрезентации (причем репрезентации в двойном смысле: как говорения от лица движения и как представления на сцене и формирования общественного имиджа). Всеобщее соревнование подталкивает также и членов руководящего ядра, в свою очередь, диверсифицировать свои ресурсы и формы действия.

¹ В 1986—1987 годах в СССР насчитывается всего несколько десятков бюллетеней, публикуемых неформалами. В 1988 году их число возрастает до 250, а до 1990 года удваивается практически каждый год (Суетнов 1990).

К моменту XIX партконференции почти все неформалы убеждены, что их движение постепенно становится «массовым». Это видение перспектив приводит к пока еще робкому отказу от самой формы «клуб», которая до того времени составляла основу их идентичности. Иными словами, конфликты порождают эффекты, способные усилить движение, но это усиление порождает ожидания, постепенно разрушающие то, что изначально составляло специфику движения.

Вопрос контроля над репрезентацией движения

Как мы уже видели, в момент Встречи-диалога в августе 1987 года и в ходе конфликта, который привел к расколу «Перестройки» в январе 1988-го, отдельные неформалы критиковали «посредников» в работе с партией за их слишком большую лояльность к представителям власти и за самоуправство, которое они себе позволяли при выполнении своих обязанностей. Были отдельные стычки, хотя монополия доступа к власти, закрепленная за руководящим ядром движения, не оспаривалась. Однако это негласное правило дало трещину во время упомянутого «дела Ельцина». Последнее имеет решающее значение в истории неформального движения, поскольку дает клубам повод *публично* войти в «большую политику». Тем не менее они входят туда вовсе не стройными рядами: «дело» приводит к размыванию имиджа партийных реформаторов, с которыми неформалы вели переговоры, и разрушает их относительное единство. Тем самым «дело» способствует появлению внутри неформального движения игроков, стремящихся открыть иные способы доступа к власти, нежели те, которыми владеет руководящее ядро. Этот политический кризис оказывает существенное влияние на восприятие лидерами неформалов судьбы их движения и их собственной координирующей роли.

Как мы уже видели, после «дела Ельцина» партийные «реформаторы» начинают делиться на два лагеря. Этот эпизод также ведет к внутреннему кризису неформальных клубов: под вопрос поставлен один из их важных ориентиров, а именно более или менее ясные представления о «реформаторах во власти». Это вынуждает их определиться, а главное, продемонстрировать способность к координации занимаемых позиций.

Напомним, что руководители центральных московских клубов решают протестовать не для того, чтобы поддержать Ельцина, а чтобы высказаться против недостатка информации в прессе и против того, каким образом он был смещен с должности. Сколь бы неопределенной ни была эта позиция, она служит объединяющим моментом для всех клубов — за исключением одной группы: часть «Общины», объединившаяся вокруг А. Исаева, решила до конца поддерживать Ельцина¹. Однако это «инакомыслие» ставит ребром важнейший вопрос о неформальном движении: оно позволяет руководящему ядру осознать пределы собственной гегемонии. Каким бы могуществом ни обладали эти лидеры в урегулировании *внутренних* конфликтов, они не смогут контролировать ни имидж движения, ни его отношения с официальными институциями, если им не удастся провести свою линию в координации коллективных действий, направленных на *внешнее* движение пространство. «Дело Ельцина» показало: малейшее расхождение в позициях с таким клубом, как «Община» (в общем-то, не особенно маргинальным²), способно затронуть все движение в целом и изменить его возможное восприятие другими протагонистами. Следовательно, оно может поставить под угрозу политику переговоров с партийными реформаторами, на которой основывалось доминирующее позиционирование неформального движения. Позиция «Общины» подвергается резкой критике со стороны большинства неформальных лидеров, поскольку она делает еще более хрупкой идентичность движения, в основу которой легло избегание всяких, даже косвенных контактов с «Памятью». А тут вдруг появляется клуб, который не смущает близость Ельцина к «Памяти».

Вторая причина стигматизации «Общины» состоит в том, что этот клуб подозревают в сближении с властями предрержащими из соображений *личного* расчета. Считается, что этот расчет полностью компрометирует попытки неформальных лидеров вступить в контакт с ЦК КПСС.

¹ Тем не менее стоит отметить, что «Община» отнюдь не была единодушна в этом вопросе и сама оказалась на грани раскола. Выделяется меньшинство, противостоящее Исаеву (см. интервью 14.12.1993 с А. Шубиным, представителем этой фракции).

² Напомним, что этот клуб участвовал в оргкомитете августовской Встречи-диалога 1987 года. Однако среди лидеров он занимает одно из последних мест.

Дело в том, что [Павловский и Пельман,] видимо, все-таки думали о том, как все это движение может выйти на какую-то политическую игру. Может быть, через Заславскую, может быть, Заславская им что-то говорила, давала что-то типа гарантии, что-то обещала, я не знаю что. Может быть, она тут что-то с Яковлевым... Яковлев ей, в свою очередь, говорил: давайте, давайте. Ну, они имели какие-то политические виды. [...] Но из-за поведения одной из групп [«Общины»], входящих в организацию [т.е. в КСИ], практически организация была чуть ли не закрыта и распущена властями¹.

Таким образом, позиция «Общины» смешивает все карты лидерам КСИ: она ускоряет момент входа движения в более заметное политическое пространство и навязывает в качестве точки входа в него *публичную* сцену, а не кулуары власти. «Община» делает ставку на совершенно иной доступ к власти и институциональным ресурсам, нежели члены КСИ. Она становится, таким образом, потенциальным конкурентом в борьбе за определение «внешнеполитической» линии:

Возможно, они [«Община»] рассчитывали на то, что Ельцин будет возвращен и они получают от этого дела дивиденд. Я не исключаю. Собственно, так и произошло. Исаев, между прочим, сейчас так и имеет дивиденд. По крайней мере в Думе я его вижу регулярно. Первый ельцинист все-таки².

«Дело Ельцина» становится также поворотным моментом в определении клубами своего движения. Они убеждаются, что некоторые механизмы выходят у них из-под контроля. Им приходится пересматривать свою роль и искать новые способы координации.

Ельцинский кризис выявил [...] что движение плохо управляемо. Безусловно, Гриша [Пельман] и Глеб [Павловский] хотели каким-то образом держать всю эту команду не в подчинении, но хотя бы в каком-то прогнозируемом состоянии. [...] Проявление радикализма со стороны

¹ М. Мейер, интервью 6.8.1994 г.

² Там же.

некоторых участников тусовки, безусловно, очень сильно подорвало веру Глеба, например, в то, что с этими людьми можно иметь дело успешно. [...] Он понял, что с ними каши не сварить¹.

Хотя некоторые лидеры порывают с движением не так резко, как можно подумать из приведенного отрывка, они испытывают разочарование и начинают инвестироваться в него иными способами². Они уже не считают себя многофункциональными координаторами диффузного общественного движения: одни ориентируются на техническую помощь неформальным организациям, другие — на политическую координацию, а третьи пытаются наладить связи с экономической средой. Некоторые лидеры КСИ, потеряв контроль над событиями, решают сосредоточиться на чисто технических задачах и закрыть свободный доступ в клуб во избежание любого внутреннего политического раскола, рискующего поставить клуб в крайне неудобное положение по отношению к его официальным защитникам. В письме к Т. Заславской Г. Пельман так описывает новые функции КСИ:

КСИ отходит от политических действий, заявлений, программ. Меняется организационное построение КСИ. Это не открытое объединение с федеративной структурой, а клуб социальных проектов поддержки и развития движения общественных (гражданских) инициатив. В основном в КСИ входят лидеры общественно-политических клубов, координаторы общественных проектов. Непосредственно сами клубы и проекты не включаются в состав КСИ, и КСИ ответственности за их деятельность не несет³.

Члены клуба организуют центр архивов и информации по неформальному движению, который в августе 1988 года станет Московским

¹ М. Мейер, интервью 6.8.1994 г.

² Lagroix и Siméant (2003: 67—69) анализируют траектории разочарования, дистанцирования индивидов от институций, в работу которых они прежде включались, в тех случаях, когда их ожидания и амбиции перестают соответствовать тому, во что трансформировались эти институции.

³ Это письмо было написано в промежутке между январем и мартом 1988 года (фонд КСИ, архивы М-БИО).

бюро информационного обмена (М-БИО). Чтобы собрать архив, центр выменивает экземпляры «Хронографа», публикуемого членами КСИ, на бюллетени клубов Москвы и других регионов¹. Эта функция централизации информации также позволяет КСИ получить новые институциональные ресурсы, в том числе финансовые: Советская социологическая ассоциация, стремясь собрать всесоюзную базу данных по политическому неформальному движению (возможно, для ЦК КПСС), выбивает грант размером в 10 000 рублей для команды, объединенной вокруг КСИ и «Хронографа»². Однако сами неформалы боятся, что эти сведения будут использованы КГБ, и отказываются предоставлять базу данных.

«Демократическая Перестройка», в свою очередь, вступает на путь политической координации. Она создает «Демократический наказ», обсуждаемый во время второго большого слета клубов в июне 1988 года. Она пользуется высокой репутацией, с которой КСИ, определившему себя как неполитический клуб, уже сложно состязаться. В 1988 году клубы, которые открыто не заявляют себя как политические, окончательно теряют позиции³. И наконец, некоторые члены КСИ стремятся использовать компетенцию, приобретенную в рамках движения, для сближения с другим нарождающимся сектором — первыми частными предприятиями (так называемыми кооперативами). Они создают два кооператива («Перспектива» и «Факт»); один из них специализируется на предоставлении информации кооперативам (публикации справочников, нормативных актов), а также на юридической помощи предпринимателям. В ноябре 1987 года «Факт» основывает информ-агентство «PostFactum», из которого в 1989-м образуется газета «Коммерсантъ»⁴. Таким образом, появляется новая сфера деятельности, находящаяся на пересечении неформального и кооперативного движений, а также прессы.

Если конфликты внутри лагеря партийных реформаторов оказывают дестабилизирующее действие на неформальное движение, то нападки

¹ Игрунов 2001.

² Там же. Средняя зарплата старшего научного сотрудника в Академии наук составляла в 1988—1989 годах 300 рублей (для высшего уровня руководства — 500 рублей) (см. Mongili 1993).

³ Игрунов 1989.

⁴ К газете «Коммерсантъ» мы еще вернемся в Эпилоге.

на него со стороны консерваторов, напротив, скорее усиливают его сплоченность. Кампания в прессе, начатая консерваторами в январе 1988 года, позволяет вернуться к более прозрачной внутренней диспозиции сил, к «нормализации» отношений между клубами и к их лучшей координации.

Сплоченность движения, таким образом, напрямую зависит от игр партийной верхушки: ее легко добиться в классической конфигурации противостояния между реформаторами и консерваторами. Но когда конфигурация политического пространства меняется (с расколом внутри стана реформаторов), движение оказывается неспособным сформировать *постоянные* механизмы координации.

«Периферийные» неформалы и общественный имидж движения

С весны 1988 года Пушкинская площадь становится местом публичного представления неформального движения и соревнования между «радикалами» («Демократия и гуманизм», «радикалы» из «Перестройки-88», «Демократический союз») и «умеренными» («Община», «Гражданское достоинство» и «Московский народный фронт»).

Занятие позиции в уличном пространстве объясняется несколькими мотивами. «Демократия и гуманизм» (а затем «Демократический союз») таким образом публично демонстрирует свою оппозицию системе. «Умеренные» выходят на улицу потому, что у них не осталось других мест встречи: Пушкинская площадь используется ими прежде всего для дискуссий. Среди «умеренных» левые клубы («Московский народный фронт», созданный в июне 1988-го) стремятся помешать «продиссидентским и прокапиталистическим правым» («Демократии и гуманизму») «монополизировать» улицу, которую они считают традиционно принадлежащей к репертуару действий левых¹. Таким образом, хотя власти не очень одобряют митинги, этот тип действия не является однозначным маркером радикальности. Интенсивная деятельность, разворачивающаяся там весной 1988 года, во многом является обратным эффектом того, что руководящее ядро движения успешно монополизирует административные ресурсы (помещения, доступ к прессе и т.д.), выталкивая всех остальных на улицу.

¹ Малютин 1988.

Пушкинская площадь становится местом борьбы, где раскол между «умеренными» и «радикалами» предельно очевиден: первые, как мы видели, собираются перед зданием «Известий», вторые — в центре площади перед памятником Пушкину.

Доминирующие клубы не были подготовлены к тому, что митингующие станут заметны в политическом пространстве далеко за пределами самого движения и проявят столь большую способность к внутренней мобилизации. На первоначальном этапе движения клубы-лидеры редко выходят на улицу, потому что митинги не вписываются в их имидж клубов, близких к интеллектуальным и политическим элитам. Этот способ коллективного действия кажется им неуместным: они не берут на себя ответственность за ведение переговоров с властями, оставляя их на откуп более мелким клубам. Так они избегают повышенного риска — ведь в общении с исполкомами советов, выдающими разрешения на митинги, требуется недюжинная изворотливость. Совсем другое дело — герметичный, защищенный мир академических институтов, заинтересованных в том, чтобы политические клубы действовали под их эгидой. Торги с исполкомами оказываются тем более сложными, что некоторые митингующие намерены открыто протестовать против решений власти, а последняя редко идет на уступки из страха потерять лицо на такой публичной сцене. Оставив улицу «радикалам» и утратившим доступ к административным ресурсам «умеренным», центральные клубы, возможно, думали избавиться (причем малой кровью) от внутренней оппозиции. Но этот добровольный отказ говорит также об их неспособности контролировать происходящее на улице и последующие его интерпретации (даже в тех случаях, когда речь идет о выступлениях «умеренных»).

Поскольку «умеренные» «Гайд-парка» подвергаются тем же санкциям, что и «радикалы» «Демократического союза», и поскольку законодательство о митингах в 1988 году ужесточается, клубы-лидеры вынуждены защищать *всех* митингующих. После XIX партконференции, когда отношения между неформалами и реформаторами становятся более напряженными, один из лидеров «Демократической Перестройки» напрямую обращается к чиновнику Севастопольского райкома КПСС, присутствующему на дебатах о праве на митинги и правовом

государстве, и призывает его к ответу за репрессивную политику властей в отношении «Демократического союза». Лидерам «Демократической Перестройки» из солидарности приходится примкнуть к бинарному определению ситуации, в рамках которой власть и оппозиция находятся в непримиримом столкновении, тогда как до сих пор они старались избегать столь упрощенного видения реальности.

Таким образом, на улице теперь разворачиваются действия с высоким риском. И хотя центральные клубы их избегают, происходящее там в конце концов накладывает отпечаток на их позиции. В ходе предвыборной кампании 1989 года улица станет стратегически важным местом действия и рекрутирования новобранцев. Клубы, которые уже присутствовали там, получили возможность занять важное место на избирательной сцене.

К трансформации движения: критика клубов как формы организации и появление народного фронта

К середине 1988 года организационная форма клуба все больше ставится под вопрос. Появляются две новые формы, составляющие ей конкуренцию, — партия и народный фронт. В мае «радикалы» разных течений (либеральная «Демократия и гуманизм», «радикалы» социал-демократической ориентации из «Перестройки-88» и группа «молодо-марксистов»), объединившись, основывают «Демократический союз» (ДС), который определяет себя как «первая оппозиционная партия». Другие неформальные клубы отказываются следовать их примеру, чтобы не создавать прямую конкуренцию КПСС.

Идея же народного фронта представляется гораздо более адекватной. Она исходит из реформаторских кругов партии, незадолго до XIX партконференции предложивших создать широкое движение по поддержке Перестройки, в которое должны были войти и неформалы. Термин «народный фронт» впервые появляется в работах представителей академического истеблишмента¹. Считается, что именно в этот период А. Яковлев испытывал повышенный интерес к неформалам. Партийные реформаторы думают предоставить им право выдвигать

¹ Курашвили 1988.

своих кандидатов на выборы в советы. Тем самым им позволено создать нечто похожее на партию, не называясь таковой и не предъявляя себя в качестве «оппозиции»: реформаторы указывают на два эти ограничения, подтверждая непреложность принципа однопартийности во время XIX конференции КПСС¹.

С этого времени форма народного фронта используется разными акторами и порождает весьма разнородную реальность². К примеру, в Прибалтийских республиках в народные фронты объединяются партийные реформаторы и неформалы, и все это быстро превращается в движения за независимость. В России такие фронты остаются ограничены пределами того или иного города, и в них участвуют только неформальные клубы. В Ленинграде объединение неформалов под этими знаменами было весьма успешным. В Москве и в РСФСР в целом оно скорее потерпело неудачу. «Московский народный фронт» (МНФ) — всего лишь еще одна неформальная группа. Возможно, она более заметна благодаря своему названию и широкой известности других движений с тем же названием, однако вовсе не является инструментом федеративного объединения³.

Провал МНФ объясняется конкурентной борьбой, разгорающейся внутри руководящего ядра движения, за контроль над этой новой организацией, в которой, как тогда казалось, отныне должны раствориться клубы. Конфликт разворачивается вокруг четырех пунктов: идеологического определения фронта; внутреннего распределения власти; содержания этой новой формы организации; и, наконец, будущей судьбы сговора с партийными реформаторами.

В июне 1988 года московские неформалы, собравшиеся вместе, чтобы сформулировать «Общественный наказ», решают создать «Московский народный фронт». В нем принимают участие самые известные клубы: «Демократическая Перестройка», КСИ, «Социалистическая инициатива», «Община», ФСОК, «Гражданское достоинство», «Пере-

¹ Заявляемая верность принципу однопартийности также призвана успокоить консерваторов.

² По поводу российских «народных фронтов» см., например: Горбунов 1994. О народных фронтах в других республиках см.: Muiznieks 1995; Гоццон 2001. О «Ленинградском народном фронте» см.: Прибыловский 1989б.

³ О формировании МНФ см.: Прибыловский 1991а и Шубин 2005: 219 и след.

стройка-88» и «Мемориал». Но вскоре в оргкомитете разгорается спор по поводу критериев членства и внутреннего процесса принятия решений. Одни (Малютин и Кагарлицкий, лидеры «Социалистической инициативы», бывшего «левого крыла» КСИ) стремятся ограничить доступ во «Фронт» клубам, позиционирующим себя как «социалистические». Как и в августе 1987 года, большинство протестуют против такого «фильтра» на входе. «Социалистическая инициатива» к тому же выступает за централизованную систему принятия решений, тогда как другие клубы стремятся к сохранению большей автономии.

Члены «Социалистической инициативы» усматривают в этой новой форме альтернативу как идее «партии», проводимой «Демократическим союзом», так и форме клуба. Традиционной многопартийности либерально-демократических режимов они хотят противопоставить «массовое движение», солидарное с рабочим движением. Маловероятно, что это отрицание многопартийности разделялось другими неформалами: около сорока клубов, подписавших «Общественный наказ», выступают за идею начать общесоюзные дебаты по поводу однопартийной системы. Создание народного фронта также представляется «социалистам» из оргкомитета способом освободиться от ставшей слишком тесной для них формы клуба и вырваться на более высокий уровень мобилизации. Они считают, что давно пора «перейти от интеллигентской болтовни к созданию настоящего массового движения»¹. Это почти неприкрытая атака против «Демократической Перестройки», КСИ и «Общины».

В конечном счете побеждает концепция централизованного социалистического фронта, продвигаемая группой «Социалистическая инициатива», что приводит к уходу семи других вышеупомянутых клубов. Вышедшие из объединения упрекают взявших власть в оргкомитете в «диктаторских» намерениях, а также выражают сомнения по поводу двойной игры с партийными реформаторами. Напряженность этого столкновения, вероятно, объясняется тем, что некоторые лидеры почувствовали: идентичность и стратегия движения выходят из-под контроля в тот самый момент, когда все предчувствуют увеличение численности участников. Павловский характеризует это централизаторское

¹ Кагарлицкий 1988.

стремление как «фашизацию» движения¹. Такое обвинение производит тем более сильный эффект, что наименование «фронт» использовалось некоторыми авторитарными по своей специфике идеологическими течениями. Националисты под предводительством Д. Васильева в мае 1988 года переименовали свою организацию в Национально-патриотический фронт «Память». Тогда же в «большевистском» лагере создан «Ленинский народный фронт СССР». Сходство названий ставит МНФ в уязвимое положение. В 1989 году наблюдается борьба между разными типами фронтов. Борющимся за независимость «народным фронтам» Прибалтийских республик противостоят «интерфронты» и «интердвижения», выступающие за сохранение Советского Союза. «Народным фронтам», называющим себя социал-демократическими, противостоит «Объединенный фронт трудящихся», близкий партийным «консерваторам»².

Второй упрек кажется еще более серьезным. Некоторые неформальные лидеры опасаются, что МНФ перестанет вести двойную игру с властями, удовлетворится простым сговором с ними и «может оказаться прекрасным собеседником для имитации общественного диалога»³, а это исказило бы суть неформального движения.

Вполне возможно, что упреки в «фашизации» или предательстве духа движения служили лишь оружием дискредитации конкурентов. Но создается впечатление, что здесь разыгрывалось нечто более серьезное, имеющее отношение к самой сути неформального движения. В первый раз некоторые члены руководящего ядра порывают с формой клуба и столь открыто пытаются резко изменить курс. Все неформальные лидеры считают вполне возможным переход их движения в статус массового, однако это предчувствие ставит под вопрос один из столпов, на который они до тех пор опирались, — представление о ведущейся ими игре с партийными реформаторами.

На начальном этапе такой подвижный объект, как неформальное движение, опирается на ряд стабильных положений, которые образуют его идентичность:

¹ Павловский 1988.

² Березовский, Кротов 1990: 38.

³ Фадин 1988.

- руководящее ядро, состоящее в основном из бывших оппозиционеров, быстро почувствовавших изменения во властных верхах и разделяющих идею диалога с партийными реформаторами;
- пространства игры, в которых акторы (противники, союзники, конкуренты) сохраняют определенную устойчивость, даже когда реформаторский лагерь партии начинает давать трещины;
- взаимодействия с партийными реформаторами и ведущая с ними двойная игра. Двойная игра неформалов объясняется их собственным оппозиционным прошлым и ограничениями, исходящими из других пространств игры, в которые они вовлечены.

Но нестабильность также является одним из факторов движения. Успехи, которых оно добивается в политическом пространстве, изменяют правила взаимодействия с реформаторами. Пытаясь просочиться в зазоры внутри системы, неформалы обнаруживают, что эта система во многих местах ослабела, и перестают следовать правилам, которые только что были установлены в их отношениях с представителями власти.

Поскольку формы сговора и двойной игры постоянно меняются, неформалы никак не могут раз и навсегда установить во внутреннем пространстве движения принципы, которые должны регулировать их отношения с властью. Невозможность этого становится источником непрерывных конфликтов. Однако конфликты эти также способствуют изменению конфигурации движения, поскольку благоприятствуют созданию новых форм действия и координации, получению новых ресурсов. Изначально сконцентрированная в Академическом районе вокруг редких ресурсов (залов заседаний в официальных учреждениях), сеть политических клубов разворачивается на трех полях действия. Институциональное пространство, где находятся помещения для сборов, монополизировано центральными клубами; они жестко отклоняют любые попытки раздела ресурсов. Второе пространство — самиздат; в нем мирно сосуществуют разные клубы. Плата за вход там низка, а изобилие публикаций лишь приветствуется, поскольку позволяет неформальному движению коллективно заявить о своем присутствии в глазах власти, Запада и наследников диссидентства. И наконец, пространство улицы осваивается в основном теми клубами, которые не соглашаются с по-

литикой клубов-лидеров. Митинги быстро концентрируются исключительно на Пушкинской площади, и эта концентрация превращает улицу в редкий по своей значимости ресурс. Множественность мест действия и появление новых ресурсов приводят к снижению значения институциональных ресурсов и центрального положения доминирующих клубов. Эти клубы — и в особенности группы, лишённые залов заседаний, вроде КСИ — первыми начинают реализовывать стратегии привлечения финансовых средств и сближения с другими секторами общества (новыми экономическими акторами, официальной прессой), способствуя, в свою очередь, расширению пространства действия, доступного движению. Деконцентрация сети в конце концов дестабилизирует первоначальную систему координации. Внутри руководящего ядра наблюдается новое «разделение труда» между координаторами, занимающимися различными сферами деятельности (политикой, журналистикой, технической поддержкой клубов, митингами).

К концу изучаемого периода (1987 — середина 1988 года) границы неформального движения все меньше поддаются контролю. «Радикалы» из «Демократического союза» становятся полноправными членами движения, тогда как их предшественники из «Демократии и гуманизма», дискриминированные как «наследники диссидентов», в общем-то никогда не считались его легитимными участниками. Расположение этих границ становится еще и трудноопределимым, поскольку лидеры неформалов предчувствуют превращение своего движения в «массовое», не имея при этом ясного представления, каким же именно оно будет.

С приходом второй когорты и с изменением политической конъюнктуры после XIX партконференции некоторые вопросы, вызывавшие раздор в первой когорте, теряют остроту, а точнее, откладываются на будущее. Иными словами, эти вопросы решает уже совсем иное движение, нежели то, что было в 1988 году. Однако неформалы первой когорты не догадываются о том, как будут дальше разворачиваться события. Новобранцы формально соглашаются (по крайней мере поначалу) с определением «социалистический»: идеологическое переопределение движения произойдет лишь после выборов 1989 года. Разрыв с формой «клуб» также происходит не сразу после партконференции, однако этот лейбл отныне обозначает *новые* типы организаций (клубы избирателей, парт-

ИСТОРИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ...

клубы), в корне отличающихся от первых клубов. Движение распадается (и теряет централизованность) в силу естественного хода событий, ибо действует на разных полях конкуренции (в основном на избирательном и поле партии). И наконец, вопреки тому, чего так опасались некоторые неформальные лидеры, не возникло никакого простого (без двойной игры) сговора с реформаторами команды Горбачева; наоборот, сформировалась лобовая оппозиция как консерваторам, так и Горбачеву. Более однозначный сговор возникнет позднее, между демократическим движением и «радикальным» крылом реформаторов из аппарата, которые придут к власти в России.

Третья часть

ОТ НЕФОРМАЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ
К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ:
СМЕЩЕНИЕ
ИДЕНТИЧНОСТИ
(1989—1990 ГОДЫ)

С 1989—1990 годов речь все меньше идет о «неформальном» и все больше о «демократическом» движении. Причем это изменение не чисто терминологического порядка. Начиная с 1989 года происходит изменение сущностное, вызванное целым рядом факторов: прибытием новых участников, сильно отличающихся от пионеров движения; радикальной трансформацией политической конъюнктуры; доминированием в политическом пространстве фигуры Бориса Ельцина; усилением политического значения российских властей как новой арены власти, вступающей в отношения конфронтации с руководством СССР.

Начало всем этим процессам было положено выборами 1989—1990 годов, которые обновили все советы (сначала на союзном, потом республиканском, городском и районном уровнях). Как только вводятся новые избирательные правила, дающие больше места состязательности, игра становится тотально конкурентной. Политическое пространство оказывается в ситуации флюидности, когда все его элементы приходят в движение: КПСС распадается на части; появляется множество арен соревнования; правила игры и ставки изменяются; трансформируются и сами участники игры. Иными словами, изменения затрагивают не только неформальное движение.

Движение становится более разнообразным, и поток вступающих в него расширяется. Наряду с клубами первого поколения к форме клуба обращаются новые «политические организации», которые разворачиваются в основном на избирательной сцене и в поле КПСС. На избирательной сцене появляются районные «клубы избирателей»,

которые занимаются выдвижением кандидатов на Съезд народных депутатов СССР, противостоящих кандидатам от партии, и организуют предвыборные кампании. В рамках Академии наук, располагающей примерно двадцатью местами на Съезде депутатов СССР, образуется «Клуб избирателей Академии наук» (КИАН), который противостоит изначальному отбору кандидатов в депутаты, установленному президентом Академии, и поддерживает кандидатуры из круга реформаторов (включая Андрея Сахарова). Демократические депутаты СССР формируют парламентскую фракцию («Межрегиональную депутатскую группу», или МДГ), которая, не будучи неформальным клубом, занимает лидирующую позицию в движении. После выборов 1989 года районные клубы избирателей входят в единое «Московское объединение избирателей» (МОИ), которое позднее образует ядро блока «Демократическая Россия», созданного в преддверии выборов на Съезд народных депутатов России (в марте 1990-го). На основе структур КПСС во всех крупных городах СССР образуются «партийные клубы»: они соберутся вместе в январе 1990 года и образуют «Демократическую платформу в КПСС», первую настоящую фракцию в коммунистической партии. В 1989 году появляется также неформальный клуб интеллектуального истеблишмента («Московская трибуна»), состоящий в основном из шестидесятников и рассматривающий себя как мозговой центр движения. И наконец, в 1990 году некоторое число бывших неформальных клубов превращаются в «партии», большая часть которых войдет в состав движения «Демократическая Россия», созданного в октябре 1990 года.

Прибытие новых участников (в Москве их больше тысячи, то есть почти столько же, сколько неформалов первого поколения) и появление новых форм организации и мобилизации (в частности, массовых митингов) изменяют сущность неформального движения. Клубы первого периода уже не совсем те же, что раньше. Они теряют контроль над движением во время выборов 1989 года: монополия на определение «клуб» больше им не принадлежит, они уже не очень понимают, какое место им следует занять на избирательной арене, где они не выступают ни кандидатами, ни организаторами кампаний. Им приходится сталкиваться одновременно с конкуренцией со стороны новобранцев, чьи компетенции широко используются на избирательной арене, и со

стороны академического и политического истеблишмента, претендующего на лидерство в движении. По сути, о «неформальном движении» говорить уже поздно, а о «демократическом» — пока рано. Поэтому за неимением лучшего мы используем неологизм «неформально-демократический»: он позволяет передать гибридный характер движения и составляющих его участников.

Политическое пространство тоже претерпевает глубокие изменения. В связи с фрагментацией партии и ростом могущества новых институтов власти возникает все больше арен соревнования. Дробление партии затрагивает ее федеральную, административную и идеологическую структуры. Прибалтийские компартии заявляют о своей автономии по отношению к КПСС; повсюду разные уровни (комитеты) административной иерархии вступают друг с другом в соревнование; что касается «реформаторского» и «консервативного» лагерей, обеспечивавших некую стабильность политической игры с начала Перестройки, то они сами распадаются на подгруппы. «Реформаторы» разделяются на «умеренных» (Горбачев) и «радикальных» (Ельцин, Афанасьев и проч.). Одним из главных последствий этой тройной трансформации стал тот факт, что властные отношения внутри КПСС теряют прежний «объективный» характер само собой разумеющейся очевидности. Затормозить этот процесс тем сложнее, что чиновники, занимающие посты в верхах иерархии, обладают очень малым стажем работы на высшем уровне¹. Конкуренцию партии составляют также некоторые институты: советы наделены отныне новыми правами и воспринимаются как «настоящие» инстанции власти. Происходит быстрый переход от идеи отдать « всю власть советам » к идее разделения властей: в рамках каждого совета начинается все большее разъединение между законодательной и исполнительной властью. Состязание разворачивается как внутри этих арен (между уровнями власти и идеологическими лагерями), так и между самими аренами. Акторы уже не понимают, над кем следует

¹ Фадин и др. (1991) указывают, что с 1985 по 1990 год были замещены 86% членов ЦК, тогда как во время «больших чисток» в 1935—1939 годах — только 77%. Оников (1996: 79) прекрасно показывает, что недавно назначенные руководители отделов ЦК плохо разбирались во внутренних механизмах функционирования центрального партаппарата.

брать контроль — над советами, партией, тем или иным (центральным, республиканским или местным) уровнем власти или той или иной ветвью власти (законодательной или исполнительной): ставки в игре и ее правила становятся крайне нестабильными.

Мобилизация происходит одновременно на разных сценах, и поскольку границы стираются, то происходящее на одной из них непосредственно влияет на другие. В избирательном поле неформально-демократическое движение с 1989 года разыгрывает карту открытого столкновения с «аппаратом», и эта стратегия оказывается выигрышной. Такая логика фронтальной оппозиции распространяется на все демократическое движение, в том числе внутри КПСС, где партийные клубы пытаются сохранить отношения сговора с «умеренными реформаторами». Есть множество примеров «заражения» этой логикой, и оно также подтверждается пересечениями в хронологии событий на обеих аренах. Так, Горбачев без колебаний использует результаты выборов марта 1989 года для сведения счетов с партаппаратчиками, уже с апреля устраняя потерпевших поражение консерваторов. Поскольку результаты этих выборов провоцируют трения в верхах КПСС, дата последующих выборов в республиканские и городские советы отложена на шесть месяцев (с осени 1989 до марта 1990 года). Впечатляющая победа Ельцина в Москве в марте 1989 года (где он получает около 90% голосов) ставит его в позицию потенциального соперника Генсека КПСС, хотя прежде такая ситуация была невообразима. Выборы 1989 года, единодушно осознаваемые как поражение партийного аппарата, склоняют партклубы к нарушению запрета на употребление понятия «фракция». К тому же успех Ельцина на выборах дает партклубам основания для претензий на создание оппозиционной фракции (которая получит имя «Демократическая платформа в КПСС»). В ноябре 1989 года Верховный Совет СССР чуть было не вписал в повестку дня вопрос о 6-й статье Конституции (о руководящей роли партии). Подвергаясь сильному давлению, ЦК КПСС в конце концов сам предложит внести поправки к 6-й статье на парламентской сессии в марте 1990 года. Последующее ослабление институциональной роли КПСС и возвышение республик в качестве властных инстанций идут рука об руку с усилением центральной исполнительной власти в марте 1990 года — в связи с созданием

поста президента СССР и избранием на эту должность Горбачева. Эти изменения резко переопределяют роль партии в игре: важные политические ставки все чаще делаются за ее пределами. Политические акторы могут теперь покидать ее без ущерба для карьеры. Именно это и сделают Ельцин и члены многих партклубов во время XXVIII Съезда КПСС (июль 1990 года). Отметим также, что электоральный календарь влияет на партийный: XXVIII Съезд созван на год раньше срока (то есть с нарушением пятилетнего ритма).

Одно из последствий флюидности политического пространства выразилось в том, что идентичности разных игроков теперь постоянно переопределяются — в ходе осуществляемой ими борьбы, наносимых ударов и контрударов. Как показали Л. Болтански и А. Колловальд, идентичности политических акторов множественны во времени и социальном пространстве¹. Индивиды опираются на множество занимаемых ими социальных позиций. Они выбирают, на каких титулах и званиях ставить акцент, и поэтому конструируют свою идентичность в зависимости от того, в каком месте представляют себя. Контроль над информацией о самом себе предполагает существование «отделенных друг от друга пространств», что позволяет скрывать некоторые индивидуальные характеристики, а также осознавать «ожидания институции», в которой индивид находится, поскольку именно она определяет выбор афишируемых социальных позиций². В стабильных контекстах работа по конструированию идентичностей осуществляется также под влиянием многочисленных принуждений, однако акторы знают их основные механизмы и более-менее способны предвидеть эффекты избираемой ими стратегии³. В настоящем случае пространство действия не дает почти

¹ Boltanski 1973; Collovald 1988.

² Boltanski 1973.

³ См. Collovald (1988) о работе по конструированию идентичности Ж. Ширака, который должен соответствовать имиджу «голлиста», дистанцируясь при этом от других лидеров своей партии, чтобы показать себя способным к президентству. Работа по гармонизации его идентичностей сложна, но основывается на некоторых стабильных ориентирах: «голлистский» лейбл по-прежнему позитивно воспринимается в партии, к которой принадлежит Ширак, и всем примерно понятно, каковы должны быть основные этапы карьеры кандидата, способного к президентству.

никакой достаточно устойчивой опоры для того, чтобы те, кто носят или отстаивают ту или иную идентичность, могли бы ею полностью управлять. Это касается даже профессиональных политиков, поскольку главная сложность состоит не в нехватке навыков, а в отсутствии хотя бы минимальной ясности относительно каждой конкретной ситуации. После распада лагеря реформаторов Горбачев оказался между левыми и правыми, тогда как раньше он был стабильным ориентиром. К тому же было не очень ясно, какие наименования вредят или в скором будущем могут навредить репутации. Неформалы смутно ощущают, что их самообозначение начинает служить им плохую службу. Идентичности тем более нестабильны, что границы между акторами размываются. Так, все сложнее становится понять, где находится линия раздела между партклубами и самой партией. В этих клубах активно действуют «высокопоставленные» аппаратчики и депутаты СССР, которые используют их в своей борьбе за власть, давая им доступ к принадлежащим партии ресурсам.

Так происходит сдвиг в отношениях движения с властями придерживающимися. Неформальное движение первого периода, как мы видели, было оппозиционным, но не открытой оппозицией. Оно поддерживало реформы и использовало их для подрыва некоторых основ системы. Отнюдь не равнясь на позиции реформаторов из КПСС, оно тщательно поддерживало некоторую дистанцию для выстраивания собственной идентичности и вело довольно сложную и тонкую игру.

В 1989—1990 годах демократическое движение под натиском новобранцев открыто определяет себя как «оппозицию» «КПСС» и «центральной власти»¹. Оно отклоняет любой компромисс с «умеренными реформаторами» (Горбачев), которых уже, по сути, приравнивает к «консерваторам». Оно не стремится держать дистанцию с диссидентами. Его оппозиция власти проявляется в нарушении запретов при принятии, например, организационных форм и идеологических наименований (появление фракций внутри партии и парламента; создание

¹ Ни КПСС, ни союзная власть СССР не являются однородными, но рассматриваются как таковые демократическим движением в целях эффективного выстраивания собственного дискурса и идентичности.

партий; провозглашение антикоммунистических, а затем и либеральных позиций; защита суверенности России в противовес СССР). В ходе выборов 1989 и 1990 годов новобранцы становятся союзниками крупных оппозиционных политиков, выдвигающих свои кандидатуры против «аппаратчиков».

Сохранение взаимодействий с партийными реформаторами представляется все менее возможным, в том числе и неформалам первой когорты. Их лояльность теряет всякую легитимность, особенно после появления группы «радикальных реформаторов», которые с 1989 года начинают выстраивать оппозицию КПСС и Горбачеву.

Радикальные реформаторы — видимо, в силу лучшего понимания ставок, хотя они и позже пришли в движение, — проявляют больше решимости, чем участники первой когорты. Те, кто контролировали партийные ресурсы, постепенно встанут у руля движения и возглавят переход к новому режиму в целом. Тем не менее, хотя того неформалы или нет, «радикальные реформаторы» являются их объективными союзниками, и для продолжения игры они обязаны с ними считаться.

К тому же в 1987—1988 годах одна из центральных составляющих сговора между реформаторами и неформалами теряет свою ценность. Административные ресурсы (помещения, выход на СМИ и т.д.), которые в предыдущий период были труднодоступны, а потому ценны, в одночасье оказываются доступными практически для всех — вследствие внутреннего дробления партии: многочисленные осколки аппарата начинают предлагать свои ресурсы клубам, поскольку отныне рассматривают их самих как ресурсы в борьбе за власть. Отношения между неформалами и их собеседниками из партии, конечно, не перестраиваются полностью, но глубоко изменяются.

Огромное влияние на движение оказывает Ельцин, приобретающий все больший вес в политическом пространстве. Он постепенно выдвигается в его лидеры. В ходе кампании 1989 года неформалы воспринимают Ельцина как одного из нескольких стратегических союзников, однако громкий успех на выборах придает ему совершенно иной масштаб, как внутри, так и вне движения. Он присутствует одновременно на нескольких аренах состязания: на избирательной и партийной сценах, на Съезде народных депутатов, в демократическом движении. Множественность

занимаемых позиций обеспечивает Ельцину особое положение и преимущество в игре; это главный элемент его харизматической стратегии. Неформалы-демократы все чаще воспринимают его как способ возвыситься над локальными конфликтами и заставить услышать свое сообщение одновременно на нескольких аренах. Власть, которую Ельцин черпает из своего повсеместного присутствия, делает его одним из главных лидеров демократического движения (хотя у него есть значимые соперники), и большинство руководителей движения его опасаются.

Некоторые другие акторы следуют за Ельциным в его перемещениях по политическому пространству. В 1990 году он дебютирует на российской сцене, представив свою кандидатуру на выборах на Съезд народных депутатов РСФСР, тогда как этот уровень власти еще не получил особого веса. Его активное присутствие на этом уровне власти автоматически повышает его значение. В 1990 году он покидает КПСС, что означает: отныне можно выходить из партии, не особо подвергая риску свое политическое будущее.

После выборов 1990 года на Съезде народных депутатов РСФСР неформалы-демократы вступают в сговор с Ельциным, который больше не имеет серьезных соперников и получает сильные институциональные позиции (кресло председателя в Верховном Совете РСФСР в мае 1990 года, пост президента России в июне 1991-го). Ельцин представляет «новую российскую власть», и демократы становятся на его сторону — в отличие от неформалов начального этапа Перестройки, которые не были оппозиционерами по отношению к советской власти. Здесь снова действуют отношения сговора, однако конфигурация игры обрекает демократов на то, чтобы поддерживать Ельцина, практически не имея ни какого-либо свободного поля для маневра, ни возможности вести двойную игру (если они этого действительно желали). Эта тенденция только усилится после провала путча в августе 1991 года. Так что речь теперь идет совсем о другом типе сговора, нежели в первый период.

И наконец, отношения между СССР и РСФСР, в свою очередь, тоже влияют на идентичность движения. Национальная тема возникает в 1989 году, когда Прибалтийские республики начинают отстаивать свою автономию, а потом и независимость. Нарастает напряженность между союзным центром и большинством республик, которые следуют

примеру прибалтов. В России с целью укрепления своих позиций на этой проблеме концентрируются два типа акторов: националистическое течение среди консерваторов КПСС, создающих в июне 1990 года Российскую коммунистическую партию внутри КПСС, и «радикальные реформаторы» (Ельцин) и демократическое движение, стремящиеся захватить власть на российской парламентской арене. Неслучайно самая крупная объединяющая организация в движении 1990—1991 годов называется «Демократическая Россия». В противостоянии между СССР и Россией всему движению в целом приходится заявлять о себе именно на российской арене (где ему удастся завоевать институциональные позиции) и покинуть арену союзную. Движение определяет себя как российское — тогда как до сих пор это измерение не входило в политику идентичности неформалов. Оказание поддержки Ельцину и «новой российской власти» также вынуждает движение определиться в качестве «либерального», поскольку конфликт между СССР и Россией разыгрывается, в том числе, вокруг выбора программы экономических реформ, и вариант, продвигаемый Ельциным, — либеральный. Прежде неформальное движение самоопределялось скорее как «левое».

По завершении этого периода все то, что составляло оригинальность неформального движения, — его тип отношений с реформаторами из КПСС (сговор и двойная игра), его взаимодействия с академической средой, стратегия переворачивания смысла институций — попросту исчезает. Неформальное движение полностью растворяется в демократическом. Идентичность неформалов изначально конструировалась на основе определенной исторической конфигурации. Стоило этой конфигурации видоизмениться (в результате процесса, которому неформалы тоже способствовали), как кануло в лету и то специфическое коллективное множество, каким было неформальное движение.

1. Неформалы в предвыборной гонке

Выборы марта 1989 года на Съезде народных депутатов СССР — это первые выборы, прошедшие на состязательной основе. De jure они состязательны лишь отчасти, поскольку назначение части депутатов, пред-

ставяющих «общественные организации» (партию, комсомол и т.д.), производится вне всеобщего голосования. Тем не менее конкуренция имеет место даже там, где ее вроде бы не предвиделось, а именно внутри общественных организаций, в том числе и внутри партии.

У участников этих выборов две цели. Во-первых, нужно получить контроль над Верховным Советом, который вот-вот станет реальной инстанцией власти. После XIX партконференции лета 1988 года введен в действие юридический механизм передачи советам некоторых полномочий КПСС. Поэтому разные акторы понимают: чтобы иметь возможность влиять на выработку правил и принимать участие в перераспределении полномочий, деятельность следует развивать в рамках советов. Вторая цель имеет отношение к должностным лицам партаппарата: Горбачев угрожает секретарям парткомов отставкой в случае их неудачи на выборах 1989 года. Предчувствуя поражение консерваторов, он стремится использовать выборы для устранения своих противников в верхах.

Таким образом, партийным чиновникам приходится не только участвовать в выборах, но и блокировать кандидатуры соперников. Будучи аутсайдерами, неформалы-демократы сполна испытают на себе тяжесть такого давления. Они не обладают прямым доступом к участию в предвыборной гонке, но участвуют в ней благодаря поддержке «радикальных реформаторов» (выходцев из аппарата), конкурирующих с Горбачевым. Им ничего не остается, кроме как примкнуть к этим реальным кандидатам, чтобы хоть как-то присутствовать на избирательной арене, которая в 1989—1990 годах становится центральной.

В отличие от неформалов первого поколения неформалы-демократы 1989 года определяют себя как противников «аппарата КПСС» в целом. В пылу предвыборной борьбы большинство из них склоняются к тактике противостояния, к манихейскому видению ситуации («народ» против «власти»), которые так напоминают диссидентский дискурс, хотя реальная игра была более сложной. Неформалы-демократы тактически применяют это бинарное видение для изобретения новых форм мобилизации (массовых предвыборных митингов). Итак, логика столкновения — это одновременно и результат, и движущая сила предвыборной игры.

Первая кампания приводит к трем последствиям для неформального движения. Все они связаны с его способами действия, его стратегиями союзничества и внутренними взаимоотношениями: 1) логика прямого противостояния становится составной частью идентичности движения: доказав свою эффективность на избирательном поле, эта логика станет неустраимой для всех участников игры, включая членов первой когорты, которые уже не могут отмежеваться от существующего определения движения; 2) союз с «радикальным реформаторами» из аппарата также становится неустрашимым условием; 3) когда становится ясно, что неформалы-демократы могут, в свою очередь, выдвигать свои кандидатуры на выборах в марте 1990 года, участники обеих когорт вступают друг с другом в борьбу за лидерство в избирательном блоке.

Формирование советов в качестве властных инстанций

На XIX партконференции провозглашен принцип передачи власти от партии к государственным органам. Начинается период переговоров о переопределении роли и места различных институций. Советы, и в особенности Съезд народных депутатов СССР, играют двойственную роль: они одновременно и главные получатели выгоды от этой передачи — и в этом качестве их легитимность опирается на новые правила их функционирования и избрания делегатов, — и главное место, где обсуждаются условия этой передачи.

Возвращение полномочий институту советов

Конституционная реформа, принятая в декабре 1988 года, не изменяет сферу компетенций советов, которая и так уже распространяется на «все отрасли государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства» (Конституция СССР 1977 года). Она дает им больше свободы при отправлении этих полномочий благодаря увеличению длительности заседаний, введению состязательного принципа при избрании депутатов и расширению их контролирующих функций в отношении других политических институтов.

До 1989 года обе ежегодные сессии Верховного Совета (ВС) СССР длились всего два-три дня. В новой системе сессии длятся в целом от шести до восьми месяцев. ВС становится *постоянно дей-*

стевающим органом, и его члены, избираемые на Съезде народных депутатов СССР, могут быть освобождены от своих профессиональных обязанностей на весь срок своего мандата, что не было предусмотрено в предыдущей версии Конституции. Таким образом, пересмотр Конституции закладывает основы политической профессионализации вне органов КПСС. Считается, что Съезд народных депутатов СССР должен быть лишь большим ежегодным собранием, подобно Верховному Совету прежней модели, ибо Конституцией предусмотрена лишь одна сессия в год без уточнения ее продолжительности. Однако основной закон оставляет возможность сделать из Съезда более активный инструмент политической жизни, позволяя проводить внеочередные сессии. В реальности Съезд будет играть гораздо более заметную роль, чем Верховный Совет.

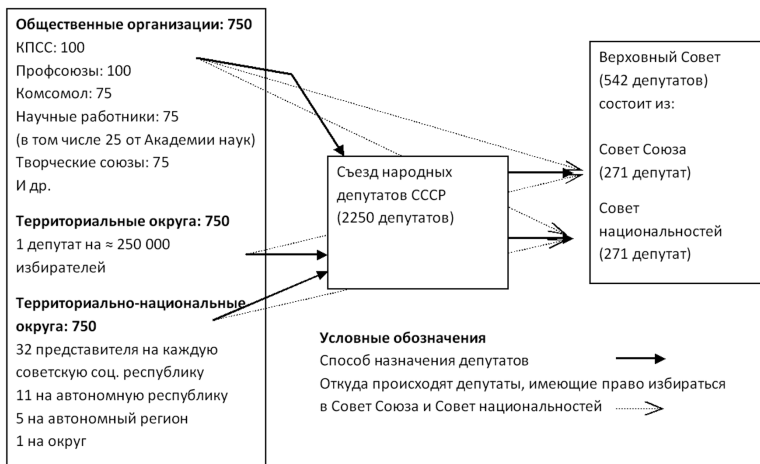
Легитимность новых депутатов растет благодаря введению состязательного назначения для двух третей мест. Новый закон о выборах позволяет районным собраниям избирателей выдвигать кандидатуры, тогда как раньше это было прерогативой лишь КПСС, комсомола, общественных организаций, «трудовых коллективов», а также собраний военнослужащих по воинским частям. К тому же новая версия Конституции открыто провозглашает принцип состязательности и альтернативности выборов. Избрание оставшейся трети депутатов отдано на откуп некоторым общественным организациям, располагающим квотами (см. график 2). Наличие этой защищенной зоны призвано успокоить консерваторов¹. КПСС отдает свои сто мест членам ЦК, которым, таким образом, не приходится выдвигаться на всеобщих выборах.

На практике лишь половина мест входит в зону открытой состязательности (см. таблицу 7): меньше, чем предусмотрено Конституцией (две трети мест), однако это все-таки значимая часть законодательного корпуса. В зоне предполагаемых альтернативных выборов нежелательные кандидатуры блокируются или снимаются на двух уровнях:

- в ходе районных собраний избирателей, при отсутствии кворума в 500 участников и если кандидат не получает абсолютного большинства голосов;

¹ Brown 1996b.

График 2 Процедура формирования Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР (1989)

Источник: Закон от 1 декабря 1988 года «О выборах народных депутатов СССР».

- в ходе окружных предвыборных собраний, формируемых делегатами от районных собраний избирателей, трудовых коллективов и собраний военнослужащих по воинским частям, которые проводят еще одно голосование на предмет приемлемости тех или иных кандидатов.

Если неформалы-демократы еще вполне способны мобилизовать достаточное количество людей на районных собраниях и представить своих кандидатов, то на окружные собрания им воздействовать гораздо сложнее, учитывая состав последних. Это отсеивание производит двойной эффект:

- базальтернативность выборов сохраняется более чем в четверти из 1500 округов, официально открытых принципу состязательности;
- 44% кандидатов отсеиваются еще на этапе предвыборного отбора.

В «несостязательном» сегменте назначение депутатов общественными организациями «предопределено» все-таки не полностью, поскольку КПСС и общественные организации сами стали конкурентными аренами, которые в отдельных случаях мобилизуют и внешние ресурсы. Позже мы покажем, как происходят выборы депутатов в Академии наук СССР, где «рядовые» ученые успешно противостоят изначальному списку, сформированному президиумом Академии. Кстати, все эти организации не обязательно назначают консерваторов, поскольку некоторые из них перешли в реформаторский лагерь.

Место советов переопределяется в связи с возросшей контролирующей функцией, предоставленной им в отношении других руководящих инстанций государства. Съезд может в любой момент отозвать председателя Верховного Совета, который является «высшим должностным лицом Советского государства»; в предыдущей версии Конституции не предусматривалось никакой процедуры отзыва. К тому же депутаты имеют право обратиться с запросом к «председателю Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР и руководителям других органов, учрежденных или избранных Съездом народных депутатов или Верховным Советом СССР»¹, которые должны дать им письменный или устный ответ. В декабре 1989 года новый пересмотр Конституции дает ВС возможность выносить вотум недоверия Совету министров двумя третями голосов.

Перераспределение ресурсов

Нормативные рамки, заданные Конституцией, весьма размыты и оставляют широкую возможность для переговоров и конфликтов вокруг основы и механизмов перераспределения власти между разными институтами. Этот фактор сильно повлияет на выборы, поскольку участники игры явно предчувствуют, что советы перестанут быть консультативным органом: частичная передача власти от КПСС советам, объявленная на XIX партконференции, воплощается в институциональном процессе. Однако в этот короткий период (1989—1990) происходит

¹ Речь идет о председателе Верховного Суда, о Генеральном прокуроре, о Главном государственном арбитра, о председателях Комитета конституционного надзора и Совета обороны.

Таблица 7

Места состязания за выдвижение в депутаты СССР

	Зона состязательности (по закону о выборах)	Несостязательная зона (по закону о выборах)	Итого мест
Итого мест на выборах	1500 территориальных и территориально-на- циональных округов	750 мест, закрепленных за общественными орга- низациями	2250
Реальная состязательность	1101 округ с более чем 2 кандидатами	25 мест Академии наук	1126
Отсутствие состязатель- ности после выдвижения кандидатов*	399 округов с одним кан- дидатом	725 мест других обще- ственных организаций	1124
Кандидаты на выдвижение	8282	923	9205
Отобранные кандидаты	4162	972 (<i>sic</i>)	5134

Источники: Gélard 1989: 42 (приведены данные, опубликованные в «Правде» 26.5.1989) и Gazier 2002.

* Вполне вероятно, что в некоторых случаях состязание имело место еще до фазы официального назначения кандидатов.

передача власти и двух других типов: от советов к их председателям и от центральной власти к республиканским советам. К выборам 1989 года эти процессы еще невозможно предвидеть: они становятся результатом тактических игр разных акторов. Тем не менее нам представляется необходимым уже сейчас рассказать обо всех трех типах передачи власти, чтобы понять процесс перестройки советов, непрерывного переопределения их роли и места в политической жизни и всю сложность борьбы, которая стоит за кажущимся единодушием акторов, требующих передать «всю власть советам».

Первая передача — от руководящих инстанций партии Съезду народных депутатов СССР — содержит в себе большой риск столкновения двух этих институций. Возможно, для того, чтобы сделать этот переход более плавным, Горбачев и навязал правило двойной принадлежности: только выиграв на выборах 1989 года, первые секретари парткомов смогут сохранить свое место. Речь идет об оборотной стороне правила совмещения, впервые введенного на XIX партконференции: если первый секретарь парткома выигрывает на выборах, то он автоматически

занимает и кресло председателя местного совета. Тогда неформалы были возмущены, усмотрев в этом правиле возможность для КПСС узаконить свою фактическую власть, монополизировав руководство советами¹. Однако в этом правиле заложено и ограничение: в случае поражения первые секретари обязаны оставить свои партийные должности. Возможно, во время XIX партконференции Горбачев и не настаивал на таком последствии, но накануне выборов его стремление устранить консерваторов демократическим путем проявляется сполна. И угроза отстранения от должности осуществляется сразу после этих выборов: на Пленуме ЦК 25 апреля 1989 года, который некоторые окрестили «пленумом длинных ножей», Горбачев вынуждает 110 членов ЦК, побежденных на выборах, подать в отставку или уйти на пенсию. Выборы 1989 года позволяют ему также избавиться от Л. Зайкова, первого секретаря Московского горкома, который, по мнению Дж. Хафа, был единственным его реальным соперником в Политбюро². Таким образом, обязанность победить на выборах, навязанная секретарям парткомов, послужила оправданием «чисток» внутри партийного аппарата³, которые Горбачев проводил с большой решительностью, поскольку считал это звено администраторов очагом сопротивления собственной политике.

Второй тип передачи — сосредоточение власти Съезда народных депутатов СССР в руках председателя ВС — происходит через повышение значимости должности председателя Совета во имя институционального укрепления советов. В соответствии с поправками к Конституции, принятыми в декабре 1988 года, каждый совет — и ВС, и все остальные — отныне сам назначает своего председателя, чья власть не зависит больше от совета вышестоящего уровня. По этому случаю создан пост

¹ Фадин 1988.

² Л. Зайков прошел на выборах, но, униженный полученными им низкими результатами, вскоре покинул свой пост в Московском горкоме (Hough 1997: 167). Его заменил Ю. Прокофьев, второй секретарь горкома, несмотря на то что он потерпел поражение на выборах. Иными словами, Горбачев не устранял всех побежденных без разбору (Шубин 2005).

³ По данным Дж. Хафа (Hough 1997: 274), с января 1989 по июль 1990 года были смещены 59% секретарей обкомов, причем большая часть из них — после выборов 1989 года.

председателя Верховного Совета СССР, и на первой же сессии Съезда (май—июнь 1989 года) на этот пост избран Горбачев. За считанные месяцы то, что должно было стать парламентским режимом, превращается в режим президентский: как Горбачев в СССР, так и впоследствии Ельцин в РСФСР расширяют свою власть в ущерб полномочиям законодательных собраний.

Учреждение должности президента СССР, не совпадающей с должностью председателя Верховного Совета, стало дополнительным этапом утверждения третьего источника власти (наряду с партией и съездом). Эта функция вводится как компенсация потери власти партией. 14 марта 1990 года Съезд народных депутатов СССР принимает два решения: о существенном изменении 6-й статьи Конституции и об учреждении института президентства в СССР. Однако нет никаких сомнений в том, что Горбачев, остающийся генсеком партии, первым же вступит и в должность президента. Президент СССР наделен существенными полномочиями по сравнению со съездом: он имеет право налагать вето на принятие законов СССР и назначает председателя Совета министров. Несмотря на это у Горбачева нет собственной прямой легитимности, и в этом смысле он остается зависимым от съезда: ведь именно этим собранием, а не всеобщим голосованием его избрали на пост главы государства в марте 1990 года.

Передача власти от съезда президенту продолжится в сентябре 1990 года в связи с голосованием за предоставление *чрезвычайных полномочий* Горбачеву — чтобы он мог осуществить переход к рыночной экономике¹. И наконец, в декабре 1990 года президент ставит себе в прямое подчинение Кабинет министров, который отныне отвечает перед ним и Верховным Советом, а не перед Съездом. На российской арене Ельцин идет по стопам Горбачева: в мае 1990 года он избран президентом Верховного Совета РСФСР, а затем, в июне 1991-го, учреждается должность Президента России, на которую он также избран всеобщим голосованием. Съезд народных депутатов республики предоставит ему чрезвычайные полномочия.

¹ Горбачеву предоставлены чрезвычайные полномочия до марта 1992 года. Но их отберут у него сразу после августовского путча 1991 года.

И наконец, третья передача — от союзного центра к республикам — происходит в 1990—1991 годах и легитимируется также усилением советов. Цель оппозиционеров состоит уже не в том, чтобы обеспечить свое присутствие в новом поле государственной власти, которое необходимо им для борьбы с партией, а в том, чтобы захватить всю власть в республике и потребовать у центра перераспределения полномочий. Акторы довольно поздно осознают, что республиканские советы стали набирать вес¹. Сразу после выборов 1990 года РСФСР, вслед за Прибалтийскими республиками (12 июня 1990), провозглашает суверенитет и вступает в конкурентную борьбу с федеральной властью, умело провоцируя «войну законов».

Выборы 1989 года

Учреждая принцип состязательности выборов и позволяя гражданам выдвигать своих кандидатов, реформаторы у власти хотят не только привлечь на свою сторону избирателей и оппозиционеров в борьбе против консерваторов, но и показать, что партия готова следовать правилам свободных выборов. Тем не менее, обязав чиновников КПСС избираться на Съезд народных депутатов СССР, они вызвали обратный эффект: руководители парткомов пытаются воздвигать барьеры при вступлении в предвыборную гонку.

Чтобы преодолеть эти барьеры, неформалы-демократы изобретают новые формы действия (массовые митинги) и организации (клубы избирателей), а также вступают в союз с «радикальными» реформаторами. Эти нововведения меняют их видение политической реальности. Структура предвыборной игры подталкивает их к оппозиционной логике. Она влияет также на соотношения сил внутри движения. Неформалам первой когорты теперь сложно себя репрезентировать: у них нет возможности баллотироваться на выборах, и они не готовы пойти в услужение к крупным фигурам «оппозиции», вышедшим из партаппарата. Зато новички, склонные рассматривать ситуацию как неизбежное

¹ В 1990 году даже в окружении Ельцина скептически относились к этому уровню власти: некоторые из его советников предлагают ему нацелиться скорее на пост председателя Моссовета (Hough 1997: 328).

противостояние между «демократами» и «аппаратчиками», охотно возьмут на себя эту роль.

Новые формы действия в неформальном движении

Неформалы-демократы целенаправленно включаются в предвыборную гонку, используя для этого обе предусмотренные законодательством возможности. В избирательных округах они организуют группы для созыва районных собраний избирателей. А также участвуют в некоторых акциях общественных организаций, у которых есть квоты на депутатские места. Таким образом, нормативные рамки напрямую влияют на формы их предвыборной мобилизации. Неформалы-демократы будут также использовать эти рамки как аргумент для атаки на «аппарат».

Появление клубов избирателей

Предвыборная кампания 1989 года отличается тем, что основное противостояние разворачивается еще до начала собственно борьбы между объявленными кандидатами — при выдвижении кандидатов собраниями избирателей и их регистрации избирательными комиссиями. На этом этапе местные парткомы и пытаются заблокировать альтернативных претендентов.

Как только началось выдвижение кандидатов, в январе 1989 года, возникают клубы нового типа: «инициативные группы» или «клубы избирателей». Их цель — организация собраний избирателей и выдвижение независимых от партии кандидатов; одна из сложностей состоит в том, чтобы набрать кворум (500 человек). Если «прогрессистскому» кандидату удастся зарегистрироваться на собственной территории, то группа превращается в предвыборный штаб. С самого начала кампании в Москве, где насчитывается 27 избирательных округов, формируется 15 клубов такого рода¹. В них, как правило, входят около 30 активистов, а в самые крупные — 100—200. Таким образом, в Москве в движение приходит около тысячи новобранцев, к которым добавляется около

¹ В Москве насчитывается 26 территориальных округов и один национально-территориальный (покрывающий всю территорию города). Об этих клубах избирателей см.: Выборы-1989. М.: М-БИО; Панорама, 1993.

трехсот наблюдателей на избирательных участках. Появляются группы поддержки некоторых кандидатов (Ельцина, Гдяляна, Афанасьева, Сахарова) и клуб избирателей Академии наук (КИАН).

Врезка 8

Календарь выборов на Съезда народных депутатов СССР (1989)

Этап выдвижения кандидатов начинается в январе 1989 года. Общественные организации выбирают 750 своих депутатов с 11 по 23 марта. Первый тур выборов путем всеобщего голосования проходит 26 марта, второй — 9 апреля. Но картина становится ясной уже в первом туре, когда избраны 1225 из 1500 депутатов.

Среди неформальных клубов первой когорты только «Московский народный фронт» (МНФ) и «Мемориал» проявляют реальную активность в ходе кампании. МНФ выдвигает кандидатов в нескольких округах и координирует деятельность нескольких районных инициативных групп. Его лидеры находят в этой кампании возможность перейти к «массовому движению». В МНФ вступает множество новых членов для поддержки кандидатуры единственного неформала, члена «Московского народного фронта», которому удастся получить официальный мандат, — С. Станкевича. Численность «Фронта» возрастает со 150 до 1200 членов¹, и этот скачок коренным образом меняет характер группы, которая отныне посвящает себя исключительно предвыборной деятельности.

«Мемориал» также проявляет себя на этапе выдвижения кандидатов и организации предвыборных митингов (вместе с МНФ). В этой ассоциации, правда, нет единого мнения относительно участия/неучастия в выборах и собственной трансформации в политическую организацию. И вообще, активное участие «Мемориала» в кампании — это результат не столько хорошо продуманной стратегии, сколько его политики сближения с интеллектуальным истеблишментом. Как мы помним, эта

¹ Березовский, Кротов, Червяков 1991: 28.

организация опиралась на официальные институции и видные фигуры из интеллектуальной среды. Поэтому когда последние баллотируются на выборах, то «Мемориал», вероятно, считает своим долгом их поддерживать. Он служит своего рода запасным вариантом: если чья-то кандидатура будет отклонена избирательной комиссией, они могут рассчитывать на организацию, способную запустить еще одну процедуру выдвижения в другом округе. Когда президиум Академии наук отказывается выдвигать А. Сахарова, «Мемориал» представляет его кандидатуру в национально-территориальном округе Москвы. Это делает более убедительной ту угрозу, к которой прибегает Сахаров: «Я пришел к выводу, что на новых выборах должен быть кандидатом именно Академии или не быть им вовсе»¹. В конце концов Академия избирает Сахарова.

Остальные неформальные клубы первой когорты участвуют в кампании лишь эпизодически. «Демократическая Перестройка» не выдвигает кандидатов, однако принимает участие в мобилизации ученых против президиума Академии наук и поддерживает кандидатуру О. Богомолова, директора ИЭМСС (где клуб располагает помещением), в Севастопольском районе.

Ограничения избирательной игры заставляют большую часть центральных клубов первого поколения самодисквалифицироваться: они считают себя слишком «значимыми», чтобы довольствоваться второстепенной ролью организаторов кампании, и слишком «мелкими», чтобы соревноваться с более известными, чем они, кандидатами. Большинство кандидатов, поддерживаемых неформалами, не состоят в их движении. Пионерам движения не удастся баллотироваться на выборах по трем причинам. Во-первых, многие сами снимают свои кандидатуры, считая, что у них нет шансов на успех при столь небольшом количестве предлагаемых мест (27 в Москве) и при гораздо более мощных ресурсах конкурентов, будь то «консерваторы», «умеренные реформаторы» или «радикалы» (ресурсы партаппарата, высокая позиция во властной

¹ «В Академии или нигде...» // Московские новости. 19.2.1989. № 8. Вполне возможно, что Сахаров отказался выдвигаться от национально-территориального округа Москвы для того, чтобы избежать прямой конкуренции с Ельциным, который тоже баллотировался в этом округе. Ельцину удастся быстро укрепить свои позиции в ходе кампании 1989 года, оставив позади всех своих потенциальных соперников (см. также врезку 9 на с. 275).

иерархии, обеспечивающая авторитет на всесоюзном уровне, и т.д.). Во-вторых, некоторые кандидатуры снимаются через отбор внутри движения. Кандидаты от неформалов, поддерживаемые МНФ, выбираются из числа лиц, «приемлемых» для власти, то есть из тех, кто наиболее близок к официальным политическим организациям: М. Малютин — преподаватель Московской высшей партийной школы, С. Станкевич сотрудничает с Черемушкинским райкомом КПСС, В. Уражцев — бывший офицер Политуправления армии. Наконец, отсеб происходит и официальным путем, когда претендентов из неформальных клубов отклоняют избирательные комиссии. Запросы на разрешение созыва собраний избирателей отклоняются без объяснения причин; местные парткомы оказывают давление на трудовые коллективы, чтобы те выдвинули или, наоборот, отказались выдвинуть того или иного кандидата; клубы избирателей заявляют о фальсификациях при подсчете голосов в ходе собраний избирателей; обжалования решений избирательных комиссий не регистрируются комиссией вышестоящего уровня. И все подобные нарушения процедуры не фиксируют инстанции, обязанные обеспечивать правильное проведение выборов (окружные избирательные комиссии и Центризбирком)¹.

Лишь один неформал, С. Станкевич, успешно преодолевает все этапы предвыборной борьбы. В его округе (Черемушкинском районе) избирательный закон никоим образом не нарушен. И хотя там выдвигаются 14 кандидатов, Станкевичу приходится бороться лишь с одним серьезным соперником, которого поддерживает партия. Создается впечатление, что «реформаторы из аппарата» негласно договорились, чтобы один неформал все-таки стал депутатом.

Таким образом, клубам приходится поддерживать «радикальных реформаторов» из партии или интеллектуальных сред, которые в силу своих функций или недавних публичных выступлений завоевали некоторую популярность: Б. Ельцина, Т. Гдьяна («антикоррупционного» сотрудника прокуратуры), О. Богомолова (директора ИЭМСС), В. Коротича (главного редактора «Огонька»), Ю. Афанасьева (ректора Московского историко-архивного института), А. Нуйкина (писателя)...

¹ Шнейдер 1993: 5—9.

Большинству из них удастся удержаться в гонке, не зарегистрированы предвыборными собраниями только двое.

Умелое использование скандалов

В силу занимаемой позиции в предвыборной игре и недостаточности ресурсов неформалам-демократам сложно созывать собрания избирателей и выдвигать кандидатуры, не нарушая необходимых формальностей. Они понимают, что их главная ставка сейчас — заставить соблюдать новые правила проведения выборов. Так что их кампания фокусируется на разоблачении «аппаратчиков», стремящихся обойти закон о выборах и устранить других претендентов. Два политических скандала дают им возможность проработать эту тему и обеспечивают им всесоюзную аудиторию, поскольку в обоих событиях задействованы крайне медиатизированные фигуры (Сахаров и Ельцин) и властные инстанции высшего уровня (ЦК КПСС и президиум Академии наук). Речь идет о выборе депутатов от Академии наук и о прямом нападении ЦК на Ельцина (второй «ельцинский кризис»). Своим участием в этих мобилизациях неформалы еще глубже и уже бесповоротно вовлекаются в логику лобового столкновения с властью.

Неформалы-демократы ежедневно сталкиваются с маневрами местных парткомов, рассчитанными на то, чтобы препятствовать состоятельности выборов даже в зоне предполагаемой состоятельности (см. таблицу 7 на с 257). Но как ни странно, выборы именно в несостоятельной зоне, в Академии наук, позволяют им начать кампанию всесоюзного масштаба по разоблачению «номенклатуры», идущей в обход правил¹. У Академии наук есть 25 мест на всесоюзном Съезде, и в январе 1989 года ее президиум учреждает список кандидатов, не приняв во внимание предложения, которые исследовательские институты направили несколькими днями раньше (в частности кандидатуры физиков Сахарова и Сагдеева, экономистов Попова и Шмелева и филолога Лихачева). Это накаляет обстановку до предела. Один из первых очагов

¹ См.: Выборы от Академии наук // Выборы-1989. (Шнейдер 1993: 24—32). Мы также опираемся на интервью от 6.7.1994 года с Л. Вахниной, членом «Клуба избирателей Академии наук» (КИАН).

мобилизации находится в самой престижной фракции академического сектора — в Физическом институте Академии наук (ФИАН). Создана инициативная группа из пятнадцати институтов с целью организации «объединения научных работников» (из нее потом образуется «Клуб избирателей Академии наук», КИАН). В знак протеста более 3000 исследователей примерно из пятидесяти институтов 2 февраля собираются перед зданием президиума. В собрании участвуют члены «Демократической Перестройки», «Гражданского достоинства», МНФ, применяя свой опыт по организации митингов для помощи ядру будущего КИАН¹. В президиуме не ожидали, что конфликт разрастется до такого масштаба. Событие широко освещается ведущими перестроечными СМИ, такими как «Московские новости». В конце концов президиум соглашается пересмотреть процедуру назначения кандидатов и включить в избирательную коллегию треть представителей институтов. Окончательный список представляет собой компромисс с явным перевесом в пользу протестующих (кандидаты от президиума занимают всего 8 из 25 мест, причитающихся Академии наук²).

За десять дней до первого тура неформалы-демократы находят другую возможность для жесткой критики уловок «аппаратчиков». В бюллетене МНФ сообщается:

В газетах одна за другой стали появляться статьи с нападками на [Ельцина], который лишь изредка получал возможность ответить. [Его] стали атаковать в своих речах высокопоставленные партийные функционеры. Со времен расправы с левой оппозицией в ВКП(б) в середине 20-х годов не было в нашей стране прецедента, чтобы подобная яростная кампания велась против действующего члена ЦК партии³.

ЦК осуществляет прямое давление на прессу, и Ельцин подвергается процедуре проверки со стороны ЦК (по завершении пленума 16 марта ad hoc создана «следственная комиссия») на предмет «несоответствия»

¹ Отметим: хотя КИАН образуется в совершенно ином пространстве, чем районные клубы избирателей, и состоит совсем из иных участников, он все-таки берет название «клуб избирателей», которое в этот период становится наиболее популярным.

² Президиум Академии наук уступил 5 мест Союзу научных обществ.

³ За что ненавидят Ельцина? // Новости Народного фронта. 1989. Март. № 2. С. 2—4.

его публичных высказываний «политическим установкам ЦК, партийной этике и уставным нормам КПСС».

Воспользовавшись двумя этими скандалами, неформалы-демократы осуществляют двойной разрыв с неформальным движением предшествующего периода. Различие между «реформаторами» и «консерваторами» внутри номенклатуры играло важнейшую роль при определении движения¹. И вариант прямого противостояния с властными структурами всерьез не рассматривался. Но в ходе кампании 1989 года активно включившиеся в предвыборную гонку неформалы-демократы открыто ставят себя в положение прямой оппозиции, пытаются стать неотъемлемым элементом «ельцинского кризиса». С. Станкевич, единственный кандидат от неформалов, быстро понимает, что нужно следовать этой тактике, и отправляет телеграмму с протестом в ЦК КПСС².

Накануне первого тура выборов Ельцин, в свою очередь, отправляет телеграмму с благодарностью и пожеланиями успеха пятнадцати кандидатам, подписавшим телеграмму Станкевича; часть из них — уже известные фигуры (Гдлян, Попов, Афанасьев, Богомолов, Черниченко, Полторанин), другие известны гораздо меньше (Мурашев и Заславский). Телеграмма С. Станкевича становится результатом коллективной работы. Идея принадлежит члену группы поддержки Ельцина; текст написан Станкевичем; А. Мурашев, тоже кандидат в депутаты, занимается сбором подписей других кандидатов; массовым распространением телеграммы при помощи листовок руководит М. Шнейдер, член координационного совета МНФ и доверенное лицо Станкевича³.

Эту телеграмму мы размножили и по всем станциям метро, по всем магазинам расклеили. Спрашивали — «а кто такой Станкевич?» — «Станкевич за Ельцина». Все, это было достаточно, это был пароль: «Он за Ельцина»⁴.

¹ Как мы увидим позднее, другие неформалы, менее вовлеченные в предвыборную гонку, продолжают рассматривать номенклатуру как неоднородное множество, где еще возможно выделить союзников.

² Телеграмма // Новости Народного фронта. 1989. Март. № 2. С. 10.

³ Интервью с А. Мурашевым (20.5.1993 г.) и М. Шнейдером (24.2.1994 г.).

⁴ М. Шнейдер, интервью 24.2.1994 г.

Вероятно, Станкевич победил во втором туре благодаря своему союзу с Ельциным. Двенадцать из пятнадцати подписантов также прошли на выборах. В этом обмене услугами неформальное движение напрямую используется для поддержки Ельцина, возможно даже в большей мере, чем это можно сказать о МНФ и других клубах избирателей. А это, как мы увидим, неизбежно создает проблемы определения идентичности и контроля над этой идентичностью у неформалов первой когорты.

Предвыборные митинги и процесс радикализации

В течение избирательного цикла 1989—1990 годов изменяется статус улицы как пространства политического соревнования; она становится квазиинституциональным местом борьбы, поскольку ее активно используют аппаратчики, баллотирующиеся в депутаты СССР.

Неформалам отведена роль технического персонала. Большие митинги этого периода приводят к изменению не только общественного имиджа движения, которое предстает отныне как союзник «радикального» крыла реформаторов, но и внутреннего соотношения сил в движении.

Предвыборные митинги становятся одной из самых впечатляющих форм мобилизации: в некоторые моменты улица занята практически непрерывно, на нее стекается все больше народу. Своим успехом такие митинги обязаны статусности основных ораторов и умело проработанной драматургии конфликтов. Неформалы-демократы используют улицу как трибуну для осуждения маневров «аппарата»: они конструируют ее как сцену, где политика разыгрывается на глазах у «народа», в пике политике «аппаратчиков» с их закулисными махинациями. Эта форма мобилизации быстро обретает собственную динамику, поскольку в нее активно включаются разные сектора движения, по-разному ее использующие, а также потому, что организация митингов становится ставкой во властной игре внутри самого движения.

Неформалы набирают силу на улице

В течение лета 1988 года неформалы организовывали мелкие регулярные митинги на Пушкинской площади. В ходе длинного избирательного цикла 1989—1990 годов их акции приобретают иные масштаб, ритм и драматургию. Вдохновители «Гайд-парка» принимают

участие в подготовке предвыборных митингов, но у них уже совсем другая роль. Митинги собираются все чаще и становятся ежедневными накануне первого тура выборов 1989 года (26 марта) и в ходе первой сессии Съезда народных депутатов СССР (25 мая — 9 июня 1989 года). Впоследствии этот ритм замедляется в среднем до одного митинга в месяц, а в феврале—марте 1990 года снова ускоряется в связи с новой предвыборной кампанией.

В «Гайд-парке» неформалы были главными ораторами. С 1989 года большие предвыборные собрания организуют тоже они, однако приходят новые «герои», уже извне движения. Митинги накануне первого тура выборов призваны поддержать Ельцина против ЦК, а те, что проходят во время первой сессии Съезда народных депутатов СССР, — новоизбранных депутатов-демократов. Так что у неформалов нет собственной роли ни на избирательной, ни на уличной сцене, и им приходится примыкать к кандидатам, участвующим в выборах.

Уличная активность 1989—1990 годов беспрецедентна. Всего за пару месяцев, с марта по май 1989 года, произошло зарождение феномена «массовый митинг», когда порог участия подскакивает невероятно¹. Прежде на митинги в «Гайд-парке» собиралось максимум несколько сотен человек. В марте 1989-го митингующие исчисляются уже *десятками тысяч*. Демократические организации понимают, что отныне они способны мобилизовать население, намного превосходящее по численности узкий круг их активистов. Второе преодоление порога участия пришлось на 21 мая 1989 года, накануне открытия первого Съезда народных депутатов СССР, к великому удивлению организаторов. Они рассчитывали собрать 50 000 человек, а в итоге пришло несколько *сотен тысяч* (100 000 — 300 000). Этот рекорд был потом несколько раз повторен, в том числе во время предвыборной кампании 1990 года.

Это превышение изначальных порогов приводит к двум важным последствиям. С одной стороны, отныне и вплоть до марта 1990 года на уличной арене господствует форма «массовых митингов», оттесняя на задний план все остальные типы акций (например, те, что устраивает «Демократический союз» на Пушкинской площади), которые, впрочем,

¹ По вопросу порога участия в демонстрациях см.: Dobry 1990.

довольно редки. С другой стороны, под впечатлением от неожиданного успеха митингов участники движения идут на вызывающие жесты, чтобы проверить волю и способность властей к репрессиям. Так, некоторые активисты предлагают выйти за рамки закона. После первого митинга, считающегося «массовым» (25 марта 1989), неформалы-демократы подумывают двумя неделями позже организовать новый митинг — *не подав* официальной заявки¹. В ходе кампании 1990 года, когда прямое сопротивление власти становится гораздо более яростным, самые «радикальные» ораторы позволяют себе весьма провокационные речи, проводя параллель с 1917 годом и призывая к гражданскому неповиновению — как это сделал бы Ленин. В таких призывах можно усмотреть не только риторическую уловку, но и свидетельство того, что некоторые участники переживали эти митинги как действительно революционные. Именно эту неясность стремятся развеять некоторые другие неформалы-демократы (в данном случае анархо-синдикалисты), поскольку она искажает, на их взгляд, тот смысл, которым следует называть предвыборный митинг:

И. Чубайс («Демплатформа в КПСС») высказался настолько прямо, что его слова стали поводом для обвинения всего митинга в «провокационных высказываниях», последовавшего на следующий день в «тассовке»: «Нас здесь столько, что мы можем взять и Зимний, и Лубянку»².

Вполне возможно, что превышения ожидаемого порога, сопровождающиеся резкими выступлениями, заставили московские власти пойти на компромисс: предоставить в распоряжение митингующих стадион «Лужники» во время первого Съезда народных депутатов СССР, не потребовав никаких заявок на проведение этого мероприятия. Таким образом, Моссовет отказывается применять правила регуляции митингов и соглашается легализовать происходящую явочным порядком уличную мобилизацию, которую поначалу он стремился заблокировать.

¹ И. Чубайс 1991. Автор не уточняет, действительно ли демократы созывали людей на несанкционированный митинг.

² Малов 1990.

*Биполярное представление
о политическом противостоянии*

Одна из целей организаторов предвыборных и последующих митингов состоит в драматизации конфликтных отношений с «аппаратом». Устраивая на трибуне парад разного рода оппозиционеров (диссидентов, партаппаратчиков, неформалов), они пытаются установить преемственность между разными формами протеста, которые оставили след в советской истории начиная с 1960-х годов, а теперь воссоединяются под сенью общего демократического движения.

К тому же эти митинги используются как способ давления на другие точки политического пространства и на разворачивающиеся там противостояния — текущие (использование «кризиса Ельцина» в предвыборной кампании) или будущие (ораторы объявляют о предстоящих политических битвах). Через эту театрализацию политики демонстрируется стремление предоставить митингам ведущее место в *институциональном* процессе. Этим и объясняется повышенное внимание к кандидатам в депутаты, а затем и к депутатам СССР, которые становятся главными ораторами на митингах. Участие этих политических «звезд» во многом обуславливает успех массовых митингов. Особенно заметные кандидаты (которые и будут избраны в депутаты) — в большинстве своем политики высокого уровня, имевшие конфликты с «аппаратом». Самый популярный из них, Б. Ельцин, как мы помним, вступил в противостояние с «консерваторами» и «реформаторами-центристами» в октябре 1987 года. «Дело Ельцина» стало важнейшим поворотом в его политической карьере, из которого в 1989 году он извлек максимальную выгоду. Сотруднику Генеральной прокуратуры Т. Гдляну в 1983 году было поручено расследование коррупции в Узбекской ССР (так называемое «хлопковое дело»). По результатам расследования были обвинены несколько высокопоставленных партийных руководителей (в том числе Юрий Чурбанов, зять Брежнева). Но в 1988 году Гдляна отстранили от расследования по подозрению в использовании «незаконных методов». В 1989-м комиссия Верховного Совета СССР установила обоснованность предъявленных ему обвинений. И наконец, символической фигурой диссидентства стал А. Сахаров. Но прежде чем стать диссидентом, он долгое время принадлежал к научной номенклатуре: в 1953 году,

в период работы над водородной бомбой, он стал членом Академии наук. Выразив первые сомнения в этических результатах своих исследований, он сразу вступил в противостояние с верхушкой политической власти (Хрущевым и одним из министров, ответственных за ВПК). Возможно, демократическое движение избрало его своей эмблемой в силу той ценности, которую он представлял для горбачевской власти. Его возвращение из ссылки в Москву в декабре 1986 года стало одним из сигналов, ознаменовавших начало Перестройки. Фигура Сахарова становится для демократического движения не просто символом диссидентства, но символом диссидентства, используемым Горбачевым.

Благодаря сопresутствию на публичной сцене представителей различных традиций «сопротивления», «оппозиция» может показаться однородной, однако в ней складываются внутренние различия и иерархии. «Звезды» демократического движения обладают приоритетным правом голоса на митингах. За ними следуют лидеры неформальных клубов первой когорты. Новички же из второй когорты слова на митингах не берут, а занимаются их организационной поддержкой.

Сразу после своего избрания депутаты-демократы используют митинги для публичного представления своей программы действий и определения будущей повестки мобилизации. Предстоящие битвы определяются ими в одностороннем порядке: обращаясь к широкой публике («народу», прессе), демократы избегают любых переговоров со своими противниками. Все это разворачивается на сцене, с которой горбачевская власть не может выступать напрямую или, во всяком случае, предпочитает этого не делать (ни контрмитингов, ни вмешательства сил правопорядка не наблюдается). Вероятно, впечатляющее количество митингующих, привлеченных демократами, разубеждает власть в самой возможности состязания.

А главное, демократы, стремясь переопределить место и роль существующих институтов, постоянно вовлекают улицу в институциональную игру. Дополнительная демократическая легитимность, которой они заручаются благодаря митингам, в отличие от депутатов из лагеря противника, дает им символическое преимущество в реализации своих стратегий на институциональной сцене. Дистанция между парламентом и улицей сокращается еще больше из-за того, что I Съезд напрямую

транслируется по всесоюзному телевидению¹ и тысячи людей каждый день собираются около стадиона «Лужники» эти трансляции обсуждать.

Депутаты-демократы стремятся перевернуть отношения иерархии между Съездом и Верховным Советом в процессе принятия решений. Предчувствуя, насколько сложно им будет избраться в ВС, они всеми средствами пытаются превратить первую сессию Съезда в ключевой момент политической жизни. В ходе митинга 21 мая Сахаров настаивает на том, что ВС должен быть лишь рабочим органом и что роль принятия законов должна принадлежать исключительно Съезду². Противостояние между избранниками от «демократов» и теми, кто властвует на Съезде, то есть Горбачевым и его окружением, выливается в борьбу за определение сценария, по которому будет проходить первый Съезд, то есть за его повестку дня и продолжительность. В резолюции митинга 21 мая сказано:

Съезд народных депутатов должен выполнить наказ народа и, взяв в свои руки всю полноту власти, осуществить подлинные перемены [...].
Съезд не должен расходиться, пока он не заложит законодательную основу для решения этих проблем, рассмотрев затем вопрос об избрании Верховного Совета СССР³.

В результате Верховный Совет будет избран все-таки в начале сессии, и демократам действительно будет сложно туда пройти (Ельцину это удастся благодаря самоотводу другого кандидата). В итоге все разыгрывается не по сценарию демократов. Но все-таки Съезду отводится не та формальная роль, которая предполагалась по Конституции: вместо одной сессии в год он будет созываться три раза за десять месяцев (с мая 1989 по март 1990 года) — для принятия решений по ключевым вопросам.

Затем депутаты-демократы направляют свою критику на партию. На митинге 12 июня 1989 года, после I Съезда, Ельцин, недовольный полу-

¹ Лужники, эхо Съезда // Московские новости. 11.6.1989. № 24. С. 14.

² Многотысячный митинг // Московские новости. 28.5.1989. № 22. С. 2.

³ Прибыловский 1989а.

ченными результатами, требует досрочного созыва XXVIII партийного съезда и принятия закона, который подчинил бы КПСС решениям Съезда народных депутатов. И наконец, на волне митингов, поднявшейся 25 февраля 1990 года более чем в 300 городах, неформалы-демократы пытаются навязать власти проведение «круглого стола» по модели восточноевропейских стран.

На первый план выдвигается образ демократического движения как движения активного и бескомпромиссного, пребывающего в состоянии перманентного конфликта с аппаратом в силу самого характера его лидеров. Депутатам предлагается определить место ряда институций, поскольку пересмотр Конституции оставил открытыми некоторые вопросы, в частности о функционировании двухуровневого парламента. В этой ситуации массовые митинги используются для зарабатывания очков на институциональной арене.

Эффекты иерархизации

Массовые митинги эксплуатируются не только депутатами; в них участвуют все виды клубов, включая те, которые слабо вовлечены в предвыборную гонку. Даже организация митингов как таковая становится ставкой в состязании: идет борьба за роль инициатора того или иного митинга, за определение его содержания, за роль официального заявителя, за то, кто будет определять сценарий игры, контролировать доступ к микрофону и обеспечивать поддержание порядка. Эта борьба свидетельствует о метаморфозах в мире неформалов и о новых иерархиях, которые в нем возникают.

Внутри движения устанавливается новый принцип разделения труда, который мало кем ставится под вопрос. Превосходство верхушки «звезд» становится неоспоримым. Уровнем ниже «интеллектуальные» клубы (клубы первого поколения и «Московская трибуна», куда входят исключительно представители интеллектуального истеблишмента) занимаются разработкой стратегий и оспаривают друг у друга роль ведущих на митингах. На уровне организации идет соперничество между «Московским народным фронтом» и «Мемориалом»: не придя к согласию, они по очереди выполняют функцию организаторов ежедневных митингов, проводимых в мае—июне 1989 года на стадионе «Лужники».

Разделение наблюдается и среди недавно созданных клубов избирателей, также ответственных за организацию митингов, — между теми, кто называют себя «либералами», то есть близкими к академическому истеблишменту («Клуб избирателей Академии наук», КИАН), и группами, которых «либералы» опасаются и называют «популистскими» (группы поддержки Т. Гдяна и Б. Ельцина)¹.

Врезка 9

Митинг 21 мая 1989 года на стадионе «Лужники» (Москва)

Оргкомитет, уполномоченный составить повестку дня для митинга, состоит из пяти неформалов первой когорты, двух — второй когорты и трех представителей интеллектуального истеблишмента. Московские депутаты, создавшие «Межрегиональную депутатскую группу» (МДГ), контактируют с другими депутатами — потенциальными участниками митинга, в то время как МНФ берет на себя распространение листовок. Цель — пригласить 50 депутатов и собрать 50 000 человек, хотя организаторы опасаются, что народное участие окажется недостаточным². Переговоры по поводу места митинга ведут депутаты СССР. Им предложен стадион «Лужники», расположенный довольно далеко от центра города и труднодоступный.

В момент X избранный сценарий митинга закрепляет новое распределение ролей и новую иерархию. Интеллектуальный истеблишмент выступает хозяином церемонии: председатель «Московской трибуны» Л. Баткин официально открывает митинг от имени оргкомитета. Затем слово берут новоизбранные депутаты СССР: сначала Б. Ельцин, затем семнадцать других депутатов (в том числе Т. Гдян, А. Сахаров и С. Станкевич). За ними следуют члены оргкомитета и неформальные лидеры первой когорты. Что касается руководителей клубов избирателей, то они играют лишь роль охраны, передают микрофон, а также занимаются «разогревом» публики, зачитывая лозунги, написанные на транспарантах митингующих³.

¹ Е. Севастьянов (2002), сопредседатель КИАН, объясняет: «Мы [...] считали Ельцина вражиной, перебежчиком и всегда относились к нему с большой настороженностью».

² Прибыловский 2004.

³ Шабд 2004.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

Разные группы акторов, задействованные в подготовке митинга, по всей видимости, приняли новый тип иерархизации движения и возвели депутатов на недостижимый пьедестал. Однако едва ли они вполне осознавали, что в тот же самый момент происходила иерархизация и внутри группы депутатов: последние либо пренебрегли установленным порядком их выступлений, либо не смогли его контролировать. Ельцин, воспользовавшись организационной неразберихой, совершил успешный маневр и выступил раньше своих главных конкурентов по уровню популярности: Гдяном и Сахаровым. А. Сахаров объяснил это так:

У Баткина был заготовлен список ораторов. По моей просьбе я был записан третьим. Первым должен был выступать рабочий одного из московских заводов, затем кто-то из Инициативной группы [митинга]. Но рабочий не пришел. В это время на трибуну поднялся Ельцин. Баткин и другие организаторы митинга, посоветовавшись тут же у микрофона, предоставили ему первое слово. Ельцин говорил о повестке дня Съезда [народных депутатов СССР], разработанной Московской группой, — при этом получалось, что он как бы представляет Московскую группу. (Потом многие говорили, что это был митинг в поддержку Ельцина.) Я тоже хотел говорить о повестке, но многие тезисы моего выступления уже были высказаны Ельциным. Я не сумел перестроиться, и мое выступление оказалось «смазанным»¹.

Важно отметить, что по сценарию, предусмотренному инициаторами митинга, Ельцин должен был выступать после Сахарова; в конечном итоге ни они, ни сам Сахаров не собрались с духом, чтобы восстановить изначальный порядок.

Все свидетельства участников массовых митингов 1989—1990 годов, и особенно митинга 21 мая 1989-го, сходятся в том, что эти моменты переживались как нечто беспрецедентное, как некое дыхание революции. Сама постановка также была связана с революционной образностью: шла речь о сборе «наказов» избирателей. Второй оратор и один из неформальных лидеров (В. Золотарев) предложил превратить I Съезд

¹ Сахаров 1990.

в Учредительное собрание, по образу Генеральных штатов во Франции¹. Происходит своеобразный передел политического мира, согласно которому присутствующих депутатов прочат на высокие государственные должности:

Наиболее энтузиастские аплодисменты достались на долю следователя Гдяна, которого некий рабочий Корабельников предложил на должность Генерального прокурора СССР [...]. Следующим по популярности, видимо, шел Б.Н. Ельцин, которому толпа почти единодушно предлагала венiec председателя Верховного Совета. Однако и академик Сахаров, и Юрий Карякин были отмечены явным благоволением народа: первого представителем Татарского народного фронта Р. Ахметов предложил назначить председателем Комитета по конституционному надзору, а второго — председателем Комитета по контролю за КГБ, — и оба эти предложения встретили полную поддержку митинга².

Стоит отметить, что Ельцин в этом символическом распределении ролей занял самую высокую позицию, хотя он и не описывался как самый «популярный».

Массовые митинги — это места переопределения идентичностей, характерные для этого периода трансформаций неформального движения. Они театрализуют политическую жизнь в форме противостояния между демократами и КПСС, превращенной для удобства ее оппонентов в монолит. Такое видение ситуации свойственно всему движению, захватывает оно и другие арены соревнования, на которых присутствует: прессу, партию, выборы. Выборы переопределяют не только иерархии внутри движения, но и саму структуру игры, в которую оно оказалось вовлечено: в ходе предвыборных кампаний, благодаря своим навыкам, выдвигаются новые организации; некоторые близкие движению персоны приобретают сильные институциональные позиции, становясь

¹ Прибыловский 1989а.

² Там же.

депутатами СССР. Иными словами, в результате выборов структура игры полностью меняется.

На пути к реконфигурации движения

Процессы, протекающие на избирательной арене, переворачивают прежние идентичности и позиции акторов внутри движения в силу двух факторов. С одной стороны, выборы открывают новые возможности. У неформалов-демократов отныне есть союзники в парламенте, через которых они надеются эффективнее влиять на политические решения. После выборов 1989 года движение концентрируется вокруг вновь избранных депутатов, и клубы пытаются переопределить свои позиции по отношению к ним. Однако они довольно быстро переключаются на подготовку новой кампании республиканских выборов, почти полностью уйдя с союзной арены. Это перемещение прекрасно выявляет подвижность ставок в политическом пространстве в период между двумя выборами. Союзный уровень (Съезд народных депутатов и КПСС) пока еще удерживает главные сферы полномочий, однако видные акторы уже предчувствуют, что скоро наберет силу республиканский уровень. Некоторые «радикальные реформаторы» из аппарата идут на риск и инвестируются в этот пока еще иерархически невысокий уровень власти. Неформалы-демократы же видят в нем самый высокий из доступных им уровней: на нем их собственные шансы на избрание уже не кажутся иллюзорными.

С другой стороны, в силу логики лобового противостояния, которая постепенно охватывает все движение, отношения сговора с партийными реформаторами понемногу теряют легитимность. Эта логика устанавливается через ряд механизмов. Уже сами результаты 1989 года вроде бы демонстрируют выигрышность позиции оппозиционера-антиаппаратчика. Растягивание во времени электорального календаря (что было решено на выборах 1989 года) не послужило примирению, а, наоборот, способствовало поддержанию прямого противостояния, ставшего нервным узлом движения. Эта логика становится все жестче, по мере того как лидеры и клубы первой когорты теряют позиции в своем собственном движении. На самом деле их позиция, вследствие трансформации самой структуры игры, радикальным образом изменилась, поскольку в ходе кампании 1989 года им достаются лишь роли второго плана.

В конкуренции между членами двух когорт преимущество переходит к новобранцам (организаторам предвыборной кампании).

Тем не менее неформальное движение не одним махом превращается в оппозиционное. Схема действия, основанная на столкновении, принимается неформалами первой когорты лишь в 1990 году, в основном теми из них, кто решит вступить в предвыборную борьбу. Поэтому переходный период — довольно странная фаза, когда у акторов меняется идентичность, но они еще не ощущают все последствия этого и иногда сохраняют прежние способы восприятия, сформированные политикой взаимодействий с партийными реформаторами. Неодолимая инертность реакций (гистерезис) становится источником трений между неформалами первого поколения и партийными организациями разного уровня.

Переопределение предвыборной игры

Результаты выборов 1989 года единодушно трактуются как поражение КПСС. Однако помимо этого они еще и вызывают неоднозначные интерпретации и изменения правил игры, открывающие неформалам демократам беспрепятственный доступ к предвыборному состязанию.

Символические поражения и «позорные» победы партии

Хотя члены партии и удерживают большинство на съезде, лагерь демократов и западная пресса в один голос трактуют эти результаты как поражение «аппарата». Горбачев же усматривает в этом прежде всего поражение консерваторов (отсюда и его решение об увольнении ста десяти членов ЦК в апреле 1989 года). Вокруг интерпретации результатов разворачивается борьба, и Горбачев не в силах этот процесс контролировать.

Неформалы-демократы настаивают на описании произошедшего как символического поражения или «позорной победы» партии, не особо останавливаясь на своих собственных достижениях. По их мнению, аппарат скомпрометировал себя и его победа — лишь видимость. «Московский партийный клуб» (МПК) в опубликованном детальном анализе результатов¹ насчитал лишь 36 побед среди секретарей и первых

¹ Лысенко 1989. Все данные о результатах взяты из этого источника, кроме отдельно оговариваемых случаев.

секретарей горкомов и райкомов и два значительных поражения в столице (включая фиаско первого секретаря Севастопольского райкома Брячихина). Поражение 59 секретарей обкомов и крайкомов (из 163 баллотировавшихся) стало тревожным символом неуспеха уровнем выше. Некоторые секретари обкомов, предвидя сложности на собственной территории, выдвинулись по округам, считавшимся более простыми, в частности в сельской местности. Еще очевиднее падение имиджа партии продемонстрировал тот факт, что некоторые кандидаты из аппарата не были избраны даже при отсутствии конкурентов-демократов¹. Но самое большое внимание демократический лагерь акцентирует на нечестных победах партии. Отмечается, что, хотя 14 первых секретарей республиканских компартий и получили депутатское место, лишь двое из них рискнули выдвинуться в своей столице, тогда как остальные предпочли сделать это в небольших городах. Первый секретарь Московского горкома А. Зайков был выбран лишь 300 000 голосов, тогда как партия насчитывает 1,2 миллиона своих членов в столице². По оценкам аналитиков МПК, консерваторы или близкие им кандидаты заняли 90% мест на Съезде СССР. Среди них 25% депутатов, напрямую связанных с аппаратом и явно определяемых как «консерваторы», составляют центральное ядро, а примерно 65% депутатов законодательного корпуса представляют собой молчаливое большинство, или «болото». Эти данные показывают, что демократы предчувствуют нестабильность большинства: не рассчитывая перетянуть сомневающихся на свою сторону, они в то же время, видимо, считают, что аппарат также не может на них *полностью* рассчитывать.

Демократы не особенно распространяются о своих результатах, поскольку им сложно оценить точное количество депутатов-«прогрессистов». Однако они понимают: там, где пространство открыто состязанию, у них есть значительный вес. Выдающиеся результаты Ельцина это подтверждают. Сложность в оценке вызвана тем, что предвыборная кампания не велась централизованно. Как мы

¹ Их поражение, возможно, связано с недостаточной явкой на выборы или отсутствием абсолютного большинства, если состязались между собой всего два кандидата.

² А. Фадин, интервью на радио «Свобода», 1989.

видели, кандидатам-аутсайдерам удавалось пройти регистрацию за счет локальных конфигураций в соотношении сил. Так, МПК оценивает количество депутатов, выдвигавшихся не от «аппарата», примерно в 200 человек, что составляет 9% законодательного корпуса. Самый большой депутатский контингент — из Прибалтики, Армении, Грузии и РСФСР. Сначала результаты оцениваются на местном уровне: так, МНФ может похвастаться победой, поскольку из 15 кандидатов, прошедших в столице в первом туре, 11 пользовались его поддержкой. Подсчет депутатов-демократов на всесоюзном уровне начинается лишь в июле 1989 года, когда сформирована «Межрегиональная депутатская группа» (МДГ). 268 депутатов объявляют себя членами этой фракции, затем к ним присоединяются еще 120 сочувствующих¹. Вместе они составляют 34,5% от зоны реальной состязательности (1126 мест, см. таблицу 7 на с. 257). Возможно, демократы и не в большинстве в этом сегменте, однако они проникли в парламент. И хотя их присутствие не столь велико, в рамках нового институционального механизма оно все-таки существенно и очень заметно².

Изменение избирательных правил: игра в открытую

Судя по всему, в 1989 году повсеместно была распространена идея о том, что основная власть сосредоточена в союзном центре и что борьба отныне состоит в передаче власти КПСС новому союзному парламенту³. Поэтому поначалу грядущие выборы в республиканские и местные советы кажутся менее важными, чем те, которые только что прошли. При этом Горбачев достиг одной из своих целей, подорвав позиции консерваторов на выборах на всесоюзный Съезд. Возможно, тогда у него создалось впечатление, что поле для маневра расширилось, и он хотел этим воспользоваться, чтобы сделать игру более открытой. Наверняка именно поэтому и ослабилось давление; в июле 1989 года отменен принцип обязательного совмещения постов первого секретаря комитета

¹ Среди них 90 демократов будут избраны в Верховный Совет.

² Мобилизации часто начинаются с серии локальных смещений, происходящих в местах социального пространства, которые считаются значимыми (Dobry 1990).

³ Прибалтийские республики в то время единственные оспаривали свое подчинение Союзу и требовали суверенитета (начиная с ноября 1988 года).

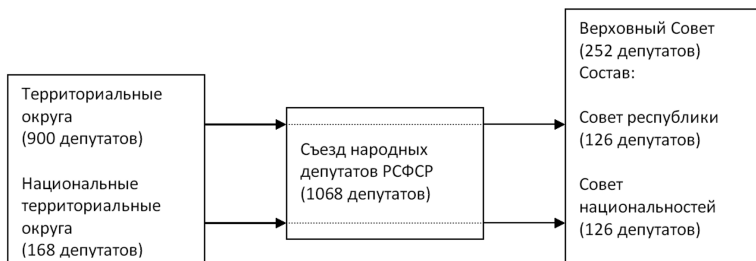
КПСС и председателя Совета, а партийным руководителям предоставлено право самим решать, участвовать или не участвовать в выборах на республиканские съезды депутатов. Смягчились правила доступа к предвыборному состязанию: по требованию «Межрегиональной депутатской группы» отменены квоты на места, предназначенные общественным организациям; кворум, позволяющий проведение собраний избирателей, понижен с 500 до 300 человек; и наконец, кандидатуры регистрируются отныне избирательными комиссиями одного уровня вместо двух.

Однако вследствие борьбы внутри аппарата выборы в республиканские советы отсрочены: изначально они должны были пройти сразу после выборов на всесоюзный съезд, осенью 1989 года, теперь же они отложены до весны 1990-го (4 и 18 марта). Хотя цель этой отсрочки — предотвратить второе подряд поражение аппарата, она не могла не повлечь за собой серьезных последствий для самой структуры электоральной игры. Целый год разделяет первые и вторые выборы: промежуток достаточно долгий для того, чтобы демократическое движение смогло сплотить свои ряды в централизованном порядке, и достаточно короткий для того, чтобы поддерживать состояние практически перманентной мобилизации. Вместе с тем по-новому воспринимается политический вес республик — в свете требований независимости, выдвигаемых Прибалтийскими республиками, которым центр частично поддается, предоставив им в июле 1989 года финансовую автономию. В связи с растущей важностью предстоящих выборов 1990 года логика лобового противостояния возьмет верх и распространится на все демократическое движение.

Роли и позиции

Выборы 1989 года ведут к переопределению позиций внутри движения. Неформалы первой когорты пытаются найти себе новую роль. Потеряв место, занимаемое ими в политическом поле до выборов, они по большому счету так и не поняли, какую роль принять на себя в рамках этой кампании. Те роли, которые они пытаются играть, нестабильны и во многом зависят от их повседневных взаимодействий с другими группами акторов. Идентичность размывается в ходе этих

Схема 3
Способ формирования Съезда народных депутатов
и Верховного Совета РСФСР (1990)

Источник: Док. 36 (1989); Белонучкин (2002).

взаимодействий и конкуренции, в которую вступают между собой две когорты. Неформалы не вполне способны контролировать свои собственные трансформации.

Так, у центральных клубов первой когорты, оттесненных на периферию в 1989 году, мало ресурсов в предвыборной игре. Более того, места, в которых они оказываются, и в целом политические площадки, на которых активно действует движение, становятся в той или иной степени местами *компенсации* ущерба, причиненного на избирательной арене. Члены первой когорты, хотя бы они того или нет, вынуждены подчиниться этому принуждению: они платят за успех организаторов кампании, с которыми им приходится проявлять солидарность. Однако при этом публично всячески пытаются от них дистанцироваться.

Относительное падение престижа первой когорты

Сразу после выборов 1989 года неформалы первого поколения стремятся предоставить свои услуги новоизбранным депутатам-демократам, стать их советниками и стратегами. В течение какого-то времени их действительно призывают на эту роль, но, судя по всему, депутаты предпочитают им членов второй когорты, которых легче мобилизовать на исполнение различных организационных задач.

Отстранение лидеров первой когорты от предвыборной борьбы в 1989 году приводит к значительному уменьшению их автономии. В новом раскладе политической игры, который, по крайней мере в Москве, являет собой противостояние между «аппаратом» и «Ельциным», им только и остается, что поддерживать «радикалов» против «кандидатов от аппарата», хотя некоторые из «аппаратчиков» — это все те же реформаторы, с которыми у них были столь тесные отношения. Поэтому представители первой когорты оказываются заложниками ситуации, которая предстает как биполярная, будучи в реальности гораздо более сложной. Так, в Севастопольском районе «Демократическая Перестройка» вынуждена поддержать О. Богомолова, директора ИЭМСС, борющегося с А. Брячихиным, первым секретарем райкома. А. Фадин объясняет это так:

На самом деле это была не простая для нас коалиция, потому что богомоловская программа — это практически наша программа, с одной стороны, но, с другой стороны, мы в значительной степени были обязаны местному партийному руководству тем, что имели помещение и т.д.¹

Все пространства игры, в которых активно действуют неформалы, становятся местами компенсации ущерба, понесенного в предвыборной гонке. «Демократической Перестройке» приходится делать некоторые реверансы перед райкомом. Вышеприведенный отрывок из интервью с А. Фадиным на радио «Свобода» — типичный тому пример. Арена партии также используется для того, чтобы сгладить эффекты предвыборной борьбы. Так, от «Московского партийного клуба» (МПК), с мая 1989 года размещавшегося в Севастопольском райкоме, партком требует ответить за слова, произнесенные одним оратором на большом митинге, соорганизатором которого выступал клуб². Несколько дней спустя МПК покидает свое помещение: ему стало там, по словам райкома, «слишком тесно»³. Но, разумеется, не стоит недооценивать обстоятельства пред-

¹ А. Фадин, интервью на радио «Свобода», 1989.

² Идеологический отдел Севастопольского райкома, 1990 (док. 45).

³ Там же (док. 46).

выборной гонки, при которых это решение было принято. Хотя МПК не поддержал и первого секретаря райкома в 1989 году, он пытался поддерживать Брячихина в его намерении заполучить пост второго секретаря горкома в декабре 1989 года. Как и в ноябре 1987-го, когда неформалы косвенным образом стали защищать видного партийного деятеля (Ельцина) против аппарата, они уверены, что ничто не может происходить без согласия со стороны части этого аппарата. События — и в том числе их собственные действия — пойдут по иному сценарию, однако их восприятие какое-то время будет оставаться прежним.

Неформалы первой когорты и партклубы испытывают на себе последствия предвыборной гонки, не имея при этом никакого влияния на «профессионалов кампании» из собственного движения, которые решительно подталкивают всех к сближению с «радикальными реформаторами». С. Станкевич, единственный кандидат от неформалов, наделенный в этом качестве способностью увлечь за собой все движение, так же как и задействовать предвыборные технологии, характерные для второй когорты, вступает в игру союзничества, не посоветовавшись с другими лидерами неформалов. Эпизод обмена телеграммами с Ельциным демонстрирует, что клубы первого поколения (как и «реформаторы из аппарата», которые, по всей видимости, способствовали избранию Станкевича) вовсе не контролируют «своего» кандидата.

Пионеры движения, ставшие маргиналами и заложниками своей маргинальности на избирательном поле, пытаются преодолеть дуалистическую логику кампании («аппарат» против «Ельцина») и заявить о своих отличиях на других полях. Они ставят под вопрос право Станкевича представлять движение и накануне второго тура подвергают критике его прежнюю деятельность в качестве посредника в переговорах с партией¹. Именно поведение Станкевича *во время* кампании делает предосудительным его прежний статус посредника в переговорах с Черемушкинским райкомом. Некоторые из членов «Демократической Перестройки» дистанцируются от выступлений радикалов, склонных представлять номенклатуру как некий монолит, который следует низвергнуть. А. Фадин объясняет:

¹ Репортеры «Хронографа» (№ 26, 24.5.1989. С. 7—9) отсылают к статье Сергея Станкевича (1988) о стратегии проникновения в неформальное движение.

Советское общество расколото не по горизонтали, а по вертикали. Группы сознания пронизывают все общество сверху донизу. То есть мы можем найти своих единомышленников и в высших эшелонах власти, и среди людей самого низкого социального статуса¹.

И наконец, некоторые участники первой волны ведут атаку на внешние признаки успеха второй когорты. По их мнению, новобранцы сделали из Ельцина «харизматического лидера», создав основу того, что можно назвать, вслед за М. Вебером, «эмоциональным сообществом адептов»²:

В Москве [...] массовая оппозиционность выразилась в буквальном боготворении личности нового «бога», возможно, «царя» и уж наверняка «героя» (который «даст нам избавление») — Б.Н. Ельцина. И впервые в столице многотысячные митинги постепенно превратились в сплошное скандирование его имени. При всем понимании неординарности фигуры Ельцина и неоднозначности его программы, не может не настораживать тот чисто истерический восторг, который культивируется в толпах сторонников. [...] Черты старого общества — бюрократический аппарат, нетерпимость и даже культ личности — во все большей степени становятся присущи оппозиционному движению. Во многом это результат постепенной интеграции демдвижения в рамках складывающегося авторитарного правого государства. Прошедшие [1989 года] выборы — один из примеров такой интеграции. В условиях, когда существует масса роготок и препон, избирательные округа огромны, а ложь официальной прессы чудовищна, — победа на выборах может достаться только структурам партийного типа: громкое имя во главе — команда безотказных функционеров ниже — и толпа поклонников, по команде приходящих в экстаз, в самом низу³.

Неформалы прекрасно понимают, что конкурируют с членами второй когорты и теряют позиции в своем собственном движении.

¹ А. Фадин, интервью на радио «Свобода», 1989.

² Weber 1995.

³ Уроки первых свободных // Община. 10.4.1989. № 31. С. 2—3.

Новое разделение труда?

После выборов 1989 года лидеры первой когорты не смогли обрести стабильную роль, их позиция в движении изменилась, а идентичность стала размытой. Вследствие успеха движения на выборах они вынуждены пересмотреть способы своего участия и определить свое место по отношению к новым депутатам, часть из которых раньше были их покровителями или посредниками в переговорах с партийными реформаторами. Неформальные лидеры видят себя советниками новой законодательной власти. Принятие на себя такой роли тем более обоснованно, что некоторые депутаты сами к ним обращаются. О Богомолов, директор ИЭМСС, призывает «Демократическую Перестройку» к сотрудничеству с конституционной комиссией, созданной Горбачевым. Неформальным лидерам кажется, что они наконец-то получили доступ к высшему уровню принятия решений, на который стремились попасть еще с 1987 года. Но у них также складывается впечатление, что их услуги не востребованы, что ни депутаты, ни конституционная комиссия их отчетов не читают.

На политическом «рынке» появляются и другие претенденты на роль советников. Некоторые представители академического и литературного истеблишмента создают в октябре 1988 года группу «Московская трибуна», которая определяет себя как «закрытый неформальный клуб... московской интеллектуальной элиты»¹. Этот клуб, созданный шестидесятниками, открыто представляет себя мозговым центром демократического движения. Поскольку его члены занимают более высокие позиции в социальной иерархии, чем неформалы, им проще привлечь к своей работе знаменитостей. Они также намерены выступать на предвыборной сцене, участвуя в отборе кандидатов и предлагая собственных кандидатов. Неформалов же рассматривают как вспомогательную силу, наделенную двумя функциями: функцией помощника «статусным» интеллектуалам в их работе по политической экспертизе и функцией передаточного звена для пропаганды среди «народных» масс. Правда, в течение 1989 года «Московская трибуна» кооптирует и некоторых неформалов, поскольку они уже успели стать известными: одни представители первой когорты занимают руководящие посты в газетах

¹ Московская трибуна: заседание 16 июня 1989 г. // Гласность. 30.08.1989. С. 197—202.

и журналах («Коммерсантъ», «Век XX и мир», «Панорама») или в оргкомитетах партий («Социал-демократическая ассоциация», «Объединение конституционных демократов»); другие — но уже из второй когорты — проявили себя в организации предвыборных кампаний.

Неформалы первого поколения оказываются в весьма щекотливой ситуации. Подобно им, их вчерашние покровители, объединенные в «Московской трибуне», добиваются роли советников депутатов из МДГ и интеллектуального лидерства в движении. И хотя советы «Московской трибуны» востребованы новыми депутатами не более, чем советы неформалов, у последних все-таки складывается ощущение, что их маргинализируют, тем более что, учитывая разницу в статусе, прямая конкуренция между двумя группами невозможна.

Пионерам движения удастся переопределить свою позицию, избрав новые организационные формы. Тем не менее в этот момент у них нет ресурсов для того, чтобы воплотить их в жизнь. Им удастся как-то повлиять на способы объединения депутатов-демократов на Съезде народных депутатов СССР. Видя, что московские депутаты-радикалы замыкаются в рамках индивидуальных стратегий (создавая вокруг себя группы адептов) и начинают на периферии Съезда вести сепаратные переговоры с высокопоставленными руководителями для определения повестки дня первой сессии, неформалы подталкивают их к созданию парламентской фракции. Мысль о союзе между кандидатами появилась еще во время предвыборной кампании, но лишь по ходу дела. Принять же идею создания парламентской фракции было непросто, ибо она предполагала, что депутаты-радикалы идентифицируют себя, по крайней мере имплицитно, как оппозиционеры¹. В. Игрунов же подозревает, что некоторые депутаты еще верили в возможность прийти к соглашению с Горбачевым².

В апреле 1989 года двадцать два московских депутата под напором неформальных клубов решают представить результаты своей работы Съезду и расширить сферу своего влияния на депутатов других регионов. Так в течение лета и формируется «Межрегиональная депутатская группа» (МДГ).

¹ МДГ сделает это лишь в декабре 1989 года.

² Игрунов 1992.

Эта динамика налету подхвачена клубом КИАН, который берет на себя организационную работу МДГ и быстро занимает лидирующую позицию в ее секретариате. Он проводит с депутатами «тренинг» перед их первыми выступлениями на Съезде (которые, напомним, транслировались всесоюзным телевидением). Лидеры первой когорты не могут, да и не хотят конкурировать в этом поле с избирательными организациями второй когорты:

Ни экспертными оценками нашими [депутаты МДГ] не хотели пользоваться, ни, скажем, организационно мы не в состоянии были тягаться с тем, что могла противопоставить нам Академия наук [то есть КИАН], и мы вынужденно маргинализировались¹.

В сфере политического консалтинга неформалам первой волны приходится противостоять шестидесятникам и академическому истеблишменту. В организационной сфере им составляют конкуренцию клубы избирателей второй когорты, которые никоим образом не пытаются влиять на политические ориентации депутатов-демократов. У них перехватывают инициативу. Начиная с кампании 1989 года у некоторых, в том числе и у наиболее задействованных на избирательной сцене неформалов, складывается все более четкое ощущение, что они играют «в чужом спектакле»². Поэтому неудивительно, что некоторые неформалы первой волны отдаляются от собственно политической деятельности и переориентируются на журналистику. Само же движение все меньше «терпит» внутри себя некоторые социальные профили, которые в 1987—1988 годах составляли его сердцевину.

Эффекты предстоящей кампании: выборы 1990 года

Неожиданные результаты 1989 года, решающие для демократического движения, и процесс дробления КПСС (не являющийся секретом для демократов) дают демократическому лагерю все шансы на выборах 1990 года. Эти выборы разворачиваются на трех уровнях представитель-

¹ Игрунов 2002.

² Кагарлицкий 2004.

ства (республиканском, городском и районном); размахом они намного превосходят выборы 1989 года, поэтому организационные аспекты приобретают большую важность. Если в Москве 1989 года состязание велось всего за 27 мест, то в 1990 году насчитывается 65 мест депутатов Съезда РСФСР (из 1068), 468 — в Моссовете плюс несколько тысяч мест в райсоветах. Поэтому перед неформалами-демократами встает «объективная» необходимость координировать свои действия, чтобы удовлетворить высокую потребность в кандидатах, обеспечить налаживание сети взаимодействий на территориях и выработать правила добрососедских отношений. В целом демократический избирательный блок поддерживает в России более 5000 кандидатур.

Тем не менее объективная необходимость сотрудничества не отменяет конкурентной борьбы за лидерство в этой коалиции. С лета 1989 года появляется множество разнообразных инициатив, исходящих от неформалов из первой когорты, союзных депутатов и организаторов кампании-1989. Избирательный блок демократического лагеря стабилизируется в январе 1990-го — с созданием «Демократической России», что стало результатом встречи различных групп и инициатив, а также борьбы между ними.

Конкуренция разворачивается в основном между неформальными клубами первой волны, стремящимися вернуть себе позиции внутри демократического движения, и клубами избирателей, появившимися в 1989 году. В 1990-м логика лобового противостояния на избирательной арене лишь ужесточается, и здесь явно доминируют вторая когорта и «радикалы» из аппарата. У неформалов первой когорты, решивших баллотироваться на выборах, нет никакой свободы действий, и они тоже вынуждены принять этот тип взаимодействия с властью — иметь хоть какой-то шанс быть избранными. Их прежние отношения с реформаторами из КПСС — в частности с райкомами экспериментальной зоны — оказываются, таким образом, полностью разрушены.

Создание демократического избирательного блока

На роль лидера претендуют три типа организаций: районные клубы избирателей, неформальные группы первой волны и «Межрегиональная депутатская группа». Организации двух первых типов вступают в сорев-

нование за руководство избирательным блоком. МДГ же служит общим ориентиром: каждый стремится продемонстрировать свою близость к ней, ибо она предстает как символ успеха мобилизации движения.

Московские клубы избирателей объединяются в различные ассоциации, самая видная среди них — «Московское объединение избирателей» (МОИ), которому удастся получить преимущество перед конкурентами благодаря скорости своей реакции. Чтобы потеснить «Московский народный фронт», лидеры МОИ стремятся всеми способами превратить наименование «неформал» в клеймо с негативными коннотациями. Им также удастся сблизиться с «Межрегиональной депутатской группой» и предложить ей свои услуги. Они стремятся идти с ней в одной связке, чтобы «повысить свой статус» в движении.

В июле 1989 года МОИ объединяет около тридцати клубов избирателей; его ядро состоит из руководителей МНФ, принадлежащих ко второй когорте, лидеров КИАН и групп поддержки Ельцина и Гдяна. В декабре 1989 года оно расширяет свои сети на другие российские города и переименовывает себя в «Межрегиональное объединение избирателей», сохранив прежнюю аббревиатуру (МОИ). Ему удастся получить преимущество перед лицом основных конкурентов, поглотив МНФ и изолировав КИАН. В борьбе с МНФ МОИ стремится всячески дистанцироваться от клубов первой волны: оно представляет себя как «антикоммунистическую» группу, призванную решать чисто технические задачи (выдвижение кандидатов и организацию кампаний), и не вырабатывает никакой собственной программы. Здесь мы видим мобилизацию, которая избавлена от каких-либо политических отличий, но все-таки встает на службу «радикалам», поскольку именно они вырвались вперед на избирательном поле. По мнению М. Шнейдера, члена координационного совета МОИ (и МНФ),

многие шли в МОИ, а не, скажем, в МНФ, потому что боялись считаться «неформалами». Название было такое удачное: «объединение избирателей». Вроде не политизированное. Народ туда повалил просто¹.

¹ М. Шнейдер, интервью 24.2.1994 г.

Однако может быть, здесь стоит перевернуть причинно-следственную связь: вполне возможно, что «неформальная идентичность» послужила негативным фактором, поскольку лидеры второй когорты сами сделали все, чтобы превратить ее в клеймо. Сам избирательный процесс помог им в этой трансформации, ибо, в отличие от неформалов первого поколения, эти политические «предприниматели» победили, разыгрывая карту радикальности. Первые неформалы уже не контролируют толкование собственного наименования, которое до сих пор их определяло; его значение теперь почти полностью зависит от их отношений с другими политическими акторами, в том числе и с конкурентами.

И наконец, МОИ представляет себя спутником МДГ. В отличие от неформалов первой когорты, стремящихся в советники депутатов и имеющих политические и интеллектуальные амбиции, МОИ довольствуется вспомогательной позицией, получая дивиденды от своего непосредственного организационного опыта. В ходе одной пресс-конференции в адрес этой организации прозвучал упрек в том, что она не имеет своего «политического лица». Один из ее лидеров, Лев Пономарев, ответил так: «Наше лицо — это депутаты МДГ»¹. МОИ также не преминуло заверить «интеллектуальные» неформальные клубы в том, что вовсе не намерено заходить на их территорию. Тот же Пономарев делит демократическое движение на три строго разграниченные категории:

Самый нижний уровень [...] составляет движение избирателей. Следующий уровень составляют организации, которые уже как-то оформились и имеют свои проблемы, имеют какие-то документы о своих целях и намерениях [«Мемориал», МНФ и другие организации]. И третий этаж в этом строении составляет МДГ².

Основные клубы первой когорты пользуются кампанией 1990 года, чтобы вернуться в игру. Для этого они намерены создать новые формы координации. С лета 1989 года они берут инициативу по организации «блока» кандидатов, внутри которого должны будут выработать спо-

¹ Пресс-конференция «МОИ», 11.11.1989 (архивы «МОИ»).

² Мемориал 1989 (док. 3).

собы сотрудничества в ходе кампании¹. Параллельно с этим некоторые клубы начинают трансформироваться в «политические партии» и формируют «оргкомитеты»²: здесь снова происходит сдвиг идентичностей. И хотя «партии» появятся на свет лишь после марта 1990 года, заявить уже летом 1989-го о своем намерении создать партию — значит обеспечить себе место в предвыборной гонке, ибо многопартийность все более воспринимается как необходимое условие «настоящих» демократических выборов. Преобладающая часть руководителей оргкомитетов партий станут депутатами от избирательного блока «Демократическая Россия» на выборах 1990 года.

И наконец, неформалы первой когорты пытаются вступить в союз с «вышестоящим» уровнем демократического движения — не только для того, чтобы не быть оттесненными на край политического пространства, но и для того, чтобы заставить руководство страны неуклонно следовать путем реформ. В январе 1990 года они подписываются под призывом «Московской трибуны» и МДГ собрать по примеру Польши круглый стол с участием политических организаций и правительства, а также поддерживают создание специальной координационной структуры, предназначенной для этой цели, — комитета «Гражданское действие», который рассматривают как основу своего рода «теневое кабинета»³. Несмотря на то что неформальные организации поддерживают этот комитет, неформалы по неизвестным причинам не смогли стать его членами⁴. Можно заметить, что как только дело принимает серьезный оборот, те, кто находятся наверху социальной и политической иерархии, не особенно стремятся открыто ассоциировать себя с неформалами. Но, как известно, в СССР круглый стол так и не состоялся: советское правительство оказалось не готово принять подобную инициативу,

¹ В нем среди прочих участвуют: «Гражданское достоинство», «Демократическая Перестройка», «Демократический союз» (ДС), «Конфедерация анархо-синдикалистов» (КАС), вышедшая из клуба «Община», «Мемориал», «Московский народный фронт», «Московский партийный клуб», «Межрегиональная депутатская группа» и «Московская трибуна».

² Таковы «Демократическая Перестройка», «Гражданское достоинство», «Московский народный фронт» и «Община» (о партиях см. в следующей главе).

³ По выражению О. Румянцева, сопредседателя «Демократической Перестройки»: Партия уходит — следующий! // Панорама. 1990. Февраль. № 3 (15).

⁴ Березовский, Кротов, Червяков 1991: 42.

а некоторые ключевые фигуры демократического движения (например, Ельцин) не решились ее отстаивать. Комитету «Гражданское действие» было суждено лишь мимолетное существование.

Итак, когда неформально-демократическое движение начинает готовиться к кампании 1990 года, мы видим, с одной стороны, группу, добившуюся лидерства среди «профессионалов» в организации кампаний (МОИ), а с другой стороны — неформальные клубы первой когорты, готовые представить свой блок кандидатов. При этом и те, и другие пытаются установить эксклюзивные связи с теми, кто отныне считается «элитой» демократического движения (МДГ и «Московская трибуна»). И в этот момент происходит реструктуризация движения вокруг того избирательного блока, у которого есть шанс проникнуть в советы. Отныне развязывается борьба за лидерство именно в нем.

Не претендуя на лидерство и ставя себя на «самый нижний уровень» движения, МОИ становится важнейшим актором реструктуризации избирательной арены в период между двумя кампаниями. Именно оно подталкивает неформальные клубы к тому, чтобы объявить о создании предвыборного блока, предложив им использовать свою «организационную базу». Однако при этом блок «Выборы-90», появившийся на свет в конце ноября (см. врезку 10), дистанцируется от МОИ. Он стремится к тому, чтобы МОИ и «Выборы-90» «действовали вместе, не объединяясь формально»¹.

Врезка 10

Избирательный блок «Выборы-90» (21 ноября 1989)

Участники блока «Выборы-90» договорились о том, чтобы:

- «вести избирательную кампанию вместе или автономно, стремясь к выдвиганию общих кандидатов»;
- «объединить усилия для предотвращения избрания антидемократических депутатов»;
- «установить процедуру рассмотрения и разрешения разногласий между участниками блока».

¹ Сашин 1989.

Их основные требования:

- отмена 6-й статьи Конституции;
- «свобода образования общественных ассоциаций, включая политические партии и свободные профсоюзы»;
- «предоставление каждому возможности получить землю во владение и распоряжаться результатами своего труда»;
- «равноправие всех форм собственности»;
- «демонополизация экономики в условиях защиты социальных прав трудящихся и государственной помощи социально неопеченным»;
- государственный и экономический суверенитет российской республики.

Это соглашение подписано представителями 22-х организаций, среди которых подавляющее большинство — неформалы первой когорты:

- неформальные клубы, образованные в 1987—1988 годах: «Демократическая Перестройка», КСИ (который по этому случаю возрождается), «Мемориал», МНФ;
- организации, созданные начиная со второй половины 1988 года неформалами *первой* когорты (оргкомитеты партий, партклубы, газеты и информгентства);
- демократическая фракция МНФ, состоящая из неформалов *второй* когорты;
- ассоциации, представляющие интеллектуальный истеблишмент: Комиссия по проблемам движения самодетельных объединений, клубов и инициативных групп в рамках «Советской социологической ассоциации» (ССА), «Московская трибуна»;
- объединение социалистических профсоюзов «Соцпроф» (новый профсоюз).

Источники: Сашин 1989; Док. 28 (1989); «Соглашение о совместных действиях избирательного блока «Выборы-90» (Панорама. Декабрь 1989. С. 12).

В начале января 1990 года, после временного отстранения от дел МОИ возвращается в игру. Именно по его инициативе 20—21 января 1990 года проводится учредительный съезд избирательного блока «Демократическая Россия» (ДР или «ДемРоссия»), который отныне из московского превратился в общероссийский. МОИ и 150 кандидатов в депутаты Съезда РСФСР, в том числе некоторые союзные депутаты, становятся несущей опорой этой конструкции¹. «ДемРоссия» проявляет себя как коалиция *индивидуальных* кандидатов, поддерживаемых единой организационной базой (МОИ) — в отличие от блока «Выборы-90», теперь поглощенного ДР, который объединял в себе различные *организации*. Неформалам первой когорты, желающим участвовать в выборах, удастся занять довольно видные позиции в этом блоке, хотя они в нем — лишь одна из составляющих. «ДемРоссия» опирается на множество источников: на репутацию поддерживающих ее радикальных реформаторов; на широкое политическое представительство в виде неформальных клубов, трансформирующихся в партии; на организационные способности и операционные сети МОИ.

МОИ становится рабочей лошадкой блока. Оно координирует деятельность московских клубов избирателей и контролирует механизмы отбора кандидатов, что позволяет ему укрепить свои позиции в движении.

Выборы 1990 года выявляют три более-менее востребованных сегмента состязания. Демократический блок находит себе достаточно кандидатов, чтобы покрыть почти все московские округа на выборах на Съезд РСФСР, однако покрытие на выборах в Моссовет не превышает 70% и падает до 30% на выборах в райсоветы².

Таким образом, демократический лагерь страдает уже не от отсева кандидатур официальными властями, как это происходило в 1989 году, а от дефицита кандидатов на некоторых уровнях советов. Партия уже не использует процедуру выдвижения как барьер на входе в предвыборное состязание даже для кандидатур на российский Съезд. По мнению В. Боксера (члена МОИ), «аппарат», видимо, избрал совсем иную

¹ Прибыловский 1990 и 1991б.

² Шнейдер 1990.

стратегию: наводнить избирательный «рынок» своими собственными кандидатами, чтобы его противники затерялись в их массе, и собрать число голосов, пропорциональное числу соревнующихся¹. Впечатление, что голоса расщеплены между кандидатурами, объясняется и мажоритарной системой выборов, при которой выдвигаются не партийные списки, а индивиды. Даже КПСС, единственная существующая партия и организация, официально уполномоченная участвовать в качестве таковой в выборах, не выдвигает никакого списка (будучи не в состоянии сделать это из-за внутренней фрагментации). Число легально разрешенных листовок, распространяемых для агитации за каждого кандидата, должно быть пропорционально числу зарегистрированных избирателей в каждом округе, поэтому кандидаты от демократического блока рискуют оказаться незамеченными. Редким ресурсом отныне становятся не кандидаты, допущенные к участию в гонке, а средства агитации². Такое правило игры подталкивает демократов к экономии этих средств: они сосредотачивают свою кампанию прежде всего на продвижении «Демократической России», ассоциируя ее с престижными фигурами (Ельциным, Поповым, Афанасьевым и другими союзными депутатами) и организуя массовые митинги. Активную информационную агитацию за кандидатов они начинают лишь за несколько дней до первого тура, указывая, что те пользуются поддержкой «Демократической России»³.

Так как на входе официальные препоны отсутствуют, отбор кандидатов отныне является прежде всего внутренним делом демократического движения. 150 видных деятелей, основавших «Демократическую Россию», автоматически выдвигаются в кандидаты, становясь своего рода локомотивом кампании. Что касается остальных кандидатур, вполне возможно, что по их поводу между членами коалиции велись переговоры, поскольку почти нет округов, где состязались бы два кандидата от ДР.

¹ В 1990 году насчитывается 8254 кандидата в 1068 округах (Hough 1997: 283), то есть примерно в три раза больше кандидатов на одно место, чем в 1989 году.

² Избирательный закон 1990 года запрещает каким-либо физическим или юридическим лицам оказывать финансовую поддержку кандидатам (сверх 350 рублей, предоставляемых государством). Кандидаты могут опираться на помощь не более пяти добровольцев, работающих на полную ставку (Hough 1997: 294).

³ В. Боксер, интервью 3.7.1992 г.

Лидеры организаций избирателей, конечно, не играют основной роли в этих переговорах, однако у них все-таки есть возможность отсеять некоторых нежелательных кандидатов, просто «забыв» в последний момент упомянуть о том, что те поддерживаются блоком. «Интеллектуальное либерально-демократическое» крыло МОИ, таким образом, сумело «обуздать» «популистскую» волну (группы поддержки Ельцина и Гддяна)¹. Лидеры МОИ не довольствуются организацией кампаний: многие из них самовыдвигаются, в частности в депутаты Моссовета. Тем, что они обрели некоторый контроль над отбором кандидатов, возможно, объясняется слабая представленность первой когорты: из нее от движения прошла только четверть кандидатов, выдвинутых от «Демократической России» на российский Съезд и в Моссовет. Но следует еще раз подчеркнуть: они все-таки присутствуют, особенно в том избирательном сегменте, куда все стремятся попасть, — среди кандидатов в депутаты Съезда РСФСР. В целом кандидатов, происходящих из второй когорты, в три раза больше, чем кандидатов из первой. И хотя с весны 1988-го и особенно в 1989 году в движение рекрутируется гораздо больше активистов, вторая когорта дает ненамного больше «лидеров» (то есть активистов, способных претендовать на некоторую известность), чем первая. Иными словами, среди кандидатов на выборах 1990 года наблюдается явная сверхпредставленность представителей второй когорты, несоизмеримая с количеством выдвинувшихся из ее рядов известных общественных деятелей. Но позднее все недавно прибывшие в движение активисты быстро добиваются «возврата инвестиций»: менее чем через год после вхождения в политику у них появляется больше шансов стать депутатами, чем у их предшественников с двух- или трехлетним стажем.

В 1990 году соревнование внутри движения за доступ в советы становится более напряженным, так как это способ профессионализации: избранные демократы могут отныне полностью посвятить себя политической деятельности. Сессии съезда продолжают теперь гораздо дольше, чем до реформы декабря 1988 года, и некоторые депутаты работают на полную ставку в Верховных советах и исполкомах местных советов, получая зарплату. Как мы увидим далее, факт профессионализации

¹ В. Боксер, интервью 3.7.1992.

и возможность зарабатывать на жизнь политикой изменят и отношения внутри движения.

Конец сговора с партийными реформаторами

Благодаря своей координирующей роли МОИ держит в руках рычаги, позволяющие направить кампанию в сторону прямого противостояния с партией, в том числе в традиционно заповедных зонах, таких как Черемушкинский и Севастопольский районы. Внутренние документы Севастопольского райкома показывают, что между двумя избирательными кампаниями партком переходит от логики покровительства к логике жесткой конкуренции.

В конце 1988 года райком намерен укреплять связи с неформальными группами через создание «специализированной идеологической группы партактива», по примеру соседнего Черемушкинского райкома в 1987—1988 годах. Незадолго до этого руководство Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС), действуя в качестве советника райкома, рекомендовало ему заручиться союзом с «Московским народным фронтом» (МНФ) и даже проникнуть в него, чтобы обеспечить победу на выборах кандидатам от партии¹.

В 1989 году районное собрание избирателей зарегистрировало кандидатуру М. Малютина, одного из лидеров МНФ, без каких-либо препятствий со стороны райкома (та же ситуация, что и со Станкевичем в Черемушкинском районе). Тем не менее на уровне окружной избирательной комиссии кандидатура Малютина была отвергнута. В гонке остались три кандидата, в том числе первый секретарь райкома Брячихин и директор ИЭМСС Богомолов². Как мы помним, неформалы поддержали Богомолова (который победил в первом же туре), пытаются при этом не вести кампанию *против* Брячихина.

В ходе кампании 1989 года неформалы не воспринимаются как серьезные потенциальные конкуренты. А между тем в речах неформа-

¹ Этот документ заместитель директора ИЭМСС направил в идеологический отдел Севастопольского райкома КПСС (1988, док. 53). Была ли принята эта линия поведения, остается неизвестным.

² Руководство ИЭМСС, таким образом, ведет двойную игру с райкомом, являясь одновременно его советником и его конкурентом на выборах.

лов первой когорты оформляется беспрецедентно открытый дискурс оппозиции советской системе. «Демократическая Перестройка» уже не стесняется говорить о «демонтаже» системы, и именно стремлением к этой цели она отныне оправдывает свое союзничество с «партийными реформаторами»:

Все действительно перспективные реформистские движения в пост-тоталитарных обществах, каким советское, несомненно, является, происходят изнутри системы управления, а не извне ее. Нельзя забывать, что сталинизм демонтировался сталинистами, франкизм — франкистами, маоизм — маоистами¹.

Первым неформалам приходится оправдываться в своем слове, даже когда они придерживаются «антисистемного» дискурса, потому что в движении теперь появились гораздо более радикальные акторы, чем они.

Исход выборов 1989 года изменяет структуру отношений между Севастопольским райкомом и неформальными клубами. В первое время комитет ведет себя довольно сдержанно. Брячихин упоминает, что за функционеров КПСС на грядущих выборах собираются голосовать лишь 7% избирателей². Райком получает информацию у некоторых неформальных групп («Мемориал», МПК, МНФ) на предмет их предвыборной стратегии — чтобы взвесить возможность «сотрудничества» или даже составить общие списки кандидатов³. Однако Брячихин обратился не по адресу. В 1990 году МОИ поручает вести кампанию демократов клубу избирателей «Голос». Но райком к этому клубу не обращается — вероятно, в силу инерции партком отдает предпочтение своим привычным контактными лицам, не понимая, что они уже не обладают прежним весом, не занимают прежнюю позицию в предвыборной борьбе и сильно уступают «профессиональным предвыборным технологам».

¹ А. Фадин, интервью радио «Свобода», 1989 (между двумя турами выборов).

² Брячихин 1989.

³ Идеологический отдел Севастопольского райкома 1989 (док. 40).

В свою очередь, у «Голоса» по отношению к райкому уже совсем иная позиция, нежели у неформальных клубов первого поколения: он отвергает любые контакты и даже выгоняет с заседания одного из его представителей, чего никогда не делали первые неформалы. Специалисты из райкома постепенно осознают, что противостояние с партией — основной механизм кампании демократического блока. Они, в частности, упоминают о намерении МОИ «коммунистов оставить “голыми”» и о «слух[ах,] (не проверенны[х]), распространяемы[х] некоторыми членами “Голоса”, [о том, что] РК КПСС поддерживает еврейские погромы»¹. В одном из документов МНФ С. Станкевич и М. Шнейдер, кандидаты в Моссовет, подтверждают: столкновение в ходе нынешней кампании будет «гораздо более жестким», чем в 1989 году, потому что «консервативные аппаратно-бюрократические структуры стремятся использовать приемы и методы организации избирательной кампании, опробованные и продемонстрированные демократическими силами», и создают «искусственные “общественные” структуры»². Таким образом, их главные противники описываются как подставные группы аппарата.

Севастопольский райком действительно использует такую тактику, создав собственный клуб избирателей («Обновление»). Впрочем, заимствование этой организационной формы, по всей видимости, необходимо, чтобы обеспечить легитимность в предвыборной борьбе. В битве между комитетом КПСС и клубом избирателей явно проигрывает тот, кто находится в роли Голиафа. Однако заимствования этим не ограничиваются: райком предлагает также Московскому горкому КПСС присвоить себе митинг демократов. После митинга 4 февраля 1990 года руководители идеологического отдела подают сигнал тревоги:

Идеологический отдел РК КПСС считает необходимым констатировать чрезвычайное обострение политической ситуации в г. Москве, связанное с активизацией политизированного самодеятельного движения, возможностью межнациональных конфликтов, неудовлетворенностью деятельностью партийных и государственных органов.

¹ Идеологический отдел Севастопольского райкома 1990 (док. 43).

² Станкевич, Шнейдер 1990.

Севастопольский райком предлагает в этой связи провести митинги и «открытые двери в райкоме». И далее:

Учитывая возможность проведения 25.02.1990 г. массовой демонстрации, организованной т.н. «Демократическим движением», считали бы целесообразным предложить бюро МГК КПСС выступить с инициативой проведения данной акции¹.

Вот уж действительно любопытное предложение — перехватить инициативу митинга демократического движения! Возможно, таким образом горкому был послан сигнал, чтобы он наконец взял на себя координацию кампании партии на городском уровне или по меньшей мере боролся за определение смысла демонстраций.

Райком также вовлекается в кампанию, занимаясь профессионализацией кандидатов в райсовет и их предвыборных штабов. В декабре 1989 года он создает «школу», где проводятся сеансы обучения муниципальному управлению и ликбез, посвященный обязанностям депутата². Клуб избирателей «Обновление» организует ролевые игры по процедуре выдвижения и регистрации кандидатов. Заведующий идеологическим отделом райкома составляет отчеты о политической ситуации и о стратегии противоположного лагеря, а также рекомендации по линии поведения в ходе кампании.

И наконец, райком разворачивает действия против неформалов первой когорты. С изумлением обнаружив, что кандидат в депутаты РСФСР от «Голоса» — не кто иной, как О. Румянцев, сопредседатель «Демократической Перестройки», бывший прежде среди его главных контактных лиц³, райком поддерживает кандидатуру одного из его соперников. Однако такую позицию, в общем-то логичную в данном контексте, неформалы первой когорты воспринимают как тройное предательство со стороны райкома: предательство по отношению к ним самим, по отношению к имиджу, который райком создал себе благодаря

¹ Идеологический отдел Севастопольского райкома 1990 (док. 44).

² Идеологический отдел Севастопольского райкома 1989 (док. 41).

³ См. интервью с Н. Кротовым от 17.2.1994 года. Отметим, что «Демократическая Перестройка» не принимала активного участия в кампании кандидата Румянцева.

политике поддержки клубов, а также демократического идеала, защищаемого неформальным движением. Депутатом РСФСР в результате все же станет Румянцев.

Усиление российской политической арены

Нестабильность идентичностей и позиций ударяет не только по клубам первого поколения. МДГ, представлявшаяся сразу после выборов 1989 года в качестве главного плацдарма движения, потеснена блоком «Демократическая Россия» в ходе кампании 1990-го. Этот процесс, усиливающийся после выборов, можно объяснить тремя причинами.

Прежде всего, МДГ, будучи одним из инициаторов «Демократической России», не занимается, тем не менее, выдвиганием кандидатов на российский Съезд и играет второстепенную роль в кампании 1990 года, то есть на одной из стратегических арен политического пространства, где идет борьба за позиции, которые впоследствии окажутся чрезвычайно важными. Такое впечатление, что МДГ не осознала всей важности ставок, разыгрываемых на этих выборах.

К тому же группа все чаще подвергается критике в рамках демократического движения за свою «мягкотелость» и «выжидательную позицию»¹, тогда как избирательный блок выработал себе гораздо более агрессивный имидж. Экономическая программа «Демократической России» впервые однозначно избирает либеральную ориентацию (мы к этому еще вернемся). По сравнению с ней программа МДГ кажется довольно нечеткой. С помощью термина «разгосударствление» в ней провозглашается самоуправление на предприятиях либо передача государственной собственности трудовым коллективам или местным властям, тогда как «Демократическая Россия», не используя термина «приватизация», все-таки явно к ней отсылает (нужно «преобразование значительной части государственной собственности в иные формы»²). В декабре 1989 года МДГ осмеливается, в свою очередь,

¹ Верховский 1989.

² Блок «Демократическая Россия» 1990 (док. 8). Хотя «Демократическая Россия» начинает трансформироваться в направлении либерального дискурса, который подхватит затем большая часть демократических организаций, все же было бы анахронизмом считать

перейти в наступление, заявив о своей «оппозиции» большинству, представленному на Съезде СССР, а в мае 1990-го требует отставки правительства СССР¹. Однако после выборов 1990 года МДГ, по всей видимости, окончательно теряет статус ориентира для демократического движения: ее упрекают в отсутствии новой программы, в аморфности ее организации и во втягивании страны в кризисную ситуацию. Численность членов МДГ, достигшая максимума (360 депутатов) в декабре 1989 года, тает на глазах и годом позже составляет 229 человек².

И наконец, третья причина отступления МДГ связана с изменением структуры политической игры. «Межрегиональная группа» находится на том уровне власти, который сам по себе теряет значение. В 1990 году «демократы» (но не только они) сделали ставку на нижестоящие уровни (республиканские и городские советы) и, получив впечатляющие результаты на выборах (см. врезку 11), склонны рассматривать эти советы как точки опоры в своей стратегии завоевания власти. Поэтому депутаты СССР, получившие кресла на российском Съезде или в Моссовете, постепенно покидают арену союзной власти и посвящают себя своим новым функциям. Ельцин баллотируется на пост председателя Верховного Совета РСФСР, Станкевич рассчитывает выдвинуться в председатели Моссовета. Союзный центр становится инстанцией, с которой, во избежание политической дисквалификации, дела лучше вообще не иметь. Станкевич, кстати, отказывается от нескольких постов, предлагаемых ему Горбачевым³. Последний либо не осознает, что ставки для демократов переместились в другое пространство, либо хочет повернуть этот процесс вспять, пытаясь привлечь на свою сторону некоторых их представителей. Возможно, «Межрегиональной депутатской группе»

ее провозвестником идеи «шоковой терапии». Эта идея выйдет на авансцену уже в конце 1991 года по инициативе Е. Гайдара и А. Чубайса.

¹ Мурашев 1990.

² Тогда как в коммунистической группе насчитывается 730 депутатов, а в патриотической группе «Союз» — 561. См.: *Les partis politiques d'URSS en chiffres* [Политические партии СССР в цифрах] // *Actualités soviétiques*. 25.1.1991.

³ J. Hough (1997: 253) пишет, что «демократы» поддержали бы полудиктатуру, если бы Горбачев предложил им посты, поскольку именно так они поступили при Ельцине». Мы же, вопреки этому мнению, предполагаем, что они не последовали за Горбачевым не из моральных, а из тактических соображений.

трудно сплотить свои ряды, поскольку доверие к актерам союзного уровня утрачено. Даже «Межрегиональное объединение избирателей» (МОИ), прежде целиком ей преданное, начиная с кампании 1990 года сотрудничает с «Демократической Россией».

Этот период политической флюидности отмечен нестабильным характером идентичностей; кроме того, стало сложно локализовать центр тяжести власти. Карта власти перекраивается, когда новые ставки еще неясны. Еще непонятно, на какие полномочия могут претендовать республиканские и муниципальные советы, в которых активно задействованы демократы, но уже есть предчувствие, что они станут стратегически более важными, чем Съезд или Верховный Совет СССР, хотя последние и остаются с точки зрения формальных правил главными инстанциями принятия решений. Таким образом, падение статуса МДГ в демократическом движении становится следствием перемещения центра тяжести от союзного центра к республикам. Схожее явление наблюдается и на партийной арене: некоторые акторы покидают центральный уровень (КПСС) и сосредотачивают свои усилия на республиканском (российская КП). Съезд народных депутатов СССР, так же как и ЦК КПСС, оттесняются, таким образом, от центра игры — не в силу перенесения политических (юридических, конституционных) решений, а в силу тактической деятельности акторов.

Врезка 11

Результаты выборов 1990 года и соотношение сил на Съезде народных депутатов РСФСР

Блок «Демократическая Россия» одерживает абсолютную победу в Москве, где он набрал:

- 57 из 65 мест на Съезде РСФСР (то есть 88% московских депутатов),
- 281 из 468 мест в Моссовете (60%).

В Ленинграде демократы также заняли более половины мест:

- 25 из 33 мест на Съезде депутатов РСФСР (75%),
- 355 из 400 мест в Ленсовете (88%).

На Съезде РСФСР в парламентской группе «Демократическая Россия» насчитывается изначально 250 депутатов из 1068 (23,5%). К ним примыкают 200 других депутатов (42% мест), однако этот блок крайне нестабилен и теряет 150 депутатов после первой же сессии (16 мая — 22 июня 1990).

Ни один из противоборствующих лагерей — «демократов» и «коммунистов» — не располагает абсолютным большинством. Демократы контролируют примерно 300 мест, коммунисты — 360¹. Самым многочисленным является «болото» — 400 депутатов.

В ходе выборов председателя Верховного Совета в мае 1990 года Ельцину с огромным трудом удается заручиться поддержкой этого «болота»: он избран лишь в третьем туре голосования, едва набрав нужное количество голосов (535). Консерваторы же добиваются назначения Ивана Силаева на пост председателя Совета министров РСФСР, одержав победу над кандидатом — ставленником Ельцина.

В Моссовете такая же нестабильность: там фракция «ДемРоссии», в которой перемешались социалисты, либералы, анархисты и христианские демократы, с треском распадается по прошествии полугода, в октябре 1990-го². Поскольку кандидаты от КПСС получили всего 20% мест, борьба разворачивается скорее между разными фракциями, вышедшими из «Демократической России».

Происходящее на избирательной арене в 1989—1990 годах вызывает симметричные эффекты во всем политическом пространстве и в неформально-демократическом движении, сказываясь и на его отношениях с другими акторами. Арен состязания становится все больше: между КПСС и советами, между разными уровнями советов, внутри партии за выдвижение кандидатов и т.д.

Благодаря первой предвыборной кампании (1989 года) неформальное движение приобретает новый масштаб: организует массовые митинги, публично солидаризируется с видными фигурами федерального уровня, а с появлением клубов избирателей обретает еще и разветвленные сети на местах. Структурная трансформация движения

¹ Белонучкин 2002.

² Duncan 1992: 89.

сопровождается переопределением его отношений с партийными реформаторами. Организаторы кампании поддерживают «радикалов» из аппарата, конкурирующих с «умеренными» (сторонниками Горбачева). «Радикалы» входят в движение через верхние эшелоны власти; в сущности, они к нему не принадлежат, однако воспринимаются как крупные оппозиционные фигуры. Этот сговор — одна из движущих сил, которые сообщают движению логику прямого противостояния с «советской властью», в рамках которой «умеренные» реформаторы все более отождествляются с «консерваторами».

Всем членам движения так или иначе придется подчиниться этой логике. В 1989 году у них нет своего собственного места на предвыборной сцене, так как они не преодолели барьеров на входе в соревнование, и им приходится примыкать к реальным кандидатам. Все, что они делают на других аренах взаимодействий, интерпретируется их контактными лицами из партии в свете предвыборной борьбы. И хотя первые неформалы пытаются дистанцироваться от более «радикальных» новобранцев, они так и не находят способа взаимодействия с «умеренными» реформаторами. Условия предвыборной игры склоняют их к перемене идентичности, к переопределению своего места и своей роли.

Правда, предвыборная арена открывает также и новые возможности. И тем и другим она позволяет сблизиться с верховной властью, которая и сама сменила политическую идентичность: это уже не ЦК КПСС, а союзные депутаты. Наконец, она дает возможность и неформалам-демократам получить доступ к институциональным позициям. Столь острая внутренняя конкуренция внутри движения объясняется высокими ставками, разыгрываемыми на выборах 1990 года. Однако, несмотря на эту конкуренцию, разные части движения так или иначе втягиваются в логику противостояния: она даже становится одним из основных козырей предвыборной борьбы.

2. Неформальные клубы и борьба внутри КПСС

С 1989 года КПСС уже не та, что была прежде; она вступает в фазу распада. Властные отношения внутри нее теряют свою объективированность: комитеты, связанные иерархическими отношениями, втягиваются

в конкуренцию и публично нападают друг на друга. В результате фрагментации «реформаторского» и «консервативного» лагерей внутри партии появляется множество других лагерей. Принцип федерализма постепенно выходит из-под контроля. В 1988 году некоторые члены КПСС перестают платить взносы. В 1989 году таких случаев становится больше, но акторы еще не осознают истинных масштабов явления. Распад партии сказывается и на ее отношении с другими политическими аренами: участники игры используют выборы, чтобы нанести удар по противникам и внутренним конкурентам. Под вопрос поставлена и иерархия ресурсов: высокая позиция в центральном аппарате партии уже не обязательно превосходит позицию депутата СССР или РСФСР; партия теряет контроль над своими ответвлениями (общественными организациями), которые самостоятельно предоставляют ресурсы неформальным клубам. Эти ресурсы, неожиданно оказавшиеся в избытке, теряют в цене, что уменьшает и власть принуждения, на которую могли рассчитывать их владельцы.

Упадок партии необычайно стремителен. Мартовские выборы на Съезд народных депутатов РСФСР в 1990 году резко меняют ее положение в политической игре: ее перестают воспринимать как место, где разыгрываются важные ставки. Из нее можно выйти, можно без особого ущерба прекратить завоевывать властные позиции в партийной структуре. Уход в июле 1990 года видных фигур вроде Ельцина и «радикальных» реформаторов ускоряет ее организационное рассыпание; уже непонятно, являются ли партийные организации политическими или хозяйственными органами; снимаются некоторые идеологические табу; главные ставки перемещаются с центрального уровня к республиканским компартиям.

В этом контексте *структурной неустойчивости*, когда исчезают привычные ориентиры и акторы больше не способны просчитывать, предвидеть и четко определять свою ситуацию¹, партийные неформальные клубы тоже изменяются: они становятся местами борьбы и способствуют трансформации партийной арены. Они также трансформируют и неформально-демократическое движение — в силу масштаба своей представленности на этой сцене.

¹ См.: Dobry 1986: 150—153.

Партийные клубы пытаются захватить власть в рамках организации, вдохновляясь политикой сговора, характерной для первоначального периода. Тем не менее создается впечатление, что они способны сильнее, чем в 1987—1988 годах, давить на реформаторов, поскольку последних упадок КПСС сделал более уязвимыми. В частности, теперь проще указать политическую идентичность противника или внутреннего конкурента. После выборов 1990 года динамика игры заставит их, в свою очередь, скатиться к логике столкновения.

Партийные клубы и реформаторы

Форма «партийного клуба» испытывает расцвет в 1989 году — в связи с фрагментацией КПСС. Такие клубы используются во внутренних властных играх как места политического столкновения, в них вкладывают силы и ресурсы. Однако они быстро обретают автономию в этой игре и становятся чем-то большим, нежели простое оружие в чужой борьбе: они изменяют структуру самой партии.

Фрагментация партии

КПСС подвергается тройной фрагментации: идеологической, географической и административной. «Консерваторы» и «реформаторы», представлявшие собой относительно стабильные лагеря в 1987—1988 годах, распадаются на фракции. «Радикальные» реформаторы (Ельцин, члены МДГ) отныне отдаляются от «умеренных» (Горбачев). В стане «консерваторов» наряду со «сталинской» и «необольшевицкой» появляется «националистическая» тенденция. Некоторые из этих сегментов обретают новые организационные формы. Так, в лагере реформаторов в начале 1990 года, накануне XXVIII Съезда КПСС (июль 1990) складываются «демократическая» и «марксистская» платформы. Эти группы, появившиеся на низовом уровне, не воспроизводят деление на «умеренных» и «консерваторов», существующее в верхах партии, — это уже совсем иное разделение. Консерваторы-националисты присваивают себе организационную форму, которая по умолчанию оставалась вакантной, и в июне 1990 года создают Коммунистическую партию РСФСР (Россия была единственной республикой, до тех пор не имевшей своей собственной КП). Команда Горбачева пытается

заделать трещины в пошатнувшемся здании партии, однако ей не удастся ограничить влияние различных движений. Центральный Комитет в феврале 1990 года тоже принимает свою «платформу» и позволяет основать российскую КП — несмотря на то, что Горбачев считает ее враждебной ЦК¹.

Географическая фрагментация КПСС становится очевидной в конце 1989 года, когда Литовская КП провозглашает свою независимость. Битва по поводу федерализма внутри партии представляется всем акторам разминкой и разработкой сценария, по которому республикам будет предоставляться автономия в рамках СССР или даже независимость. ЦК КПСС осуждает самовольное объявление автономии республиканской компартией, но не способен принудить ее к восстановлению порядка. Это лишь этап уже начавшегося раскола: за несколько месяцев до этого (с ноября 1988 по июль 1989 года) три Прибалтийские республики провозгласили *суверенитет*, то есть приоритет своих законов над законами СССР; отсутствие серьезного сопротивления автономизации Литовской компартии позволяет Верховному Совету республики в феврале 1990 года объявить о *независимости* от СССР. Однако если федерализация партии разрешена *de facto*, то невозможно запретить и создание компартии РСФСР. Аргумент национального суверенитета способствует осуществлению замыслов консерваторов КПСС, но его столь же широко эксплуатируют и «радикальные демократы».

И наконец, административная машина КПСС дает сбои, когда некоторые ее элементы отвоевывают автономию по отношению к вышестоящим комитетам и стремятся накопить ресурсы, чтобы обеспечивать ее воспроизводство. В ходе выборов 1989 года вышестоящие инстанции хранили полное молчание по стратегическим вопросам; это «самоустранение», возможно, стало одной из главных причин того, что иерархические отношения внутри партии утратили характер объективной данности. А также способствовало развязыванию повсеместной конкурентной борьбы между комитетами. Как мы помним, Московский горком и ЦК предоставили относительную автономию райкомам экспериментальной зоны в вопросах их взаимоотношений с неформалами. В течение

¹ Горбачев 1995. Т. 1: 531.

предвыборных кампаний 1989 и 1990 годов отсутствие каких-либо директив, похоже, тяготит райкомы, так как это не самый адекватный уровень для координации и принятия решений. Связи между разными эшелонами прерываются; более того, развязываются междоусобная борьба и соперничество, откровенно демонстрируемые на публичной сцене. Выступая перед членами КПСС своего района, руководители Севастопольского райкома подчеркивают некомпетентность городского комитета, проявленную в предвыборных кампаниях 1989—1990 годов, и призывают к «существенному сокращению его аппарата»¹. Численность аппарата КПСС, уже упавшая на 30% после XIX партконференции летом 1988 года, после XXVIII Съезда уменьшается еще на 40%². Нижние эшелоны перестают передавать информацию наверх. Каждый ищет свои собственные каналы информации по неформальным клубам: в 1990 году ЦК, до тех пор опиравшийся на нижестоящие комитеты, создает Отдел по работе с общественными организациями. Дробление внутри партии накануне XXVIII Съезда только усиливает ощущение, что ситуация вот-вот окончательно выйдет из-под контроля.

Вследствие неопределенности конъюнктуры в 1989—1990 годах искажаются и иерархические отношения внутри партии, а ее акторы не в состоянии просчитывать возможные последствия своих действий. Арена партии теперь структурируется иначе. Кроме того, ее распад позволяет новым акторам, таким как партклубы, выйти на сцену и стать новыми точками отсчета в этой дестабилизированной системе.

Партийные клубы во властных играх

Партийные клубы впервые обращают на себя внимание во время выборов 1989 года: быстрый рост количества их членов и их инструментализация во властных играх между разными эшелонами власти и между самими реформаторами позволяют им перехватывать ресурсы и перепределять в свою пользу некоторые силовые отношения. Созданная ими в январе 1990 года «Демократическая платформа» воспринимается как важнейший политический актор, и в нее активно вовлекаются «видные деятели» партии.

¹ Документ Севастопольского райкома КПСС 1990 (док. 47).

² Gazier 1992.

Массовость как способ заявить о себе

Напомним, что неформалы вышли за диктуемые им КПСС границы во время XIX партконференции, решив громко заявить о себе перед лицом как консерваторов (после публикации письма Нины Андреевой), так и реформаторов — через создание клубов внутри самой партии. КПСС тогда рассматривалась ими как «ведущая сила реформ»¹. Процесс распада партии придает партклубам небывалый вес в игре. «Реформаторы из аппарата» демонстрируют неожиданный всплеск интереса к ним во время предвыборной кампании 1989 года, рассматривая партийные клубы как новый канал коммуникации с неформальными организациями, набирающими силу в политическом соревновании. В официальной прессе появляются статьи о «Московском партийном клубе» (МПК), по образу и подобию которого создаются клубы в сотне других городов. Под влиянием МПК эти клубы объединяются в рамках «Демократической платформы в КПСС» в январе 1990 года.

С 1989 года партийные клубы завоевывают себе место в политической игре за счет своей массовости. Ради увеличения численности они без колебаний принимают в «Демплатформу» многих сочувствующих членов партийных организаций, которые вовсе не являются членами неформальных клубов. На момент создания «Демплатформа», по ее собственным оценкам, представляет клубы и партийные организации — общим числом 162, что составляет 60 000 человек (или 0,3% от численности КПСС)². Она также может похвастаться административной поддержкой: к 455 делегатам учредительной конференции добавляется 300 приглашенных, среди которых фигурируют около двадцати союзных депутатов.

*Партийные клубы как ставка
во внутрипартийном состязании*

Партийные клубы, а затем «Демократическая платформа» становятся заметны и набирают силу благодаря тому, что разные комитеты КПСС инструментализируют их в своей борьбе за власть. Однако им

¹ И. Чубайс, интервью 18.1.1994 г.

² См.: «Демократическая платформа в КПСС» 1990 (док. 9). Это не просто громкое заявление: ее газета «Демократическая платформа» действительно выходит тиражом 50 000 экз. Ее аудитория сконцентрирована прежде всего в Москве и Московской области, где клубы насчитывают 31 000 сторонников.

удается вести собственную игру. Покровительствуя тому или иному клубу, комитеты изыскивают способы отметить свое присутствие в качестве политических акторов и политически позиционировать себя. Клубы и «Демократическая платформа» становятся плацдармами, где проще заявить о тех или иных позициях и где различные партийные руководители сводят счеты со своими противниками. Акторы приходят к пониманию, что именно там, а не в более институционализированных партийных инстанциях стоит разворачивать актуальную политическую игру.

Между тем или иным клубом и его официальным покровителем устанавливается настолько тесная связь, что их позиции в политическом пространстве можно считать эквивалентными. Во внутривнутрипартийном соревновании используется, в частности, такая тактика: напасть на тот или иной клуб, чтобы нанести удар по своему сопернику, который этому клубу покровительствует. Конкуренты ведут игру, надев маски. В конфликте между Московской высшей партийной школой и Московским горкомом¹ И. Яковенко, близкий соратник ректора МВППШ, предлагает «Демократической платформе» принять резолюцию, осуждающую политику горкома. Очевидно, что «Демплатформа» становится местом сведения счетов.

Позволяя использовать себя в этих играх и становясь местом артикуляции альтернативных позиций внутри партии, клубы в результате становятся заметными в публичном пространстве. «Демплатформа» считается достаточно серьезной организацией, чтобы некоторые из партийных «знаменитостей» стремились в нее войти². Первые среди них — выходцы из МВППШ. И. Яковенко свидетельствует:

¹ Школа иерархически подчиняется горкому, хотя она и привязана к Центральному Комитету.

² Бурдьё (Bourdieu 1981) проводит различие между «знаменитостью» (*notable*), которая обладает «персональным капиталом известности», накопленным в течение всей жизни вне рамок партии, и штатным сотрудником, который обладает «капиталом, делегированным (ему) политической властью», переданным ему партией на ограниченный срок и в ограниченных объемах. Те, кого мы называем здесь «знаменитостями», приобрели большую часть своего капитала в качестве штатных партийных руководителей, однако они присваивают его себе, чтобы инвестировать в другие сферы, в частности в «Демплатформу». Именно благодаря участию в демократическом движении некоторые «штатные деятели» превращаются в «знаменитостей». Что касается союзных депутатов-демократов,

Это было в конце 89-го года, накануне создания «Демплатформы», когда я понял, что в общем «Демплатформа» может стать чем-то реальным, чем-то более или менее серьезным, чем те небольшие тусовки, которые существовали, изолированные, зачастую маргинальные, такие как «Демократический союз» и другие. И стало ясно, что надо для себя решать. Причем вот этот разговор с Вячеславом Николаевичем [Шостаковским, ректором МВГПШ,] был один на один. И я сказал, что пойду на первую конференцию учредительную «Демплатформы». Вячеслав Николаевич сказал, что он тоже, видимо, делает такой выбор¹.

На самом деле в «Демплатформе» соединяются два типа «знаменитостей», вступающие друг с другом в конкуренцию. Первый представлен номенклатурой, и тут Шостаковский, приближенный А. Яковлева, возможно, является самой большой *добычей* неформалов, которые вскоре будут считать его посредником в своих взаимодействиях с ЦК. Второй тип представлен союзными депутатами, превратившимися в новых «звезд» политики (Ельцин, Афанасьев, Попов, Травкин). В первые годы Перестройки они накопили персональный политический капитал и смогли конвертировать его в победу на выборах в 1989-м. Они черпают свою легитимность в возвращении институционального значения советам и в усилении этой арены в политическом поле. «Демплатформа» становится, таким образом, местом стратегической борьбы. Если принять гипотезу о том, что руководители МВГПШ вступили в нее из расчета, то цель их, возможно, состояла не в том, чтобы контролировать «Демплатформу» как таковую (как предполагает И. Чубайс), а в том, чтобы помешать «радикальным» депутатам «Межрегиональной депутатской группы» (МДГ) полностью захватить в ней власть. Неформалы явным образом предпочитают последних, и они занимают четверть мест в координационном совете «Демократической платформы».

КС избран в январе 1990 года; его состав:

выходцев из аппарата, то они начали свою реконверсию в «знаменитостей» благодаря Съезду народных депутатов СССР.

¹ И. Яковенко, интервью 1.7.1993 г.

- 13 депутатов СССР, в том числе: Ельцин (1)¹, Афанасьев (2), Попов (3), Травкин (4), Бурбулис (10), Гдлян (13), Иванов (14),
- Шостаковский (5),
- 15 представителей партклубов, ранжированных по региону и в алфавитном порядке. Москва получает почти четверть мест (13, среди которых — И. Чубайс, Малютин, Лысенко и Шахновский из МПК) и контролирует управление всеми рабочими секциями КС.

В Координационном совете (в том виде, в каком он сложился) обна- руживаются два основополагающих элемента: депутаты МДГ и лидеры московских клубов. Тем не менее депутаты окажутся на первом заседа- нии Координационного совета только в апреле 1990 года, после атаки со стороны консерваторов (открытое письмо ЦК, см. ниже). В отличие от Шостаковского они всерьез восприняли «Демократическую платфор- му» не сразу, а лишь после прецедента, получившего всесоюзную огласку.

Захват ресурсов

Конкуренция между подразделениями партии, а также приход зна- менитостей в «Демплатформу» позволяет неформалам-демократам захватить более значительные ресурсы (в частности, залы заседаний и контакты с прессой) и переопределить в свою пользу соотношение сил с владельцами помещений.

Вследствие увеличения числа структур КПСС, готовых поддержать партклубы и «Демплатформу», становится больше доступных для заседаний залов. В каком-то смысле крупнейшие клубы могут теперь выбирать, поскольку «продавцов» на рынке оказалось больше, чем «покупателей». Из-за чего этот тип ресурсов теряет и свою принуди- тельную силу. Например, таким образом МПК смог освободиться от влияния Севастопольского райкома: в феврале 1990 года он потерял там свое помещение, но это не особенно повлияло на его судьбу. Цен- ность ресурсов подвержена сильным колебаниям. В прежнее время неформалы искали себе места для заседаний, теперь же райкомы ищут

¹ Цифры соответствуют порядку упоминания их имен в документе «Демократической платформы — 1990» (док. 15).

тех, кто нуждается в их помещениях. Этот тип ресурсов потерял в цене, и через доступ к нему уже невозможно контролировать клубы. Райкомы, вовлеченные в политическую борьбу, пытаются диверсифицировать свою клиентуру, чтобы не оказаться в слишком сильной зависимости от протезируемых ими неформальных клубов. В 1989 году, пуская в свое здание МПК, Севастопольский райком предлагает также свои помещения патриотической группе и оказывается в роли защитника идейного течения, не соответствующего его собственной позиции на партийной арене. Он занимает, таким образом, дифференцированные (и порой сложносовместимые) позиции — в зависимости от того, в каком пространстве игры выступает.

Неожиданный избыток ресурсов, которым пользуется «Демплатформа», во многом объясняется приходом знаменитостей. Те, кто обладают властью принимать решения по поводу распределения институциональных партийных ресурсов, начинают частично перехватывать их в пользу «Демплатформы», что придает им серьезный вес в рамках неформально-демократического движения. Помимо помещений, ресурсом являются прежде всего средства пропаганды и копировальная техника. И. Яковенко, коллега Шостаковского по МВПСШ, использует ежемесячное издание ЦК КПСС «Диалог» (бывшее «Политическое образование»), редактором которого является, для распространения идей «Демплатформы». Кроме того, Школа поддерживает «Демплатформу» в тот момент, когда последняя всячески старается показать, что обладает большинством внутри партии: в апреле 1990 года МВПСШ публикует результаты опроса, демонстрирующего, что «Демплатформу» поддерживают 40% членов КПСС, тогда как «Платформу ЦК» — всего 24%¹. Эти показатели невозможно поставить под сомнение внутри самой партии, учитывая статус и функции МВПСШ. То, что являлось лишь представлением о возможном перевесе «Демократической платформы», переопределяется этими цифрами, и таким образом возникает необратимый эффект принуждения в отношении стратегий других членов партии. Вступление в «Демплатформу» Шостаковского, будь оно результатом личного решения или рекомендации Яковлева, поднимает «Демокра-

¹ Дысенко 1990б.

тическую платформу» на следующую ступеньку политической лестницы (хотя и сама эта лестница постепенно трансформируется): «Если бы не участие Шостаковского, то я думаю, что сам текст “Демократической платформы” не был бы напечатан в “Правде”», — утверждает И. Яковенко¹. Ни один из документов неформалов до тех пор не публиковался в таком авторитетном издании, как официальный орган ЦК.

Знаменитости перехватывают ресурсы в пользу «Демплатформы», а та, в свою очередь, помогает им поддерживать идентичность «демократов» (тем, кто еще публично не был вовлечен в политическую деятельность), а самым известным из них — и возможность оказаться в эпицентре ряда широко медиатизированных событий. Например, участие некоторых видных фигур в учредительной конференции «Демплатформы», скорее всего, отчасти объясняется мощным присутствием на этом мероприятии прессы — официальной, зарубежной и неформальной.

*Тактическое сближение с реформаторами из ЦК:
акцент на трансформацию партии*

«Демократической платформе» удастся утвердить себя и на самом высоком уровне политической игры благодаря взаимовыгодному обмену услугами с реформаторами из ЦК. Клубы и «Демплатформа» выводят на партийную арену две запретные темы: о свободе образования внутрипартийных фракций и об отмене 6-й статьи Конституции 1977 года о руководящей роли партии. Эти идеи уже имели хождение в высших сферах власти, но в общественных дебатах они появляются благодаря партийным клубам. Реформаторы из ЦК могут таким образом прощупать реакции разных действующих лиц и оценить соотношение сил, не беря на себя груз ответственности за развертывание этих дебатов. Присутствие партклубов также позволяет им сохранить лицо: когда под внешним давлением приходится изменить 6-ю статью, они делают это во имя требований, исходящих *изнутри* самой партии. В обмен на эти «услуги» реформаторы из ЦК демонстрируют по отношению к «Демократической платформе» явное признание. Разумеется, тот

¹ И. Яковенко, интервью 1.7.1993 г.

факт, что партклубы и «Демплатформа» используются реформаторами из ЦК (и позволяют им себя использовать), вовсе не свидетельствует ни о манипуляциях, производимых одними над другими, ни даже о наличии схожих интересов. Скорее, имеются общие тактические задачи, поскольку требования «Демплатформы» устраивают реформаторскую часть Центрального Комитета.

Неформалы первыми нарушили запрет на создание фракций, апеллируя к позициям, которые в 1920-х годах были сформированы теми, кто противостоял превращению партии в монолитную структуру и сопротивлялся аппаратной политике Сталина. Благодаря отсылке к партийной истории эти позиции обладают высокой легитимностью в эпоху Перестройки.

Подготовительные работы по формированию фракции начинаются в августе 1989 года. При этом избран термин «платформа» — ввиду его легальности и символического значения. В отличие от фракций, запрещенных в 1921 году на X Съезде партии, платформы тогда были временно разрешены для внутрипартийных дискуссий, но должны были распускаться сразу по принятии решения партией. Так, хотя «Демплатформа» оставляет некоторую неясность в отношении своей истинной «природы» (платформа или фракция), она подчиняется уставным правилам, выбирая свой руководящий орган сроком всего на шесть месяцев, то есть до XXVIII Съезда КПСС. «Демплатформа» следует стратегии неопределенности: для ее основателей важно найти формы, приемлемые в данный момент, и постепенно раздвигать границы «допустимого». И кстати, не так уж очевидно, что по поводу общей цели имелось согласие: неопределенность позволяет защищаться от внешнего мира и избегать внутренних конфликтов. «Демплатформа» возрождает существующую форму мобилизации, чтобы наделить ее новым значением и пересмотреть основополагающие правила партии: превратить платформы в постоянные организации и дать возможность актерам, внешним по отношению к ЦК, также создавать таковые. Как только в политическом словаре термин «фракция» становится привычным, «Демплатформа» осуществляет прямое нападение на сам механизм «демократического централизма», обеспечивающий единство КПСС.

Реформаторы ЦК не сопротивлялись идее вывести на поверхность свои внутренние разногласия. С 1985 года А. Яковлев предлагал М. Горбачеву создать две фракции внутри партии или даже разделить ее, открывая таким образом дорогу двухпартийности.

Структуру власти я предлагал не совсем демократичную. Я считал, что на том этапе президент должен выдвигаться и избираться обеими партиями, а вот формировать правительство должна победившая партия. Но Горбачев сказал: «Рано, Саша, рано»¹.

Часть Центрального Комитета подражает «Демократической платформе», учреждая в феврале 1990 года собственную «платформу». Это своего рода признание «Демократической платформы», тем более что текст последней, как мы видели, получает официальный статус благодаря публикации в «Правде». А главное, учреждение и публикация трех платформ (к уже упомянутым добавляется «Марксистская платформа», вышедшая из реформаторского движения) позволяют реформаторам из ЦК придать политической игре во время XXVIII Съезда троичную структуру, исключая из него «правых», то есть консерваторов-националистов, считающихся самыми неуступчивыми. В этой структуре мы находим «левых» в виде «Демократической платформы», выступающей за рынок; тоже слева, но в ином смысле находится «Марксистская платформа»; а в центре — «Платформа ЦК»².

Врезка 12

Три платформы на XXVIII Съезде КПСС (июль 1990)

В «Правде» сначала опубликована «Платформа ЦК» (13.2.1990), затем «Демократическая платформа» (3.3.1990) и «Марксистская платформа» (16.4.1990).

¹ Яковлев 2000. Что касается второй составляющей этой реформы — учреждения должности Президента СССР, — то оно было реализовано. Предложение по ее созданию поступило на XIX партконференции (июнь 1988 года), а постановление было принято на Съезде народных депутатов СССР в марте 1990 года.

² Речь идет о специфической для той эпохи картине политического пространства, со специфическим смыслом «правых» и «левых».

«Платформа ЦК» предлагает регулировать экономику, сочетая планирование и рынок. Она признает разные формы собственности, нацелена на создание правового государства, отказывается от идеи диктатуры пролетариата и утверждает свое намерение передать власть советам и изменить 6-ю статью Конституции. Она признает многопартийную систему, выступает за институционализацию президентства и радикальную трансформацию федеративного устройства. Она предлагает также пересмотреть принцип демократического централизма.

«Демократическая платформа» представляет проект демократизации партии, который во многом опирается на существование фракций. В своей экономической программе, опубликованной лишь в апреле 1990 года, она выступает за экономику, основывающуюся на рыночных принципах.

А вот «Марксистская платформа» не принимает самой идеи фракционизма. Она стремится повлиять на идеологическую позицию КПСС и заставить ее отойти от всех «двусмысленных формул, допускающих восстановление господства частнособственнических порядков»¹.

Принятие Центральным Комитетом термина «платформа», безусловно, является для партклубов символической победой, но здесь же можно усмотреть и стремление ограничить смысл этого понятия или по крайней мере помешать «платформе» трансформироваться во «фракцию». Ведь Горбачев заявляет о своем неприятии свободы создания фракций, что означало бы «смерть партии»². Эта принципиальная позиция — сигнал, адресованный его противникам из разных лагерей («демократическим» депутатам СССР и консерваторам КПСС) и говорящий о его намерении удержать свое влияние на партию, особенно после избрания на пост президента СССР (март 1990), когда депутаты-«демократы» пытаются заставить его покинуть пост Генсека КПСС. Тем не менее неприятие фракций имеет прежде всего символический смысл: Горбачев не препятствует ни фактическому созданию консервативной фракции (российской КП) в июне 1990 года, ни отказу от демо-

¹ Зевелев и др. 2000: 533.

² Горбачев 1990.

кратического централизма на XXVIII Съезде, на котором были приняты и другие формы внутрипартийной организации помимо фракционизма. Новый партийный устав допускает беспрецедентную автономию различных подразделений партии.

Врезка 13

Формы автономии организаций КПСС после XXVIII Съезда КПСС (2—13 июля 1990)

Автономия организационных форм

«[Первичным партийным организациям] предоставлено право самостоятельно решать вопросы приема в партию и прекращения членства в КПСС, определения своей структуры, направлений и методов работы, периодичности и порядка проведения собраний, политических акций, финансово-хозяйственной деятельности, установления взаимоотношений с советскими и общественными организациями»¹.

Разрешено создание «платформ» и «горизонтальных» организаций типа политических клубов и семинаров².

Самоокупаемость

Чтобы компенсировать грядущее уменьшение доходов от членских взносов (по причине массового выхода из КПСС), партийным организациям предоставляется финансовая автономия (право заниматься коммерческой деятельностью, создавать предприятия, покупать акции³): фактически они могут превращаться в малые предприятия. Эти формы автономии — констатация состояния распада партии и фрагментации общества: стало невозможно отделить политическое от экономического, происходит размывание институциональных границ. Превращая парт-организации в предприятия, ЦК пытается создать выборочное стимулирование, чтобы члены КПСС не покидали партию. Кстати, вполне возможно, что таким образом им разрешают вступить в конкуренцию с комсомолом за присвоение государственных благ.

¹ 19 МК КПСС 1990 (док. 38: 3—4).

² См.: White 1991.

³ МК КПСС 1990 (док. 38: 16).

У самоокупаемости есть и обратная сторона: членские взносы, собираемые на нижних уровнях, перестают поступать наверх. Если первичные организации могут оставлять себе 50% взносов и доходов от коммерческой деятельности (перечисляя остальное вышестоящему комитету), то парторганизация ИМЭМО, к примеру, вообще думает о том, чтобы ограничиться перечислением символической копейки горкому¹. Она готовится совершить акт непослушания, но не решается порвать символическую связь с партией.

Точно так же Севастопольский райком, предчувствуя сокращение доходов на 30% в 1991 году по сравнению с 1990-м, решает резко сократить свои отчисления в бюджет КПСС (с 57,5% доходов в 1990 году они должны снизиться до 5,5% в 1991-м). Зато он утраивает бюджет, который должны обеспечить первичные организации². Таким образом, райком пытается сформировать собственную локальную вотчину, и эта логика вынуждает его сократить свои бюджетные связи с вышестоящими комитетами. Отметим, что сокращение отчислений, запланированное райкомом, пропорционально доле сторонников, на которых опирается «Демократическая платформа». Представление о возможном развитии ситуации, сложившееся после опроса Московской высшей партийной школы, в данном случае осязательным образом влияет и на бюджетное планирование.

Под предлогом преодоления принципа «демократического централизма» происходит не только ратификация, но и усиление процесса автономизации различных партийных структур. В этом контексте формальный запрет на образование фракций, разумеется, не способен скрепить разваливающуюся конструкцию.

Таким же символическим, как запрет фракций, было и сохранение 6-й статьи Конституции. В отличие от первого вопроса о фракциях статус партии юридически должен регулироваться извне партии, а именно Съездом народных депутатов СССР.

¹ Внутренний документ Севастопольского райкома 1990 (док. 49).

² Внутренний документ Севастопольского райкома 1990 (док. 50).

Внутри партии дебаты по 6-й статье приводят к серьезным разногласиям. По данным Московского партийного клуба (МПК), в конце 1989 года кристаллизуются три разные позиции¹:

- за пересмотр Конституции выступают, с одной стороны, «социал-демократы» (в частности, МПК), ратующие за *«радикальную трансформацию КПСС в демократическую партию парламентского типа и за постепенный переход к многопартийности»*, а с другой стороны, «еврокоммунисты», желающие превратить КПСС в *«цивилизованную компартию западного типа»*;
- с точки зрения консерваторов из «аппарата», 6-ю статью следует сохранить в неизменном виде: они согласны только на «косметический ремонт» партии; *«реакционные сталинисты»* противостоят любым серьезным изменениям; а «ортодоксальные ленинисты» борются за возвращение к модели революционной партии;
- и наконец, «центристы», или «умеренные реформаторы» (Горбачев), *«понимая, что руководящая роль КПСС не может быть сохранена в прежней форме, высказываются за переход от прямой власти (партократии) к непрямому доминированию при сохранении однопартийной системы»*. Отмена 6-й статьи Конституции с их стороны является прагматическим расчетом, который мог бы позволить им удержаться у власти.

Таким образом, МПК указывает, что в пользу пересмотра 6-й статьи выступает весьма разнородное большинство. Однако принять такое решение непросто. Под давлением депутатов СССР реформаторы из ЦК вынуждены запустить этот процесс, а партклубы помогают им сохранить видимость приличий. В ноябре 1989 года не хватает лишь двух голосов, чтобы этот вопрос был записан в повестку дня II Съезда народных депутатов СССР, который должен состояться в марте 1990-го². Демократы — не единственные, кто желает поднять этот вопрос: количество депутатов, высказавшихся за внесение его в повестку Съезда (198),

¹ МПК 1989 (док. 6).

² МПК 1989 (док. 5).

существенно превышает число членов МДГ, заседающих в Верховном Совете (90). Поэтому ни у кого нет сомнений в том, что рано или поздно этот вопрос будет поднят на Съезде. Для Горбачева ставка заключается в том, чтобы партия согласилась на пересмотр Конституции *еще до того*, как депутаты сами примут это решение. Отныне расписание работы парламента оказывается важнее партийного политического календаря. Невозможно дожидаться XXVIII Съезда партии (июль 1990), который и должен по идее принимать столь важную резолюцию; поэтому она в срочном порядке принята на пленуме ЦК уже в феврале 1990 года.

И здесь невозможно не увидеть, какую услугу оказали реформаторам из ЦК «Демплатформа» и партклубы, за год успевшие популяризовать в рядах КПСС идею отмены 6-й статьи. В своей «платформе» в феврале 1990 года ЦК заимствует у них это требование, с тем чтобы представить его на Съезде народных депутатов¹. 6-я статья в новой редакции будет принята на Съезде СССР 14 марта 1990 года².

Хотя «Демплатформа» и оказывает услугу реформаторам из ЦК, она параллельно преследует и собственную стратегию завоевания власти внутри партии, чтобы добиться перераспределения полномочий.

Соблазн завоевания власти внутри партии

Сохраняя отношения с «умеренными реформаторами», неформалы пытаются захватить часть власти внутри КПСС. Совершая ряд решительных действий (давление в целях введения новых правил игры, идеологическое дистанцирование от коммунизма, угроза коллективного выхода из партии) они позиционируют себя как силу, которая потенциально готова *стать* оппозицией, в случае если ее требования не будут

¹ «К гуманному, демократическому социализму (Платформа ЦК КПСС к XXVIII Съезду Партии) (проект, одобренный февральским (1990 г.) Пленумом ЦК КПСС)» // Правда. 13.2.1990. С. 1—2.

² «Коммунистическая партия Советского Союза, другие политические партии, а также профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах, участвуют в выработке политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами». Эта поправка принята на Съезде народных депутатов СССР 1817 голосами против 133, при 61 воздержавшемся (Gazier 2002: 144).

приняты во внимание. Следуя стратегии угрозы, «Демплатформа» отличается как от неформального движения первого периода, гарантировавшего, что не перейдет в оппозицию, так и от организаций на избирательной арене, открыто определяющих себя как оппозицию. Однако решения о тактиках принимаются вовсе не единогласно и порождают конфликты и расколы, в результате которых победившие позиции все больше склоняются к оппозиционной логике, беря за образец модель, действующую на избирательной арене.

Субверсивная стратегия

«Демплатформа» пытается ввести новые формы легитимации и полномочий внутри партии. Большинство ее участников не являются освобожденными партийными работниками, и у них нет никаких шансов занять позиции в аппарате при действующих правилах игры. Этим и объясняется необходимость навязать новые правила, перенимая их у предвыборной игры. Так что партклубы и «Демплатформа» становятся важными (но не единственными) каналами, по которым логика избирательной арены проникает в КПСС. Введение этих внешних правил — способ взять верх на своей собственной арене. Они втянуты в социальную динамику, способствующую стиранию границ между разными пространствами состязания и увеличению политической флюидности. Однако этими действиями они лишь ослабляют свою собственную арену.

Слом институциональных ритмов

Сразу после выборов 1989 года партклубы затевают борьбу за созыв внеочередного Съезда КПСС, не дожидаясь очередного съезда, который должен был пройти в феврале 1991-го. Воспользовавшись этими первыми выборами, ослабившими аппарат, партклубы решили действовать, чтобы привязать ритм партийной жизни к ритму советов, как если бы их собственные шансы на успех теперь зависели от этого внешнего им пространства. Собственные институциональные ритмы, свойственные той или иной социальной сфере, составляют важный элемент ее автономии: они позволяют ей защищаться от вторжения внешних событий и логик¹.

¹ Об этом см.: Dobry 1986: 163 и след.

Слом пятилетнего ритма партийных Съездов и его подчинение ритму Съездов советов приводит к ослаблению партии, к введению элемента неопределенности в ее пространство.

Неформалы по-прежнему думают, что партийная сфера важна, что она имеет большое значение для политической системы и что именно там будет вестись основная игра. Созвать внеочередной Съезд они хотят для того, чтобы обсудить результаты законодательных выборов марта 1989 года и поражение примерно тридцати высокопоставленных партийных чиновников¹. Они пытаются также повлиять на руководство КПСС и подтолкнуть его к переговорам с ними, выдвигая в качестве аргумента немалую вероятность победы демократов на выборах марта 1990 года. Один из лидеров МПК представляет на учредительном собрании «Демократической платформы» (в январе 1990-го) три возможных сценария развития событий (партия в них по-прежнему рассматривается как центральный элемент политической игры):

Первый вариант, наименее вероятный, но наиболее желательный: если бы январский пленум ЦК КПСС, во-первых, принял решение о проведении внеочередного съезда КПСС сразу же после выборов [...] и утвердил прямые выборы секретарей парткомов [...] и делегатов [...] на XXVIII съезде; [решил вопрос об] оставк[е] с поста Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, с сохранением за ним поста президента страны, [о] формировани[и] оргкомитета по созыву XXVIII съезда КПСС, [о] своеобразн[ом] «кругл[ом] стол[е]» внутри партии [...].

Другой вариант связан с возможностью победы на выборах в республиканские и местные органы власти в Москве, Ленинграде, Прибалтике и ряде других регионов демократических, независимых кандидатов [...]. Опираясь на демократическое движение в стране и партии, на рабочее движение в лице стачечных комитетов, на национально-демократическое движение [в республиках], новые органы власти могли бы осуществить прорыв старой тоталитарной структуры в ключевых пунктах... Это заставило бы руководство партии пойти на переговоры с демократическими силами.

¹ И. Чубайс 1991.

Третий вариант событий. Если верхи не пойдут ни на какие серьезные уступки и демократические силы потерпят поражение на выборах [...], тогда предстоит продолжение революционного развития событий вплоть до очередной катастрофы или общественного потрясения с «китайским эпилогом»¹.

Такому разрыву в институционализированном расписании партийной жизни есть два оправдания. С одной стороны, пятилетний ритм ассоциируется с брежневским периодом, который сам Горбачев назвал периодом «застоя». У партийных неформалов есть ощущение, что необходимо ускорить процесс, как если бы медлительность играла на руку консерваторам и создавала риск возврата назад. С другой стороны, разрыв прежнего ритма воспринимается партийными неформалами как единственный способ захватить властные позиции. МПК напоминает, кстати, что Ленин изобрел сам институт внеочередных съездов в 1905 году с целью перехватить руководство Российской социал-демократической рабочей партией у меньшевиков, которые взяли его в свои руки на предыдущем Съезде². Партклубы хотят воспользоваться внеочередным Съездом, чтобы получить представительство во властных инстанциях; они требуют права организовывать выборы на основе платформ, а также переизбрания ЦК и Политбюро. Если бы им удалось задуманное, то они повторили бы успех клубов избирателей на выборах Съезда народных депутатов СССР.

Под двойным давлением партклубов и «консерваторов» (которые тоже приходят к поддержке идеи внеочередного Съезда, чтобы «сломить горбачевскую линию неопределенности и постоянного лавирования»³) верховная власть сдается по двум направлениям. 1) Уже в июле 1989 года Горбачев объявляет о проведении следующего Съезда перед секретарями ЦК и первыми секретарями территориальных парткомов высших эшелонов, которые считались сторонниками консерваторов. 2) Дата проведения Съезда (июль 1990) назначена на шесть месяцев раньше

¹ Речь идет о событиях на площади Тяньаньмэнь. Лысенко 1990а.

² МПК 1989 (док. 7). Неформалам явно нравится разворачивать оружие Ленина против партии и верховной власти.

³ Зевелев и др. 2000: 531.

по сравнению с обычным расписанием. Так что хотя Съезд и не совсем «внеочередной», он все-таки и не вполне «очередной».

Изменение «природы» партии

Партклубы хотят добиться изменения устава КПСС и способа доступа к властным позициям: теперь секретари парткомов и делегаты съездов должны, по их мнению, избираться (а не назначаться), выдвигаясь от своей платформы через прямое тайное голосование¹. Выборы фетишизируются, на них смотрят как на универсальное средство демократизации всех институтов. Чтобы удерживать бдительный демократический контроль над представительскими институтами, «Демплатформа» даже предусматривает выборы каждые три года. Предложенный механизм напрямую вдохновлен системой, использованной в 1989 году на выборах союзных депутатов (которые, правда, не принесли успеха неформалам): представление кандидатов от первичных организаций, регистрация кандидатов избирательными комиссиями двух уровней, которые, кроме того, подсчитывают голоса и объявляют результаты². Таким образом клубы стремятся нейтрализовать номенклатуру, понимаемую одновременно как способ рекрутирования, социальная группа и политическая сила: они требуют «полной ликвидации специальных привилегий для выборного актива и аппарата»³, при этом последний должен быть сокращен в размерах и подчиняться «партийным массам» и делегатам съезда.

В этом проекте трансформации КПСС в «парламентскую партию» «Демплатформа» стремится передать власть аппарата депутатам. Вырисовывается образ партии как предвыборной машины, чей аппарат должен превратиться в штат оплачиваемых по контракту технических специалистов и уступить авансцену народным избранникам. Вполне возможно, что лидеры «Демплатформы» в той или иной степени ориентировались на модель американских партий, где ключевые властные позиции завоевываются в избирательном пространстве.

¹ Демократическая платформа в КПСС 1990 (док. 14).

² Там же.

³ МПК 1989 (док. 4).

Наименования как инструмент борьбы

Как мы видели, партклубы добились вполне заметного места на политической арене благодаря своей инструментализации в процессе внутривнутрипартийных властных игр. В момент своего возникновения «Демплатформа» пытается предстать главным игроком реформаторского лагеря, противостоящим консерваторам. Поэтому прежде всего она должна определять себя по отношению к другим группам реформаторов и минимизировать их вес в борьбе. Работа по самоопределению и устранению конкурентов, в которой важнейшую роль играет идеологическое позиционирование, производится в двух полях:

- Внутри «Демплатформы», с момента ее образования и до ее выхода из КПСС в июле 1990 года, каждое столкновение заканчивается победой группы, которой удастся все сильнее и все отчетливее дистанцироваться от «коммунизма», а также последующим вытеснением проигравших. Здесь разворачивается борьба наименований. Первоначально «Демплатформа» отстаивает обозначение «социал-демократы»: это самый «либеральный» лейбл из вообразимых внутри партии. Но едва выйдя из партийных рядов, большинство лидеров «Демплатформы» быстро перейдут на более откровенные «либеральные» позиции (вследствие соревнования внутри демократического движения).
- В более широком пространстве партии главные конкуренты «Демплатформы» — это «умеренные» и «центристские» реформаторы (Горбачев); она пытается устранить их, отрицая за ними какую-либо самостоятельную позицию, как если бы они были полностью поглощены консерваторами.

Идентичности, наименования и «идеологии» внутри «Демплатформы»

Сама «Демплатформа» дает себе довольно размытое идеологическое определение, однако выделяется среди других организаций однозначностью своего дистанцирования, а потом и разрыва с «коммунистической» идентификацией. Это происходит быстро и все более бескомпромиссно в ходе внутренней борьбы, что не мешает, однако, инициаторам

этого процесса неизменно определять себя как «социал-демократов». Таким образом, у этого термина нет устоявшегося содержания.

«Социал-демократическая» позиция состоит прежде всего в том, чтобы дистанцироваться от некоторых кардинальных принципов коммунистических режимов: «диктатура пролетариата, [...] безрыночный социализм, [...] народовластие без политического плюрализма, возрастание руководящей роли правящих коммунистических партий, верховенство общественных интересов над личными, интернациональных над национальными»¹. Накануне учредительной конференции «Демплатформы» в МПК происходит раскол по экономическому вопросу. «Коммунистическая секция» (созданная в октябре 1989 года) противопоставляет «социал-демократическому» большинству, выступающему за реабилитацию «рынка как рычага нормального развития экономики»². Эта секция настаивает на необходимости контролировать некоторые показатели (цены, разницу в доходах) и регулировать трансформации государственной собственности. Из-за недостатка документальных источников позиции «социал-демократов» можно понять лишь «от обратного», то есть на основе контраргументов, которые содержатся в платформе «коммунистической» секции:

Социальная справедливость не сможет быть достигнута, если основные средства производства будут денационализированы, если будет допущена частная собственность с эксплуатацией чужого труда. С другой стороны, эта задача останется нерешенной и в том случае, если государственная собственность, в том виде, как она сложилась сегодня, не будет превращена в подлинно общенародную, которая предполагает, что управление производством и распределением на всех уровнях народного хозяйства осуществляют все трудящиеся непосредственно или через своих представителей. [...] Мы не согласны с теми, кто утверждает, что повысить эффективность народного хозяйства можно, только увеличив имущественное неравенство, ликвидировав социальные гарантии, в т.ч. бесплатное образование и здравоохранение, кто под видом борьбы с «уравниловкой» отвергает саму идею социального равенства³.

¹ Демократическая платформа 1990 (док. 10).

² И. Чубайс 1990.

³ МПК. Коммунистическая секция 1989 (док. 18).

Коммунистическая секция считает необходимым контролировать разницу в доходах между социальными группами (но не внутри социальной группы), создать систему социальных гарантий для трудящихся и неработающего населения, контролировать повышение цен и зарплат в период дефицита товаров. И наконец, она подозревает социал-демократическое течение в стремлении «деидеологизировать КПСС» и установить «модернизированный капитализм». Однако в тексте «Демплатформы», принятом в январе 1990 года, нет никаких следов этого конфликта. Он фокусируется исключительно на реформе внутреннего функционирования и места партии в политической системе. Он не отсылает также напрямую к «социал-демократии». Этот термин появляется лишь в периферийных публикациях (в интервью и выступлениях руководителей «Демплатформы»).

И только в апреле 1990 года «Демплатформа» обнаруживает свои позиции по экономическим вопросам¹: рынок должен быть «главным регулятором хозяйства», а меры социальной политики будут призваны «смягчить» его последствия для самых уязвимых категорий населения. Указывается, что «в руках государства должна остаться только та часть производства, которая требует прямого и непосредственного контроля со стороны общества». Все остальное должно подвергнуться «разгосударвлению». Однако лидеры «Демплатформы» не уточняют, что они подразумевают под термином «разгосударвление», предпочитая сохранить в этом отношении неясность. Помимо государственной собственности они выделяют, не определяя их, еще четыре формы собственности: кооперативную, коллективную, частную и акционерную. Некоторые свидетельства позволяют, однако, судить о том, что большинство в «Демократической платформе» ориентируется на либеральные позиции. Оно уже никоим образом не отсылает к программе МДГ, в которой речь шла о «децентрализации» общественной собственности². Его экономическая программа — точная копия программы января 1990 года избирательного блока «Демократическая Россия», который выстроил свою кампанию на теме антикоммунизма. Термин «самоуправление» используется там исключительно в политическом смысле (как

¹ Демократическая платформа в КПСС 1990 (док. 13).

² См.: Славин, Давыдов 1990. Том 1: 123—138.

синоним автономии инстанций местной власти), а не в экономическом. За неясностью, окутывающей термин «разгосударствление», противники «социал-демократического» большинства могут легко рассмотреть горизонт «приватизации» (хотя само слово пока не произносится).

И наконец, когда в июне 1990 года «Демплатформа» принимает твердое решение выйти из партии, обозначение «социал-демократы», хотя оно и ни к чему не обязывает, все-таки отвергается — как слишком компромиссное. Это переопределение идентичности группы происходит исключительно быстро:

После первого съезда «Демплатформы» [январь 1990 года] уже началось движение части наших людей от социал-демократии. [...] Но еще на втором съезде «Демплатформы» [июнь 1990 года] было даже характерное голосование. Обсуждали вопрос, поддерживаем ли мы идею социал-демократии. В начале съезда проголосовали «за», а в конце съезда «против»¹.

Этот переход к позициям, которые можно охарактеризовать как либеральные, во многом объясняется ситуацией, в которой находилась «Демплатформа»: она должна была одновременно совершить отчетливый разрыв с партией на ее собственной арене и активно заявить о себе в демократическом движении вне КПСС. На внутривнутрипартийной арене приоритет (по крайней мере, как его воспринимают руководители «Демплатформы») состоит в том, чтобы дистанцироваться от «коммунизма» *всеми возможными способами*. И с победой «Демократической России» на выборах в качестве вероятного решения предлагается либеральный дискурс, поскольку именно он представляется политически выгодным². Итак, «Демплатформа» заимствует свою экономическую программу у блока «ДемРоссия», пусть и рискуя показаться лишенным собственной позиции подражателем. Однако это не создает особых проблем: партклубы и «Демплатформа», как и неформальные клубы первого

¹ А. Механик, интервью 18.7.1994 г.

² Сближение с либеральным обозначением происходит за счет особого феномена негласной координации, изученного Шеллингом (Schelling 1966: 54 и след.).

периода, не озадачиваются созданием собственной экономической программы, словно это второстепенный аспект борьбы и конструирования политической идентичности.

Непрекращающиеся трансформации политического поля, радикализация доминирующих групп могут объясняться и радикальностью способов разрешения конфликтов внутри «Платформы» (исключения, расколы). «Коммунистическую секцию» исключают из МПК в декабре 1989 года, накануне первой конференции «Демплатформы»; во время второй конференции, в июне 1990 года, уже сами «социал-демократы» покидают «Демплатформу». Каждый новый разрыв усиливает запущенную динамику и затрудняет возвращение назад. Некоторые устранившиеся соперники присоединяются к «Марксистской платформе».

Тем не менее этот процесс, судя по всему, ставит в затруднительное положение часть членов «Демплатформы»: лидеры, изначально определявшие себя как социал-демократы, иногда весьма двусмысленно используют термин «левый», придавая ему одновременно и западный смысл, и отечественный (как синоним «неконсервативного», то есть либерального течения). Они планируют создать «*левый демократический блок*» вместе с другими внепартийными *социалистическими* организациями, а также — и в этом вся неопределенность — вместе с клубами избирателей и другими «массовыми движениями», большая часть которых вступила в избирательный блок «Демократическая Россия» и не относится к левому спектру идеологического поля.

Динамика различия очень сильно влияет на идентичности акторов: хотят они этого или нет, им приходится себя переопределять. Пока «Демплатформа» не покинула партию, разные ее группы считают (с основаниями или без), что еще слишком рано или слишком опасно использовать некоторые обозначения («либеральный») и некоторые термины («приватизация»). Идентичности фокусируются вокруг нескольких наименований с размытым и подвижным содержанием. Однако стратегия неопределенности позволяет «Демократической платформе» или некоторым ее представителям также позиционировать себя в рамках демократического движения вне арены партии — там, где могут практиковаться другие типологии и наименования.

Символическое оттеснение «реформаторов-центристов»

Политическая борьба внутри партии воспринимается через призму трех организующих ее полюсов: «консерваторы»; «центристы», или «умеренные реформаторы» (Горбачев); «радикальные», или «демократические реформаторы» (к которым примыкает «Демплатформа»)¹.

«Умеренные» и «радикалы», таким образом, оказываются конкурентами за лидерство в борьбе против «консерваторов». «Демплатформа» пытается *свести к нулю* «центристов» на риторическом уровне, целиком ассоциируя их с Центральным Комитетом, который изображается неким монолитом, тогда как внутри него идет противостояние между «центристами» и «консерваторами».

Неформалы уже указывали на сговор между «консерваторами» и Горбачевым, когда последний пообещал секретарям парткомов, что они автоматически станут председателями своего местного совета, если будут избраны депутатами СССР в 1989 году². В 1990 году представители «Демплатформы» говорят о том, что «центристы» будто бы потеряли какую-либо независимость от «консерваторов». Это утверждение оказывается правдоподобным по двум причинам:

- В соревновании между тремя платформами только «Платформа ЦК» кажется способной представлять «консерваторов», так как две другие («Демократическая» и «Марксистская») происходят из реформаторского лагеря. Вследствие такой треугольной конфигурации становится невозможно отличить «центристов» от «консерваторов».
- Публикация в апреле 1990 года письма ЦК с протестом против фракционизма, написанного консерваторами и направленного против «Демплатформы», не была официально осуждена Горбачевым.

Несмотря на это видение политической игры, когда важность «центристов» пытаются минимизировать, после XXVIII Съезда преобладает

¹ Именно такое восприятие характерно для «Демократической платформы». Напомним, что «умеренная», или «центристская», позиция возникла одновременно с делом Ельцина в ноябре 1987 года.

² О принципе сочетания должностей решение было принято на XIX партконференции в июле 1988 года.

представление о противостоянии между Горбачевым и «консерваторами». Стати, вполне возможно, что представления, распространяемые «Демплатформой», как раз и заставили Горбачева по-новому позиционировать себя внутри партии и отодвинуть на задний план различия между тремя платформами.

Угроза выхода (exit) как протест (voice)

Едва войдя в игру, «Демплатформа» сразу использует угрозу раскола, чтобы добиться перераспределения власти внутри партии. Стратегия протеста¹ нацелена на то, чтобы получить право создавать фракции, которые имели бы своих представителей в руководстве КПСС. Этот маневр производит тем более ошеломляющий эффект, что он неожидан: исключение — единственный способ выхода, предусмотренный уставом КПСС, а коллективный выход никогда — со времен революции — не рассматривался как возможный вариант во внутривнутрипартийной борьбе. Но несмотря на препятствия юридического толка и проблемы несоответствия традиции политической борьбы внутри партии, в начале 1990 года решение о коллективном выходе вовсе не выходит за границы возможного: ведь известно, что к этому времени партию покинули десятки и даже сотни тысяч членов². Хотя это менее 1% от общей численности, в абсолютном выражении цифра казалась существенной.

Здесь мы имеем дело со стратегией *угрозы*, а не *выхода*: на самом деле выход преподносится прежде всего как угроза, которую «Демплатформа» тщательно выдает за реальную, давая при этом понять, что выход — не самый предпочтительный для нее вариант. В такой ситуации сторона, выдвигающая угрозу, не намеревается привести ее в исполнение, однако готова это сделать в случае, если ее требования совсем не будут удовлетворены. Как подчеркивает Т. Шеллинг, проблема состоит в том, чтобы заставить поверить в серьезность своих намерений и принудить другую сторону к действиям в нужном направлении³. Эту серьезность обеспечивают «радикальные» депутаты СССР, пользующиеся

¹ Hirschman 1970.

² «МПК» говорит о 300 000 членах, покинувших партию в 1988 году. По другим данным, в 1988—1989 годах партию покинули «всего лишь» 154 000 человек (Зевелев и др. 2000: 529—530).

³ Schelling 1966: 36.

большой популярностью и высоким положением на политическом поле. На учредительной конференции «Демплатформы» они упоминают о возможности выхода. Ю. Афанасьев объясняет:

От [отношения ЦК КПСС к Демократической платформе] будет зависеть, какую тактику мы выберем в преддверии XXVIII Съезда. Образование фракции внутри КПСС? Или же обстановка сложится так, что речь придется вести о формировании новой партии до Съезда КПСС?¹

Таким образом, инициатива принятия решения предоставляется ЦК, но у него узкое поле для маневра, поскольку радикалы представляют себе лишь одну возможную реакцию в зависимости от того, разрешит или не разрешит ЦК создание фракций. Тем не менее «Демократическая платформа» плюралистична. Пока радикалы выдвигают ультиматумы, лидеры партклубов выдерживают гораздо более умеренный тон: они хотят добиться избрания делегатов от платформ на XXVIII Съезд. Однако политические «знаменитости», которых они не выбирали, становятся лидерами их движения, поскольку заняли радикальные позиции. Судя по всему, руководители клубов реагируют на ситуацию с некоторым опозданием.

После того как членам «Демплатформы» было отказано в свободе создания фракций, они угрожают не совсем порвать с КПСС, а созвать *альтернативный* съезд, иными словами, создать ситуацию двоевластия. Таким образом, в начале 1990 года складывается впечатление, что партклубы не намерены покидать такую мощную инстанцию власти и материальных ресурсов, как КПСС. По мнению союзного депутата С. Станкевича, коллективный выход был бы ошибкой:

Нам нужна принципиально новая партия на базе КПСС. Прежде всего, на материальной базе... Если мы, произнеся покаянные слова и бросив соответствующие обвинения, выйдем на улицу, это будет красивый и эффектный жест, он произведет впечатление на публику. Но ведь мы выйдем на улицу с голым задом, простите, и пустыми руками. И оставим гигантский материальный потенциал, здания и сооружения,

¹ Афанасьев 1990.

типографии, средства массовой информации и многое, многое другое в руках у того самого консервативного крыла. Имеет ли смысл это делать?¹

В начале 1990 года выход из партии — еще только угроза, исходящая от самых радикальных активистов «Демплатформы», одно из возможных решений; такой вариант не фигурирует ни в каких коллективных заявлениях. Но это лишь усугубляет нервное напряжение, которое тяготит руководство партии еще и потому, что в индивидуальном порядке ее покидают все больше людей.

Выход «Демократической платформы»

Изначально «Демплатформа» располагала некоторым спектром возможных реакций в зависимости от политической линии Центрального Комитета, однако в январе—июле 1990 года поле возможностей сужается как шагреновая кожа. Из простой угрозы, исполнение которой казалось маловероятным, коллективный выход из партии становится неотвратимым — это происходит в результате изменения конфигурации игры на партийной арене.

Письмо Центрального Комитета

Атака консервативного крыла партии принимает форму письма ЦК, опубликованного в «Правде» в апреле 1990 года (см. врезку 14). Это событие влияет на восприятие «Демократической платформы» и определяет ее действия. Оно приводит демократов к заключению о провале их стратегии завоевания власти и делает неминуемым их выход из КПСС.

Угрожая выйти из партии, демократы, вероятно, рассчитывали добиться от «умеренных» признания «Демплатформы» в качестве фракции и получить место во властных структурах. Однако, как объясняет Т. Шеллинг, угроза становится эффективной только в том случае, если противник играет первым или же вынужден нанести первый удар; тогда угроза становится ответом на удар². В данном же случае «Демплатфор-

¹ Кудрявцев 1990.

² Schelling 1966: 124.

ме» удастся лишь спровоцировать удар, причем не оттуда, откуда она ожидала: среагировали консерваторы, а не умеренные реформаторы.

Консерваторы вновь подтверждают запрет на создание фракций и намерены положить конец прагматическому правилу терпимости в отношении тех, кто отклоняется от генеральной линии. Угрожая прибегнуть к исключению, они пытаются нанести превентивный удар по соперникам, чтобы уберечь партию от угрозы коллективного выхода. Сотня членов «Платформы», в том числе И. Чубайс, исключены из КПСС сразу после публикации письма.

Врезка 14

Открытое письмо Центрального Комитета от 11 апреля 1990 года

Центральный комитет опубликовал в «Правде» от 11 апреля 1990 года письмо под названием «За консолидацию на принципиальной основе. Открытое письмо Центрального комитета КПСС коммунистам страны» — с осуждением тенденции к фракционизму внутри партии и откровенными нападками на «Демплатформу»:

«Отказавшись от законодательного закрепления своей руководящей роли, КПСС на деле показала, что она выступает за открытое, честное соревнование идей. Вместе с тем Центральный Комитет считает невозможным пройти мимо попыток определенных лиц увести партию от взятого ею стратегического курса, а если это не удастся — спровоцировать ее раскол. Это делается как справа, так и слева. Одни отвергают перестройку, видя в ней “либерально-буржуазное перерождение” общества и партии. Другие, смыкаясь с антисоциальными силами, объявляют Октябрьскую революцию трагической ошибкой, призывают к реставрации капитализма. [...] В этой связи обращает на себя внимание деятельность лиц, объединившихся вокруг так называемой “Демократической платформы”. [...] Скрываются замыслы авторов “Демократической платформы” превратить нашу партию в некую бесформенную ассоциацию с полной свободой фракций и группировок, то есть практически развалить ее. [...] Это курс на раскол КПСС изнутри, на устранение ее с политической арены. [...] Наступил момент, когда [...] необходимо разо-

браться, как быть с такими членами партии [...]. Разве могут такие лица оставаться в рядах КПСС? [...] Размежевание с теми, кто встал на путь борьбы с партией, не чистка, не подавление инакомыслия. Оно должно быть направлено против организаторов фракционных группировок».

В своих мемуарах Горбачев рассказывает, что привело к публикации этого письма:

«Первый его вариант, рожденный в недрах оргпартотдела [ЦК], был зубодробительным, в стиле 30-х годов: в нем предлагалось партийным комитетам исключать коммунистов и распускать целые организации, которые не хотят следовать линии ЦК. Фактически это была директива к “чистке” партии. С этой идеей наши ортодоксы носились и раньше, а теперь сочли момент подходящим, чтобы изгнать инокомыслящих. В создавшейся ситуации я поручил Медведеву, своим помощникам поработать над письмом. В конце концов оно приобрело достаточно взвешенный характер, не запугивало карами и отлучением, а зывало к консолидации в это трудное время»¹.

Координационный совет «Демократической платформы» усмотрел в этом письме объявление войны и демонстрацию дальнейших намерений консерваторов на всесоюзном уровне: «осуществление антиперестроечного переворота сначала в партии, а затем и в стране»². Как ни удивительно, «Платформа» не упрекает Горбачева за разрешение опубликовать это письмо, хотя тот его не дезавуирует, как после публикации «письма Нины Андреевой» в марте 1988 года. Но некоторые аналитики отмечают, что «Демократическая платформа» видит в этом признак его «ухода вправо», его скатывания к позициям консервативных аппаратчиков³.

Текст ЦК провоцирует политический скандал, когда другие акторы принимают его на свой счет. Он вызывает гнев тысяч партийных организаций, стачечных комитетов, творческих союзов, демократических

¹ Горбачев 1995. Т. 1: 540.

² Демократическая платформа в КПСС 1990 (док. 16).

³ Зевелев и др. 2000: 532.

движений и организаций. Даже комсомол характеризует его как «политический просчет»¹. Вероятно, эта официальная организация впервые позволила себе подобную дерзость. Перед лицом такой оборонительной реакции консерваторы пытаются замаять ситуацию, уточнив, что письмо — «это не руководство к действию, а документ для обсуждения в первичках»².

После публикации этого письма «Демплатформа» склоняется к выходу из партии, но вызвано это не только необходимостью ответить на нападение консерваторов сильным символическим жестом. Просто выйти становится выгоднее, чем остаться. Если замешкаться с объявлением о выходе, то лидеры «Платформы» рискуют быть исключенными, что нейтрализует их угрозу. Массовый выход из КПСС начался еще до них, в 1988 году, и многие предчувствуют будущее беспорядочное бегство сразу после XXVIII Съезда. Так и происходит: в конце 1990 года общее число вышедших из партии доходит до 1,8 миллиона человек как минимум³, что в десять раз больше, чем в 1989 году. Дав символическую отмашку для выхода из партии, «Демплатформа» намерена использовать это спонтанное движение для демонстрации своей мобилизационной силы, взять на себя роль его символического лидера и получить полномочия по определению его смысла⁴. Ибо ее цель — быть признанной в качестве крупнейшего демократического движения в России. В течение нескольких месяцев, предшествующих XXVIII Съезду КПСС, она оценивает свою «долю» на партийном «рынке» в 40%, что составляет 7,6 миллиона человек. Безусловно, показатели поддержки в пределах от 20% до 40%, на которые претендует «Платформа», всерьез принимают важные акторы, в том числе Горбачев, который упоминает нижний предел в 20%⁵.

¹ Демократическая платформа в КПСС 1990 (док. 16).

² Там же.

³ White (1991) упоминает о 3 миллионах вышедших из партии в одном только 1990 году.

⁴ Горбачев (1995. Т. 1: 538) дает альтернативную интерпретацию выхода из КПСС: нежелание многих российских членов КПСС вступать в КП РСФСР, которая являлась одной из главных вотчин консерваторов.

⁵ Там же: 549.

Стратегические дилеммы членов «Демплатформы»

Решение о выходе из партии — важный поворот в истории «Демплатформы»; в этот ответственный момент может сломаться вся политическая машина, и акторы это осознают. В этой связи наблюдается тактическое торможение: некоторым деятелям очень сложно совершать необратимые шаги в таких флюидных конъюнктурах. Другие же, напротив, более подвижны, поскольку успели занять позиции вне партии (в частности, на Съезде народных депутатов РСФСР). После публикации письма ЦК выбор у «Демплатформы» невелик: уйти или остаться. Два главных ее центра принятия решений — МПК и координационный совет — высказываются за выход. Первый единогласно, а второй — 50% голосов; однако треть координационного совета решает остаться в рядах КПСС.

Второе разделение связано с выбором *момента* для выхода. Вопрос не праздный, ибо он связан со способностью «Демплатформы» нанести решающий удар и привлечь на свою сторону максимальное количество членов партии, чтобы стать «главной» оппозиционной партией. Расчеты лидеров «Демплатформы», видимо, основываются на двух предпосылках: 1) многопартийность, неизбежность которой признается всеми, возникнет прежде всего в результате распада КПСС; 2) речь пойдет о двухпартийной системе, и в ее рамках будут противостоять остатки КПСС и крупная оппозиционная партия, в которой сольются различные демократические структуры. «Демплатформа» как раз и стремится стать центром этой будущей партии. Ее лидеры полностью осознают, что выход из КПСС — необратимое действие, совершая которое «Демплатформа» ставит на кон все. Выбор и здесь невелик: одни настаивают на немедленном выходе, чтобы воспользоваться волной негодования, поднятой письмом Центрального Комитета, а другие предпочитают дожидаться XXVIII Съезда и использовать его трибуну для публичного доказательства неререформируемости партии. Между этими вариантами и идеологической позицией прослеживается корреляция: чем более ранний предлагается выход, тем радикальнее оппозиция в отношении КПСС. Те, кто советуют немедленно покинуть партию, быстро объявляют себя «антикоммунистами»; некоторые отдаляются уже и от «социал-демократии» и все больше заигрывают с либерализмом; те

же, кто решают остаться в КПСС и после XXVIII Съезда, решительно называют себя «социал-демократами».

Н. Травкин еще до публикации письма ЦК ратует за немедленный выход из КПСС. Сам он покидает партию в марте 1990 года, сразу после своего избрания на Съезд народных депутатов РСФСР. Его петицию в координационном совете «Демплатформы» поддерживают совсем немногие (3%). Примерно тридцать человек, в том числе И. Чубайс, исключенный из партии в апреле, решают поддержать его в создании новой партии — Демократической партии России (ДПР, май 1990); однако некоторые не соглашаются с агрессивным антикоммунизмом, который навязывает Травкин.

Из 50% членов координационного совета, высказавшихся за выход, подавляющее большинство предпочитают дождаться XXVIII Съезда (июль 1990). Разумеется, они хотят использовать его как трибуну, но кроме того, заботятся о своей репутации: они готовы покинуть партию лишь после того, как докажут ее неспособность к реформированию, и не хотят уподобляться «крысам, которые бегут с тонущего корабля». На самом деле выход ставит важнейшую проблему интерпретации:

Доводы Попова и Афанасьева были такие: нельзя выходить из КПСС сегодня¹, потому что наши сторонники там воспримут это как предательство и мы ослабим реформаторское крыло в КПСС².

Другая группа, и пожалуй, на тот период составляющая большинство «Демплатформы», это были люди, которые считали, что выходить надо после XXVIII съезда КПСС, что [...] раз уж мы были в КПСС, мы несем свою долю ответственности за то, что происходит, не надо изображать из себя каких-то судей народа, судей КПСС³.

«Демократическая платформа» выдвигает условия, на которых согласилась бы остаться в партии и которые, как она знает, не примут

¹ Афанасьев упоминал о варианте выхода уже в январе 1990 года, но сам покинет КПСС только в июне 1990-го, впрочем, до того, как это сделало большинство членов «Демплатформы».

² Н. Травкин, интервью 11.5.1993 г.

³ И. Яковенко, интервью 1.7.1993 г.

делегаты XXVIII Съезда, где у нее насчитывается лишь горстка сторонников¹. Эти условия таковы:

- отказ от коммунизма как цели КПСС и от идеологической монополии марксистов;
- конец монополии на власть и объединение с новыми демократическими движениями;
- замена демократического централизма общедемократическими принципами;
- полное обновление руководства партии в центре и на местах;
- право свободного выхода из партии².

Таким образом, объявление «Демплатформы» о своем уходе можно представить как логическое следствие несогласия партии на внутреннее преобразование.

Удивительно, что при такой тщательной подготовке «Демплатформа» все-таки провалила свой уход. В ее оправдание следует признать, что XXVIII Съезд оказался весьма непредсказуемым. «Демократическая платформа» готовилась к столкновению с «консерваторами» и постаралась устранить из игры «центристов». Однако основная борьба развернулась между Горбачевым и «консерваторами», и «Демплатформа» оказалась не у дел. Кстати, несколько лет спустя Горбачев с иронией описал нерешительность и замешательство ее представителей на Съезде, но признал, что события развивались неожиданным образом. В частности, текст «Платформы ЦК» был исправлен в срочном порядке прямо накануне Съезда, и «от первоначального текста не осталось в целости ни одного абзаца»³.

Съезд проходит со 2 по 13 июля 1990 года. «Демократическая платформа» не делает никакого заявления до тех пор, пока Ельцин не берет слово, чтобы объявить о своем выходе из КПСС (12 июля). Он объясняет, что в качестве председателя Верховного Совета РСФСР не

¹ Она оценивает количество своих сторонников в 200—250 человек из 4683 делегатов, что составляет 5%.

² Демократическая платформа в КПСС 1990 (док. 11).

³ Горбачев 1995. Т. 1: 541 и 549.

желает отдавать привилегию той или иной партии, а, напротив, стремится «сотрудничать со всеми партиями и общественно-политическими организациями республики»¹. Ни разу не упомянув «Демократическую платформу» и ее требования, Ельцин опередил ее, поскольку последняя так и оставила нерешенным вопрос, ставший, как мы видим, важнейшим: выходить из партии *во время* или *сразу после* Съезда. Ельцин полностью перехватил эту инициативу, и выход «Демплатформы», вскоре объявленный Шостаковским, интерпретируется теперь как *следование за* Ельциным. Эту интерпретацию, точную с чисто хронологической точки зрения, и дала пресса. Более того, некоторые полагают, что, если бы Ельцин не вынудил представителей «Демплатформы» объявить о выходе из КПСС, они, возможно, так и не решились бы на это². После объявления Шостаковского дополнительную путаницу внесло контробъявление противников выхода, сообщивших, что «Демплатформа» останется в КПСС. Некоторые усмотрели в этом манипуляцию со стороны Горбачева. Таким образом, выход получился не очень успешным из-за сложной и непредсказуемой политической игры в ходе XXVIII Съезда, из-за внутренних разногласий в «Демплатформе», а также из-за активности Ельцина, который в силу своего положения в политическом пространстве выступает в роли все более влиятельного лидера.

После своего выхода из партии «Демократическая платформа» пытается уладить две проблемы наследования: одну с КПСС, другую — с оставшейся в партии частью «Демплатформы». Как мы помним, одной из причин, по которым она не смогла выйти из партии в январе 1990 года, была возможность воспользоваться частью материальных ресурсов партии. На XXVIII Съезде Шостаковский открыто ставит этот вопрос, однако понятно, что «Демплатформе» ничего не удастся получить. Нас же здесь интересует то, с какой именно стороны она к этому подошла:

¹ Заявление Б.Н. Ельцина на XXVIII Съезде КПСС 12.7.1990 о выходе из КПСС // Известия. 13.7.1990 (цит. в: Коваль, 1991b: 461). Ельцин лишь подчинился правилу, принятому 20 июля 1990 года Съездом народных депутатов РСФСР и запрещающему совмещение функции руководства органом государственной власти и управления с любыми другими должностями, в том числе и в рамках политических организаций (см. Gaziet 2002: 145).

² Интервью И. Чубайса с Митрофановым, 30.5.2004 г.

«Демплатформа» стремится стать союзником новых советов, избранных в марте 1990 года, настаивая, чтобы им было передано все имущество КПСС или по крайней мере его часть, пропорциональная количеству членов «Платформы»¹. Будучи внутри партии, «Демплатформа» попыталась ввести правила игры, действующие в избирательном поле. Теперь же, покинув партию, она пытается вывести из-под юрисдикции КПСС решение внутривнутрипартийного вопроса (раздел собственности между фракциями) и превратить его в правовой (передача законной власти «незаконно» приобретенных благ). Отметим, что вопрос наследия имущества партии занимал не только «Демократическую платформу», и решаться он будет с помощью механизма, который выйдет у нее из-под контроля. На XXVIII Съезде Ельцин предупредил консерваторов: они ошибаются, если думают, будто смогут захватить все это наследие в случае выхода из партии демократов². В ноябре 1990 года он добился, чтобы Горбачев запретил партийным комитетам и организациям вести коммерческую деятельность, что, по его мнению, является способом разграбления партийной собственности. В июле 1991 года, через месяц после своего избрания президентом России, Ельцин запрещает КПСС присутствовать на предприятиях и в органах власти РСФСР. Августовский путч 1991 года дает российской власти возможность национализировать имущество КПСС и КП РСФСР, находящееся на территории республики и за границей (указ Ельцина от 25.8.1991)³.

Вторая проблема наследования касается названия — «Демократическая платформа». В ноябре 1990 года вышедшая из «Демплатформы» часть превращается в Республиканскую партию Российской Федерации; она требует у оставшейся части отказаться от названия «Демократическая платформа в КПСС». (Мы вернемся к этому в следующей главе.)

Меньшая часть «Демократической платформы», оставшаяся в КПСС после XXVIII Съезда, представляет собой довольно неоднородную массу. К «социал-демократическому» крылу присоединяются: «коммунистическая секция», которая была исключена из МПК в де-

¹ Демократическая платформа в КПСС 1990 (док. 17).

² Из выступления Б.Н. Ельцина на XXVIII Съезде КПСС, 6.7.1990 // Правда. 8.7.1990 (цит. в: Б. Коваль 1991б: 456).

³ Gazier 2002: 145.

кабре 1989 года; «убежденные» социалисты; а также «деидеологизированные прагматические реформаторы», близкие к группе Шостаковского¹. Несмотря на свою разнородность, группа определяет себя как «социал-демократическая», и ей удается добиться организационного единства — благодаря созданию в ноябре 1990 года «Демократического движения коммунистов» (ДДК). Через девять месяцев ДДК трансформируется в Демократическую партию коммунистов России (ДПКР), коллективно входящую в состав КПСС. Во время августовского путча 1991 года ДПКР выходит из партии и избирает название без какой-либо отсылки к коммунизму: Народная партия «Свободная Россия» (НПСР).

В этом объединении наблюдаются, однако, серьезные разногласия по поводу стратегии в отношении российской КП, одного из главных оплотов консерваторов. Часть социал-демократов намеревается создать *демократическую* КП, солидарную с «Марксистской платформой». Другая часть соглашается войти в центральные органы консервативной российской КП уже в сентябре 1990 года и тем самым признает ее легитимность. Эта позиция приводит к острому конфликту внутри ДДК. Второе течение становится доминирующим и к тому же усиливается с приходом Александра Руцкого, депутата РСФСР, в июне 1991 года избранного вице-президентом России в паре с Ельциным, являвшимся кандидатом в президенты. Руцкой, безусловно, делает группу более влиятельной, однако он же способствует и сильному размыванию ее «демократического» и «социал-демократического» имиджа — из-за своего прошлого высокопоставленного офицера армии и близости с националистическим движением в ходе кампании 1989 года. Конец стратегии попадания в руководящие органы КП положен 6 августа 1991 года, через два дня после учредительного съезда ДПКР, когда Липицкий и Руцкой были исключены из КПСС и КП РСФСР за «деятельность, противоречащую уставу и направленную на раскол КПСС»². Тем не менее нам сложно понять, насколько серьезной была такая санкция в 1991 году, и путч 19—21 августа происходит в этом смысле в самый

¹ Прибыловский 1991в: 11. См. график 3 «Динамика партийных клубов» в Приложении на с 453.

² Прибыловский 1992: 26.

нужный момент, полностью переворачивая эффект этого исключения. В. Липицкий объясняет:

В разгаре этих событий мы заявили о том, что наша партия отмежевается от КПСС как силы, которая не только не оказалась способна противостоять путчу, но и фактически поддержала его¹.

Какова бы ни была стратегия, которой следуют «Демократическая платформа», оставшаяся в партии, и ее перевоплощения (ДДК, НПСР), становится ясно: КПСС имеет все меньшее значение в ее расчетах и ставки во властной игре отныне находятся на республиканском уровне. Федерализация КПСС принимается как состоявшийся факт. Единственные силы, которые ей сопротивляются, — это консерваторы, образующие все новые всесоюзные организации в рамках КПСС. Что касается центральных институтов, то они пускают дело на самотек и отказываются от основных идеологических догм. Программа, принятая ЦК в июле 1991 года, допускает «отказ КПСС от классовой борьбы, от своей роли единственного представителя рабочего класса» и признает существование альтернативных коммунизму политических теорий². Новый устав, принятый на XXVIII Съезде, кладет конец принципу демократического централизма. Складывается парадоксальное впечатление, что выход «Демплатформы» лишь способствовал снятию запретов, потому что после ее выхода все смягчения идеологической позиции невозможно интерпретировать как капитуляцию перед «Демплатформой». При этом сделанные уступки еще более ускоряют распад партии.

По мере эскалации внутрипартийной борьбы за власть партклубы, в которые активно вовлекались разного рода знаменитости, получают новые ресурсы, и их начинают воспринимать всерьез. Они становятся важными акторами, особенно с момента их объединения в рамках «Демократической платформы». «Умеренные» реформаторы ЦК продемонстрировали, что в какой-то степени признали клубы, и благодаря

¹ В. Липицкий, интервью 6.5.1992 г.

² См.: Sandle 1996.

этому смогли затронуть запретные темы (возможность создания фракций и 6-ю статью), не беря на себя ответственность за эту инициативу. Как и в первый период, в этом сговоре содержатся элементы конфликта: «демократы» и «умеренные реформаторы», конкурируя, стремятся ослабить друг друга. Клубы пытаются сделать «умеренных» невидимыми (смешивая их с «консерваторами» ЦК); Горбачев игнорирует «Демократическую платформу» на XXVIII Съезде партии.

Вплоть до выборов 1990 года партия воспринималась как властная инстанция. «Демократы» сражались за то, чтобы получить позиции в ее руководстве (ввод новых правил игры, война наименований, угроза раскола). Реформаторы ЦК также оставались в партии, а Горбачев отказался разделить ее на две части, стараясь, напротив, спасти внешнее единство.

Однако действия, совершаемые партклубами и «умеренными» реформаторами ЦК для завоевания или сохранения позиций в рамках КПСС, парадоксальным образом приводят лишь к ослаблению значения этой арены. Институциональный ритм, правила набора в аппарат, новая иерархия позиций, которую стремились ввести партийные клубы, воспроизводят правила игры, характерные для избирательной арены. Иными словами, клубы пытаются подчинить партию процессам, разворачивающимся в *другом* месте политического соревнования, которое к тому же конкурирует с партийным. Что касается реформаторов ЦК, то именно они подвели партию к самоубийству, признав *de jure* конец ее монополии на власть.

Постепенный переход «Демократической платформы» в оппозицию стал результатом последовательных ударов, которые ее руководители в общем-то не собирались наносить. Сначала они пригрозили выйти из КПСС, чтобы добиться перераспределения власти, а затем были вынуждены привести угрозу в исполнение. К этому их вынудили внутренняя радикализация (растущее дистанцирование с «коммунистическим» самообозначением; необходимость выдерживать конкуренцию со стороны уже перешедших в прямую оппозицию демократических партий и организаций, находящихся вне арены КПСС), а также вмешательство консерваторов, стремящихся вытеснить «Демократическую платформу» с внутрипартийной арены.

3. Размывание «неформальной» идентичности

После периода повышенной флюидности, связанной с выборами 1989—1990 годов, игра снова прояснилась, поскольку предвыборная арена приобрела большее значение, чем партийная; радикальность и «антикоммунизм» оказались козырями, позволяющими выиграть выборы; а противостояние между СССР и Россией стало определяющим. Эти ориентиры действуют как своего рода ограничения в ходе реконфигурации неформально-демократического движения и как факторы размывания идентичности неформалов. Последние уже частично утратили ее во время предвыборной фазы, слившись с демократическим движением; с марта же 1990 года они окончательно лишаются всего, что составляло их изначальную специфику.

Клубы теряют свою идентичность и превращаются в «партии». Актеры предчувствуют, что отныне все будет разыгрываться на предвыборной арене, и форма «партия» представляется наиболее адекватной для того, чтобы оставаться в игре. Речь идет о поиске взаимных различий посредством присваивания идеологических этикеток, а для неформального движения это небывалое явление. Участники движения, казалось бы, предвидят биполяризацию политического пространства, когда КПСС, став оплотом консерваторов, будет противостоять демократической коалиции. Однако они втянуты в соревновательную динамику, которая принуждает их образовывать все новые и новые партии, чтобы обеспечить себе какое-то место под солнцем в этом большом объединении. Таким образом, создавая множество партий, они действуют наперекор тому, к чему сами стремятся. Поле новых партий оказывается под действием весьма странной логики.

Неформалы-демократы отныне поддерживают правящую власть на российской арене. Начиная с выборов 1989 года Ельцин оказался центром притяжения; движение не только не может от него избавиться, но и все больше от него зависит. Он становится лидером движения неформалов-демократов без особого их желания. Когда он занимает руководящие посты (председатель Верховного Совета РСФСР в 1990 году и президент России в 1991-м), они становятся заложниками отношений сговора, в рамках которого у них почти нет возможности действовать самостоятельно. Эта форма сговора сильно отличается от той, что

существовала между неформалами и партийными реформаторами в 1987—1988 годах. Тогда клубы были на стороне оппозиционеров и стали своего рода «лояльными революционерами»: они все дальше выходили за официально действующие рамки и вели двойную игру, не подвергая при этом сомнению сам сговор. В отношениях же с Ельциным вести двойную игру невозможно.

В двойном противостоянии «Россия/Союз» и «демократы/коммунисты» демократическому движению также приходится определять себя как «российское» (до тех пор неформальные клубы не определяли себя через национальную составляющую) и как «либеральное». Российская и советская исполнительные власти противостоят друг другу, в частности по вопросу выбора экономической программы. Демократическое движение поддерживает либеральный путь, отстаиваемый российскими властями. Лейбл «либеральный», в том виде, в каком он используется движением, имеет много смыслов: от антикоммунизма до защиты политической модели западных демократий (политический либерализм), и от «социальной рыночной экономики» до ультралиберализма (экономический либерализм). Упоминание этого наименования — способ поддержать союз с Ельциным. Отвергающие его (некоторые неформалы первой когорты по-прежнему придерживаются левых взглядов) оказываются исключены из движения и становятся в оппозицию Ельцину. Демократы, желающие преодолеть зависимость от Ельцина, вынуждены покинуть движение. Некоторые так и поступают, с 1992 года сближаясь с «центристами» или «националистами». Идентификация демократического движения с либерализмом означает разрыв с неформальным движением, которое определяло себя как «левое» (этот термин, как мы видели, тоже имел много смыслов). Движение, в том виде, какой оно принимает в результате этой реконфигурации, не имеет почти ничего общего с тем, каким оно было в начале Перестройки.

Формирование поля демократических партий

Привлекательность «партии» как институциональной формы

Первые попытки порвать с формой «клуба», как мы помним, относятся ко второй половине 1988 года, когда появилась «партия»

«Демократический союз» и «народные фронты». Руководители «Московского народного фронта» (МНФ) стремились тогда создать «массовое движение» и считали, что клубы препятствуют этой трансформации. Со времен предвыборной кампании 1989 года хорошим тоном становится дистанцирование от формы «клуб» и от имени «неформал». Сами пионеры движения окончательно отходят от двух этих маркеров, которые до тех пор составляли их идентичность. Они понимают, что наименование «неформалы» их дисквалифицирует и что они не смогли или не сумели удержать контроль над его коннотациями. Теперь «неформалы» ассоциируются с некими группами, которые только и умеют, что митинговать, тогда как этот способ действия после выборов 1990 года считается признаком политической незрелости.

«Партия» — один из способов трансформации, который зачастую выбирают клубы. С марта 1990 года Конституция СССР им это разрешает¹. Лидеры движения знают, что в странах, имеющих демократическую систему (воспринимаемую как образец для подражания), борьба за власть происходит через посредство партий. И кстати, одномандатная мажоритарная избирательная система способствует группированию кандидатов вокруг единого обозначения.

Номинация «партия» оказывает объективирующие и принуждающие эффекты на основателей движения, имеющих некие смутные представления о том, что такое «правильная форма» партии. Так, они снабжают свои организации атрибутами, способными, на их взгляд, удостоверять их новую идентичность: идеологическим наименованием, программой, уставом, руководящими органами. Эта номинация обладает также властью самореализующегося предсказания² перед лицом других значимых акторов политической жизни, поскольку она придает «партиям» убедительность, производящую свою собственную реальность:

Протопартия как политический феномен существует за счет своего рода кредита, выдаваемого ей обществом или государством в ожидании

¹ Согласно новой редакции 6-й статьи Конституции, принятой 14.3.1990 года. Закон «Об общественных объединениях» от 9.10.1990 года, вступивший в силу 1.1.1991 года, закрепляет это нововведение.

² Berger, Luckmann 1994: 173—175.

выборов в неопределенном будущем. Этот кредит выражается прежде всего в признании ее более или менее равноправным партнером другими протопартиями, следствием чего может быть вступление ее в коалицию. Другая форма кредита — это внимание (благоклонное либо неприязненное), которое государство, средства массовой информации, а значит, и будущие избиратели оказывают ей как потенциальному претенденту на власть¹.

То, что новые партии («протопартии») выражают друг другу взаимное признание, чтобы всем вместе заявить о себе, вполне понятно. Но то, что другие акторы воспринимают их всерьез, предоставляя им «структуру правдоподобности»², возможно, кажется менее понятным. На самом деле партии оказывают услугу множеству акторов политического пространства, исполняя две роли: само их существование наглядно демонстрирует успехи демократизации и «нормализацию» советской политической системы; их многочисленность и относительная непонятность для непосвященных делают возможным появление «рынка» политической экспертизы.

Отказ от руководящей роли КПСС становится многозначным фактором. Последовавшая затем легализация многопартийности, так же как и свободные выборы, превозносится как символ демократии. Быстрое появление партий оказывается весьма кстати, подтверждая реальность процесса демократизации и служа залогом на будущее. К России начинает применяться нормативная модель, распространяемая как советскими, так и западными политическими экспертами: в соответствии с ней не может быть демократии без свободных выборов, а свободных выборов — без партий. Последние прилежно играют свою роль, поскольку, приняв систему классификации подобную западной (которая восстанавливает «нормативный» смысл «правого» и «левого», до тех пор переставленных местами³), они способствуют возвращению России в лоно

¹ Митрохин 1991.

² Об этом понятии см.: Berger, Luckmann 1994: 215—216.

³ Отныне социалисты и коммунисты относятся к левым, а либералы — к правым. Как мы помним, в предыдущий период либералы квалифицировались как левые, тогда как коммунисты-консерваторы — как правые.

«цивилизованных» стран. И кстати, новые политические эксперты (бывшие неформалы, партийные инструкторы, академические институты, организации, подчиняющиеся ЦК КПСС, институты, обучающие партийные кадры и армейских политработников) делают «бизнес» на исследовании партий. В большинстве их публикаций 1990—1991 годов на российские реалии переносится нормативная модель, в которой партии считаются основой представительной системы. Авторы этих исследований с удовольствием производят инвентаризацию партий и классифицируют их между левым и правым полюсами в зависимости от заявленных наименований, способствуя таким образом легитимации определения, которое эти новые организации дают сами себе.

Структурирование поля

В партийном поле, которое образуется в марте—апреле 1990 года, происходит соревнование нескольких типов. Внизу мелкие партии стремятся обозначить свои отличия друг от друга, чтобы обосновать собственное существование: они ведут интенсивную борьбу за наименования. Неявным образом изначальное происхождение политических акторов тоже способствует структурированию поля: наблюдается противостояние между двумя когортами неформалов, а также между избирательной и партийной аренами. Так что группирование происходит не обязательно вокруг идеологической этикетки, как логически можно было бы предположить. Однако сразу после выборов 1990 года становится заметно, что партии не контролируют ни своих избранников, ни позиции в российских властных инстанциях; у них ничтожно мало ресурсов, и им не удается заявить о себе в институциональной политической жизни. Поэтому разные участники процесса пытаются объединиться друг с другом против КПСС. В ходе конкуренции возникает противостояние между двумя формациями, которые могут претендовать на эту роль: «Демократической Россией» и «Демократической платформой».

Рост количества партийных предприятий

Мир партий, в том виде, в каком он складывается в 1989—1990 годах, структурируется в соответствии с двойной логикой конкуренции. Сначала группы вступают в борьбу за идеологические наименования,

политическое позиционирование и ресурсы. Вторая логика связана с более давним противостоянием между двумя когортами вступления в движение: как правило, акторы двух когорт не смешиваются между собой. Несмотря на изменение их идентичностей и приход новых акторов, эта конкурентная игра несет на себе отпечаток отношений, существовавших еще до появления партий.

Превращаясь в партии, клубы вступают в гонку за политическими наименованиями¹. Теперь можно выбирать из более широкого спектра названий, уже не сводящегося к разным оттенкам социализма. В этом соревновании можно участвовать несколькими способами: одни черпают имена в западных классификациях («социал-демократы», «социалисты», «христианские демократы», «республиканцы»), другие же опираются на дореволюционное прошлое («конституционные демократы»). Сами по себе эти лейблы могут служить важным символическим ресурсом. С мая 1989 года наблюдается, например, необычайно активное использование наименования «социал-демократ». Одним из первых его присваивает клуб «Демократическая Перестройка», создав в январе 1990 года «Социал-демократическую ассоциацию» (СДА), а затем, в мае 1990-го, Социал-демократическую партию России (СДПР). Но за этим лейблом охотится и «Московский партийный клуб» (МПК), который склоняет «Демплатформу» к слиянию с СДПР. Присвоение этого наименования считается важным стратегическим моментом, ибо по мере того как происходит фрагментация КПСС, ожидается, что ее демократическое крыло отделится и образует социал-демократическую партию. Таким образом, партия, за столбившая это наименование, будет иметь все шансы получить видное место внутри новой крупной партии, вышедшей из КПСС. Слияния между «Демократической платформой» и СДПР так и не происходит. Это связано в том числе с тем, что, как мы увидим позже, большинство участников «Демплатформы» перестают определять себя как социал-демократы после выхода из КПСС в июле 1990 года.

¹ Из многочисленных партий, появившихся в 1990 году, мы перечисляем здесь только те, которые вышли из московских неформальных клубов, изученных во второй части. Они же являются и наиболее заметными партиями.

Слияние не удалось также потому, что оно предполагает объединение акторов с очень различными профессиональными траекториями, социальными позициями и габитусами — ведь именно поэтому они и оказались в предыдущий период в разных организациях и пространствах соревнования. Через объединение вокруг идеологических наименований зачастую не удается преодолеть невидимые, но ощутимые границы, разделяющие разные когорты неформалов и арены соревнования, на которых сформировались изначальные группы. Невозможными могут оказаться как некоторые слияния, так и некоторые разделения. Когда «Демократическая Перестройка» превращается в СДПР, раздирающие ее идеологические противоречия приводят не к распаду группы, а к сосуществованию либерального и марксистского крыла. Г. Ракитская, из марксистского крыла и при этом убежденная, что СДПР — отнюдь не левая партия, не видит иного выхода, кроме как к ней примкнуть, тогда как по идее она могла бы присоединиться к другим, более левым группам. Сохранение клубом единства позволяет ему удержать вместе приобретенные ресурсы. «Геологические» слои, составившие неформальное движение, являясь, таким образом, значимым фактором понимания формирующегося мира новых партий.

Слабая институционализация

Перформативная сила самой формы «партия» имеет, тем не менее, свои пределы, которые становятся очевидными после выборов 1990 года. Партии контролируют очень незначительные ресурсы. Дело не только в том, что избранные депутаты не склонны считать себя представителями своих партий (этот феномен наблюдается и в КПСС, неспособной «держать в узде» своих депутатов); некоторые из них становятся ставленниками формирующейся российской исполнительной власти и из-за этого еще больше удаляются от своих партий. Профессионализация неформалов-демократов в качестве политиков ущемляет значение партий, которые не могут предложить профессиональных позиций и даже не имеют средств, чтобы содержать аппарат и постоянных сотрудников. А главное, утверждающаяся в России после выборов 1990 года система власти делает сложной институционализацию так называемых патронажных партий, то есть партий, способных контролировать администра-

тивные или выборные должности и в этой связи обладающих властью над своими избранными¹. Все более очевидная асимметрия между отстаиваемой идентичностью партий (как организаций, борющихся за власть) и реальностью (их неспособностью влиять на функционирование власти) подрывает доверие к ним. Уже в 1990 году некоторые наблюдатели задавались вопросом о будущем партий в связи с их малым размером и чрезмерным количеством². С 1991 года некоторые авторы считают, что это в любом случае не «настоящие» партии; другие же, подобно С. Митрохину, называют их «протопартиями», словно признавая за ними некий потенциал на будущее, но не давая им кредита доверия в настоящем. Эксперты и даже руководители партий приходят к еще менее утешительному выводу, опираясь на классическое социологическое объяснение того, почему партии не просто взяли плохой старт, но и, возможно, в долгосрочной перспективе так и не займут место в политической игре: они не могут опереться на дифференцированные социальные группы, сознающие свои экономические интересы³. А главное, нет того самого «среднего класса», который считается основой основ демократии. И наконец, неуспех партий объясняется также тем обстоятельством, что благодаря КПСС сама форма «партии» в СССР безнадежно дискредитирована.

Итак, партии были восприняты всерьез только в момент их рождения — как важный ингредиент в образцовом рецепте демократии. Однако странные отношения с «реальной властью» сделали сложной их институционализацию: российская исполнительная власть по большому счету их игнорировала, хотя иногда и кооптировала некоторых партийных лидеров. Но, поставляя часть нового политического персонала, партии теряли свои и без того небогатые ресурсы. В конечном итоге партии имели гораздо меньший вес во властных играх, чем неформаль-

¹ Offerlé 2002: 41.

² В СССР в начале 1991 года их насчитывается более 500, причем 150 из них — в Москве. Когда эти организации назывались «неформальными клубами», их повсеместное появление рассматривалось как положительный признак пробуждения «гражданского общества»; а в эпоху партий оно стало тревожным признаком «политической незрелости».

³ О критике классического видения партий как представителей социальных групп см.: Sawicki 1997.

ные клубы, которые, однако, воспринимались лишь как «примитивные» (во всех отношениях) формы партий, как «зародыши протопартий».

Борьба за лидерство в демократическом движении

Выборы марта 1990 года приводят к существенному изменению восприятия политических акторов. Демократы одержали убедительные победы и считают вполне реальной возможность создать противовес коммунистам и консерваторам. Они также понимают, что ставку следует делать не на сами партии, а на их коалицию — ввиду перспективы предвыборной гонки. Акторы нацелены не столько на многопартийность, сколько на двухпартийность.

Настоящие фракции сталкиваются в борьбе за лидерство внутри движения. На него претендуют две организации: «Демократическая Россия», возникшая на избирательной сцене, и «Демократическая платформа», вышедшая из КПСС. В эту эпоху уже общепринятым является представление о том, что главные ставки борьбы за власть будут разыгрываться в избирательном пространстве, а не на арене партии. Это дает преимущество «Демократической России». Однако некоторые акторы и наблюдатели считают, что «настоящие» партии появятся в результате распада КПСС на фракции, и в этом смысле «Демплатформа» занимает стратегическую позицию.

Можно выдвинуть вполне легитимную гипотезу о соперничестве между «ДемРоссией» и «Демплатформой»: каждая из них властвует в своей вотчине, но вскоре им приходится действовать на одном и том же поле (после выхода «Демплатформы» из КПСС). Впрочем, эта конкуренция никогда не становится явной, она замалчивается и сглаживается благодаря сотрудничеству. И кстати, именно на их сотрудничестве настаивают большинство аналитиков при объяснении силы демократического движения, не особенно задаваясь при этом вопросами о причинах столь быстрого исчезновения «Демплатформы» с политической сцены после ее выхода из КПСС, хотя тогда она казалась крупнейшей демократической организацией. Почему-то не вызывает вопросов и рост влияния движения «ДемРоссия», у которого в качестве стартового капитала имелись лишь имя (ассоциирующееся с победившим

предвыборным блоком) и горстка организаторов¹. Выдвинув гипотезу конкуренции, мы можем попытаться понять отношения власти внутри демократического движения и то, какие ресурсы и стратегии позволили «Демократической России» победить соперницу. Таким косвенным образом можно получить представление о раскладе политической игры. Ставка в этом соревновании — двухступенчатая: сначала нужно завоевать лидерство в демократическом движении, чтобы потом предстать достаточно серьезным актором, имеющим право требовать для себя места в реформированном правительстве СССР. С осени 1990 года демократы и новоизбранные депутаты России (во главе с Ельциным, председателем Верховного Совета РСФСР) оказывают давление на федеральную власть, чтобы добиться отставки правительства Рыжкова и формирования коалиционного правительства.

«Демократическая Россия» («ДемРоссия», или ДР) и «Демократическая платформа» синхронно выстраивают себя в отделенных друг от друга пространствах. Их учредительные съезды проходят в одно и то же время (20—21 января 1990), как будто рядовым активистам указано на необходимость выбора: на чьей они стороне. В конечном итоге только самые известные демократические лидеры, в основном члены «Межрегиональной депутатской группы» (Ельцин, Афанасьев, Попов, Собчак, Травкин...), находятся на пересечении этих двух организаций. Другие же сталкиваются с проблемой перехода границ.

Вплоть до выборов 1990 года «Демплатформа» считает себя единственной организацией, способной объединить под своей эгидой *все* демократические силы и к тому же привлечь семь миллионов сочувствующих из рядов КПСС. После выборов она возвращается к своим объединительным намерениям, но отныне это больше похоже на тактику, избираемую с целью удержаться в игре — в ожидании объявленного разделения КПСС и в условиях конкуренции с другими игроками движения, которые выиграли выборы и располагают локальными структурами, густо покрывающими территорию России, большой численно-

¹ Наименование «Демократическая Россия» обозначает сначала предвыборный блок (в январе 1990), а затем — фракции и парламентские блоки в рамках разных советов. И только в октябре 1990 года, как мы это увидим далее, оно стало обозначать активистское движение.

стью и авторитетом имени «Демократическая Россия». Когда в июле 1990 года большинство членов «Платформы» выходит из КПСС, «Демплатформа» оказывается выброшена в поле новосозданных партий. И там она вступает в прямую конкуренцию с «Демократической Россией», которую предвыборные организации (в первую очередь МОИ) стремятся сделать постоянно действующим движением. Несмотря на видимость сотрудничества, состязание между этими организациями неизменно проявляется через те или иные косвенные признаки. Так, организаторы блока «ДемРоссия» обгоняют «Демплатформу», объявив о намерении создать движение в июне 1990 года — в момент, когда «Платформа», еще не решившая вопрос о выходе из партии, не может выступить с конкурирующей инициативой. В свою очередь, едва выйдя из КПСС, «Демплатформа» решительно определяет себя как партия, которая вызывает больше всего враждебности и страха среди «реакционеров»¹.

В течение этого переходного периода, когда перестраивается не только демократическое движение, но и все политическое пространство, прежней «Демократической платформе» приходится определять себя через оппозицию к партии, отвоевывать место среди уже существующих на избирательной арене демократических организаций и, подобно другим партиям, выстраивать свою республиканскую российскую идентичность. С первой же сессии Съезда народных депутатов РСФСР (май—июнь 1990) происходит прямое столкновение между теми, кто доминирует в пространстве союзной власти, и теми, кто контролирует пространство власти российской. «ДемРоссия» обладает здесь существенными преимуществами: ее лейбл уже ассоциируется с российской ареной, она выиграла на выборах у КПСС и без колебаний делает Ельцина своим лидером, хотя формально он таковым и не является. Поэтому «Демплатформе» предстоит присвоить себе составляющие элементы идентичности ее соперницы, подчеркивая при этом свое от нее отличие. В конкуренции внутри демократического движения и в противостоянии партии во внешнем пространстве «Демплатформа» начала отставать и не решается сделать выбор по некоторым вопросам. А решения, все-

¹ Учредительный съезд «Демократической платформы» Московской области, 13.10.1990 г.

таки принимаемые ею, скорее подрывают один за другим ее шансы стать если не господствующим, то хотя бы одним из центральных акторов в политической игре.

«ДемРоссия» — возможно, первая организация в движении, позиционировавшая себя именно в *российском* политическом пространстве и вписавшая это отличие в само свое название. Она раньше «Платформы» почувствовала, на что следует делать ставку. Очевидно, что ее лейбл является ресурсом. «Демплатформа», кстати, дважды пыталась присвоить его, но безуспешно. Можно предположить, что контроль над этим наименованием был предметом борьбы между демократами, вышедшими из партии, и демократами из избирательного поля. В конце концов лейбл закрепляется за оргкомитетом движения «Демократическая Россия», где господствующие позиции занимает МОИ.

После выхода из КПСС «Демплатформа» двойственно относится к своему собственному названию. Сомнения по поводу его стигматизирующего эффекта приводят к тому, что теперь она называет себя «Демократическая платформа *вне* КПСС», а затем Республиканская партия Российской Федерации. В отличие от некоторых газет, перешедших в стан демократов с прежними названиями, она не решается превратить стигмат в знак отличия¹. Члены «Платформы» воспринимают свое название как «проклятие», которое так и будет нависать над ними², если его не изменить. Но вместе с тем они стремятся его защитить, запрещая своим бывшим товарищам, оставшимся в КПСС после XXVIII Съезда, его использовать.

Отказ от названия «Демократическая платформа» означает также и переопределение организационной формы. Как мы знаем, «платформа» решила стать «партией». Возможно, этот выбор объясняется стремлением противостоять партии и перетянуть в аналогичную организацию миллионы коммунистов, чьей поддержкой «Платформа», по ее мнению, пользуется, и стать, таким образом, самым крупным политическим образованием в демократическом лагере. В рамках конкуренции внутри движения разным организациям приходится заявлять о многочислен-

¹ О перевертывании значения стигмат см.: Goffman 1975: 112—123.

² РПРФ 1990 (док. 19).

ности своих членов. Однако некоторых в этой игре воспринимают более серьезно, чем других. «Демплатформе» же не удастся привлечь те самые миллионы потенциальных сторонников, которые придавали ей столь большой вес, пока она оставалась в партии. По ее собственным данным, по всей России насчитывается всего 20—30 тысяч членов «Демплатформы». Хотя обе партии, вышедшие из «Демократической платформы» (РПРФ и Демократическая партия России, созданная Н. Травкиным в мае 1990 года), привлекают к себе ничтожное количество членов КПСС, они все-таки более-менее серьезно могут заявлять о гораздо большей численности, чем другие партии¹. Что касается «ДемРоссии», то решение назваться «движением» позволило ей принять в свое лоно все демократические организации (включая партии) и быть по определению крупнее каждого составляющего ее элемента. В начале 1991 года в ней официально значатся 300 000—400 000 активистов, что в десять раз больше, чем в Республиканской партии.

Бывшая «Демплатформа» и МОИ вырабатывают разные стратегии, чтобы стать центром демократического движения. «Платформа» делает ставку на партии, считая их важными институтами будущей политической системы, и завязывает отношения с двумя из них, входящими в число крупнейших. МОИ же стремится создать бесперебойную машину по мобилизации, у руля которой встал бы Б. Ельцин. Эти стратегии отражают крайне разные точки зрения на сущность демократического движения и на его отношения с «новой» российской властью.

Движение «ДемРоссия» родилось из столкновения двух этих стратегий, а также вследствие ощущаемой обеими сторонами необходимости объединиться друг с другом против коммунистов. Завязывается не состязание между двумя различными организациями, а скорее борьба в рамках одной и той же организации, поскольку выходцы из «Демплатформы» вступают в «Демократическую Россию». Во время ее учредительного съезда в октябре 1990 года в ней различимы два конкурирующих блока с одинаковым количеством голосов:

¹ Травкинская ДПР в декабре 1990 года заявляет о 24—25 тыс. членов. Для сравнения, Социал-демократическая партия России, крупнейшая партия, вышедшая из непартийного неформального клуба, в апреле 1991 года говорит лишь о 4100 своих членов (Прибыловский 1991б).

- коалиция из трех партий: Республиканской партии (РПРФ), Демократической партии России (ДПР) — обе вышли из «Демплатформы», — и Социал-демократической партии России (СДПР);
- совокупность клубов избирателей и региональных организаций блока «ДемРоссия», объединенных силами МОИ.

МОИ контролирует новоиспеченную «ДемРоссию», но большая часть наблюдателей ожидают переворота в соотношении сил в случае (который считают вполне вероятным) создания устойчивого сговора или даже слияния между СДПР и РПРФ. Однако коалиция трех партий распадется сама собой вследствие внутренней борьбы за различия. А ведь у этих союзников имелись ресурсы, которые могли бы позволить им стать важным полюсом демократического движения: респектабельность, связанная с их происхождением («Демплатформа» для первых, «Демократическая Перестройка» для вторых), и свои депутаты в российском парламенте. Однако логика различия берет верх над общей заинтересованностью в формировании блока. ДПР Травкина демонстративно выходит из движения «ДемРоссия» уже на его учредительном съезде, вероятно, чтобы у нее не переманили активистов и ее аппарат, находящийся в зачаточном состоянии. Она отмежевывается от своих союзников, которые в итоге остаются в меньшинстве перед лицом своих конкурентов. Что касается планов слияния СДПР и РПРФ, то они не реализуются по нескольким причинам. Мы уже упоминали о разнице траекторий членов «Демплатформы» и СДПР, которая выражается в том числе в различных социальных позициях, в разной структуре вписанности в демократическое движение и в арены соревнования. Слияние становится еще менее вероятным после выхода «Платформы» из партии. Ибо наиболее высокопоставленные участники, видные партийные деятели, позднее всех вступившие в движение, зайдут гораздо дальше в своем дистанцировании от КПСС и от «коммунистического» лейбла — и сделают это намного быстрее, чем активисты первой когорты, не занимавшие позиций в партийной иерархии. Ранние оппозиционеры, вышедшие из клуба «Демократическая Перестройка», в 1990 году принимают название «социал-демократы» и держатся за него: они в основном оказываются в Социал-демократической партии России или

же, подобно И. Чубайсу, будучи членами «Демплатформы», борются за слияние с СДПР. Социал-демократическое течение лидировало, пока «Демплатформа» оставалась в партии, однако после XXVIII Съезда оно было быстро оттеснено на периферию. Большинство оказывается гораздо более мобильным и вскоре станет определять себя термином «либеральный». В конкурентной борьбе и борьбе за различие, разворачивающихся внутри демократического движения и перед лицом КПСС, политические акторы верят в эффективность наименований, что, впрочем, не мешает им быстро их менять. Из-за провала слияния РПРФ и СДПР эти партии потеряли возможность создать «социал-демократический» или какой-либо иной полюс, который мог бы стать противовесом «Демократической России».

И наоборот, оргкомитет движения «ДемРоссия», где главенствует МОИ, стремится собрать под своим началом как можно больше организаций и не отстает явным образом никакого идеологического наименования. Призыв к объединению опубликован в журнале «Огонек» накануне учредительного съезда движения (20—21 октября 1990)¹; в съезде приняли участие 28 организаций, а некоторые другие присутствовали в качестве наблюдателей. Таким образом, постепенно приведена в действие предвыборная машина; ее составляют: 1) аппарат, охватывающий всю Россию и удерживаемый организаторами кампаний 1989 и 1990 годов (второй когорты); 2) партии, большая часть которых вышла из неформальных клубов первой когорты; и 3) видные фигуры, пользующиеся всесоюзной известностью (союзные и российские депутаты). Среди этих фигур Ельцин является своего рода скрытой переменной «Демократической России»: он истинный лидер движения, однако его статус остается неформализованным.

Все вступившие в «ДемРоссию» понимают, что три эти составляющие необходимы для строительства эффективной электоральной машины, однако их объединение не исключает конкуренции, поскольку все три категории акторов обладают очень разными историей, ресурсами и позициями в политическом пространстве.

В целом партии имеют небольшой вес. Функция их лидеров, заседающих в совете представителей, состоит прежде всего в том, чтобы

¹ Демократическая Россия // Огонек. 1990. Сентябрь. № 38. С. 3.

обеспечивать широкую репрезентативность движения. Хотя они и составляют самую многочисленную группу в руководящих инстанциях «ДемРоссии», но в блок из-за существующего между ними соперничества не объединяются. Ключевые позиции на самом деле занимают «организаторы» из МОИ, МНФ и других предвыборных групп, поскольку они сыграли решающую роль в предыдущих победах движения на выборах. В руководящих органах их всего десяток, однако они образуют однородную группу, занимают стратегические посты внутри аппарата (секретариат координационного совета — исполнительного органа ДР) и занимаются такими сферами, как управление информацией, координация региональных структур. Как отмечает С. Митрохин, без них движение было бы парализовано¹. Третью группу составляют известные деятели. Однако отметим, что ни один из заявленных или потенциальных противников Б. Ельцина не избран сопредседателем: Н. Травкин, который, по мнению некоторых наблюдателей, метил тогда в президенты России², и Т. Гдялн, пользовавшийся огромной популярностью в период выборов 1989 года, оттеснены на второстепенные роли. В этой новой структуре господствующие позиции удерживают прежде всего организаторы и деятели, не стремящиеся использовать «ДемРоссию» для конкуренции с Ельциным.

Таким образом, «ДемРоссия», где лидирует Ельцин, сама успешно лидирует в демократическом движении, устраняет соперников, и большинство демократических партий признают ее своим представителем в политическом пространстве. «Демплатформа» же не смогла не только успешно выйти из КПСС, но и войти в партийное поле, что сильно подрывает ее позиции в конкуренции с «ДемРоссией». С одной стороны, она испытывает серьезные трудности с позиционированием по отношению к другим организациям, с определением своей формы и идеологической направленности; вступая в пространство партийной конкуренции, она оказывается в нем малозаметной. С другой стороны, в политической игре на федеральном уровне она склонна равняться на «ДемРоссию». ДР избирает не такую двойственную стратегическую

¹ Митрохин 1991.

² Выборы пройдут в июне 1991-го. Отказавшись сначала вступить в «Демократическую Россию», Травкин и его партия (ДПР) войдут в нее в начале 1991 года.

линию: она поддерживает российскую власть в ее противостоянии с союзной. У «Демократической платформы», низведенной до статуса простой партии (РПРФ), не оказывается ни средств, ни воли к тому, чтобы каким-либо образом противостоять этому позиционированию и перейти к открытому соперничеству с ДемРоссией.

Харизматический лидер и зависимое от него движение

Начиная с выборов 1989 года Ельцин становится центром демократического движения. В силу своей позиции в структуре игры, одновременного присутствия на многих фронтах и своей победы на выборах он постепенно становится знаковой фигурой. Отношения между ним и движением асимметричны: он навязывает последнему свою волю и стратегию. Далеко не все неформалы-демократы являются его сторонниками; харизматическим лидером Ельцин становится вследствие совокупности процессов (в том числе и действий неформалов), за которые не отвечают в полной мере ни он, ни они (хотя, впрочем, Ельцин все-таки последовательно развивает харизматическую стратегию). Конечно, харизматический лидер нуждается в «эмоциональном сообществе адептов» (пользуясь выражением М. Вебера), которое подтверждало бы его достоинства «выдающегося человека». Но прежде всего этот статус ему придает его позиция в структуре политической игры и то, что значительные акторы рассматривают его как ориентир и как возможный выход из кризиса¹. Таким образом, движение обнаруживает у себя во главе лидера, от которого уже невозможно избавиться и позицию которого в политическом пространстве оно только усиливает, впадая при этом во все большую от него зависимость. Это постепенное усиление зависимости позднее станет, кстати, одним из факторов распада движения.

Ельцин начал заявлять о себе и получил известность благодаря напряжению внутри реформаторского лагеря в конце 1987 года². Тогда он стал единственным оппозиционером столь высокого ранга внутри аппарата (он был кандидатом в члены Политбюро, а с 1989 года — членом ЦК

¹ О явлении харизмы см.: Dobry 2003 и Gaïti 1998. Взгляд, частично совпадающий с этими исследованиями, высказывает также Kershaw (1995).

² Речь идет о «деле Ельцина» в октябре—ноябре 1987 года.

КПСС). В ходе кампании 1989 года он последовательно придерживается харизматической стратегии: умело выставляет себя на авансцену, опережает соперников, занимает стратегические позиции. В 1989 году, в отличие от своих главных соперников из демократического движения (Сахарова и Гдляна), он — профессиональный политик. Принадлежит к партийной верхушке, он интегрирован в демократическое движение и входит в руководящие инстанции всех значимых организаций. Эта множественность позиций становится ресурсом Ельцина, поскольку у него есть доступ к разным местам политического пространства, и важность произносимого им возрастает за счет его множественной идентичности. И наконец, его позиция усиливается в ходе предвыборного соревнования 1989 года. Его результаты в одном из самых крупных и символически значимых округов страны (Москве) воспринимается как аналог плебисцита. С этого момента Ельцин явно отрывается от остальных, становясь точкой отсчета в политической игре. После выборов 1990 года на Съезде народных депутатов РСФСР он занимает институциональные позиции, обретающие все большую ценность (председатель Верховного Совета РСФСР в 1990 году, президент России в 1991-м) и отныне делающие из него «естественного» лидера.

Асимметрия, наметившаяся в отношениях между ним и неформалами-демократами, со временем только усиливается: движение попадает от Ельцина во все большую зависимость, тогда как он по-прежнему может позволить себе дистанцироваться от него.

В 1989 году Ельцин представляется неформалам-демократам незаменимым союзником, поскольку придает импульс их мобилизациям. Даже те, кто его опасаются, вынуждены его поддерживать, способствуя тем самым росту его харизмы. Поскольку он принадлежит одновременно демократическому движению и партийной номенклатуре, они надеются использовать его как рупор перед лицом центральной власти, как в прежний период это удавалось делать клубам с их посредниками. Однако Ельцин становится их рупором лишь тогда, когда эта роль вписывается в его собственную стратегию. То, что он говорит, обращаясь к партийным инстанциям от имени движения, не подвластно контролю руководителей демдвижения и не может быть ими опровергнуто; напротив, им самим приходится следовать линии поведения, выбранной

Ельциным. Расширить свое влияние на движение ему позволило то, что он, будучи единственным посредником между движением и высшими инстанциями КПСС, заполнил собою некий *структурный вакуум*¹. К тому же множественность его позиций в движении дает ему ценную возможность заранее предугадывать стратегии разных игроков и, таким образом, легче определять свою собственную стратегию.

После того как Ельцин занял ключевые позиции в российской исполнительной власти, демократическое движение вступает с этой «новой властью» в отношения сговора. Однако отныне сговор сильно отличается от того, что существовал в предшествующий период. Тогда неформалы стремились сохранять дистанцию по отношению к реформаторам из КПСС, расширять свое пространство для действия, и им это удавалось; даже самые «лояльные» клубы требовали политических прав, стремились переопределять в свою пользу официальный курс и наделять некоторые институции новым смыслом. Дистанция, которую они поддерживали со своими союзниками, была условием для сохранения репутации (страх стигматизации) и способом добиться статуса автономных политических акторов. Демократическое же движение оказывается в полной зависимости от Ельцина. Оно защищает его в борьбе с консерваторами, бьется бок о бок с ним против союзных властей. И в этой борьбе движению приходится определять себя как российское и либеральное. Долгое время у него не было никакой возможности ни обозначить дистанцию по отношению к российской исполнительной власти², ни влиять на эту власть или хотя бы на некоторые ее решения (представителей движения не приглашают принять участие в разработке экономической программы, которая становится решающим

¹ Какой-либо актор заполняет «структурный вакуум» в том случае, если является посредником между двумя не связанными между собой «множествами» и «контролирует потоки информации и координацию действий между акторами, находящимися по обе стороны от этого зияния» (Burt 1995). Как объясняет Г. Зиммель (Simmel 1902) через феномен *tertius gaudens*, посреднику еще лучше удастся воспользоваться выгодами своей позиции в случае, если он не примыкает ни к одной из сторон и если между ними подерживаются конфликтные отношения. См. также: Lazega 1994: 304.

² Некоторые ярые сторонники Ельцина к этому и не стремятся, однако не факт, что они составляют большинство в движении и даже в его второй когорте.

политическим оружием в борьбе против СССР). У демократического движения не оказывается инструментов, чтобы вести двойную игру, которая составляла всю специфику неформального движения и придавала ему особую динамику.

Провал августовского путча 1991 года полностью переопределяет картину, приводя к поражению консерваторов и распаду КПСС и СССР. Теперь различные акторы демократического движения получают возможность иначе позиционировать себя по отношению к Ельцину или даже выйти из движения и перейти в оппозицию. Их стговор теряет принудительную силу. Да и само демократическое движение, в свою очередь, начинает распадаться, ведь хотя связи с Ельциным и накладывали ограничения, они все-таки составляли некую ось, вокруг которой конструировалась идентичность движения.

Ельцин в центре движения. Серия превращений

Неформально-демократическое движение позволяет Ельцину трансформироваться из члена номенклатуры в оппозиционера. С 1985 по 1989 год он дважды меняет идентичность. Когда в декабре 1985-го Горбачев назначает его первым секретарем Московского горкома, его воспринимают как *представителя реформаторского лагеря*. В связи с «делом Ельцина» (в конце 1987 года) он становится *оппозиционером в рядах номенклатуры*. И с этого времени занимает крайне двойственную позицию в поле партии: официально он понижен в должности и лишен всех политических постов, но его продолжают считать одним из главных политических акторов КПСС. Он теряет свой пост кандидата в члены Политбюро и остается только членом ЦК КПСС; он также смещен с поста первого секретаря горкома, оставшись первым заместителем председателя Государственного комитета СССР по строительству в ранге министра, а эта должность не воспринимается как политическая¹. Таким образом, Ельцин оказывается лишен легитимного доступа к власти, не будучи при этом полностью оттеснен от нее. Вполне возможно, что Горбачев был не в состоянии окончательно убраться с политической

¹ Кстати, Горбачев, как считается, предупреждал, что он «не позволит ему заниматься политикой» (Коваль 1991а).

сцены столь заметную оппозиционную фигуру. Вторая метаморфоза происходит с Ельциным во время выборов 1989 года, когда он превращается в *рупор демократического движения*, сохраняя при этом свои официальные позиции в КПСС и в правительстве СССР.

Во время первой предвыборной кампании движение прибегает к помощи Ельцина, который одним своим присутствием придает медийный резонанс его мобилизациям. Он становится членом руководства всех крупных демократических организаций: в январе 1989 года вступает в «Мемориал», в июле 1989-го — в «Межрегиональную депутатскую группу», в январе 1990-го — в «Демократическую платформу в КПСС» и тогда же становится главным кандидатом от блока «Демократическая Россия». Ельцин — это нечто вроде трофея, который выставляют напоказ во внутреннем соревновании, и гарант респектабельности перед лицом других акторов политического пространства. Его образ мученика, преследуемого консерваторами из ЦК, и народного трибуна, обладающего способностью вести за собой массы, оказывается здесь весьма кстати.

А ведь ничто не располагало к сближению неформалов с Ельциным. Как мы помним, лидеры первой когорты дистанцировались от него из-за его подозрительной терпимости к обществу «Память» и двойственного отношения к нему в бытность Ельцина руководителем горкома. Это сближение становится возможным благодаря новой предвыборной ситуации и появлению в движении второй когорты. Прибытие новобранцев, лишенных этой политической памяти, делает недавнее прошлое Ельцина не столь актуальным, хотя некоторые «перебежчика» все же опасаются. Вторая волна состоит из активистов, которые поддерживают кандидатов на выборах 1989 года, являются членами КПСС и позднее вливаются в оппозиционное движение: в этом смысле их траектории более похожи на ельцинскую. Союз заключается по инициативе неформалов, которые находятся в слабой позиции, поскольку сами напрямую не могут участвовать в выборах и ищут союзников, обладающих большим весом. Ельцин, уверенный, что победит на выборах в народные депутаты СССР, сначала отказывается от любого внешнего сотрудничества, однако меняет позицию, соблазнившись перспективой вхождения в парламент вместе с собственной группой союзников. Вы-

боры 1989 года только повышают его рейтинг, поскольку ни один другой московский депутат-демократ не добился столь убедительного успеха среди избирателей¹. Ельцин и раньше был харизматическим лидером, отныне же он явно обошел всех остальных видных деятелей движения (Сахарова, Гдьяна, Афанасьева, Попова).

Асимметричное отношение

Как представитель демократического движения Ельцин пользуется почти полной свободой. Иногда он перенимает стратегии у демократических организаций, членом которых является. Так, когда он представляет основные требования «Демократической платформы» перед ЦК КПСС в феврале 1990 года, он прибавляет к ним свои собственные, не делая между ними различия и даже явным образом не упоминая «Демплатформу». Возможно, неформалы-демократы воображали, что им удастся сделать Ельцина своим уполномоченным и спрашивать у него отчета за все его действия. Однако положение позволяет ему не подчиняться такого рода ограничениям. Что бы ни говорил Ельцин от имени «Платформы», у последней не получается дистанцироваться от него. В другой ситуации он присваивает себе идею, авторство которой по праву принадлежало «Демократической платформе»: речь идет о выходе из партии во время XXVIII Съезда в июле 1990 года. В этот самый подходящий для выхода из КПСС момент «Платформу» раздирали споры и противоречия, и в самый разгар Съезда Ельцин в одностороннем порядке принимает решение выйти из партии, не посоветовавшись с «Демплатформой», не сославшись на нее — но понимая при этом, что его поступок имеет все шансы повлечь за собой также и ее коллективный выход.

Ельцин обладает также способностью обставать свои появления в движении как заблагорассудится: множественность его позиций дает ему возможность попеть везде. В отличие от других знаменосцев движения, которые преданы делу душой и телом, он приходит, лишь когда ему предоставляется заметное место и когда за него не нужно бо-

¹ Напомним, что он избран 89,4% голосов в территориально-национальном округе, охватывающем всю Москву, тогда как территориальные округа, по которым избраны все остальные депутаты, покрывают лишь один-два района Москвы.

роться. Он появляется только в тех местах и в те моменты, из которых может извлечь пользу. Если на всех массовых митингах 1989—1990 годов он прилежно присутствовал, то заседание координационного совета «Демплатформы» впервые посетил лишь в апреле 1990-го (хотя совет существует уже с января), в самый разгар кризиса, который начался после публикации «открытого письма» ЦК от 11 апреля 1990 года, призывающего все местные парткомы исключать из своих рядов членов «Демплатформы». Точно так же сразу после выборов 1990 года Ельцин не посетил на Съезде народных депутатов РСФСР ни одного заседания парламентской группы «Демократическая Россия», членом которой являлся. Его тщательно просчитанные перемещения изменяют вес и смысл заседаний, работая как элемент драматизации и обострения.

Такое нестабильное участие ставит неформалов-демократов в уязвимую позицию, поскольку, когда Ельцин отсутствует, им приходится это маскировать. Когда блок «Демократическая Россия» и «Демократическая платформа в КПСС» созывают свои учредительные съезды в *одни и те же* дни (20—21 января 1990 года), Ельцин уезжает из Москвы — возможно, для того, чтобы не демонстрировать, какой арене соревнования (советам или КПСС) он отдает предпочтение, так как понимает, что его появление будет как-то проинтерпретировано. Однако нигде не уточняется, что Ельцин не присутствовал на этих заседаниях. Напротив, все происходит так, как если бы он там был: он избран в координационный совет «Демплатформы», и ему дано задание составить отчет от имени «Платформы» на следующем пленуме ЦК; его представляют в качестве одного из главных элементов предвыборного блока «Демократическая Россия», тогда как сам он, по всей видимости, не вполне поддерживает идею единой и сильной коалиции, предпочитая опираться на множество разных организаций¹. Все эти обстоятельства — то, что Ельцина избирают в его отсутствие, что он — рупор движения, не будучи его уполномоченным агентом, что он избегает публично связывать свое имя с неформалами-демократами, — становятся ограничивающими факторами для последних; они оказываются заложниками установившегося таким образом асимметричного отношения.

¹ Об этом см.: Urban и др. 1997: 183.

Ельцин превращается в эмблему движения. Хотят этого неформалы или нет, но он взаимодействует с ними с позиции силы. Считается, что он поддерживает единство движения в период, когда изменяются его масштаб, сущность и место в политическом пространстве. Ельцин становится точкой, к которой стекается все больше неформалов-демократов, поскольку он — один из самых выдающихся политических акторов, он дистанцировался от «системы», ему прочат большое политическое будущее и в силу множественности своих позиций он стоит над различными внутренними разделениями в движении.

В конце 1989 — начале 1990 года некоторые неформалы даже хотели, чтобы Ельцин возглавил самые представительные организации демократического движения, считая, что они в опасности. И хотя эти попытки не удались, они наглядно демонстрируют, что Ельцина воспринимают как хозяина положения, как главную защиту от всех опасностей. Например, ему предоставляют руководство «Межрегиональной депутатской группой» и «Демократической Платформой». В марте 1990 года Игорь Чубайс, полагая, что «Платформа» рискует оказаться в руках «аппаратчиков» (после вступления в нее видных партийных деятелей, подозреваемых в «работе на» Яковлева), предлагает Ельцину возглавить ее. И это тот самый Чубайс, которые тремя месяцами раньше с гордостью заявлял, что «Платформа» по праву считается не «партией Ельцина (или) Гддяна», а «блоком левых сил»¹. Другие без всяких колебаний попирают ради Ельцина принцип коллегиальности, хотя он составлял одну из важных черт неформальных организаций с 1987 года. Так, Г. Попов, депутат СССР и сопредседатель «Межрегиональной депутатской группы» (МДГ), предлагает, чтобы каждый год один из сопредседателей был бы главным: «первый год будет Ельцин, следующий год будет кто-то другой»². Сопротивление внутри движения остается достаточно сильным, чтобы помешать Ельцину стать единственным и бесспорным лидером. Пока Сахаров — центральная фигура движения (а он оставался таковым до самой своей смерти в декабре 1989 года), Ельцин не может претендовать на этот статус. Ситуация быстро меняется после выборов 1990 года, когда Ельцин обретает сильные институциональные позиции

¹ Служебный документ Севастопольского райкома 1990 (док. 42).

² Игрунов 2002.

на российской арене. Отныне он может позволить себе попытку полностью приручить демократическое движение.

«Приручение» движения

Отношения между Ельциным и движением меняются после выборов 1990 года: с одной стороны, из-за изменения статуса акторов (Ельцин становится председателем Верховного Совета РСФСР; некоторые демократы входят в российский парламент, где их блоку принадлежит треть мест) и, с другой стороны, из-за растущей конкуренции между центральной и российской властями. В силу политической динамики, в которую втянута страна, подавляющее большинство на Съезде народных депутатов РСФСР и в парламентах других советских республик стремится к перераспределению полномочий. Однако в отличие от Прибалтийских республик, которые пытаются отделиться от Союза, российская исполнительная власть пытается проникнуть на союзный уровень и оказывать на него влияние. Так наступает двоевластие¹.

Ельцину удается найти политические инструменты для захвата полномочий: Декларацию о суверенитете России, собственную экономическую программу «500 дней» и институт президентства в России. Эти инструменты, содержащие в себе зачатки конфликта с законами СССР, позволяют проверить последний на способность к сопротивлению, в каких-то случаях навязать переговоры, в других — перейти к прямой конфронтации.

Демократическое движение широко привлекается к разработке и использованию этих инструментов. Оно все больше отворачивается от союзной власти и почти целиком поддерживает Ельцина, хотя и по-разному: 1) рекрутируемые из движения «эксперты» разрабатывают институциональную базу новой российской власти; 2) депутаты-демократы Съезда РСФСР становятся главной опорой Ельцина, позволяющей ему набрать большинство голосов для законодательного утверждения этих инструментов; 3) и наконец, организаторы митингов движения «Демократическая Россия» проводят предвыборную кампанию Ельцина на президентских выборах 1991 года и мобилизуются для демонстрации силы в самые критические моменты.

¹ В ленинском вообразаемом двоевластии означает революционную ситуацию.

Демократическое движение связывается с Ельциным потому, что у него нет другого выбора и оно полностью лишено способов контроля и давления на Ельцина. Движение позволяет российской власти инструментализировать себя. Неформалы-демократы попадают под власть феномена, напоминающего харизматическое господство (при котором держатель власти волен не соблюдать правила)¹. «Лидер» предписывает им роли, которым они следуют и становятся, таким образом, предсказуемыми союзниками². Ельцин же таковым не является и намеренно поддерживает неопределенность по поводу того места, которое собирается выделить движению в исполнительной власти. Однако механизмы этого господства объясняются не только существующими взаимоотношениями; они также связаны с позицией Ельцина в политическом пространстве, с противостоянием между СССР и Россией и борьбой против коммунистов на разных полях.

Новая конъюнктура, которая складывается после августовского путча 1991 года, — ослабление, а затем и распад СССР и КПСС — производит решающий эффект на отношения между движением и Ельциным. Последний полностью освобождается от каких-либо обязательств перед движением. Так, например, демократы не оказывают никакого влияния на новое российское правительство («правительство реформ»), сформированное в конце 1991 года. И тогда в движении происходит диверсификация позиций в отношении исполнительной власти. Ельцин постепенно теряет контроль над некоторыми его фрагментами. Однако движение и само по себе стремительно теряет силу.

Захват полномочий

Ельцин использует движение в своей стратегии захвата полномочий в пользу российской арены, основными инструментами которой становятся Декларация о суверенитете, российское президентство и проект российской Конституции. Некоторые члены первой когорты в этот момент снова проявляют активность. Возможно, их авторитет поддер-

¹ О харизматическом господстве см.: Weber 1995: 323.

² Schelling (1966: 92) определяет роль следующим образом: «Понятие роли в социологии [...] явным образом включает в себя ожидания других в отношении поведения индивида, а также ожидания индивида в отношении того, как другие поведут себя с ним».

живают несколько факторов: они составляли самые первые программы реформ («Общественный наказ», проект «Межклубной партийной группы» по реформе партии); в 1989 году они показали себя как потенциальные советники союзных депутатов (хотя к их услугам так и не обратились); они связаны с академической средой и реформаторскими партийными кругами, откуда окружение Ельцина обычно и рекрутирует своих советников.

Геннадия Бурбулису, главному советнику Ельцина с августа 1990 года, поручено сформировать группу экспертов, которая получит название Высший координационно-консультативный совет при Председателе Верховного Совета РСФСР. Некоторых неформалов приглашают туда с целью разработки принципов учреждения президентской функции, которая окажется важнейшим инструментом харизматической стратегии Ельцина. А. Данилов объясняет:

Мне было ясно, что реально основными движущимися силами этого политического процесса становится не организованное движение, а неструктурированная толпа, руководимая средствами массовой информации, которые, в свою очередь, находятся под контролем крайне узких групп, из состава элитной московской интеллигенции. И в наступающий период российской истории никакая личная активность не сможет перебороть, скорректировать то направление, которое они придали общественному развитию. И чем дальше, тем больше я к тому же разочаровывался в способности Горбачева регулировать как-то этот процесс. [...] Единственную возможность я увидел в 90-е годы в Ельцине. [...] И тогда я сделал ошибку. Собственно говоря, первым выставил идею о президентстве ельциновском... это был я¹. [...] Я полагал, что Ельцин с его народно-коммунистической закваской, его харизмой тогда — единственная сила, которая способна остановить тот неблагоприятный тренд к катастрофе, продвижение к катастрофе, которое мне было уже понятно в это время. [...] И я не мог думать тогда, к сожалению, не предполагал,

¹ На самом деле эта идея обсуждалась в мае 1990 года на Съезде народных депутатов РСФСР, получив тогда поддержку большинства депутатов, и вплоть до избрания Б. Ельцина председателем Верховного Совета (Urban 1992).

что он станет главной силой для проведения той политики превращения России в Бразилию, которая сейчас осуществляется¹.

Институт российского президентства был установлен голосованием на референдуме 17 марта 1991 года (имевшем место одновременно с союзным референдумом о сохранении СССР) и после этого с потрясающей быстротой был учрежден: закон принят 22 мая, а выборы проходят всего три недели спустя, 12 июня.

Ельцин также привлекает депутатов из демократического лагеря к работе над программными текстами, критикующими центральную арену власти. В апреле 1990 года парламентская группа «Демократическая Россия» составляет проект Декларации о суверенитете России, которая будет принята 12 июня 1990 года подавляющим большинством депутатов². Декларация провозглашает приоритет Конституции и законов РСФСР над законами СССР, право собственности российского народа на национальное богатство России, право свободного выхода республики из состава СССР, отдельное российское гражданство и собственное представительство РСФСР в отношениях с другими республиками и иностранными государствами³. Текст, принятый через год после того, как три Прибалтийские республики провозгласили суверенитет (в начале 1990 года они объявили независимость), не стал громом среди ясного неба. Однако в этом случае было важнейшее отличие от Прибалтики: если бы Россия получила суверенитет, она бы лишила СССР большей части экономических ресурсов⁴. Российская декларация — это прежде всего инструмент давления, позволяющий начать войну законов, однако Ельцин и российский Съезд не сразу прибегают к его использованию.

Зато они быстро начинают разработку Российской Конституции. Конституционной комиссией, напрямую подчиняющейся председателю Верховного Совета, руководит О. Румянцев, неформал из первой ко-

¹ А. Данилов, интервью 4.8.1994 г.

² 907 голосов «за», 13 «против» и 9 «воздержались» (напомним, что Ельцин был избран главой Верховного Совета лишь 535 голосами). Группа коммунистов в подавляющем большинстве проголосовала за суверенитет.

³ Док. 37.

⁴ В РСФСР находятся 90% нефти и 70% газа СССР.

горты (член «Демократической Перестройки»), ставший российским депутатом. В октябре 1990 года комиссия представляет проект, предусматривающий наделение России некоторыми атрибутами суверенного государства (собственные валюта и банковская система, армия, автономная международная экономическая деятельность, охрана границ)¹. Предлагаются два типа режима: президентский и полупрезидентский-полупарламентский, однако в обоих случаях президент наделяется существенными полномочиями.

Наступление на союзные институты

Ельцин использует демократическое движение, чтобы испытать эти инструменты суверенитета и попытаться вторгнуться на центральный уровень принятия решений. В 1990—1991 годах он единственный, кто располагает ресурсом (движением), позволяющим ему заявлять о всенародной поддержке. Ни Горбачев, ни даже депутаты-демократы не способны соперничать с ним. При этом неформалы-демократы потому и поддерживают столь преданно Ельцина, что их во многом обязывает к этому собственная позиция в политической игре. Ельцин же без всяких колебаний будет пренебрегать ими по мере необходимости.

После принятия абсолютным большинством голосов Декларации о суверенитете России Ельцин постоянно провоцирует союзные институты. Спустя некоторое время большинство депутатов равняются на его стратегию. Например, в августе 1990 года решением Съезда РСФСР запрещено экспортировать любые стратегические природные ресурсы, добытые на территории России, без ее разрешения. Горбачев называет это решение незаконным². В октябре 1990 года депутаты России принимают самостоятельную экономическую программу («500 дней»³). Этот либерально ориентированный план (массовая приватизация, дере-

¹ См. текст проекта на: <http://www.rumiantsev.ru>.

² Можно предположить, что российские власти стремятся узнать, какова позиция стратегических экономических акторов, таких как экспортеры природных ресурсов, чтобы лучше понять, насколько далеко можно зайти в требовании суверенитета.

³ Вследствие заключенного между Горбачевым и Ельциным соглашения эта программа должна была быть также принята и для всего СССР, однако с союзной стороны она натолкнулась на оппозицию «консерваторов».

гуляция) предусматривает прежде всего перераспределение полномочий в пользу республик, поэтому он становится новым инструментом захвата полномочий. Возможно, именно угроза экономического отделения, со-держающаяся в этой программе, подталкивает Съезд народных депутатов СССР к тому, чтобы объявить о приоритете федеральных законов над республиканскими. За этой «войной законов» следует «война бюджетов», развязанная Россией¹. Однако Ельцин не слишком долго использует демонстрацию силы: провоцировать СССР, возможно, пока небезопасно, и он предполагает, что только депутаты-демократы однозначно поддержат эту игру. От программы «500 дней» будет решено отказаться через два месяца после ее принятия, от проекта Конституции — в конце января 1990 года, а в январе 1991-го Россия выплатит свои долги по налогам.

Когда Ельцин начнет более открыто подрывать легитимность правительства и президента СССР, он будет опираться прежде всего на «Демократическую Россию», способную организовать массовые демонстрации «народной» поддержки. Он требует отставки премьер-министра Рыжкова в сентябре 1990 года (при поддержке Съезда РСФСР) и предлагает образовать коалиционное правительство, в котором Россия должна получить контроль над ключевыми постами (председательство в Совете министров, руководство в Минобороны и Минфине). Но когда он требует отставки Горбачева в феврале 1991 года и призывает голосовать «против» на референдуме 17 марта 1991 года о сохранении Союза², депутаты-консерваторы Съезда РСФСР его не поддерживают. Они пытаются сместить его с поста председателя Верховного Совета, и им удается созвать внеочередной Съезд в марте 1991 года. Теперь наблюдается уже не просто противостояние между российской и союзной аренами, в котором Ельцину всегда удавалось заручиться поддержкой

¹ Россия решает отчислять лишь 20% своего вноса в союзный бюджет, который в обычные времена составлял половину доходов советского государства.

² За сохранение Союза высказались 76,4% голосовавших в тех девяти республиках, где проводился референдум (три Прибалтийские республики, Армения, Грузия и Молдавия в нем не участвовали), и 71,34% голосовавших в РСФСР (или 53,82% от количества зарегистрированных избирателей). Иными словами, Ельцин и «Демократическая Россия» потерпели здесь поражение.

большинства в российском парламенте; теперь движение «Демократическая Россия» становится его *главным* союзником.

Ельцин монополизует лидерство в движении и подталкивает его к разрыву с Горбачевым. Противостояние между Ельциным и Горбачевым разыгрывается на многих фронтах (экономическая программа, федеральное устройство СССР), и одна из его ставок — присвоение лидерства в движении. Горбачев выступает с косвенными призывами к демократическому движению или к некоторым его секторам с целью формирования «центристского» движения. Ельцин, в свою очередь, заставляет неформалов-демократов выбрать Россию против Союза и перейти на сторону радикальных реформаторов, чьим бастионом стала российская арена, — в борьбе против реформаторов, оставшихся на арене союзной. Горбачев, вынужденный отвергнуть программу «500 дней», оказывается причислен к консерваторам, то есть к «правым». Неформалы, которые прежде положительно определяли себя по отношению к нему, отныне не имеют возможности встать на его сторону.

*Ельцинские сговоры в ущерб
демократической парламентской фракции*

Большей части депутатов-демократов не нравится эта зависимая позиция, но они не в состоянии ее изменить. Располагая всего лишь третью мест, они сами по себе не могут ни обеспечить Ельцину большинство, ни оказать на него давление, угрожая лишить его поддержки (как могли бы, если бы являлись единственной его опорой). Им не остается иного выбора, кроме как полностью поддерживать его политику, еще и потому, что в стане их соперников, коммунистов, в 1990 году наблюдается непрерывный рост численности сторонников¹. При этом сам Ельцин не обращает на фракцию «Демократическая Россия» особого внимания.

При такой структуре игры Ельцин может приносить в жертву самых преданных сторонников — чтобы переманить на свою сторону других депутатов. Председатель Верховного Совета РСФСР вынужден лично вести переговоры с другими депутатскими группами, добываясь большинства. Депутатские группы, несмотря на слабость и нестабильность оказываемой ими поддержки, получают большую власть, чем «Демо-

¹ См.: Белонучкин 2002.

кратическая Россия», предоставляющая Ельцину надежную и неизменную поддержку. В марте 1991 года Ельцин избегает смещения с поста, заключив союз с А. Руцким, возглавляющим группу из 179 депутатов, которые дезертировали из лагеря коммунистов. Мало того, что за его отстранение проголосовало менее требуемых двух третей (то есть всего 121 голос против 712), так Ельцину теперь еще и предоставляются чрезвычайные полномочия (583 голосами против 292). Помимо этого он добивается создания института российского президента благодаря сговору с разными депутатскими группами, в том числе и внутри Президиума Верховного Совета¹. В мае 1991 года Руцкому предложено выдвинуться на пост вице-президента одновременно с выдвижением Ельцина на пост президента, а Р. Хасбулатов, другой конъюнктурный союзник Ельцина, получает пост председателя Верховного Совета после июньских президентских выборов — вопреки мнению фракции «Радикальных демократов».

Единственное, что остается депутатам-демократам для выражения своего несогласия, — вступление в разные фракции. Свобода создания фракций дает им небольшое пространство для игры, которым многие и спешат воспользоваться. С первой же сессии (май 1990) наряду с фракцией «Демократическая Россия» появляются еще пять групп: «Радикальные демократы», фракция «Смена — Новая политика», «Демократическая платформа», «Беспартийные депутаты» и «Рабоче-крестьянский союз». Но в момент голосований все эти фракции вступают в блок.

Став опорой для Ельцина, движение «Демократическая Россия» добивается от него лишь невнятного обещания поддержки. Президент поощряет своих сторонников к созданию «широкой демократической коалиции»². При каждом кризисе (март 1991 года, ноябрь 1992-го, ле-

¹ По идее для учреждения президентства требовалось принять поправку к Конституции, которую должны были одобрить две трети депутатов. Коммунистическая оппозиция могла бы заблокировать подобную поправку. Поэтому Ельцин и его союзники прибегли к референдуму. На нем президентство было одобрено 69,85% голосов, и Президиум Верховного Совета, в общем-то вполне произвольно, решил, что депутатского голосования простым большинством достаточно, чтобы его утвердить (см. Urban 1992).

² Из выступления Б.Н. Ельцина на III Внеочередном съезде народных депутатов РСФСР, 30.3.1991 // Независимая газета. 2.4.1991 (цит. по: Коваль 1991б: 507—508).

то 1993-го) он повторяет этот призыв, намекая, что мог бы возглавить «партию власти», но никогда не конкретизируя это обещание.

*Маргинализация движения
после августовского путча 1991 года*

Августовский путч 1991 года снова изменяет конфигурацию политического пространства, а также отношения между Ельциным и демократическим движением. Провал путча приводит к поражению консерваторов и союзной политической арены. Отныне все ставки однозначно сосредотачиваются на российской арене. Российская исполнительная власть берет контроль над основными союзными институтами власти. Почти все назначения производятся с согласия Ельцина; председатель Совета министров России (И. Силаев) возглавляет комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР, который на самом деле представляет собой новое союзное правительство. Российский президент избран совсем недавно (июнь 1991), и функция, которую он воплощает, пока не имеет под собой устойчивой реальности, однаковеряемые ему полномочия играют важнейшую роль в ее структурировании. Российская исполнительная власть обладает и другим источником легитимности: сразу после путча она становится главным субъектом переговоров во всех отношениях с международными акторами (в частности, с США) и наследует международное признание, прежде относившееся к СССР.

Эта новая конъюнктура дает Ельцину значительное поле для маневра, чтобы помешать его противникам, занявшим позиции на союзной арене, вернуться в игру и усилить свою независимость от акторов, связанных с российской ареной. Указом от 22 августа 1991 года он приостанавливает деятельность КПСС в вооруженных силах, а несколько дней спустя по решению Верховного Совета СССР эта приостановка распространяется на любую деятельность партии. Таким образом, КПСС как политическая сила полностью устранена. В ноябре 1991 года Ельцин запрещает деятельность КПСС и российской КП и национализует их имущество. И наконец, он устраняет из игры Горбачева, обрекая на провал Новоогаревский процесс, призванный сохранить союз советских республик на минимальной основе (экономической, а не

политической)¹. На российской арене Ельцин занимает такую позицию, которая позволяет ему опираться в формировании исполнительной власти на различные группы, стимулируя конкуренцию между ними, но не связывая себя ни с одной из них. Одно из последствий этой позиции силы и независимости — глубокое изменение отношений стовора, которые Ельцин поддерживает с демократическим движением. У последнего нет институциональных позиций, делающих из него союзника, с которым следует считаться. Ослабление их общности продолжается в 1992—1993 годах: борьба, развернувшаяся между растущим большинством депутатов и Ельциным, дает возможность членам демократического движения дистанцироваться от российского президента, и некоторые без колебаний переходят в оппозицию. Это ослабление приведет в конечном итоге к самороспуску движения. Итак, демократическое движение, в которое активно вовлеклись неформалы, тоже, в свою очередь, распадается.

Выстраивая исполнительную власть, Ельцин тщательно следит за тем, чтобы не оказаться связанным ни с демократическим движением, ни с кем-либо иным. Он окружает себя двумя группами советников, ставя их в отношения взаимной конкуренции. Неформалы-демократы принадлежат кругу Г. Бурбулиса, которому поручено формирование нового правительства России в конце 1991 года. Однако Бурбулис для руководства правительством обращается скорее к экономистам (Е. Гайдару, А. Чубайсу и др.). Представителей демократического движения, несмотря на их настойчивые просьбы, туда не включают. Другой кружок, который возглавляет Юрий Петров, более одиннадцати лет проработавший вместе с Ельциным, руководит президентской администрацией². Отчасти он состоит из бывших работников партаппарата Свердловска, где Ельцин руководил областным комитетом, до того как его перевели

¹ Соглашение подписано в Алма-Ате 18 декабря 1991 года 11 республиками, включая Россию, которая его впоследствии нарушила.

² Эта администрация, созданная в июле 1991 года, представляет собой секретариат президента. Экспертный орган, наделенный большим весом в принятии решений, он осуществляет контроль над исполнительной властью и отвечает за отношения между президентом и законодательными и исполнительными органами. В 1999 году численность сотрудников администрации составляла 2000 человек.

в Москву (отсюда и наименование «свердловская группа»)¹. Безусловные сторонники Ельцина в «Демократической России» вынуждены делать вид, что их движение играет важную роль в механизме российской власти, и маскировать отсутствие институциональных позиций. Ельцин не только не привлекает движение к строительству исполнительной власти, но и мешает ему усилить позиции во власти законодательной: он отвергает предложение объявить новые законодательные выборы сразу после неудавшегося путча, а ведь демократы рассчитывали на легкую победу над распадающейся коммунистической партией².

Да и само движение начинает дистанцироваться от Ельцина по некоторым содержательным вопросам. Ультралиберальная программа правительства Гайдара вовсе не пользуется в движении единодушной поддержкой, и к тому же не все демократы выступают за роспуск СССР. А ведь именно этот вариант был избран группой Бурбулиса. И наконец, растущий перевес исполнительной власти над законодательной и в целом способы определения конституционных правил игры вызывают сопротивление бывших союзников Ельцина.

Часть демократов покидают движение и организуют блок «центристов», тогда как оставшееся меньшинство переходит в откровенную оппозицию. Центристы рассчитывали создать «третью силу» между «безусловными сторонниками» Ельцина и коммунистической и националистической «непримиримой оппозицией»³. Они определяют себя то как «условная поддержка», то как «конструктивная оппозиция». Это был способ обозначить свое отличие, не рывая при этом связи с демократическим движением и Ельциным. Центристы равняются на демократов при голосовании по стратегическим вопросам (в частности,

¹ Эти две группы вступают в противостояние по экономическим и федеральным вопросам. «Свердловская группа» в отличие от группы Бурбулиса делает ставку скорее на сохранение «общего экономического пространства» с другими республиками СССР (Hough 1997: 457—465).

² Вместо этого Ельцин предлагает им проголосовать за чрезвычайные полномочия правительства реформ, которое, как предполагалось, будет сформировано при содействии «Демократической России» (Urban и др. 1997: 266).

³ Отсюда и наименование «красно-коричневые», данное радикальной антисельцинской и антиправительственной оппозиции.

при принятии радикальной экономической политики и предоставлении Ельцину чрезвычайных полномочий в октябре—ноябре 1991 года). И только весной 1992 года они явным образом выйдут из сферы влияния демократов. «Центр» — это некая магма, которая постепенно затвердевает, но сущность ее остается трудноуловимой. На Съезде депутатов России в нем объединяются одна из фракций, вышедшая из демократического движения («Смена — Новая политика» под руководством А. Головина, бывшего члена «Московского народного фронта»), и часть «болота», которое было более или менее связано с коммунистами. «Центр» насчитывает примерно 300 депутатов; вне парламента он представлен группами под руководством «видных деятелей», связанных с союзной ареной и номенклатурой КПСС («Движение за демократические реформы» — ДДР, партия «Обновление»). В 1992 году, после поражения консерваторов в связи с провалом путча, «Демократическая Россия» видит в центристах своих самых серьезных соперников (и возможно, они остаются таковыми вплоть до осени 1993 года).

С января 1992 года в движении «Демократическая Россия» происходит раскол по вопросу об отношении к исполнительной власти — между «условной поддержкой» Ельцина и его «безоговорочными сторонниками», или, по их собственной терминологии, между «радикалами» и «прагматиками». В марте 1992 года «радикалы» покидают движение, но в оппозицию при этом не переходят. Они прежде всего «обвиняют Ельцина в соглашательстве с номенклатурой и ренегатстве»¹.

В связи с подъемом центристов отношения силы становятся гораздо менее ясными для исполнительной власти. Депутаты-демократы перестают быть столь уж предсказуемыми; Ельцин использует своих «безусловных сторонников», чтобы подсчитать союзников, определить места разных действующих лиц и оценить свое поле для маневра. Сторонники активно защищают его политику против большинства Съезда, все более ему враждебное. Ельцин опирается на них, чтобы испытать реакции разных акторов на планируемые им решения. В зависимости от полученных результатов он может и дистанцироваться от своих сторонников — чтобы облегчить процесс переговоров. Так, в октябре 1991 года

¹ Малютин, Юсуповский 1993.

он поручает А. Пономареву и В. Боксеру объявить о своем намерении провести радикальные экономические реформы, расширить свою власть и отменить выборы глав областных администраций (заменив их назначениями). Благодаря этому непрямому нападению главе исполнительной власти удастся достичь компромисса с руководством Верховного Совета: областные выборы не отменены, а лишь отложены на год; взамен Съезд дает Ельцину расширенные полномочия сроком на год (что позволит тому провести в жизнь программу Гайдара), а также одобряет состав правительства реформ¹. Когда в 1992 году противостояние между частью Съезда и Ельциным начнет обостряться, сторонники Ельцина из «Демократической России» первыми, уже в апреле, упомянут о возможности роспуска Съезда, но тогда Ельцин поспешит публично отвергнуть такое решение. Тем не менее уже то, что о самой возможности такого решения было сказано публично, делает его все более возможным в восприятии политических акторов. В течение всего кризиса 1992—1993 годов эта угроза постоянно висела над парламентом и была приведена в исполнение в сентябре 1993-го.

Распад демократического движения начинается после путча 1991 года, когда ослабляются отношения сговора, связывавшие его с Ельциным. Соблазнительно объяснить это охлаждение утилитаристскими причинами: движение не было вознаграждено за свою верную службу, и на его место пришли группы, способные к более легкому проникновению в «команду власти» (Руцкой, «молодые экономисты», бывшие аппаратчики из Свердловска, депутатские группы, получившие посты в президиуме Верховного Совета). Но более продуктивной, нежели простая констатация перехода индивидов, ранее следовавших этическим ориентирам, к поведению, диктуемому «рациональным выбором», кажется интерпретация этого процесса как структурного изменения в способе игры, связанного с трансформацией ее контекстов и отношений между разными действующими лицами: неформалы-демократы играют в утилитаристской манере, однако они не порвали со своим прошлым. Если воспользоваться терминологией Вебера, их дистанцирование от Ельцина можно объяснить «ценностно-рациональными»

¹ Flikke 2004.

мотивами: депутаты-демократы во имя демократических ценностей стали в оппозицию к действиям Ельцина, противоречащим праву или их представлениям о демократической системе. В сентябре—октябре 1993 года в ходе конфликта между президентом и Съездом народных депутатов многие неформалы-демократы, особенно из первой когорты, сопротивлялись роспуску парламента и в еще большей мере тем методам, которыми он осуществлялся.

«Либерализм» как новый маркер идентичности

Демократическое движение переходит к либерализму, чтобы порвать с коммунистами и отчетливо позиционировать себя в качестве противовеса союзному центру. В ходе кампании 1990 года оно определяет себя прежде всего как «антикоммунистическое», но пока явным образом не называется либеральным. После выборов российское правительство Б. Ельцина продвигает либеральную и децентрализаторскую экономическую программу. Для участников демократического движения, которые отныне находятся исключительно на российской арене, эта программа и ее либеральная составляющая становятся ограничителями при самоопределении: они вынуждены высказаться за или против. Процесс принятия наименования «либеральный» в качестве маркера идентичности начался еще до вступления Ельцина на пост президента России, однако он приходит к необратимому завершению, когда система ельцинской власти конструируется с опорой на либеральное позиционирование. Эта идеологическая этикетка играет примерно ту же самую роль, что «социализм» на начальной стадии Перестройки. Она действует как барьер при входе в игру взаимной поддержки, которая разворачивается между демократическим движением и российской исполнительной властью, подобно тому как в свое время лейбл «социалистический» был для неформалов одним из необходимых элементов сговора с частью партийного аппарата. Однако чтобы вступить в союз с Ельциным, необязательно определять себя как либерала, — другим группам это удалось без какого-либо политического позиционирования (например, свердловской). Но для демократического движения такое позиционирование было важнейшим элементом именно в силу его специфической позиции в политической игре: одним из главных его каналов доступа к Ельцину становится Бурбулис, опирающийся на либеральных экономистов в своей борьбе

против конкурентов. Для всего этого конгломерата сил либеральная этикетка служит важнейшим ресурсом. И хотя для демократического движения она становится в какой-то мере структурным эквивалентом того, чем являлся «демократический социализм» для неформального движения, эта этикетка в то же время представляет собой дополнительный фактор размывания идентичности неформалов — ведь прежде они не определяли себя как либералов.

«Либерализм» вообще весьма многозначный термин, в России же в эту эпоху он особенно полисемичен. Он обретает политический смысл: защита индивида от коллектива, демократические ценности, многопартийность, правовое государство и права человека, отлучение КПСС от всех сфер общественной жизни. В экономическом смысле термин покрывает широкий спектр позиций, начиная от «социальной рыночной экономики» и заканчивая ультралиберализмом. Поэтому лейбла «либеральный» — довольно гибкий элемент идентичности, который участники демократического движения могут использовать по-разному. Он служит для того, чтобы громко заявить о себе на предвыборной арене в 1990 году, порывая с «коммунизмом». Он также позволяет встать в оппозицию к союзной исполнительной власти. «Либерализм» — еще и социальный маркер, с помощью которого неформалы-демократы подтверждают свою близость с некоторыми академическими средами. И наконец, принятие этого наименования служит для обозначения границ движения, а значит, и для вытеснения из него некоторых участников. Множественностью этих значений и объясняется тот факт, что либеральный дискурс быстро распространяется в демократическом движении и встречает очень мало сопротивления на своем пути: постепенно движение монополизировалось теми, кто отстаивает этот лейбл.

Во время предвыборной кампании 1990 года либеральный лейбл не выпячивался, однако экономическая программа блока «Демократическая Россия» была проникнута либеральной логикой, отдающей приоритет рынку, сдобренному некоторыми компенсационными мерами в отношении социально незащищенных категорий. Эта программа позволила «Демократической России» обозначить свою оппозиционность правительству СССР, чьи проекты реформ предусматривали гораздо более жесткое ограничение рынка.

Благодаря победе на выборах лед тронулся. Некоторые группы все меньше стесняются определять себя как либеральные, хотя в первое время используют некоторые ораторские предосторожности. «Радикальное» крыло Демократической партии России (ДПР), вышедшей из «Демоплатформы», во время учредительного съезда партии в мае 1990 года называет себя «свободной фракцией». Она представлена чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым, а также А. Мурашевым. Последний — весьма значительная фигура, поскольку он союзный депутат и секретарь «Межрегиональной депутатской группы». В целом ДПР, определяясь как партия, которая «будет стремиться к построению общества равных стартовых возможностей»¹, тоже демонстрирует шаг к либерализму, хотя этот сдвиг не столь решителен, как у Мурашева и Каспарова. Кстати, такое позиционирование со стороны партии, считающейся значительной и многообещающей, способствует выходу либерального лагеря на первый план.

Очень быстро преодолены последние табу на использование обозначения «либеральный». Некоторые группы в демократическом движении даже отстаивают ультралиберальные позиции. Мурашев и Каспаров вскоре переименовывают свою «свободную фракцию» в «*либеральную*» и открыто отсылают к тэтчеровско-рейгановской модели². В апреле—мае 1991 года они создают «Либерально-консервативный союз». Мелкие периферийные партии, такие как Партия конституционных демократов (ПКД) Золотарева или «Демократический союз» Новодворской, демонстрируют симпатию к модели неолиберального государства. ПКД, вышедшая из неформального клуба «Гражданское достоинство», считает социальную защиту допустимой лишь в отношении самых депривированных категорий (матерей-одиночек, пенсионеров и инвалидов). В. Золотарев уточняет этот пункт:

Мы считаем, что безработица — это явление, которое требует какого-то реагирования. Но это не нечто ужасное до такой степени, что ради того, чтобы ее не было, надо устраивать социалистические формы управления. Формы выхода из этой проблемы мы видим не в путях

¹ Документ Севастопольского райкома 1990 (док. 48).

² Duncan 1992: 101.

социалистических новаций или социалистических решений, а на путях максимально мобильного реагирования самой экономики посредством ее естественного механизма.

— Экономика сама регулируется?

— Да, в этом смысле можно назвать нас в некотором смысле дарвинистами в экономике. Мы считаем, что процесс развития ее и общий процесс осуществляются наиболее приспособленными и наиболее конкурентоспособными¹.

Демократическое движение было одним из проводников ультралиберального течения в институты российской власти, хотя в самом движении это течение занимало лишь маргинальное положение. Мы вовсе не пытаемся преувеличивать влияние демократического движения на политический выбор Ельцина: этот выбор объясняется прежде всего большим весом, которым обладают некоторые политические и экономические акторы (в том числе международные организации), и эскалацией конфликта между Ельциным и союзной властью, а затем его втягиванием в противостояние с российским парламентом. Но в демократическом движении имеются очаги, через которые распространяется ультралиберальный дискурс, и сети, которые позволяют экономистам этого течения попасть в правительство и даже возглавить его. «Либерально-консервативный союз» Мурашева обладает незначительным весом в движении, однако Мурашеву удастся привлечь в него А. Головкова, своего бывшего коллегу по «Межрегиональной депутатской группе», ставшего советником госсекретаря Бурбулиса. Головков играет решающую роль в сближении между Бурбулисом и Гайдаром, а затем в формировании правительства реформ в конце 1991 года. В 1990-м Анатолий Чубайс (который войдет в это правительство) отстаивает «чилийскую модель» перехода к рыночной экономике и для популяризации своих предложений использует одно из СМИ, контролируемых бывшими неформалами². Речь идет о журнале «Век XX и мир», который пользуется

¹ В. Золотарев, интервью 3.8.1990 г.

² Жестким курсом... Аналитическая записка по концепции перехода к рыночной экономике в СССР // Век XX и мир. 1990. № 6.

большой популярностью среди «демократической интеллигенции» и редакцией которого заправляют неформалы первой когорты (Павловский, Фадин), вовсе не разделяющие вышеизложенную точку зрения. Дискурс, разводящий понятия рынка и демократии, не распространен в демократическом движении, и А. Чубайс говорит не от его лица. До того времени идея «модернизации» через утверждение авторитарной власти была чужда движению¹. И А. Фадин, кстати, жестко критиковал сторонников «либерально-авторитарного» режима и «авторитаризма с человеческим лицом»².

Во время жарких споров по экономическим программам сторонники ультралиберализма устремляются на российскую арену. В своей статье в марте 1990 года А. Чубайс еще обращался к правительству СССР. Однако живой отклик он находит не у него, а у российской исполнительной власти — полтора года спустя. В этом контексте план Гайдара по приватизации и «шоковой терапии», представленный в конце 1991 года Ельциным Съезду народных депутатов России, не вызывает серьезных нареканий со стороны демократического движения (по крайней мере в первое время). А между тем целая пропасть лежит между программой блока «Демократическая Россия» и этой правительственной программой. Хотя «молодые экономисты» и не являются эманацией демократического движения, они очень к нему близки в силу связанности с академической средой и принадлежности к группе Бурбулиса.

Как бы там ни было, неформально-демократическое движение почти не оказывает сопротивления вторгающемуся в его недра либеральному дискурсу. Первая когорта всегда отличалась равнодушием к экономическому вопросу. Приверженность многих пионеров движения либеральному дискурсу объясняется также его функцией социального маркера: их позиционирование сформировалось через их личные отношения в академической среде. Встать на защиту программы «500 дней» против более государственнической программы Абалкина (поддерживаемого правительством СССР) — означает также встать на сторону ЦЭМИ, из которого вышли разработчики программы «500 дней», и против

¹ Она была сформулирована в 1989 году Клямкиным и Миграняном (Клямкин, Мигранян 1989).

² Фадин 1989.

Института экономики под руководством Абалкина, который считался более консервативным¹. А, например, для неформалов, участвовавших в клубе «Перестройка», это — способ поддержать связи с академической средой, которая их защищала и которая по-прежнему занимает хорошие политические позиции². Иными словами, есть некие невидимые границы, которые невозможно пересечь, не навредив собственной репутации.

Что касается активистов второй когорты, то они рассуждают не о политике, а лишь о тактике (об организации предвыборных кампаний и митингов) и не ищут других способов самоопределения, кроме как через противостояние коммунистической партии. Создается впечатление, что они считают себя недостаточно квалифицированными, чтобы выработать более внятную идеологическую идентичность. Для них приверженность либеральному дискурсу, возможно, является также способом обозначить свою преемственность с диссидентством. Ведь в отличие от неформалов первой когорты у участников второй нет никаких старых счетов с диссидентами. Напротив, они ищут среди них покровителей (таких, как А. Сахаров и Г. Якунин).

Отсылка к либеральным ценностям означает принадлежность к демократическому движению и позволяет очертить его границы. Некоторые левые организации, вышедшие из клубов первой когорты, хотя и присутствовали на учредительном съезде «Демократической России», не вступили в нее, и их самоисключение способствовало ее претензии заместить собою все демократическое движение в целом. Правда, эти организации попытались объединиться, но безуспешно. Они были вынуждены показать свое отличие одновременно от «демократов» (защищая при этом демократические ценности); от Горбачева, который тоже заявляет о своей привязанности к социализму; и от недемократических левых — и не смогли мобилизовать достаточно ресурсов, чтобы их признали в качестве нового самостоятельного актора на политическом поле.

В рамках демократического движения ни одна группа не разыгрывает какой-либо иной идеологической карты, кроме либерализма, чтобы

¹ Об академических привязках разных программ экономических реформ см.: Шматко 2002: 15—18.

² Хотя в индивидуальном порядке некоторые бывшие защитники «Перестройки» из ЦЭМИ, такие как, например, Борис Ракитский, противостоят либеральным реформам.

составить конкуренцию «Демократической России». Слияние Социал-демократической партии России и Республиканской партии по принципу социал-демократии было самым многообещающим вариантом, но он тоже не удался.

Столкновение демократического движения с коммунистической партией и отношения сговора с «новой» (исполнительной) российской властью позволили ему консолидироваться вокруг некоторых элементов самоопределения. Прогнозируя установление двухпартийной системы (демократическое движение против консервативной КПСС), демократы сформировали движение — «Демократическая Россия», которое обеспечило им некоторую однородность репрезентации и действия. Ельцин, стратегический союзник, став лидером движения, заставил его пожертвовать имевшейся у того долей автономии. Поскольку движение завоевало институциональные позиции на российской сцене и крепко связало себя с Ельциным, оно стало определять себя как российское и отвернулось от союзной арены. Его постепенный переход к либеральному дискурсу — еще один элемент происходящего разрыва с ареной союзной власти.

В этом процессе трансформации бывшие неформалы, вовлеченные в движение, окончательно утратили свою идентичность. Оставшиеся в движении прежнюю его идентичность уже не наследуют; другие выходят из движения, потому что не хотят вести игру в сговор с российской властью. И наконец, есть и те, кто, как мы увидим далее, вообще дистанцируются от политической деятельности в собственном смысле слова.

После провала августовского путча 1991 года некоторые элементы самоопределения движения исчезают или теряют прежнюю силу. С исчезновением КПСС вера в установление двухпартийной системы естественным образом утрачивается. Назначив правительство реформ в конце 1991 года, Ельцин демонстрирует полную свою независимость от движения. Часть демократов, в свою очередь, тоже освобождаются от отношений сговора и выходят из движения. Отношение к власти, которое прежде придавало движению сплоченность, отныне становится фактором его распада.

ЭПИЛОГ

Реконверсия и активистские капиталы

Потрясения, выпавшие в 1990-е годы на долю СССР, а затем России, очень сильно влияют на профессиональные позиции. Из некоторых сфер деятельности, таких как академическая среда, уходит значительная часть их представителей; к другим, таким как политика, журналистика или бизнес, упрощаются правила доступа. В этой исторической конъюнктуре лидеры неформально-демократического движения совершают реконверсию, и большая их часть в результате живет уже не *во имя*, а *посредством* политики¹.

С 1990 года появляется не что иное, как «профессиональная» политика: «любители» вытеснены, а лидерам движения, чтобы удержаться в игре, следует профессионализироваться. Трансформация политической активности становится одним из факторов распада демократического движения, поскольку профессионализация эта происходит за его рамками. И кстати, вполне возможно, что условием существования движения — среди прочих — была как раз его непрофессиональность².

Демократическое движение представляет собой инкубатор кадров для российских органов власти: многие его активисты получают институциональные позиции в государственных структурах. Другие становятся руководителями партий или подвизаются в сферах смежных

¹ Отсылка к различию, проводимому М. Вебером: Weber 1990: 111—112.

² См. некоторые размышления об отношении между профессионализацией и активизмом в: Sawicki и Siméant 2006: 21—24.

с политикой (журналистике, консалтинге и т.д.). По сути, движение оказывается втянуто в сферу власти, однако быстро там растворяется, причем его лидерам не долго удается продержаться в этой сфере. Они вынуждены конкурировать с другими группами, которые гораздо раньше них были вписаны в институты власти и теперь имеют преимущества: речь идет о партийной и комсомольской номенклатуре и о высших кадрах государственной администрации (в том числе о руководителях предприятий)¹. Эти группы сохраняют господствующие позиции², хотя некоторые их сегменты делают более успешную карьеру, чем другие (например, молодое поколение выходцев из московской элиты, получивших экономическое или юридическое образование, или второй эшелон партийной номенклатуры, который выходит теперь на первые позиции³). В конечном итоге неформально-демократические движение — единственная непрофессиональная кузница кадров для большой политики. В целом социальное положение его лидеров улучшилось, но не они собрали самые сливки от перехода к рынку. Через пятнадцать лет после вхождения в новые властные структуры почти все они ушли из законодательной власти и с высших должностных позиций⁴. Из перечисленных трех групп лучше всего реконверсия удалась самой профессиональной — «менеджерам».

В течение всего этого периода профессиональные траектории бывших неформалов-демократов были отмечены сильными изменениями иерархических позиций и идеологических ориентаций. В конце концов большинство из них, судя по всему, смогли утвердиться в сфере консалтинга, то есть в зоне, расположенной на периферии поля власти. Неформалы из первой когорты желали изменить систему, влиять на реформаторов у власти; для этого они видели единственную возможность — стать «советниками Государя», поскольку решили не разыгрывать карту диссидентства. Некоторые в результате действительно стали советниками при исполнительной власти, но на подчиненных

¹ В России не было «люстрации» по отношению к бывшим партийным кадрам.

² Среди работ по посткоммунистическим элитам стоит назвать: Гельман, Тарусина 2000, Highley, Kullberg, Pakulski 1996, Lane 1997 и Mink, Szurek 1999.

³ Berelowitch 1993b.

⁴ О сложностях в реконверсии «активистского капитала» можно прочесть в двух номерах журнала «Actes de la recherche en sciences sociales»: № 155 (2004) и № 158 (2005).

позициях, совсем иных, нежели те, к которым они стремились, будучи неформалами.

Изучение их переквалификации позволяет по-особому взглянуть на динамику политического рекрутирования и образования новой системы после 1990 года. Различаются период первой реконверсии, или профессионализации (1990—1993), когда индивиды трансформируют накопленные за бытность в движении «капиталы» и начинают зарабатывать политикой, и период последующих реконверсий на новых местах и специализациях в политическом пространстве.

Настоящая глава о реконверсии, возможно, вызовет интерес читателей. Интерес этот вполне закономерен, однако в нем кроется и некий соблазн: смотреть на то, кем раньше были индивиды, и на то, что они делали в неформально-демократическом движении, через призму их позднейших позиций. Риск состоит в том, что при интерпретации предшествующего движения можно перегрузить смыслами процесс последующего становления.

Профессионализация лидеров неформально-демократического движения (1990—1993)

С 1990 года бо́льшая часть лидеров неформалов-демократов уходит в политику или в журналистику. Политическое пространство, включающее в себя поле власти (институциональные позиции в государственном аппарате), а также все политические *предприятия* (партии, консалтинговые фирмы и т.д.), официально становится конкурентным после избирательной реформы декабря 1988 года, лишившей КПСС монополии на назначение кандидатов, и изменения 6-й статьи Конституции в марте 1990 года, позволившего создавать партии. Поле власти изменяется также в связи с усилением республиканских советов. Кроме того, процесс разделения между законодательной и исполнительной властями заметно ускорится и порождает сильную исполнительную власть, которая автономизируется и с ноября 1991 года набирает новые кадры. Другой стратегический сектор реконверсии — журналистика.

Закон СССР «О печати» (12 июня 1990) не только отменяет цензуру, но и позволяет легализовать неформальные издания (газеты, выходящие тиражом менее тысячи экземпляров, становятся юридическими лицами без предварительной регистрации). Так исчезает юридическое различие между самиздатом и официальной прессой¹.

Итак, в 1990 году наблюдается массовая реконверсия лидеров движения, каким бы ни был изначально их профессиональный профиль. Разумеется, этот феномен затрагивает разные категории: людей, несколько лет находившихся в ситуации «деклассирования» (у них нет ни постоянной работы, ни должности, соответствующей уровню их образования); тех, чьи позиции попали под угрозу ликвидации (например, армейские политработники); а также людей, чьему положению ничто не угрожает (врачи-специалисты, физики, инженеры-информатики). У последних, зачастую выходцев из второй когорты, происходит двойной разрыв с прежней траекторией. С одной стороны, если прежняя сфера их деятельности была далека от политики, теперь ее содержание радикально меняется — в отличие от членов первой когорты, которые специализировались в социальных науках и порой имеют пятнадцатилетний опыт политического активизма (эти активисты просто *профессионализируются* в той сфере деятельности, которую до тех пор осуществляли как «любители», то есть без вознаграждения, статуса или диплома). С другой стороны, они переходят к менее стабильной профессиональной деятельности (хотя у них всегда остается возможность вернуться к изначальному роду занятий). Уход из прежней профессии, однако, может компенсироваться совмещением сразу нескольких должностей (некоторые депутаты получают позиции в исполнительной власти, поскольку совмещение было запрещено лишь позже, в 1993-м). Во многих случаях реконверсия сопровождается также улучшением финансового положения (в 1990 году журналисты газеты «Коммерсантъ» получают гонорары, в пять раз превышающие среднюю зарплату²).

И только некоторые исследователи и университетские преподаватели остаются на прежней должности, продолжая при этом политический

¹ Pardon, Kaplan 1997.

² Эти журналисты получают зарплату примерно в 1000 рублей (С. Митрофанов, интервью 14.5.2005 г.).

активизм. Речь идет в основном об уже маргинализованных внутри движения неформалах-демократах: у них либо не было позиций, которые позволили бы им участвовать в выборах 1990 года, либо они их проиграли. В ситуации, когда самые видные деятели движения профессионализируются в политике или в смежных сферах, те, кто не идут этим путем, оттесняются с центральных позиций.

Первые направления реконверсии — в основном в советах, журналистике или партиях — сильно коррелируют с местами, занимаемыми в движении (и очень мало или совсем не коррелируют с изначальной профессиональной позицией). Различия между двумя когортами наблюдаются не только в занимаемых позициях, но и в способах осуществляемой переквалификации.

Занимаемые позиции

Члены обеих когорт неравномерно распределяются между тремя основными профессиональными категориями, получаемыми «на выходе»: депутатством, журналистикой и руководством партией. Пионеры движения довольно массово идут в журналистику. Эта переориентация происходит вскоре после их выбывания из предвыборной гонки в 1989 году. С того времени они становятся политическими обозревателями. Те же, кто сохранили активность в демократическом движении, занимают достаточно прочные позиции, чтобы быть избранными в 1990 году на российский Съезд и в Моссовет. Тех, кто проиграли на выборах, иногда назначают на должности экспертов или консультантов для двух этих уровней власти.

Среди членов второй когорты наблюдается тенденция к занятию позиций двух типов. Первые быстро делают карьеру в парламенте — после очень короткого периода политического активизма (так, И. Боганцева избрана в Моссовет всего через год после начала активистской деятельности в клубе избирателей в марте 1989-го). Вторые, не баллотировавшиеся на выборах 1990 года или проигравшие их, обычно занимаются созданием партий.

В обеих когортах редко встречается полный отход от политической деятельности (реконверсия в экономику или эмиграция).

В 1990 году депутатское кресло — потенциально одна из самых значительных властных позиций, потому что рычаги принятия решений как

раз в это время переходят в руки республиканских Верховных Советов (по крайней мере в России — до появления президентского института в июне 1991 года). Депутатам, таким образом, суждено создавать почти *ex nihilo* новую политическую и административную систему, поскольку институции РСФСР, в том виде, в каком они существовали до 1990 года, не приспособлены к амбициям новой власти, а советские союзные структуры Россия унаследует лишь в конце 1991 года.

В результате политической борьбы депутаты специализируются в некоторых государственных сферах в момент, когда способ функционирования государства претерпевает коренные изменения. Такая конъюнктура даже на руку «самоучкам», каковыми являются неформалы-демократы. Депутатское кресло будет иметь стратегическое значение в их карьере, поскольку позднее они смогут «извлечь выгоду» из своей специализации в других сферах.

У депутатов-демократов в отличие от других избранных нет завоеванных позиций, за которые следовало бы держаться, и они в основном оставили свои прежние профессиональные занятия, а потому с большей легкостью могут посвятить все свое время профессиональной политике (в парламенте или в своих партиях)¹. В 1990 году 35 из 87 респондентов нашей выборки (40%) работают депутатами или экспертами в советах. Экспертами часто выступают «знаменитости» движения, которым не повезло на выборах 1990 года (тогда победа или поражение кандидатов от «Демократической России» во многом было делом случая)². Таким образом, снова «запускаются в оборот» три типа знаменитостей: видные фигуры движения (из первой когорты), ставшие руководителями партий; организаторы кампании (скорее из второй когорты); и некоторые депутаты СССР, позиция которых резко потеряла значимость сразу после выборов 1990 года.

После президентских выборов июня 1991 года и отставки первого российского правительства под руководством И. Силаева исполнитель-

¹ Nough (1997: 337) констатирует, что зачастую депутаты-демократы Верховного Совета работают в нем на полную ставку, в отличие от умеренных и консерваторов, сохраняющих за собой места в администрации, в КПСС или в экономической сфере.

² У предвыборных блоков не было возможности ранжировать кандидатов, поскольку не было голосования по спискам.

ная власть набирает специалистов, работавших на Съезде депутатов РСФСР. По всей видимости, у «экспертов» законодательной власти примерно такие же шансы получить работу на этих постах, как и у депутатов. Возможно, по этой причине парламентские эксперты тогда даже и не пытались создать в целях самовыдвижения профессиональную группу «специалистов экспертизы». Из 21 человека (выборка работающих в российском парламенте) пятеро получают посты в правительстве и в Администрации Президента. Так, П. Кудюкин, эксперт одного из комитетов Съезда, назначен заместителем министра труда РФ в ноябре 1991 года. В. Лысенко, исполняющий свои депутатские функции, с апреля 1992 года становится зампредела государственного Комитета по национальной политике (в ранге замминистра).

Когда неформалы-демократы не входят в поле власти (советы или органы исполнительной власти), они создают свои собственные рабочие места — в партиях или в журналистике.

Для того, кто не стал ни депутатом, ни экспертом, ни журналистом, единственной идентичностью в политическом пространстве становится должность руководителя партии (в этой ситуации находится половина участников второй когорты и лишь 14% первой). И хотя такая позиция не дает доступа к власти, она обеспечивает легитимность, позволяющую остаться в политическом пространстве. Лишь немногие партии в состоянии содержать аппарат постоянных сотрудников. В их числе — «Демократическая Россия», Демократическая партия России (ДПР под руководством Н. Травкина) и, возможно, Народная партия «Свободная Россия» А. Руцкого и В. Липицкого. Некоторые получают помощь из-за границы. Так, «Демократическая Россия» в 1990—1992 годах получила 956 000 долларов в рамках программ американского правительства по «содействию демократическому развитию России»¹. Кроме того, фонд «National Endowment for Democracy», финансируемый из госбюджета США, в 1990 году потратил 3 миллиона долларов на поддержку разных политических и профсоюзных структур. И хотя эти суммы кажутся скромными по сравнению с теми, что потратили США в рамках той же

¹ См.: Promoting Democracy. Progress Report on U.S. Democratic Development Assistance to Russia (Letter Report (02.29.1996, GAO/NSIAD—96—40) — <http://www.fas.org/man/gao/ns96040.htm>.

программы в период 1992—1997 годов (17,4 миллиона долларов¹), они значительны для СССР 1990 года, когда еще не прошла реформа цен.

Другие партии — как те, которым прочат успешное будущее (Республиканская партия, Социал-демократическая партия), так и те, которые не считаются многообещающими (Партия конституционных демократов, христианско-демократические партии), — продолжают существовать, хотя и страдают от нехватки финансовых средств; их лидеры зачастую вынуждены вести параллельную экономическую деятельность или создавать предприятия, чтобы финансово поддерживать партийные структуры. Из игры выбывают люди и организации, которым не удается зарабатывать на жизнь политикой.

Все неформалы, решившие переквалифицироваться в журналистику в 1990 году, вышли из первой когорты, и таких довольно много (20% из нашей выборки). Речь идет прежде всего о бывших членах «Демократической Перестройки» и «Клуба социальных инициатив» (КСИ), принимавших участие в выпуске бюллетеня клуба «Перестройка» «Открытая зона» и журнала «Век XX и мир». Принадлежность к этим центральным организациям придает им престижности.

В отличие от депутатов и партийных лидеров они входят в сильно институционализированную и малодоступную для самоучек сферу. В этой отрасли наблюдается высокая конкуренция (центральная, то есть московская пресса — это лишь 3% от общероссийского числа наименований, но 73% тиражей²). Молодое поколение, окончившее факультет журналистики МГУ и еще не поступившее на работу в эти газеты, скорее с неприязнью смотрит на прибывающих конкурентов, часто отождествляя их с диссидентами. Неформалам, желающим покинуть «нетрадиционную» прессу³, приходится создавать газеты нового формата или новое, промежуточное пространство между маргинализированным сегментом неформальной прессы и закрытой средой центральной прес-

¹ См.: Promoting Democracy. Progress Report on U.S. Democratic Development Assistance to Russia (Letter Report (02.29.1996, GAO/NSIAD—96—40) — <http://www.fas.org/man/gao/ns96040.htm>.

² Richter 1995.

³ Термин, используемый в официальной литературе для обозначения самиздата 1980-х годов.

сы. Их главную компетенцию составляют опыт самиздата и практическое знание политического пространства, а такая компетенция вызывает сопротивление в журналистской среде того времени¹. Чтобы проникнуть в профессиональное поле, они либо заключают союз с журналистами из молодого поколения, которые располагают серьезными ресурсами в профессиональной среде (как это будет показано на примере «Коммерсанта»), либо колонизируют и трансформируют тот или иной существующий журнал.

Неформалы развивают активную деятельность в журнале «Век XX и мир», с 1958 года публикуемом Советским комитетом защиты мира. С 1987 по 1991 год он выходит тиражом в 100 тысяч экземпляров. Неформалы меняют его направленность, а позже становятся и его юридическими владельцами. В январе 1987 года Г. Павловский (член КСИ) работает там как обозреватель, а затем и как главный редактор. В 1988 году А. Фадин (из «Демократической Перестройки») публикует в этом журнале ряд статей и в конце 1990-го становится членом его редколлегии (после своего ухода из «Коммерсанта»). Руководители основных неформальных клубов первого периода имеют постоянный доступ к этому ежемесячному изданию. По мнению В. Игрунова, «Век XX и мир» произвел шоковый эффект на интеллектуальные среды именно тогда, когда его захватили неформалы:

Он не был первым среди изданий такого рода. Одновременно существовали «Московские новости» и «Огонек». Но они были вторичны. Они писали о том, о чем каждый из нас давно знал. А в «Веке XX»... ты открывал для себя новых людей. Это был новый ракурс, новое состояние².

Институционализации этого переходного сегмента между «традиционной» центральной и «нетрадиционной» прессой, испытывающей

¹ Здесь прослеживается параллель с одной из анализируемых Бурдьё (Bourdieu 1978) стратегий переквалификации, состоящей в том, чтобы развивать активную деятельность на профессиональном посту с «капиталами», не соответствующими тем, которыми обладают обычные профессионалы на таких постах, и позволяющей индивидам переопределить самую суть данного места.

² Игрунов 2000.

расцвет с начала Перестройки¹, способствуют два фактора. Во-первых, у центральных газет падают доходы от подписки вследствие сокращения читательской аудитории². Набирают силу газеты, созданные по западному образцу; их прототип — «Коммерсантъ», где участвуют некоторые неформалы. Модель «Коммерсанта», порывающая с традицией советской публицистики, быстро становится нормой в сфере журналистики: в нем можно найти краткую информацию, факты излагаются безоценочно и с упоминанием источников. Тираж «Коммерсанта» в декабре 1989 года составлял 40 тысяч экземпляров, а годом позже достиг 500 тысяч.

Активистские ресурсы и стратегии реконверсии

Неформалам-демократам удалось приобрести в ходе короткого периода активизма конца 1980-х годов разные типы ресурсов, способных гарантировать более или менее устойчивую реконверсию. Обе когорты можно дифференцировать по типу накопленных ресурсов и способам их реконверсии. Члены первой когорты обладают «социальным капиталом», укорененным прежде всего в интеллектуальных средах. В клубах второй волны — и особенно клубах избирателей — собиралась столь же разнородная, но, возможно, менее «избранная» публика.

Члены двух когорт отличаются также по типу союзничества, которое они устанавливают со своими покровителями в новых профессиональных сферах. Участники второй когорты склонны продолжать стратегию, которой следовали до выборов 1990 года: они предлагают свои услуги успешным политикам, чтобы получить доступ к позициям в системе власти. Эта стратегия держит их в состоянии сильной зависимости от их союзников. Неформалы же первой когорты склонны совершать ре-

¹ Количество неформальных бюллетеней выросло с нескольких десятков в 1986—1987 годах до более чем 760 в 1990-м, а затем, в 1991 году, удвоилось. Растут и тиражи, поднимаясь с нескольких десятков до нескольких тысяч экземпляров. Однако зачастую у этих бюллетеней совсем недолгая жизнь (см.: Суетнов 1990 и Pardon, Kaplan 1997).

² В 1991 году у основных ежедневных и еженедельных изданий тиражи падают на 20—50%, тогда как с 1985 года они непрерывно росли (за исключением «Правды», у которой с 1987 года тираж падал) (Richter 1995). Эта тенденция только усиливается в последующие годы: с конца 1991-го по начало 1995-го на 83% падает тираж «Известий» (с 4,7 млн до 811 тыс.) и «Аргументов и Фактов» (с 24,5 до 4,2 млн), а тираж «Правды» — на 92% (с 2,6 млн до 204 тыс.) (Wedgwood Benn 1996).

конверсию с гораздо большей заботой о собственной автономии. Когда они обращаются за внешней поддержкой, им легче удастся установить отношения взаимозависимости со своими покровителями.

Мы попробуем показать эту разницу ресурсов, позиций и тактик на некоторых примерах реконверсии членов первой когорты в журналистику, а членов второй когорты — в советы. Разумеется, эти примеры не исчерпывающие, но они представляются нам типичными.

Газета «Коммерсантъ» образовалась благодаря контролю над стратегическими ресурсами как в неформальном движении, так и вне его: они и составили достаточно прочную финансовую основу, позволившую преодолеть трудный период роста цен на бумагу в начале 1991 года¹. Газета опирается на политическую и личную поддержку в предпринимательской среде. Как это видно по названию, она определяет себя как газета для предпринимателей и заручается их лояльностью с помощью двух механизмов. С одной стороны, она становится «органом Союза кооператоров СССР», который, возможно, частично ее финансирует. Эта ассоциация призвана представлять мелкие частные предприятия (кооперативы), образовавшиеся во время Перестройки, а также отделы государственных предприятий, которые переходят на самокупаемость, избирая форму кооперативов. В эту эпоху кооперативы превращаются в серьезную экономическую и политическую силу. «Коммерсантъ» служит точкой пересечения между политической журналистикой и некоторыми устремлениями кооператоров. С другой стороны, газета добивается от ЦК КПСС эксклюзивного права публиковать нормативные акты таможенной администрации, а такая информация пользуется огромным спросом у предприятий. Вполне возможно, что это право дано ей благодаря Егору Яковлеву. Он — отец главного редактора «Коммерсанта» и сам главный редактор «Московских новостей», а также приближенный Александра Яковлева² и Михаила Горбачева.

«Коммерсантъ» обрел законченную форму в декабре 1989 года, а история его началась еще в ноябре 1987-го, когда некоторые члены

¹ В 1991—1992 годах цена за тонну бумаги выросла в 15 раз (с 290 до 4200 рублей). На частном рынке оптовые цены, бывшие в 1991 году в 17 раз выше государственных, в январе 1992 года увеличились «всего» в 2,5 раза (с 5000—7000 до 12 000—20 000 рублей) (Richter 1995).

² Александр Яковлев и Егор Яковлев — однофамильцы.

КСИ создали информационное агентство «PostFactum». Таким образом, неформалы не совсем бессильны перед лицом своих покровителей. Они предоставляют существенную часть «трудового» ресурса. Бывшие члены «Демократической Перестройки» и КСИ составляют костяк политического отдела — один из самых сильных в газете. Это единственный отдел, руководимый неформалом (А. Фадиным). В силу своей принадлежности к демократическому движению неформалы имеют доступ к сети информаторов, которая недоступна обычным профессиональным журналистам. Возможно, благодаря своему образованию в социальных науках и эмпирическому знанию мира политики они сыграли важнейшую роль в изобретении нового журналистского стиля, сделавшего «Коммерсантъ» знаковым изданием.

Однако неформалы оставались там недолго (около двух лет): несмотря на высокие зарплаты, большая их часть не обладала властными позициями. Их опыт впоследствии открыл перед ними другие возможности — в центральных газетах, где они получили доступ к более престижным постам. Все неформалы, начавшие карьеру в «Коммерсанте», успешно переквалифицировались в журналистику.

Газета существует по сей день. В. Яковлев, оставаясь главным редактором и главным акционером, создал процветающий издательский дом, в 1990-е годы уступив его Борису Березовскому, бизнесмену из окружения Б. Ельцина.

Члены второй когорты, вышедшие из клубов избирателей, тоже стремятся заключать союзы вне движения, но оказываются в большей зависимости от своих покровителей. Вероятно, это объясняется тем, что их основной активистский капитал — умение организовывать предвыборные кампании. Как только выборы остаются позади, у них уже не остается средств оказывать давление и получать вознаграждение от тех, чьему избранию они способствовали. На Съезде народных депутатов России, как мы видели, Ельцин без колебаний жертвует своими бывшими союзниками из движения, чтобы наладить связь с другими акторами, чья поддержка ему необходима. Как бы там ни было, руководители «Демократической России» продолжают верить в свою способность сохранять влияние на новую демократическую элиту.

Стратегия сговора с исполнительной властью кажется более выгодной в Моссовете, где депутаты-демократы заняли в результате выборов 60% мест. Однако когда во время первой сессии формируются фракции, оказывается, что депутаты, выступающие за радикальные либеральные реформы, составляют лишь 43% законодательного корпуса. Они не только не набирают большинства голосов, но и разделяются на пять фракций, для большей части которых характерна очень слабая дисциплина голосования¹. В этом контексте и возникает сговор между Г. Поповым, председателем Моссовета, а затем мэром Москвы (избранным всеобщим голосованием в июне 1991 года), и ядром МОИ/МНФ. Этот сговор выражается в том, что члены МОИ (как депутаты, так и нет) входят в аппарат исполнительной власти Моссовета. Членам второй когорты, активно действовавшим на избирательной арене, удастся, таким образом, захватить стратегические позиции на уровне местной власти, но до государственного (общероссийского) уровня они не дотягивают.

Г. Попов опирается также на часть «экономической номенклатуры» Москвы и назначает одного из ее представителей, Ю. Лужкова, главой Московского исполкома. Сформированная таким образом исполнительная власть вскоре пытается нарастить свои полномочия в ущерб депутатам Моссовета, с одной стороны, и районным советам — с другой. Та же тенденция к концентрации полномочий исполнительной власти наблюдается и в Ленсовете, и на общероссийском уровне. Это приводит к тому, что председатели трех советов (Ельцин — Российского, Попов — Московского и Собчак — Ленинградского) взаимно друг друга поддерживают. Роспуск российского Съезда в октябре 1993 года приводит одновременно к роспуску других советов: таким жестким способом был «урегулирован» конфликт между двумя ветвями власти на местном уровне.

Сговор между Поповым и членами бывшего МОИ распадается в связи с отставкой мэра Москвы в июне 1992 года². Его преемник Лужков кладет конец особым отношениям с организаторами из «Демо-

¹ См.: Clark 1992.

² Попов уходит в отставку по причине своих разногласий с Моссоветом по поводу темпов и стратегии приватизации (Ibid.).

кратической России», и почти все они теряют свои места в московской исполнительной власти.

Бывшие неформалы-демократы на периферии политики (1993—2000-е)

Профессиональные позиции, занимаемые бывшими неформалами-демократами, претерпевают радикальные изменения во второй половине 1990-х годов. Для их индивидуальных траекторий решающими становятся два момента разрыва: 1) разгон президентом Съезда народных депутатов России в октябре 1993 года, за которым последовало принятие Конституции, установившей новые правила игры и новые отношения между ветвями власти; 2) президентские выборы 1996-го, на которых способ организации кампании по сравнению с 1991 годом радикально меняется.

Неформально-демократическое движение окончательно прекращает существование с 1993 года: оно растворяется в пространстве власти. 1993-й становится переломным моментом, поскольку некоторые институциональные должности попросту исчезают, а неформалы-демократы не обладают особенно выгодной позицией в политическом соревновании. Почти все они покидают поле власти и партий и оказываются в сфере консалтинга, на периферии политической системы. А вот в журналистике неформалы-демократы чувствуют себя гораздо лучше. Кто-то делает успешную карьеру в бизнесе благодаря приватизации крупных предприятий в 1993—1994 годах.

Уход с государственных должностей

После завершения сентябрьско-октябрьского кризиса 1993 года законодательная власть теряет силу по нескольким параметрам. Отныне она подчиняется исполнительной власти с символической точки зрения: несмотря на всю противозаконность разгона парламента Ельциным, ключевые политические акторы признали его легитимным. Конституция, принятая в декабре 1993 года, учреждает сильную президентскую власть. Общероссийский законодательный корпус сокращен в два раза (с 1068 до 450 депутатов). И наконец, парламент перестает быть кузницей кадров для исполнительной власти.

После этого переворота в политической игре происходит переформирование группы депутатов демократического лагеря. Списки, наследующие демократическому движению, сохраняют ту же долю мест, как в 1990 году, то есть примерно 30% (однако самих депутатов при этом становится в два раза меньше), — только за счет того, что на сцену выходят бывшие неформалы-демократы, которые не участвовали в выборах 1990 года. Эти «новобранцы» — члены первой когорты или «Демократической платформы», которые дистанцировались от Ельцина после разгрома парламента, — теперь проходят по списку «Яблока» Г. Явлинского (умеренно-либеральная оппозиционная партия).

По иронии судьбы депутатов 1990 года, поддержавших разгон Съезда в 1993-м, в новом парламенте (Государственной думе) становится меньше, и лишь немногих из них призвали на должности в исполнительной власти. Эти «безусловные сторонники» Ельцина совершили ошибку, поверив, что им гарантирована победа на законодательных выборах декабря 1993 года, и согласившись на поглощение «Демократической России» блоком «Выбор России» под руководством Е. Гайдара. Ведь этот блок, пользующийся негласной поддержкой исполнительной власти, ко всеобщему удивлению, набирает лишь 15,5% голосов по спискам¹, оказавшись далеко позади Либерально-демократической партии России Жириновского — националистической партии, которая до тех пор считалась незначительным игроком.

Что касается депутатов 1990 года, перешедших в оппозицию Ельцину (центристы и националисты), в 1993-м им не удастся пройти в Думу, и все их последующие попытки будут заканчиваться неудачей. Позиция «центристов», колеблющихся между критикой и поддержкой правительства в 1992—1993 годах, сильно скомпрометирована их прежним сговором с вице-президентом Руцким, в сентябре 1993 года ставшим одним из лидеров «повстанцев», и их списки исчезают с политической арены.

Власть становится все более недоступной для бывших неформалов-демократов. На законодательных выборах 1995 года только тем, кто уже

¹ Половина депутатов Госдумы избраны по пропорциональной системе в форме голосования по партийным спискам, другая половина — по одномандатной мажоритарной системе из одного тура.

занимали депутатское кресло, удастся быть переизбранными; ни один новоизбранный депутат не является выходцем из демократического движения. С 1999 года неформалы-демократы почти полностью исчезают из законодательного корпуса (тогда как число избранных по спискам, принадлежащим к демократическому лагерю, растет). В 2003 году они уходят окончательно, и в Думе остаются лишь два бывших неформала-демократа.

Такой же отток наблюдается и в органах исполнительной власти. Большая часть неформалов-демократов назначены туда при правительстве реформ Бурбулиса—Гайдара, сформированном в ноябре 1991 года; иными словами, они очень сильно политически «маркированы». Тем не менее их позиции в правительстве нестабильны, и им удастся продержаться в исполнительной власти в среднем год, то есть меньше, чем их покровителям. После отставки Гайдара с поста премьер-министра (в декабре 1992 года) демократов будут брать на работу лишь в качестве консультантов при президенте, но не на посты, связанные с принятием решений.

Немногие из бывших неформалов-демократов остаются в органах власти до конца 2000-х годов, а те, кто остались, занимают относительно подчиненные позиции. Те немногие, кто удержались, совершали свое восхождение *постепенно*. К. Янков из первой когорты сделал профессиональную карьеру по каналу местных советов. А. Исаев из первой когорты сделал политическую карьеру на федеральном уровне через профсоюзные сети.

Отток происходит и в партийном поле: неформалам-демократам из окружения Ельцина не удастся стать представителями исполнительной власти в парламенте, их партии постепенно хиреют. Те же, кто перешли в оппозицию Ельцину, попросту исчезают с политической сцены.

«Демократическая Россия» тщетно пыталась стать партией Ельцина: как мы видели, президент всегда дистанцировался от нее. В 1990-х годах место «партии власти» воспринимается как господствующее в политическом пространстве. Все акторы только и ждут, что появится эта самая «партия власти», однако позиция остается вакантной на протяжении всего президентства Ельцина. «Партия власти» — крайне размытый термин; его употребляют сами игроки на политическом поле, и он может

означать: 1) тех, кто занимают позиции власти; 2) группы, поддерживающие политику президента и правительства среди элит; и наконец, 3) президента и весь его административный аппарат¹.

В 1990-е годы несколько партий вступают в борьбу за эту позицию. В начале десятилетия именно демократическое движение представляло собой почву, на которой, казалось бы, должна вырасти эта «партия нового типа». Однако «Демократическая Россия» так никогда и не получает явной и отчетливой поддержки со стороны Ельцина. В 1993 году созданный Е. Гайдаром «Выбор России» перенимает эстафету у «Демократической России» или, вернее, *поглощает* ее, присваивая ее ресурсы (разветвленные сети в регионах, организационные мощности). Ельцин поддерживает эту структуру, а также и конкурирующую с ней Партию российского единства и согласия (ПРЕС) С. Шахрая, которая происходит из другой среды, нежели демократическое движение. Неожиданное для всех поражение двух этих партий на выборах в декабре 1993 года дисквалифицирует их и исключает из соревнования за титул «партии власти». Следующие попытки создания «партии власти» исходят уже не из демократического движения, а из среды самой исполнительной власти, и неформалы в них почти не участвуют: первой партией руководит премьер-министр В. Черномырдин в преддверии выборов в Думу 1995 года («Наш дом — Россия»), второй — министр С. Шойгу («Медведь»). Обе созданы в преддверии выборов 1999 года, но ни та, ни другая не одерживают решительной победы. Третья, «Единая Россия», тоже появляется в 1999-м и демонстрирует гораздо большую эффективность на выборах (она получит 48,8% мест в 2003 году).

Начиная со второй половины 1990-х годов не остается почти ни одной партии, созданной неформалами-демократами, и хотя некоторые наименования сохраняются (Социал-демократическая партия России, Республиканская партия), их руководство существенно или полностью изменилось. Некоторые неформалы-демократы вступают в новообразованные партии, но играют в них второстепенные роли. На правом фланге (ультралиберальном) это «Выбор России» в 1993 году, который после серии превращений становится «Союзом правых сил» (СПС)

¹ Хенкин 1996: 32—33.

в 1999-м. На более умеренно-либеральном фланге это партия «Яблоко», созданная в 1993 году Явлинским при поддержке руководителей Республиканской партии (бывшей «Демократической платформы») и Социал-демократической партии России (вышедшей из «Демократической Перестройки»). И все они не только оставляют надежду стать «партией власти», но и переходят в оппозицию — либо умеренную (как «Союз правых сил»), либо более открытую («Яблоко»).

Реконверсия в консалтинг

В 1990 году консалтинг еще не существует как самостоятельная профессиональная сфера, по крайней мере для неформалов-демократов: консультанты Съезда народных депутатов РСФСР рассматривают свою функцию как трамплин к позициям в исполнительной власти. В 1993 году некоторые неформалы-демократы рекрутируются в качестве экспертов для различных фракций и комитетов Госдумы, но с этой позиции уже не открываются такие же перспективы, как в 1990-м. С 1993 года консалтинг начинает набирать силу: целая череда выборов разных уровней власти порождает повышенный спрос со стороны кандидатов. Исполнительная власть, имеющая свои внутренние экспертные органы, привлекает также и внешних консультантов. Консалтинг становится возможным путем карьеры для бывших неформалов-демократов, которые наталкиваются на растущую непроницаемость поля власти.

Кому-то из них удается получить значительный ранг в этой области благодаря своей «способности существовать в качестве агентов в разных полях»¹. У тех, кто занимают академическую позицию и обладают высокими университетскими званиями, будет больше шансов доминировать в «отраслевом» консалтинге; те, кто занимают (или занимали) позиции в журналистике, с большей вероятностью будут доминировать в «предвыборном» консалтинге. Некоторые депутаты и чиновники исполнительной власти также профессионализировались в сфере, которую были призваны регулировать в 1990—1993 годах. К этому первому опыту они зачастую прибавляли и другие знаки легитимности, получив вузовский диплом или позицию в науке и образовании: российская

¹ Bourdieu 1986. О феномене множественности позиций см. также: Boltanski 1973.

власть продолжает рекрутировать своих советников в академической среде. Некоторые бывшие неформалы-демократы создали собственные экспертные институты, играющие в каком-то смысле ту же роль, что в начале 1990-х играли партии, позволяя своим руководителям оставаться заметными в политическом поле благодаря кумулятивной коллективной идентичности. Но в отличие от партий они все чаще становятся для своих основателей способом заработка.

Среди специалистов по предвыборным кампаниям, так называемых «политтехнологов», обнаруживается много неформалов из первой когорты. Эти акторы, непрерывно менявшие политическую идентичность начиная с 1987 года, стали специалистами по конструированию политической идентичности других. Признание приходит к их профессии в период президентских выборов 1996-го.

Эта кампания предстает совершенно в ином свете, нежели кампания 1991 года, в которой явно лидировал Ельцин, пользующийся поддержкой «Демократической России». В 1996 году, за шесть месяцев до выборов, коммунисты лидируют в опросах, а за Ельцина собираются голосовать лишь 5%. Окружение президента, поколебавшись некоторое время, не отменить ли эти выборы вообще, решает начать последний и решительный бой, мобилизовав предпринимательские круги, в первую очередь «олигархов», контролирующих СМИ, и советников по предвыборным стратегиям. Победа Ельцина венчает собой восхождение этой новой профессии, заслугам которой приписывается «чудо» решительного переворота в ситуации. Организаторы из «Демократической России» тоже приняли участие в этой кампании, но оказались вытеснены новыми «политтехнологами». Их компетенция «профессионалов избирательных кампаний» теперь уже не признается Кремлем. Положение Ельцина в 1996 году требовало введения новых компетенций: речь зашла не о том, чтобы «мобилизовать массы» против «власти», а о том, чтобы умело организовать пропаганду в масс-медиа за действующего президента. А в этой работе преимущество получили те акторы, которые уже перекалифицировались в журналистику или консалтинг. Возможно, вторая когорта оказалась не такой мобильной, чтобы уловить, каковы текущие изменения и новые ставки предвыборной деятельности.

«Политтехнологи» без колебаний разыгрывают театральные постановки. Они настаивают на технической, рациональной и манипулятивной стороне своей работы — в отличие от первых организаторов кампаний, которые производили впечатление импульсивных «энтузиастов». Ощущение техничности усиливается за счет заимствования англоязычных терминов («public relations» или «PR», «image makers», да и само выражение «политическая технология» приходит из Соединенных Штатов¹). Консалтинговые фирмы дают себе столь же говорящие названия: Павловский окрестил свою организацию «Фонд эффективной политики» (ФЭП, создан в 1995 году); один из бывших руководителей «Демократической Перестройки» И. Минтусов назвал свой консалтинговый институт «Никколо М» (от Макиавелли). И хотя здесь можно усмотреть и некоторую долю насмешки, от всех этих наименований исходит дух профессии, для которой «цель оправдывает средства» и которая получает подспудное влияние на политиков. Кстати, появление Путина в рядах претендентов на высшую власть в стране часто представляется как маневр, совершенный этими теневыми советниками. На самом деле эти предприниматели вовсе не могущественные манипуляторы; они находятся в положении зависимости, в частности финансовой, от носителей власти, особенно когда им удается дойти до ее высших эшелонов.

Врезка 15

Российский избирательный рынок: некоторые факты

Объем избирательного рынка и часть, которую удерживает на нем Кремль, трудно поддаются оценке. По мнению И. Минтусова, затраты на предвыборную кампанию кандидатов в депутаты Государственной думы в начале 2000-х годов составляли 200 000—300 000 долларов, то есть примерно по доллару за голос. Бюджет рекламы и маркетинга составляет 80% этой суммы, а консультанты получают остальные 20%².

¹ Судя по всему, в США один из основных видов деятельности фирм «политической технологии» — это сбор средств на предвыборные кампании. В России ситуация иная.

² Игорь Минтусов в «Клубе женщин, вмешивающихся в политику», 2001 — <http://www.arbatova.ru/club/guest/8.html>.

Если взять предвыборную кампанию 2003 года, то затраты депутатов-некоммунистов (400 человек) можно оценить в 100 миллионов долларов, 20 миллионов из них составляют гонорары консультантов. По списку Кремля в Думу прошли 220 кандидатов; на них, таким образом, было затрачено 55 миллионов долларов, причем 11 миллионов из них — это гонорары консультантов.

Исходя из тарифа 1 голос = 1 доллар на президентских выборах 2000 года (что вовсе не очевидно), затраты на кампанию кремлевского кандидата могли приближаться к 40 миллионам долларов, из которых консультантам досталось 7,5 миллиона.

Внешним советникам исполнительной власти очень редко удается превратить свою позицию в официальную должность. Власть не особенно склонна давать им возможность утвердить свое господство на их собственном поле. Конечно, экстернализация функции эксперта способствует автономизации этой новой сферы компетенции, однако она не дает доминирующим в этой сфере экспертам возможности захватить частицу власти в свои руки.

Неформалы первой когорты в начале Перестройки стремились влиять на политический выбор и лелеяли надежду изменить структуру советского общества. Сегодня те, кто стали стратегическими советниками, конечно, оказывают некоторое влияние на правителей, однако никоим образом не вмешиваются в выбор политической линии. Поле власти для них по-прежнему закрыто; они остаются предпринимателями на службе политиков.

Карьеры в экономическом поле

Проведя некоторое время в депутатском корпусе, некоторые неформалы-демократы стали пробовать себя в мире бизнеса. В награду за услуги, оказанные во время предвыборных кампаний, им предоставили должности на крупных предприятиях, где они принялись за осуществление программы приватизации¹. Впоследствии они встали во главе

¹ Как правило, они принимали участие во второй волне приватизации, то есть в государственных аукционах, которые стали проводиться после раздачи населению приватизационных чеков (ваучеров). См.: Sapir 1996.

частных фирм, образовавшихся в результате раздела бывших госпредприятий. А. Головков (из второй когорты) занимается приватизацией сектора страхования. В свою бытность советником Г. Бурбулиса он, как мы помним, организовал аппарат правительства реформ (1991—1992). После избрания в Госдуму в 1993 и 1995 годах по спискам, поддержанным исполнительной властью, заседает в Комитете по бюджету, налогам, банкам и финансам. С 1998 по 2002 год он является генеральным директором «Росгосстраха» — государственной страховой компании, и в 2001-м объявляет о продаже 49% ее капитала. В следующем году становится во главе страховых и инвестиционных компаний, принадлежащих «ЛУКОЙЛУ»¹. Эта экономическая карьера находится в тесной корреляции с его деятельностью в политическом поле: во время предвыборных кампаний — президентской 1996 года и в Госдуму 1999-го — Головков использует свои таланты организатора кампаний на службе у исполнительной власти. В 1999 году руководит кампанией пропрезидентского списка «Единство». В марте 2004 года он назначен заместителем руководителя аппарата правительства, а затем руководителем секретариата заместителя председателя правительства РФ.

Среди немногих бывших неформалов-демократов, которые переходят на работу в частные фирмы, обнаруживаются члены только второй когорты, хорошо социально интегрированные и, как мы уже сказали, еще до Перестройки имевшие особое «карьерное чутье». Тем не менее они занимают не самые высокие позиции в экономической иерархии² и демонстрируют большую мобильность.

Здесь мы прежде всего упоминали о тех бывших неформалах-демократах, которые остались активными в общественной жизни, то есть тех,

¹ Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» является частной фирмой с 1994 года. С 2004-го в ее капитале нет доли государства.

² За исключением Анатолия Чубайса, который лишь отчасти обязан своей карьерой неформально-демократическому движению. В 1998 году он был назначен в совет директоров государственной электроэнергетической компании РАО ЕЭС в качестве представителя государства, а затем избран председателем ее совета директоров. С самого своего назначения он продолжает проводить план по «реструктуризации» энергетической отрасли. Таким образом, он на гораздо более высоком уровне власти, в ее стратегическом секторе продолжает развивать те же самые виды деятельности, что и другие демократы, переквалифицировавшиеся в «агентов» приватизации.

кто более или менее преуспел. Однако многие ушли со сцены, в частности те, кому не удалось совершить первую реконверсию (например, организаторы исчезнувших партий), кто не смог оправиться после разгона Съезда народных депутатов в 1993 году и перешел в оппозиционный «патриотический» лагерь.

Формы оппозиционного активизма

Те, кто перешли в оппозицию Ельцину, а затем Путину, обретаются в основном в двух экологических нишах: в науке и журналистике. Некоторые левые активисты в 1990 году остались в академической сфере, в то время как бóльшая часть их коллег начала превращаться в профессиональных политиков. Кто-то вошел в научную сферу уже в 1990-х и обрел степень признания достаточную для того, чтобы строить политическую карьеру. Так, став депутатом Моссовета (1990—1993) и экспертом при руководстве Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР, бывшие советские профсоюзы, в 1993—1995), Б. Кагарлицкий в качестве исследователя приходит в Институт сравнительной политологии Академии наук (ИСПРАН, бывший Институт международного рабочего движения). Защищает кандидатскую диссертацию, посвященную профсоюзам (1995). Кагарлицкий изучает рабочее движение и его отношения с левыми партиями, а с 2002 года параллельно заведует отделом «Политика и СМИ» в «Новой газете» и участвует в альтерглобалистском движении, что позволяет ему поддерживать свои давние связи с западными левыми.

Большая часть неформалов-демократов, переквалифицировавшихся в журналистов, также занимают критические позиции по отношению к исполнительной власти, причем еще с ельцинского периода. Одни мобилизуются против войны в Чечне (Фадин), другие избобличают «культ личности», с 2002 года устанавливающийся вокруг Путина (Прибыловский).

Если «безусловные сторонники» Ельцина, вышедшие из движения, рассматривали разгон и штурм парламента в октябре 1993 года как «последние конвульсии агонизирующего коммунистического режима

и продолжали видеть в Ельцине воплощение сильной реформаторской и демократической власти»¹, то другие бывшие неформалы отказались поддерживать Ельцина во время этого кризиса. С 1993 года наблюдаются отдельные проявления протеста, которые вдохновляются неформальным движением и в которых участвуют его бывшие члены.

Политические организации, появляющиеся после 1990 года, прибегают к помощи неформалов в некоторых сферах их компетенции. Во время первой чеченской войны (1995—1996) «Яблоко» и «Выбор России» объединяются с такими организациями, как «Мемориал», КИАН и «Демократическая Россия» (а также с Комитетом солдатских матерей, созданным позднее), для организации митингов на Пушкинской площади. Умения, приобретенные в «Гайд-парке» 1988 года или во время организации предвыборных митингов 1989—1990 годов, востребованы новым поколением, которому еще не доводилось готовить подобные коллективные акции.

После 1993 года некоторые неформалы пытаются воспроизвести старые или изобрести новые формы протеста. В 1997 году в Москве было организовано мероприятие по случаю десятой годовщины Встречи-диалога августа 1987 года. Большая часть выступавших, подводя итоги своей прежней деятельности, выразили горечь и разочарование. Судя по всему, на этой встрече среди прочего собирались обсудить основание нового дискуссионного оппозиционного клуба, который бы отличался от коммунистической или националистической оппозиции. Но дальше обсуждения дело так и не пошло.

Как мы видим, форма «встречи-диалога» оставила глубокий отпечаток в умах активистов. Не исключено, что Павловский, став советником Кремля, вдохновлялся ею при организации «Гражданского форума» в ноябре 2001 года, куда были приглашены разные общественные ассоциации. Однако, как и Встреча-диалог десять лет спустя, эта новая попытка, предложенная и организованная исполнительной властью, не породила никакой социальной динамики.

Демократическое движение было втянуто в поле власти и по большей части в нем растворилось, после чего его представители были

¹ Berelowitch, Wiewiorka 1996: 54.

постепенно из этого поля вытеснены. Создается впечатление, что тем, кто не занимал высоких позиций с 1990 года, а делал постепенную карьеру во властных структурах (местных или федеральных), а также тем, кто сначала переквалифицировался вне поля политики (например, в журналистику), реконверсия в конечном итоге удалась лучше. Так произошло со значительной долей участников первой когорты. Они еще до Перестройки привыкли к нестабильности профессиональной карьеры, и их способность к адаптации сослужила им хорошую службу в постсоветские времена.

Относительный успех наблюдается в основном у двух типов акторов: у молодых, имеющих самое востребованное властью образование (право и экономика) и вышедших из «элитных кругов»; и у более старших, которые сделали себе имя (в диссидентстве, в неформально-демократическом движении и политике после 1990 года) и оказались способны действовать параллельно на нескольких профессиональных поприщах, формировать и использовать группу сторонников, поддерживать связи с прежними товарищами по движению и, пользуясь своей репутацией, находить зачастую весьма высокопоставленную клиентуру среди политиков.

За редкими исключениями неформалы-демократы играют в политическом пространстве роли второго плана. Они не принадлежат к истеблишменту, а переквалифицировались скорее в мелких предпринимателей от политики и зависят от заказов со стороны представителей власти. Эта система зависимости, которую можно назвать клиентelistской, превратила некоторых оппозиционеров в «менеджеров» режима. Однако слишком хорошо отлаженный механизм контроля над избирательным процессом, который установился в настоящее время в связи с введением финансового ценза для входа в состязание, мог бы в долгосрочной перспективе сделать ненужной профессию предвыборных консультантов и вернуть некоторых ее видных представителей к оппозиционной политической деятельности.

Даже когда бывшие неформалы-демократы занимают посты в поле власти, у них все-таки нет контроля над стратегическими ресурсами (регионами или государственными предприятиями). А когда они находятся в институтах, наделенных большой властью, таких как Администрация

ЭПИЛОГ

Президента, не очевидно, что столь же большой властью наделены они лично благодаря своей должности экспертов.

Почти все противники Ельцина, а затем и Путина ушли из партийного поля (за исключением членов «Яблока», чье представительство в выборных органах продолжает уменьшаться) и концентрируются в основном в научной среде и журналистике. Что касается оппозиционеров, присоединившихся к националистическому лагерю, они вообще покинули публичную сцену.

Создается впечатление, что, помимо отдельных проявлений протестной активности, бывшие неформалы-демократы неспособны стать катализатором новой оппозиции. Предложения, выдвинутые в этом направлении в ходе встречи неформалов «десять лет спустя», так и остались благими пожеланиями.

Заключение

Эта книга освещает один из аспектов распада СССР, а именно распад его политической системы, важными акторами которого стали неформальные клубы.

Использованный метод состоит в том, чтобы параллельно изучать и сопоставлять индивидуальные траектории на большом временном отрезке (три поколения), конъюнктуры политического пространства и, наконец, формы и стратегии неформально-демократического движения; он позволил нам описать некоторые важные процессы и лучше понять, каким образом происходила радикализация движения. Как мы видели, небольшая разница во времени вступления в движение вызвала очень сильную дифференциацию: в 1989 году движение перешло в прямую оппозицию режиму, тогда как раньше оно поддерживало отношения союзничества с реформаторами из КПСС. Этот переход совершался акторами, которые пришли в движение относительно поздно, а в начале Перестройки занимали выжидательные позиции и вовсе не были оппонентами режима. В отличие от них пионеры движения, еще до Перестройки вращавшиеся в оппозиционных кругах, предпочитали умеренный сценарий в своих отношениях с партийными реформаторами 1987—1988 годов.

Таким образом, движение состоит из двух когорт входа. Когорты отличаются по своим стратегиям и идентичностям, которые зависят как от специфических конъюнктур, складывающихся к моменту начала активистской деятельности неформалов, так и от их политического прошлого. Некоторые, идя на риск, вовлекались в клубный активизм при первых же признаках ослабления системы; другие гораздо позже

распознали эти признаки или же предпочли подождать. Мы показали, что некоторые характерные различия в семейных траекториях начиная с революции 1917 года становились факторами раннего или, наоборот, позднего вовлечения индивидов в движение. Эта специфика стала, в свою очередь, фактором различия между первыми клубами и теми, которые создавались в 1989—1990 годах. Именно «поздние» клубы составили организационный костяк кампаний в поддержку Б. Ельцина.

Радикализация движения происходит в 1989 и 1990 годах — во время первых выборов на состязательной основе, которые полностью трансформировали политическое пространство, развязав всеобщую гонку, в результате чего устанавливаются новые правила игры, расширяются прежние идентичности, а властные ставки делаются очень подвижными. Рушатся привычные ориентиры, и акторы вынуждены постоянно пересматривать свои схемы восприятия и способы игры.

Идентичности как неформалов-демократов, так и других акторов (в том числе и таких профессионалов от политики, как высокопоставленные партийные чиновники) претерпевали потрясения в связи с теми или иными событиями. Горбачев был левым, но постепенно его стали воспринимать как правого (то есть сторонника консерваторов). Ельцин был реформатором из партии, а стал рупором демократического движения. Границы между разными группами акторов тоже становились проницаемыми. Причем эти трансформации происходили несмотря на то, что демократическая оппозиция не набрала большинства голосов на первых и вторых выборах. Иными словами, игру радикально переопределила не неожиданная и явная победа демократической оппозиции, а некоторые очень заметные победы отдельных демократов.

Можно констатировать и другой не менее удивительный факт: несмотря на смену режима, которую пережила страна, аппаратчикам удалось остаться у власти, завладев контролем над демократической оппозицией. Эти сановники заняли центральное место в неформальном движении, потому что быстрее и точнее других уловили текущие ставки. Неформалам-демократам же пришлось выполнять подсобные функции. В других странах Восточной Европы оппозиционеры — диссиденты, шестидесятники или поколение, аналогичное неформалам, — не были

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

так сильно маргинализированы, как в России; некоторые даже сыграли роли первого плана в политических трансформациях, хотя и старые элиты при этом тоже выжили. Неформальное движение, возникшее на волне Перестройки и послужившее катализатором демократической оппозиции, оказалось снято с повестки дня и поделено на части значимыми фигурами из аппарата в силу особой конфигурации избирательной игры. А потом и вовсе исчезло в вихре перемен.

Неформальные клубы были одновременно акторами и жертвами этого процесса. Перестройка создала условия соревнования, вызвавшие к жизни неформальные клубы; но это же соревнование их и погубило. Неформальное движение было поглощено демократическим движением; все, что составляло его идентичность, в нем растворилось. Московские неформальные клубы первого поколения были вынуждены трансформироваться в партии, чтобы остаться в игре. Они считали, что это придаст им респектабельности, однако партии не располагали почти никакими ресурсами и практически не имели веса во властных играх. Поглощение неформального движения демократическим в конечном счете прошло незамеченным для большинства наблюдателей, которые зачастую даже путали два эти столь разные движения. Что касается демократического движения, то оно распалось в результате сговора с Ельциным и новой российской властью. Движение впадало во все большую зависимость от Ельцина, и это не оставляло почти никакого поля для маневра.

Неформальное движение как таковое исчезло в 1989—1990 годах, однако некоторые его формы частично сохраняются и по сей день. Вовлечение в политическую активность, порождающую сильные эмоции, принадлежность к особому миру, которому индивиды отдавали себя без остатка, хотя бы и в течение короткого периода, имели сильнейший социализирующий эффект и способствовали переопределению идентичностей: люди и их биографические траектории претерпевали необратимые изменения¹. Возможно, и сегодня у некоторых остается

¹ Здесь можно провести параллель с определенным типом активистов в гуманитарной сфере, описанных J. Siméant (2001). Их активизм оказывает глубокое воздействие на все остальные составляющие их идентичности (профессиональную, семейную, политическую и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

какой-то особый политический настрой, дух оппозиции, который проявляется в протесте против режима В. Путина.

После избрания Дмитрия Медведева на пост президента в 2008 году некоторые решили, что наступила новая «оттепель». Но в отличие от периода 1960-х или 1980-х сейчас очень сложно уловить какие-либо политические намерения власти в этом направлении. Однако Перестройка и практический опыт «открытия» политической системы еще свежи в памяти и могли бы вдохновить на новые формы мобилизации и оппозиции.

2009 год

*Ален Блум*¹

Послесловие

Есть моменты, проживая которые люди ощущают себя творцами истории, деятелями эпохи, сметающей привычные ориентиры, меняющей окружающий мир. Это редкие моменты — когда правила переворачиваются, а властные иерархии в корне трансформируются. И тогда стратегии тех, кто медленно и планомерно добивался привилегированных позиций, строя будущее на фундаменте прошлого, оказываются проигрышными. Еще более редки моменты, когда участвующие в них сполна осознают, что они, возможно, здесь и сейчас способствуют трансформации, которая перевернет знакомый им мир. Эти моменты вызваны переворачиванием привычных ориентиров, когда каждому приходится гадать о будущем без особой возможности опереться на прошлое. Они многому учат, одних заводя в тупик, а других надолго выталкивая на публичную сцену. В такие моменты меняется само существо тех, кто предпринимают действия, расходящиеся со всем, что им предшествовало. Они порождают напряжения и борьбу в ситуации, в которой вообще невозможно ничего предвидеть. Однако способы действия все-таки трансформируются не полностью: акторы переносят их из одного пространства в другое. Те, кто участвовали в жизни одних институций, опираясь на них в своей деятельности, стремятся теперь занять место в других институциях, в еще только нарождающихся сферах. Ответственные кадры комсомольского аппарата втягиваются в политический активизм, а затем получают доступ к высоким постам в новых экономи-

¹ Профессор Высшей школы социальных наук, директор Центра изучения России, Кавказа и Центральной Европы (CNRS/EHESS) с 2005 по 2012 год.

ческих и политических структурах. Экономисты, активно действовавшие в закрытых экспертных группах при академических учреждениях, появляются на новой *публичной* сцене дебатов об экономических реформах. Научные кружки, прежде влачившие тепличное существование внутри академического мира, вдруг приобретают необычайную важность, становятся местами политических дебатов и затевают публичное обсуждение грядущих трансформаций большой политики.

Такие моменты очень важно понять в деталях, зафиксировать их как можно точнее, подробно изучить их механизмы, их акторов с их мотивациями и представлениями и факторы, определяющие действия этих акторов. Следует также исследовать разные способы участия в этих трансформациях: кто-то делает это открыто, присутствуя на публичной сцене; кто-то остается в тени; а кто-то этих трансформаций избегает. И наконец, надо постараться максимально достоверно передать атмосферу этих моментов, то есть все то, что делает их столь узнаваемыми для людей, их переживших: места, имена, названия акций, разного рода публикации, конфликты и т.д. Атмосфера — это все, что позволяет индивидам идентифицироваться с тем или иным периодом или местом.

Исследовать такие моменты — значит попытаться понять, каким образом запускаются и разворачиваются эти резкие изменения. Как самые разные акторы начинают в них участвовать; как с виду пассивное общество вдруг становится крайне активным; и как, наконец, индивидуальное или коллективное действие может привести к реальным трансформациям. Такие моменты важны еще и тем, что на основании постоянно меняющейся ситуации сложно предвидеть, что за ними последует дальше. Места, бывшие прежде в центре внимания, быстро исчезают, тогда как другие, когда-то более скромные, выживают и со временем становятся более важными. За очевидными для всех переворотами скрывается то, что представляет собой преемственность, наследие, что проявляется в деятельности некоторых индивидов, проступает через сохраняющиеся личные отношения между настоящим и прошлым. И это можно уловить, лишь изучая траектории, которые еще не пройдены до конца, высвечивая персонажи и группы, чье существование было эфемерным, но придало этим трансформациям особые черты и особую динамику.

Втягивание в политическую деятельность — один из способов, с помощью которых акторы участвовали в изменениях в тот момент, когда институции быстро трансформировались, но было неясно, к чему это все приведет и у кого в руках находятся рычаги институциональной трансформации, творчества или разрушения. Траектории тех, кто были вовлечены в политику, особенно интересны в случае, представленном в этой книге, — поскольку формы оппозиции сильно менялись в зависимости от целого ряда факторов: контекстов, поля возможностей, избранного типа участия в деятельности режима; и сами эти факторы, в свою очередь, претерпели трансформации. До 1985 года и даже некоторое время спустя в Западной Европе считалось, что единственной формой оппозиции является диссидентство. Считалось, что именно эта форма индивидуального активизма (опиравшаяся, впрочем, на широкие сети) демонстрировала недостатки системы и ее хрупкость. Но представленная работа показывает, насколько малое значение в 1985-м и следующие за ним годы имели диссидентские кружки. На авансцене появились новые группы, которые зачастую находились в оппозиции к диссидентству. Это свидетельствует о подвижности форм выражения несогласия. Некоторые акторы, вышедшие из диссидентства, развили активность во время Перестройки и даже смогли измениться сами — во имя продолжения этой деятельности (вспомним хотя бы создателей и активистов общества «Мемориал», по сей день играющего важную роль). Но все-таки часто именно новые активисты занимали место прежних оппозиционеров.

Таким образом, эта книга содержит размышления, предмет которых выходит далеко за пределы российской проблематики. Здесь показано, как конкретизируются специфические формы оппозиции, как за короткий отрезок времени кристаллизуются различные мнения, формировавшиеся на протяжении жизненных траекторий. И, в частности, насколько быстро незначительные различия в способах действия, в представлениях и анализе политических ситуаций, в позициях по отношению к конкретной власти способны вылиться в радикальные разрывы. В такие моменты возможно, с одной стороны, сотрудничество с властью в виде новых форм участия, а с другой — прямая оппозиция режиму. Становится сложно найти ориентиры, чтобы как-то класси-

фицировать эти позиции («левым» или «правым» является тот или иной деятель, «консерватор» он или «реформатор», какую политику он будет вести, какое видение власти сможет он предложить), и любые наименования неизбежно оспариваются, еще не успев утвердиться. Такая неустойчивость наводит на размышления о смысле того или иного активизма, о генезисе специфических политических форм. Она позволяет также найти плодотворный подход к пониманию современной России, сущности оппозиций и консенсусов, которые в ней устанавливаются.

В этом смысле один из главных выводов настоящей работы («аппаратчики» по-прежнему остаются у рычагов политической власти) представляется очень важным для понимания российского настоящего. «Аппаратчикам удалось остаться у власти, завладев демократической оппозицией». Это утверждение может показаться весьма пессимистичным, особенно когда мы читаем его продолжение: «неформальное движение [...] оказалось снято с повестки дня и поделено на части значимыми фигурами из аппарата [...] а потом и вовсе исчезло в вихре перемен». Тем не менее этот пессимизм нюансирован, и книга вовсе не приводит нас к выводу о простой инструментализации акторов нарождающегося гражданского общества властями предержажими. Неопределенность, господствовавшая на протяжении всего этого периода, отсутствие точных ориентиров привели к множественным реконфигурациям политического пространства. Это изменило саму природу общественной деятельности, породило динамику, вынудившую людей, удержавшихся в аппарате, избирать новые способы действия. Краткосрочные последствия всех этих движений, всей той длившейся несколько лет крайне насыщенной политической и общественной жизни могут показаться малозначимыми на фоне того, с каким жаром некоторые тогда отдались этому политическому процессу. Однако важность последствий в долгосрочной перспективе бесспорна. Она касается не столько индивидуальных траекторий, сколько возможных вариантов общего будущего. До того, как случился описанный здесь период бурной политической активности и развились эти способы действия, многие сценарии были просто невообразимы.

Итак, эта книга — замечательное исследование, описывающее историю настоящего времени, которое, однако, уже удаляется от нас, по мере

ПОСЛАЕСЛОВИЕ

того как тают следы энтузиазма и разочарования, уходят в прошлое моменты развития публичных дебатов и интенсивных противостояний. Но это еще и книга-источник, книга-свидетель, поскольку она дает нам доступ к интервью со многими действующими лицами этой истории, к точному воспроизведению значимых моментов, неожиданных появлений и исчезновений новых персонажей публичной сцены. Интервью, проведенные в самом начале 1990-х годов, представляют собой уникальные свидетельства той эпохи, которые сегодня собрать уже было бы невозможно. Хотя многие акторы этих перемен еще живы — кто-то из них активен, а кто-то ушел в тень, — сегодня они не дали бы такую же оценку 1985—1990 годов, как тогда, когда СССР только что распался, а Борис Ельцин громко и победоносно объявлял себя преемником демократического движения и неформальных клубов.

Мы уже упомянули о важности «атмосферы» для описания и понимания исторических моментов. Именно эту совокупность знаков каждый а posteriori распознает как выражение той или иной эпохи, того или иного места. И эта подошедшая к своему завершению книга, помимо того знания, которым она нас обогатила, воспроизводит также атмосферу второй половины 1980-х годов. Поэтому ее читаешь как отображение некоторых особых моментов, сразу узнаваемых теми, кто их пережил. А в процессе чтения, за строгим анализом и концептуализациями вдруг с удивлением обнаруживаешь роман об эпохе — и без остатка погружаешься в те события, благодаря которым переход от СССР к современной России можно считать одним из знаменательнейших эпизодов истории XX века.

Библиография

Общие источники по социологии и проблемам «перехода» к демократии

Actes de la recherche en sciences sociales, «Le capital militant», 155 (1) 2004 и 158 (2), 2005.

BAILEY F.G, 1969, *Stratagems and spoils. A social anthropology of politics*, Oxford, Basil Blackwell.

BERGER Peter, LUCKMANN Thomas, 1994, *La construction sociale de la réalité*, 4-е издание, Paris, Méridiens Klincksieck.

BERTEAUX Daniel, BERTEAUX-WIAME Isabelle, 1988, «Le patrimoine et sa lignée: transmissions et mobilité sociale sur cinq générations», *Life Stories/Récits de vie*, 4, с. 8—25.

BOLTANSKI Luc, 1973, «L'espace positionnel: multiplicité des positions institutionnelles et habitus de classe», *Revue française de sociologie*, 14 (1), январь—март, с. 3—26.

— 1982, *Les cadres. La formation d'un groupe social*, Paris, Minuit (Le sens commun), 523 с.

BOURDIEU Pierre, 1970, «Postface», in PANOFSKY Erwin, *Architecture gothique et pensée scolastique*, Paris, Minuit (Le sens commun), 1970, с. 135—167.

— 1978, «Classement, déclassement, reclassement», *Actes de la recherche en sciences sociales*, 24, ноябрь, с. 2—22.

— 1979, *La distinction. Critique sociale du jugement*, Paris, Minuit (Le sens commun), 670 с.

— 1981, «La représentation politique. Eléments pour une théorie du champ politique», *Actes de la recherche en sciences sociales*, февраль—март, 36—37, с. 3—24.

— 1986, «L'illusion biographique», *Actes de la recherche en sciences sociales*, 62—63, июнь, с. 69—72.

BRINTON Crane, 1938, *The anatomy of revolution*, Norton.

BUNCE Valerie, 1995, «Should transitologists be grounded?», *Slavic Review*, 54, весна, с. 111—127.

BURT Ronald, 1995, «Le capital social, les trous structuraux et l'entrepreneur», *Revue française de sociologie*, 36, с. 599—627.

CHARLE Christophe, 1990, *Naissance des «intellectuels». 1880—1900*, Paris, Minuit (Le sens commun), 272 с.

COLLOVALD Annie, 1988, «Identités stratégiques», *Actes de la recherche en sciences sociales*, 73, с. 30—40.

COLLOVALD Annie, GAÏTI Brigitte (dir.), 2006, *La démocratie aux extrêmes. Sur la radicalisation politique*, Paris, La Dispute (Pratiques politiques), 352 с.

DiPALMA Guiseppe, 1990, *To craft democracies: An essay on democratic transitions*, Berkeley, University of California Press.

DOBRY Michel, 1986, *Sociologie des crises politiques. La dynamique des mobilisations multisectorielles*, Paris, Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 319 с.

— 2003, «Charisme et rationalité: le 'phénomène nazi' dans l'histoire», in LAGROYE Jacques (dir.), *La politisation*, Paris, Belin, с. 301—323.

— 1990, «Calcul, concurrence et gestion de sens. Quelques réflexions à propos des manifestations étudiantes de novembre—décembre 1986», in FAVRE Pierre (dir.), *La manifestation*, Paris, Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, с. 357—386.

— 2000, «Les voies incertaines de la transitologie: choix stratégiques, séquences historiques, bifurcations et processus de *path dependence*», *Revue française de science politique*, 50 (4—5), август—октябрь, с. 585—614.

ELIAS Norbert, 1991, *Qu'est-ce que la sociologie ?*, Paris, Ed. de l'Aube.

GAÏTI Brigitte, 1998, *De Gaulle: prophète de la Cinquième République (1946—1962)*, Paris, Presses de sciences po, 372 с.

GOFFMAN Erving, 1968, *Asiles. Etudes sur la condition des malades mentaux*, Paris, Minuit (Le sens commun), 447 с.

— 1974, *Les rites d'interaction*, Paris, Minuit (Le sens commun), 230 с.

— 1975, *Stigmata. Les usages sociaux des handicaps*, Paris, Minuit (Le sens commun), 175 с.

— 1991, *Les cadres de l'expérience*, Paris, Minuit (Le sens commun), 570 с.

HIGHLEY John, KULLBERG Judith, PAKULSKI Jan, 1996, «The persistence of postcommunist elites», *Journal of Democracy*, 7.2, с. 133—147.

HIRSCHMAN Albert, 1970, *Exit, voice, and loyalty. Responses to decline in firms, organizations and states*, Harvard, Harvard University Press, Cambridge, 162 с.

HUNT Dharragh, 2001, «Transitology and political change in Russia», выступление на конференции «Russian and East European politics», Aleksanteri Institute, Helsinki, май.

KERSHAW Ian, 1995, *Hitler. Essai sur le charisme en politique*, Paris, Gallimard, 240 с.

LAGROYE Jacques, FRANÇOIS Bastien, SAWICKI Frédéric, 2002, *Sociologie politique*, 4-е издание, Paris, Presses de sciences po et Dalloz, 599 с.

LAGROYE Jacques, SIMÉANT Johanna, 2003, «Gouvernement des humains et légitimation des institutions», in FAVRE Pierre, HAYWARD Jack, SCHEMELL Yves (dir.), *Etre gouverné. Etudes en l'honneur de Jean Leca*, Paris, Presses de sciences po, с. 53—71.

LAZEGA Emmanuel, 1994, «Analyse de réseaux et sociologie des organisations», *Revue française de sociologie*, 35 (2), апрель-июнь, с. 293—320.

LINZ Juan, STEPAN Alfred, 1992, «Political identities and electoral sequences: Spain, the Soviet Union and Yugoslavia», *Daedalus*, весна, 121 (2), с. 123—139.

MANNHEIM Karl, 1990, *Le problème des générations*, Paris, Nathan (первое издание: 1928).

MERTON Robert, 1965, *Eléments de théorie et méthode sociologique*, Paris, Plon.

MINK Georges, SZUREK Jean-Charles, 1999, *La Grande Conversion. Le destin des communistes en Europe de l'Est*, Paris, Seuil, 320 с.

O'DONNELL Guillermo, SCHMITTER Philippe, 1986, *Transitions from authoritarian rule: Tentative conclusions about uncertain democracies*, Baltimore, Johns Hopkins University Press.

OFFERLÉ Michel, 2002, *Les partis politiques*, 4-е издание, Paris, PUF (Que sais-je?).

PUDAL Bernard, 1989, *Prendre parti. Pour une sociologie historique du PCF*, Paris, Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 329 с.

SAWICKI Frédéric, 1997, *Les réseaux du parti socialiste. Sociologie d'un milieu partisan*, Paris, Belin.

SAWICKI Frédéric, SIMÉANT Johanna, 2006, «La sociologie de l'engagement militant: un champ de recherches à décloisonner», colloque international IFRESI-CERAPS-CLERSE *Comment penser les continuités et discontinuités du militantisme?*

Trajectoires, pratiques et organisations militantes, Lille, Faculté des sciences juridiques, politiques et sociales, 8—10 июня, 34 с.

SCHELLING Thomas, 1966, *The strategy of conflict*, 3-е издание, Cambridge, Harvard University Press, 309 с.

SIMÉANT Johanna, 2001, «Entrer, rester en humanitaire. Des fondateurs de Médecins sans frontières aux membres actuels des ONG médicales françaises», *Revue française de science politique*, 51 (1), с. 47—72.

SIMMEL Georg, 1902, «The number of members as determining the sociological form of the group: II», *American Journal of Sociology*, 8, с. 158—196.

SOLNICK Steven, 1999, «Russia's 'transition': Is democracy delayed democracy denied?», *Social Research*, осень, 66 (3).

STARK David, 1992, «From system identity to organizational diversity: Analysing social change in Eastern Europe», *Contemporary Sociology*, 21 (3), май, с. 299—304.

TACKETT Timothy, 1997, *Par la volonté du peuple. Comment les députés de 1789 sont devenus révolutionnaires*, Paris, Albin Michel, 360 с.

TILLY Charles, 1986, *La France contestée de 1600 à nos jours*, Paris, Fayard (L'espace du politique), 622 с.

WEBER Max, 1990, *Le savant et le politique*, 2-е издание, Paris, Plon, 1990, 185 с.

— 1995, *Economie et société*, 2-е издание, Paris, Plon, vol. 1, 411 с.

WHITTIER Nancy, 1997, «Political generations, micro-cohorts and the transformation of social movements», *American Sociological Review*, 62 (5), октябрь, с. 760—778.

WIARDA Howard, 2002, «Southern Europe, Eastern Europe, and comparative politics: 'Transitology' and the need for new theory», *East European Politics and Societies*, 15 (3), с. 485—501.

Общие источники по истории России

На русском языке

АЛЕКСЕЕВА Людмила, 1984, *История инакомыслия в СССР*, Vermont, Khronika Press.

БИБЛИОГРАФИЯ

БЕЛОНУЧКИН Г., 2002, Съезд народных депутатов и Верховный Совет РСФСР / Российской Федерации (16.05.1990 — 4.10.1993) [<http://www.politika.su/gos/ndrs.html>].

ВОДИЧЕВ Е., КУПЕРШТОХ Н., 2002, Первое десятилетие истории Новосибирского научного центра: институциональные коллизии и судьбы научных лидеров, 12 с. [<http://www.nig.ru/sj/sj2—02kur.html>].

ГОРБАЧЕВ Михаил, 1987, «Из выступления М.С. Горбачева на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС» / КОВАЛЬ, 1991б, с. 416.

— 1990, «Идти дальше путем Перестройки (Политический отчет генерального секретаря КПСС перед XXVIII Съездом, Москва, 2.7.1990)» // «Известия», 3 июля.

— 1995, «Жизнь и реформы», Москва: Новости, Том 1, 600 с.

ГОХБЕРГ И., МИНДЕЛИ Л. (ред.), 1999, Квалифицированные кадры в России. Москва: Центр исследований и статистики науки, 239 с.

ЕЛЬЦИН Борис, 1990, Исповедь на заданную тему. Москва: «Огонек» — «Вариант».

КЛЯМКИН Игорь, 1987, «Какая улица ведет к храму» // «Новый мир», 11.

КЛЯМКИН Игорь, МИГРАНЯН Александр, 1989, «Нужна ли нам железная рука» // «Литературная газета», 33.

КОВАЛЬ Борис, 1991а, «Политический диалог: Михаил Горбачев — Борис Ельцин» / КОВАЛЬ Б., 1991б, с. 393—403.

— 1991б, Россия сегодня. Политический портрет в документах, 1985—1991. Москва, 511 с.

КУРАШВИЛИ Борис, 1988, «По опыту братских стран. Не созрело ли создание Демократического Союза?» // «Московские новости», 10 (6/3).

ОНИКОВ Леон, 1996, Анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. Москва: Республика, 223 с.

ПУГАЧЕВА М., 1994, «Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, 1968—1972 годы» // «Социологический журнал», 2, с. 167—168.

РИВКИН М., ШИЛКОВ А., 1989, «Дело московских социалистов» // «Гласность», 29.

РЫЖКОВ Николай, 1992, Перестройка: история предательства. Москва: Новости.

САХАРОВ Андрей, 1990, Горький, Москва, далее везде... Нью-Йорк [http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-p_histor/gemen/anniversary/saharov.html].

ХЕНКИН Сергей, 1996, «'Партия власти': российский вариант» // «Pro et contra », 1 (1), август.

ЧЕРНЯЕВ А., 1993, Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. Москва: Прогресс, Культура.

ШМАТКО Наталья, 2002, «"Топосы" российской экономической реформы: от ортодоксального марксизма к радикальному либерализму» [<http://rusgef.nm.ru/indexpubshmatko.htm>].

ШУБИН Александр, 2005, Парадоксы перестройки. Упущенный шанс. Москва: Вече, 480 с.

ЯКОВЛЕВ Александр, 2000, «Он хотел обвести партию вокруг пальца» // «Коммерсантъ-Власть», 14 марта.

— 2003, Сумерки. Москва: Материк, 687 с.

На английском и французском языках

ANWEILER Oskar, 1972, *Les Soviets en Russie. 1905—1921*, Paris, Gallimard.

BERELOWITCH Alexis, 1993a, «Glasnost, presse et quotidiens», in FERRO Marc (dir.), *L'état de toutes les Russies. Les Etats et les nations de l'ex-URSS*, Paris, La Découverte.

— 1993b, «Les élites politiques en Russie: changement et continuité», in *Ex-URSS: les Etats du divorce*, Notes et études documentaires, 4982, Paris, La documentation française, с. 77—89.

— 1993в, «Préface», in LEVADA Youri, *Entre le passé et l'avenir. L'homme soviétique ordinaire. Enquête*, Paris, Presses de la FNSP, с. 9—24.

— 2004, «A la mémoire de Viktor Petrovič Danilov», *Recherches franco-russes en sciences sociales et humaines. Lettre du Centre franco-russe en sciences sociales et humaines de Moscou*, май, 30, с. 1—2.

BERELOWITCH Alexis, WIEVIORKA Michel, 1996, *Les Russes d'en bas. Enquête sur la Russie post-communiste*, Paris, Seuil, 429 с.

BERTON-HOGGE Roberte (сост.), 1984, «La réforme de l'école en URSS», *Problèmes politiques et sociaux*, 502, 28/12, La Documentation française.

- BLUM Alain, 1994, *Naître, vivre et mourir en URSS. 1917—1991*, Paris, Plon, 273 с.
- BLUM Alain, MESPOULET Martine, 2003, *L'anarchie bureaucratique. Statistique et pouvoir sous Staline*, Paris, La Découverte, 372 с.
- BROUÉ Pierre, 1980, «Les trotskystes en Union Soviétique (1929—1938)», *Cahiers Léon Trotsky*, 6.
- BROWN Archie, 1996а, *The Gorbachev factor*, Oxford, Oxford University Press, 406 с.
- 1996б, «The Russian transition in comparative and Russian perspective — Central and Eastern Europe: Gains and losses in the transition to democracy», *Social Research*, 63 (2), лето.
- CLARK Terry, 1992, «A house divided: A roll-call analysis of the first session of the Moscow City Soviet», *Slavic Review*, 51 (4), зима, с. 674—690.
- COHEN Stephen, 1979, «The friends and foes of change: Reformism and conservatism in the Soviet Union», *Slavic Review*, 38 (2), июнь, с. 187—202.
- 2004, «Was the soviet system reformable?», *Slavic Review*, 63 (3), осень, с. 459—488.
- CROSNIER Marie-Agnès, GUEIT Jean, de TINGUY Anne, 1993, *Les années Gorbachev. L'URSS de 1985 à 1991*, Paris, La Documentation Française, 172 с.
- FERRO Marc, 1985, «Y a-t-il 'trop de démocratie' en URSS?», *Annales. Economies, Sociétés, Civilisations*, июль-август, 4, с. 811—827.
- FITZPATRICK Sheila, 1979, «Stalin and the making of a new elite, 1928—1939», *Slavic Review*, 38 (3), сентябрь, с. 377—402.
- GARROS Véronique, 1992, «Dans l'ex-URSS: de la difficulté d'écrire l'histoire», *Annales. Economies, Sociétés, Civilisations*, июль—октябрь, 4—5, с. 989—1002.
- GAZIER Anne, 1992, «Quel avenir pour la "nomenklatura": la retraite, la reconversion... ou le pouvoir?», *Politique étrangère*, 1, с. 113—119.
- 2002, «Le bouleversement des institutions et de la vie politique», in COLAS Dominique (dir.), *L'Europe post-communiste*, Paris, PUF, 693 с.
- GEL'MAN Vladimir, TARUSINA Inessa, 2000, «Studies of political elites in Russia: Issues and alternatives», *Communist and Post-Communist Studies*, 33 (3), сентябрь, с. 311—329.
- GILL Graeme, MARKWICK Roger, 2000, *Russia's stillborn democracy? From Gorbachev to Yeltsin*, Oxford, Oxford University Press, 280 с.

GOLOSOV G., 1998, «Who survives? Party origins, organizational development, and electoral performance in post-communist Russia», *Political Studies*, 46, с. 511—543.

GUEIT Jean, 1993, «1985—1986. La critique de l'inertie et de la stagnation», in CROSNIER et al., 1993, с. 19—27.

HOUGH Jerry, 1972, «The Soviet system: Petrification or pluralism?», *Problems of Communism*, март—апрель, с. 25—45.

— 1997, *Democratization and revolution in the USSR. 1985—1991*, Washington, Brookings Institution Press, 542 с.

IBOS-HERVÉ Caroline, 1997, «Les diplomates russes et la politique étrangère», *Les Etudes du CERJ*, октябрь, 32, 36 с. [<http://www.sciencespo.fr/ceri/sites/sciencespo.fr.ceri/files/etude32.pdf>].

KRYSHTANOVSKAYA O'l'ga, 1996, «From Soviet nomenklatura to Russian elite», *Europe-Asia Studies*, 48 (5), июль.

LANE David, 1997, «Transition under Eltsin: The nomenklatura and political elite circulation», *Political Studies*, 45, с. 855—874.

LEWIN Moshe, 1988, *The Gorbachev phenomenon*, Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 176 с.

— 2003, *Le siècle soviétique*, Paris, Fayard/Le Monde diplomatique, 526 с.

LOWITT Thomas, 1979, «Le parti polymorphe en Europe de l'Est», *Revue française de science politique*, август—октябрь, 29 (4—5), с. 812—846.

MANDRILLON Marie-Hélène, 1985, «Une revue vivante: *Eko*», *Annales. Economies Sociétés Civilisations*, июль—август, 4, с. 829—831.

MARKWICK Roger, 1994, «Catalyst of historiography. Marxism and dis-sidence: The Sector of methodology of the Institute of History, Soviet Academy of Sciences, 1964—68», *Europe-Asia Studies*, 46 (4), с. 579—596.

McFAUL Michael, 1999, «Lessons from Russia's protracted transition from communist rule», *Political Science Quarterly*, 114 (1), с. 103—130.

MONGILI Alessandro, 1993, *Sociologues et sociologie des sciences en URSS. Le cas de l'Institut d'histoire des sciences naturelles et de la technologie de Moscou*, Th: Sociologie, Paris.

PARDON Catherine, KAPLAN Hélène, 1997, «La transformation de la presse soviétique à la fin de la perestroïka», *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, 46 (46), с. 12—17.

REVENKO Tamara, 1973, *L'enseignement supérieur en Union soviétique. Analyse structurelle et statistique*, Paris, OCDE.

RICHTER A., 1995, «The Russian press after Perestroika», *Canadian Journal of Communications*, 1, vol. 20.

SANDLE Mark, 1996, «The final word: the draft party programme of July/August 1991», *Europe-Asia Studies*, 48 (7), ноябрь, с. 1131—1151.

SAPIR Jacques, 1988, *Le système militaire soviétique*, Paris, La Découverte, 344 с.
— 1996, *Le chaos russe. Désordres économiques, conflits politiques, décomposition militaire*, Paris, La Découverte, 328 с.

SUTELA Pekka, 1991, *Economic thought and economic reform in the Soviet Union*, Cambridge, Cambridge University Press.

WEDGWOOD BENN David, 1996, «The Russian media in post-Soviet conditions», *Europe-Asia Studies*, 48 (3), май, с. 471—479.

Неформальное и демократическое движение

На русском языке

АФАНАСЬЕВ Юрий, 1990, «К новой партии» // «Демократическая платформа», 16—31 января, 1, с. 2.

БЕРЕЗОВСКИЙ Владимир, КРОТОВ Николай (ред.), 1990, Неформальная Россия. О «неформальных» политизированных движениях и группах в РСФСР: опыт справочника. Москва: Молодая Гвардия, 381 с.

БЕРЕЗОВСКИЙ В., КРОТОВ Н., ЧЕРНЯКОВ В., 1991, Россия: Партии, Ассоциации, Союзы, Клубы. Справочник. Москва: Институт массовых политических движений, 2 т., 338 с.

БРЯЧИХИН Алексей, 1989, «Начать с себя» // «Вести», 2, август, с. 1.

БУЛАНКИН В., 2003, Становление внесистемной оппозиции в 1987—1991 гг. Новосибирск: Министерство образования Российской Федерации, Государственная академия геодезии Сибири, 40 с.

ВАСИЛЕВСКИЙ Андрей, ПРИБЫЛОВСКИЙ Владимир, 1993, Кто есть кто в российской политике (300 биографий). Москва: Панорама, 3 т., 678 с.

ВЕРХОВСКИЙ Александр, 1989, «На “Московской трибуне”» // «Панорама», декабрь, 12, с. 2.

ГОРБУНОВ А., 1994, Альтернативы общественного развития в деятельности «народных фронтов» Российской Федерации (1988—1990 гг.). Москва: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 19 с.

ГУБЕНКО В., ПИСАРЕВ Н., 1988, «Самозванцы и самодельщики» // «Комсомольская правда», 31 января.

ЖЕЖКО И., ФАДИН А., 1987, «Центры досуга — новое явление социокультурной сферы» / Социальное проектирование в сфере культуры. Центры досуга. Москва: Центр культурологических исследований Министерства культуры, с. 6—28.

ЗДРАВОМЫСЛОВА Елена, 1990, «Мобилизация ресурсов демократического движения в Ленинграде (1987—1990 годы)» / Перспективы перестройки экономических отношений. Ленинград, с. 70—75.

ЗЕВЕЛЕВ А., СВИРИДЕНКО Ю., ШЕЛОХАЕВ В. (ред.), 2000, Политические партии России: история и современность. Москва: Российская политическая энциклопедия, 631 с. [<http://grachev62.narod.ru/mnpt/chapt26.htm>].

ИГРУНОВ Вячеслав, 1988, «Неофиты и раскольники» // «Хронограф», 20 июля, 9, с. 1—10.

— 1989, «О неформальных политических клубах Москвы» // «Проблемы Восточной Европы», 26, с. 60—83.

— 1992, «О становлении политики на рубеже восьмидесятых и девяностых» [http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-bibl/interv/all_interv/vchk-cat-bibl-interv-mdg_92.html].

— 2000, «Это был шок» // «Русский журнал», 29 декабря [http://old.russ.ru/politics/marginal/20001229_igr.html].

— 2001, «История ИГПИ. Часть 1: Начало. Молва, Хронограф кооператива "Перспектива" и образование М-БИО» [http://www.igpi.ru/history/history-igpi_1.html].

— 2002, «Митинг в Лужниках и начало Межрегиональной депутатской группы» [http://igrunov.ru/cv/vchk-cv-memotalks/talks/vchk-cv-memotalks-talks-mdg_full.html].

КАГАРЛИЦКИЙ Борис, 1988, «Кто боится Народного Фронта?» // «Открытая зона», июль—август, 7, с. 109—110.

— 2004, «Митинг в Лужниках глазами социалиста» [http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/anniversary/kagarl.html].

БИБЛИОГРАФИЯ

КАРДАИЛЬСКИЙ Владимир, 1988, «Клуб “Демократическая Перестройка”: месяц за месяцем» // «Открытая зона», 7, июль—август, с. 10—16.

КУДЮКИН Павел, ДАНИЛОВ Андрей, 1987, «О “твердой земле” и “туманной дымке” (Заметки на полях статьи В. Новодворской “Земской собор или Государственная Дума?”)» // «Открытая зона», октябрь, 1, с. 31—35.

КУДЮКИН Павел, 1988, «Уроки одного кризиса» // «Открытая зона», январь, 3, с. 77—84.

КУДРЯВЦЕВ Илья, 1990, «Реформатор в КПСС: демократизация или раскол?» // «Панорама», февраль, 3 (15).

ЛЕВИЧЕВА В., 1988, Опыт работы молодежных союзов социалистических стран с самостоятельными неформальными объединениями / СЕМЕНОВА В. (ред.). Неформальные объединения молодежи вчера, сегодня... а завтра? Москва: Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ, Научный отдел, 1988, с. 55—61 (напечатано в декабре).

ЛЫСЕНКО Владимир, 1989, «Наши комментарии к итогам выборов в народные депутаты СССР» // «Вестник Московского партклуба», 10 мая, с. 47—49.

— 1990а, «Коренная реформа КПСС» // «Демократическая платформа», 16—31 января, 1, с. 4.

— 1990б, «Информационное сообщение о заседании Координационного совета “Демократической платформы в КПСС” 21—22.4.1990 г. в г. Москве», Москва, 2 с.

МАЛЮТИН Михаил, 1988, «Народный Фронт?!» // «Левый поворот», июль, с. 37—43.

— 2001, «Рассказ М. В. Малютина о Клубе социальных инициатив» [<http://www.igrunov.ru/cv/vchk-cv-side/vchk-cv-side-stories-malutin.html>].

МАЛЮТИН М., ЮСУПОВСКИЙ А., 1993, Расстановка политических сил в России и прогноз их роли в ближайшей перспективе. Москва: Комиссия политического анализа Всероссийского союза «Обновление».

МАЛОВ Игорь, 1990, «Не слазить бы ребенка» // «Община», март, 41, с. 19—20.

МИТРОХИН Сергей, 1988, «Хроника Гайд-парка, 18.6» // «Хронограф», 14 июля, 8.

— 1991, Новые партии в политическом спектре России, Москва, 20 с. Опубликовано в двух частях в «Панораме»: 1) «Движение “Демократическая

партия” как партийная машина» // «Панорама», 1 (28), июль 1991 [<http://www.panorama.ru/gazeta/1—30/p28mitr.html>], 2) «Консервативный лагерь. В условиях центростремительной динамики политического спектра» // «Панорама», 2 (29), сентябрь 1991 [<http://www.panorama.ru/gazeta/1—30/p29kons.html>].

МУРАШЕВ Аркадий, 1990, «Межрегиональная депутатская группа. Хроника минувшего года» // «Огонек», август, 32. с. 6—8.

НОВОДВОРСКАЯ Валерия, 1987, «Земской собор или Государственная Дума?» // «Открытая зона», октябрь, 1, с. 26—30.

ПАНОРАМА (Информационно-исследовательский центр), База биографических данных «Лабиринт».

ПАВЛОВСКИЙ Глеб, 1988, «Сумгаитчики» // «Открытая зона», 7, июль—август, с. 102—108.

ПЕЧЕНЕВ В., ВЬЮНИЦКИЙ В. (ред.), 1990, Неформалы: кто они? Куда зовут? Москва: Политиздат, 334 с.

ПРИБЫЛОВСКИЙ Владимир, 1989а, «Митинг в Лужниках... Начальные даты революции отличаются от таких митингов» // «Панорама», май, 4 [<http://www.panorama.ru/gazeta/1—30/p04luzh.html>].

— 1989б, «Первый народный фронт в России» // «Панорама», июль, 6.

— 1990, «Демократическая Россия» // «Панорама», февраль, 2.

— 1991а, «Поучительная история Московского Народного Фронта» // «Панорама», июль, с. 6—7.

— 1991б, Словарь новых политических партий и организаций России. Москва: Информационно-экспертная группа «Панорама».

— 1991в, «Словарь оппозиции. Новые политические партии и организации России» // Аналитические сборники информационного агентства «Постфактум», серия «Состояние страны», Москва, апрель, 4—5, 51 с.

— 1992, Сто политиков России. Краткий биографический словарь. Москва: Панорама, июль, с. 35.

— 2004, «Митинг в Лужниках: взгляд из толпы» [http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/anniversary/pribyl—2004.html].

САМОДУРОВ Юрий, 1987, «Проект программы и задач работы инициативной группы “За увековечение памяти о жертвах незаконных и репрессий в прошлом нашей страны”», Москва, 6.9 [<http://www.igrunov.ru/>].

САВОСТЬЯНОВ Е., 2002, «Технология митингов» [http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/anniversary/1086086302.html].

БИБЛИОГРАФИЯ

- САШИН Андрей, 1989, «Выборы-90» // «Панорама», декабрь, 12.
— 1990, «МОИ: Редкий пример стабильности» // «Панорама», июль, 7.
- СЛАВИН Б., ДАВЫДОВ В., 1990, Новые общественно-политические движения и организации СССР (Документы и материалы). Москва: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 3 т.
- СТАНКЕВИЧ Сергей, ШНЕЙДЕР Михаил, 1990, Рекомендации по тактике кандидатов демократического блока и их команд в избирательной кампании 1989—1990 гг. Москва: Информационный центр Московского народного фронта, 13 с.
- СТАНКЕВИЧ Сергей, 1988, «Диалог с неформалами» // «Дружба», декабрь, 7.
- СТЕПЕНИН М., 1988, «К юбилею» // «Община», 13 марта, 6, с. 12.
- СУЕТНОВ Александр, 1990, Справочник периодического самиздата. Москва: Московская независимая общественная библиотека.
- СУНДИЕВ Игорь, 1987, «О неформалах» // «Социологические исследования», 5, с. 56—62.
— 1990, «Нашествие марсиан?...» / ЮЩЕНКОВ Сергей (ред.), Неформалы. Социальные инициативы. Москва: Московский рабочий, с. 4—43.
- ФАДИН Андрей, 1988, «Холодный август 1988 года, или Беглые заметки о несбывшихся надеждах» // «Открытая зона», июнь—август, 7, с. 4—9.
— 1989, «Квадратура круга, или заметки об антиномиях либерал-этатизма» / Социализм и демократия. Дискуссионная трибуна (сборник статей). Москва: Институт мировой экономики (ИЭМСС), с. 112—124.
— 1990, «Движение общественных инициатив: трудный опыт социального самопроектирования» / ДОНДУРЕЙ Д.Б., ЖЕЖКО И.В. (ред.), Прорыв в реальности (Социальное проектирование в сфере культуры). Москва: Министерство культуры РСФСР, Академия наук СССР, Институт культурологии, с. 142—156.
— 1995, «Катастрофическая цена обновления» / Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Москва [http://old.russ.ru/antolog/inoe/fadin_o.htm].
- ФАДИН Андрей, БУНИН Игорь, МАРКОВ Юрий, САЛМИН Алексей, 1991, «Борьба элит в переходном обществе: номенклатура и демократия» // «Век XX и мир», 5, с. 31—37.
- ЧУБАЙС Анатолий, 1999, «Предисловие» / Приватизация по-русски. Москва: Вагриус.

БИБЛИОГРАФИЯ

ЧУБАЙС Игорь, 1989, «Будет ли у нас многопартийность?» // «Вестник московского партклуба», май, 0, с. 16—19.

— 1990, «Прямые выборы в партии: иллюзия или реальность?» // «Обновление, 1—15 января, 3.

— 1991, «Мы все переболели КПССом...» // «Общественные науки и современность», 4, с. 68—76.

ШАБАД А., 2004, «Без этих митингов съезд просто не пошел бы так, как это в итоге получилось» [http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/anniversary/1085410691.html].

ШНЕЙДЕР Михаил, 1990, «МОИ: Краткая справка» // «Панорама», март, 4 (16).

— 1993, «Первый этап: выдвижение кандидатов» / Выборы-1989. Москва: М-БИО, Панорама, с. 5—9.

ЮЩЕНКОВ Сергей (ред.), 1990, Неформалы. Социальные инициативы. Москва: Московский рабочий, 239 с.

ЯНИЦКИЙ Олег, 1986, «Общественные инициативы и самодеятельность масс» // «Коммунист», 8, с. 61—71.

— 1991, Социальные движения. 100 интервью с лидерами. Москва: Московский рабочий, 271 с.

На английском и французском языках

ARATO Andrew, 1991, «Social movements and civil society in the Soviet Union», in SEDAITS J., BUTTERFIELD J. (eds.), *Perestroika from below. Social movements in the Soviet Union*. San Francisco, Oxford, Westview Press, Boulder, с. 197—214.

CHUBAJS Igor, 1991, «The democratic opposition: An insider's view», *Report on the USSR* (RFE/RL Research Institute), 3 мая, 18 (3), с. 4—15.

DUNCAN Peter, 1992, «The rebirth of politics in Russia», in HOSKING G., AVES J., DUNCAN P., *The Road to post-communism. Independent political movements in the Soviet Union, 1985—1991*, London, New York, Pinter Publishers, с. 67—120.

FISH Steven, 1995, *Democracy from scratch. Opposition and regime in the new Russian revolution*, Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 300 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

FLIKKE Geir, 2004, «From external success to internal collapse: The case of Democratic Russia», *Europe-Asia Studies*, 56 (8), декабрь, с. 1207—1234.

GOUJON Alexandra, 2001, *Nationalisme et démocratie à la fin de l'URSS. Les fronts populaires d'Ukraine et de Biélorussie (1988—1991)*, Th: Science politique, Paris.

HOSKING Geoffrey, 1992, «The beginnings of independent political activity», in HOSKING Geoffrey, AVES Jonathan, DUNCAN Peter (eds.), *The road to post-communism. Independent political movements in the Soviet Union. 1985—1991*, Londres, Pinter Publishers, New York, с. 1—28.

KAGARLITSKY Boris, 1987, «The intelligentsia and the changes», *New Left Review*, июнь—август, 164 (опубликовано в: KAGARLITSKY Boris, *Les intellectuels et l'Etat soviétique de 1917 à nos jours*, Paris, PUF, 1993, 341 с.).

— 1988, «Les clubs et la politique», in «L'homme et la société. Staline est mort hier. L'émergence du social en URSS», *Revue internationale de recherche et de synthèse en sciences sociales*, 2—3 (88—89), Paris, L'Harmattan, с. 77—86.

— 1993, *Les intellectuels et l'Etat soviétique de 1917 à nos jours*, Paris, PUF, 341 p. (первое издание: 1988).

MUIZNIEKS Nils, 1995, «The influence of the Baltic popular movements on the process of Soviet disintegration», *Europe-Asia Studies*, 47 (1), январь.

TINGUY Anne de, 1993, «1987—1988. Gorbatchev va de l'avant», in CROSNIER et alii, 1993, с. 41—58.

URBAN Michael, 1992, «Boris El'tsin, Democratic Russia and the campaign for the Russian presidency», *Soviet Studies*, 44 (2), с. 187—207.

URBAN Michael, IGRUNOV Vyacheslav, MITROKHIN Sergei, 1997, *The rebirth of politics in Russia*, Cambridge, Cambridge University Press, 429 с.

WEIGLE Marcia, BUTTERFIELD Jim, 1992, «Civil societies in reforming communist regimes: The logic of emergence», *Comparative Politics*, 25 (1), октябрь, с. 1—23.

WHITE Stephen, 1991, «Rethinking the CPSU», *Soviet Studies*, 43 (3), с. 405—428.

Первоисточники

Материалы неформальных клубов

1. АКОИ (Ассоциация «Кольцо общественных инициатив»). «Принципы организации АКОИ» // Открытая зона. 1987. 1 октября. С. 6—9.
2. ФСОК. «Декларация Федерации социалистических общественных клубов» // Открытая зона. 1987. 1 октября. С. 9—12.
3. МЕМОРИАЛ. Стенограмма пленума правления ВДИПО «Мемориала», 14—15.10.1989 (архивы «Мемориала»).
4. МОСКОВСКИЙ ПАРТИЙНЫЙ КЛУБ (МПК). «Обращение коммунистов партийных клубов и организаций. Коммунисты-реформаторы за демократическую платформу в КПСС. Обращение ко всем товарищам по партии», 28.10.1989 / СЛАВИН, ДАВЫДОВ (ред.). 1990. Т. 1. С. 22—24.
5. — «Отменить статью 6 Конституции СССР. Обращение Московского партийного клуба “Коммунисты-реформаторы за демократическую платформу в КПСС” к товарищам коммунистам и беспартийным», 15.11.1989. (Архивы Ю. Чабанова.)
6. — «Платформа Московского партийного клуба (“Коммунисты за перестройку”) к XXVIII Внеочередному съезду Коммунистической партии Советского Союза (проект)», осень—зима 1989 (?). 5 с. (Архивы Ю. Чабанова.)
7. — «Устав КПСС о созыве внеочередного съезда партии», Москва, май 1989. (Архивы Ю. Чабанова.)
8. БЛОК ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ. «Создан блок демократических кандидатов России», январь 1990. (Архивы МОИ.)

9. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА В КПСС. «Декларация Всесоюзной конференции партийных клубов и парторганизаций» // Всесоюзная конференция партклубов и парторганизаций 20—21.1.1990. Итоговые документы. Москва, 1990. С. 10.

10. — «Демократическая платформа к XXVIII съезду КПСС» // Всесоюзная конференция партклубов и парторганизаций 20—21.01.1990. Итоговые документы. Москва, 1990. С. 1—8. (Опубл. в «Правде» 3.03.1990.)

11. — «Общеполитическая резолюция Московской конференции “Демократической платформы в КПСС”, 26—27.05.1990», 1990. (Архивы Ю. Чабанова.)

12. — «Программная секция “Демократической платформы в КПСС”». Сравнительный анализ «Демократической платформы в КПСС» и проекта «Платформы ЦК КПСС» к XXVIII Съезду партии, 14.02.1990. 4 с. (Архивы Ю. Чабанова.)

13. — «Программное заявление “Демократической платформы в КПСС” (проект) 21—22.04.1990» / СЛАВИН, ДАВЫДОВ (ред.). 1990. Т. 3. С. 161—177.

14. — «Резолюция “За прямые выборы на партийный съезд”» / Всесоюзная конференция партклубов и парторганизаций 20—21.1.1990. Итоговые документы. Москва, 1990, с. 12—14; опубл. в: СЛАВИН, ДАВЫДОВ (ред.). 1990. Т. 1. С. 32—36.

15. — «Состав координационного совета, избранного на конференции партийных клубов 21.01.1990 г.»

16. — «Заявление Координационного совета Демократической платформы в КПСС по поводу открытого письма ЦК КПСС “За консолидацию на принципиальной основе» и последующих событий”». Москва, 21—22.04.1990. 1 с. (Архивы Ю. Чабанова.)

17. — Заседание КС «Демократической Платформы», 14—15.07.1990. (Фонд «Демократическая платформа», архивы М-БИО.)

18. МПК. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ, «Платформа Коммунистической секции Московского партийного клуба к XXVIII съезду КПСС (1.11.1989)» / СЛАВИН, ДАВЫДОВ (ред.). 1990. Т. 1. С. 50—57.

19. РПРФ [Республиканская партия Российской Федерации], «Предложение оргкомитета “О названии будущей партии”». Москва, 9.09.1990. (Архивы М-БИО.)

Совместные декларации

20. «Рабочий документ № 1, Проект обращения I информационной встречи-диалога» // Открытая зона. 1987. 1 октябрь. С. 56—57.

21. «Рабочий документ № 2 секции по экстремизму. Проект заявления I информационной встречи» // Открытая зона. 1987. 1 октябрь. С. 57—58.

22. «Встреча редакторов и представителей независимых изданий в Ленинграде 24—25 октября 1987 г.» // Точка зрения. 1987. № 4, сент.—дек. С. 50—71.

23. КЛУБ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА. «Демократический наказ. Программные тезисы по перестройке политической системы (пути к демократическому социализму)» // Открытая зона. 1988. № 7, июль—август. С. 17—33.

24. МЕЖКЛУБНАЯ ПАРТИЙНАЯ ГРУППА. «О тезисах ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции» // Открытая зона. 1988. № 7, июль—август. С. 61—64.

25. ВНЕУСТАВНАЯ ПАРТИЙНАЯ ГРУППА КЛУБА «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА». «Компартия во главе процесса оздоровления общества (Обращение внеуставной партгруппы клуба “Демократическая перестройка” к XIX партконференции)» // Открытая зона. 1988. № 7, июль—август. С. 35—41.

26. «Общественный наказ партийной конференции» // Открытая зона. 1988. № 7, июль—август. С. 66—72.

27. «Заключение юридической комиссии политического дискуссионного клуба “Перестройка-88”, проекта “Гражданское достоинство”, редакции общественно-политического журнала “Точка зрения” по проекту Закона СССР “О добровольных обществах, органах общественной самодеятельности и самостоятельных общественных объединениях”» // Открытая зона. 1988. 4 февраля. С. 37—40.

28. «Декларация демократических организаций г. Москвы об образовании избирательного блока “Выборы-90”» // Панорама. 1989. 12 декабря. С. 3.

Документы официальных организаций
(представлены в хронологическом порядке)

29. ВЦИК и СНК РСФСР (Всероссийский центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров РСФСР), «Постановление от

10.06.1932 г. «Об утверждении положения о добровольных обществах и союзах» // СУ РСФСР, 1932. № 74. С. 331.

30. Конституция СССР (7.10.1977) [<http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977>].

31. Устав КПСС [1986] [http://www.leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Ustav_KPSS.html].

32. ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ГОРОДА МОСКВЫ, «Решение № 2075, 11.8.1987. Приложение: Временные правила организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и иных мероприятий на улицах, площадях, проспектах, в парках, садах, скверах и других общественных местах г. Москвы» // Точка зрения. 1987. № 4, сентябрь—декабрь. С. 127—129.

33. Конституция СССР [с поправками декабря 1988 г.] [[http://ru.wikisource.org/wiki/ Конституция_СССР_\(1977\)/редакция_1_декабря_1988_года](http://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_СССР_(1977)/редакция_1_декабря_1988_года)].

34. ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР, «Указ № 504 о порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР, 28.7.1988» // Ведомости Верховного Совета СССР. № 31 (2469). 3.8.1988. С. 564—565.

35. «Проект закона СССР “О добровольных обществах, органах общественной самодеятельности и самодеятельных общественных объединениях”». 1988 // Открытая зона. 1988. 4 февраля. С. 41—52.

36. «Закон РСФСР “О выборах народных депутатов местных советов народных депутатов РСФСР”». 20.12.1989.

37. «Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. С. 22.

*Документы КПСС для служебного пользования
Московский городской комитет партии (МГК)*

(частные архивы Ю. Чабанова, заведующего идеологическим отделом
Севастопольского райкома КПСС)

38. Методическая разработка. Некоторые аспекты работы первичной партийной организации в трудовом коллективе в современных условиях. 11.9.1990. 39 с.

Севастопольский райком КПСС
(идеологический отдел)
(архивы Ю. Чабанова)

39. «“Перестройка-88”: некоторые выводы и предложения». 1988, 3 с.
40. «Информация о деятельности общественных организаций в период с 11 по 17 сентября 1989 г.». 18.9.1989. 1 с.
41. «Программа открытой школы кандидатов в депутаты». 18.12.1989. 1 с.
42. «Информация о деятельности общественных организаций в период с 20 по 28 января 1990 г. Секретарям РК КПСС, заведующим отделами РК КПСС». 1990. 3 с.
43. «Закрытая школа кандидата в депутаты 01.02.1990. К выступлению т. Чабанова Ю.А. (секретно)». 1990. 5 с.
44. ЧАБАНОВ Ю., КАСАТКИН О. «Записка первому секретарю Севастопольского РК КПСС т. Брячихину А.М. (секретно)». 5.2.1990. 2 с.
45. «Информация о деятельности общественных организаций в период с 5 по 11 февраля 1990 г. Секретарям РК КПСС, заведующим отделами РК КПСС». 1990. 1 с.
46. «Информация о деятельности общественных организаций в период с 19 по 25 февраля 1990 г. Секретарям РК КПСС, заведующим отделами РК КПСС». 1990. 1 с.
47. «Обращение VII конференции Севастопольской районной организации КПСС г. Москвы к делегатам XXVIII Съезда КПСС, Российской республиканской конференции КПСС и XXVIII конференции Московской городской организации КПСС, коммунистам района». Апрель—июнь 1990. 7 с.
48. «Информация о деятельности оргкомитета по созданию “русской народной партии”». Май 1990.
49. ГОРБАЧЕВ А. «Записка об итогах посещения расширенного заседания партийного комитета ИМЭМО 21.9.1990 г. Первому секретарю РК КПСС т. Брячихину А.М.». 1990. 5 с.
50. «Партийный бюджет Севастопольской районной организации». 1990.

ПЕРВОИСТОЧНИКИ

*Первичная организация КПСС
Центрального экономико-математического института
(ЦЭМИ)*

(Архивы города Москвы,
фонд «Протоколы собраний Парторганизации ЦЭМИ»)

51. «Протокол № 51 заседания партийного бюро первичной партийной организации ЦЭМИ». Москва, 23.9.1987.

*Первичная организация КПСС
Института экономики
мировой социалистической системы (ИЭМСС)*

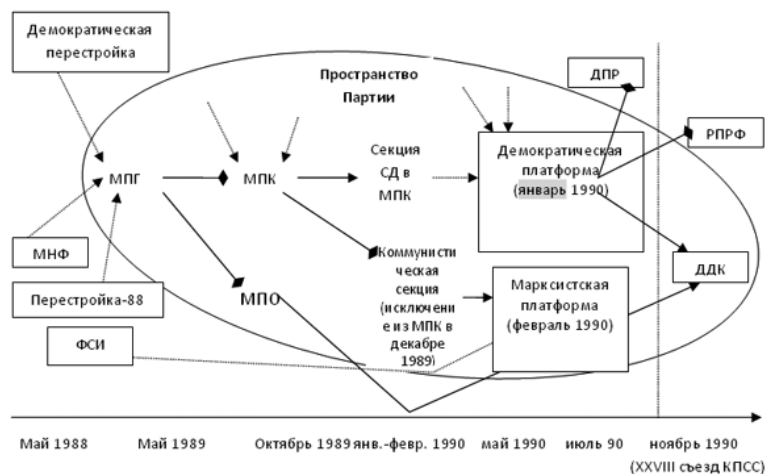
52. «Протокол № 20 партийного собрания Партийной организации ИЭМСС, 25.5.1988». (Архивы г. Москвы, фонд «Протоколы партийных собраний Партийной организации ИЭМСС»).

53. «К вопросу о создании в СССР народного фронта, 17.11.1988» (для внутреннего пользования). 24 с. Документ, направленный заместителем директора ИЭМСС Л.С. Ягодовским руководителю Отдела агитации и пропаганды Севастопольского райкома КПСС (Ю. Чабанову). (Архивы Ю. Чабанова.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

График 3

ДИНАМИКА ПАРТИЙНЫХ КЛУБОВ

Условные обозначения	
Раскол	→◆
Трансформация	→
Происхождение членов (сохранение изначальной группы)	→◆

Сокращения
ДДК: Демократическое движение коммунистов
ДПР: Демократическая партия России
ФСИ: Фонд социальных инициатив
МНФ: Московский народный фронт
МПГ: Московская партийная группа
МПК: Московский партийный клуб
МПО: Московская партийная организация
РПРФ: Республиканская партия Российской Федерации

Хронология

1985

- Март • Назначение М. Горбачева на пост Генерального секретаря КПСС

1986

- Февраль—март • XXVII Съезд КПСС (25.02 — 6.03). Принятие нового устава
Март • Избрание нового Центрального Комитета, Политбюро и секретариата КПСС (5.03)
Декабрь • Возвращение А. Сахарова в Москву (завершение его ссылки в Горьком) (19.12)

1987

- Январь • Пленум ЦК КПСС. Начало политики «гласности» (27.01. — 28.01)
Февраль • Освобождение около сотни диссидентов
Июнь • Пленум ЦК КПСС (25.06 — 26.06). Приход А. Яковлева в Политбюро
Октябрь • Принятие закона «О государственном предприятии» (30.06)
• Создание Комиссии ad hoc Политбюро по реабилитации жертв сталинского режима (под руководством А. Яковлева)
• Пленум ЦК КПСС по случаю 70-й годовщины Революции
• «Дело Ельцина» и снятие Ельцина с поста кандидата в члены Политбюро (21.10)
Ноябрь • Снятие Ельцина с поста первого секретаря горкома Москвы и назначение Л. Зайкова (11.11 — 12.11)

1988

- Март • Публикация «Письма Нины Андреевой» в «Советской России» (13.03)

ХРОНОЛОГИЯ

- Май
- Закон «О кооперации в СССР» (26.05)
 - Публикация «Тезисов Центрального Комитета» к XIX Всесоюзной конференции КПСС (27.05)
- Июнь—июль
- XIX Всесоюзная конференция КПСС (28.06 — 1.07)
- Октябрь
- Избрание Горбачева на пост Председателя Верховного Совета СССР
- Ноябрь—декабрь
- Эстонский парламент провозглашает верховенство республиканских законов над законами СССР (16.11). Заявление квалифицировано союзной властью как не соответствующее Конституции. Принятие конституционной и избирательной реформ Верховным Советом СССР

1989

- Январь-март
- Выдвижение кандидатов на Съезд народных депутатов СССР
- Март-апрель
- Выборы Съезда народных депутатов СССР всеобщим голосованием (26.03 и 9.04)
- Апрель
- Пленум ЦК КПСС: уход в отставку 110 членов и кандидатов в члены ЦК (25.04)
- Май
- Декларация независимости, провозглашенная Верховным Советом Литвы (18.05)
 - Первый Съезд народных депутатов СССР (25.05 — 9.06)
 - Избрание Съездом Верховного Совета СССР
 - Избрание Горбачева председателем Верховного Совета
- Июль
- Забастовка горняков (10.07 — 25.07)
 - Создание Межрегиональной депутатской группы СССР (МДГ) (30.07)
- Ноябрь
- Падение Берлинской стены
- Декабрь
- Пленум ЦК КПСС (9.12). Создание российской секции КПСС. Объявление Литовской КП своей независимости от КПСС (20.12 — 21.12)

1990

- Март
- Выборы Съезда народных депутатов РСФСР и городских Советов (4.03 и 8.03).
 - III Съезд народных депутатов СССР (12.03 — 15.03)
 - Пересмотр 6-й статьи Конституции и отмена руководящей роли КПСС
 - Учреждение поста президента СССР
 - Избрание Съездом М. Горбачева на пост Президента СССР
 - Декларация независимости Эстонии (30.03)

ПРИЛОЖЕНИЯ

- Апрель • Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из состава СССР»
- Май • Первый Съезд народных депутатов РСФСР
• Избрание Б. Ельцина на пост председателя Верховного Совета РСФСР (29.05)
- Июнь • Декларация о суверенитете России (12.06)
- Июль • XXVIII Съезд КПСС (2.07 — 13.07)
• Принятие нового устава КПСС
- Июль • G-7 рассматривает возможность оказания помощи СССР при условии выполнения некоторых политических требований
- Август—сентябрь • Попытка Горбачева и Ельцина принять общий план экономической реформы («план Шаталина», «программа 500 дней»). Провал этих попыток
- Август • Уход на пенсию Е. Лигачева и Л. Зайкова, лидеров консервативного течения в КПСС
- Сентябрь • Принятие «плана Шаталина» Верховным Советом РСФСР (11.09)
• Съезд народных депутатов СССР дает Горбачеву чрезвычайные полномочия до марта 1992 года (24.09)
- Октябрь • Начало «войны законов» (31)
- Ноябрь • Публикация проекта Союзного договора (24)
- Декабрь • Поправка к Конституции СССР: кабинет министров отныне напрямую подчиняется президенту (4.12)
• IV Съезд народных депутатов СССР (17.12 — 27.12)
• Н. Рыжков уходит с поста премьер-министра
• «Война бюджетов»

1991

- Январь • Столкновения между демонстрантами и силами правопорядка в Вильнюсе (Литва). Вмешательство армии (13.01)
• Назначение В. Павлова на пост премьер-министра СССР (14.01)
- Февраль • Ельцин требует отставки Горбачева во время официального выступления по телевидению (19.02)
- Март • Референдум о сохранении Союза в девяти республиках: большинство избирателей высказываются за его сохранение (17.03)
• В России — референдум о создании поста президента России и мэров Москвы и Ленинграда. Все три пункта одобрены большинством избирателей
• III (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Главный пункт в повестке дня — отставка Ельцина с поста председателя Верховного Совета России (28.03)

ХРОНОЛОГИЯ

- Апрель
- Ввод в действие реформы розничных цен в СССР (2.04)
 - Съезд народных депутатов РСФСР предоставляет Ельцину чрезвычайные полномочия (4.04)
 - Подписание Союзного соглашения между СССР и девятью республиками («Договор 9 + 1»), призванного стабилизировать их отношения в ожидании принятия окончательного Договора (2.04)
- Июнь
- Президентские выборы в России: победа Б. Ельцина (12.06)
 - Избрание мэров Москвы и Ленинграда (переименованного в Санкт-Петербург): победа Г. Попова и А. Собчака (12.06)
- Июль
- Пленум ЦК КПСС (25.07 — 26.07): принятие новой программы к XXIX Съезду, назначенному на конец 1991 года
- Август
- Неудачная попытка путча, предпринятая Государственным комитетом по чрезвычайному положению (ГКЧП) (19.08 — 21.08)
 - Указ Ельцина о запрете деятельности Коммунистической партии в Российских вооруженных силах (22.08)
 - Отставка Горбачева с поста Генерального секретаря КПСС (24.08)
 - Роспуск кабинета министров СССР, создание Комитета по управлению экономикой под председательством российского премьер-министра И. Силаева (24.08)
 - Внеочередная сессия Верховного Совета СССР (26.08 — 30.08), который приостанавливает любую деятельность КПСС на всей территории и объявляет о своем самороспуске
- Октябрь
- Принятие Договора об экономическом содружестве двенадцатью суверенными государствами (Алма-Атинское соглашение) (18.10)
- Октябрь-ноябрь
- V Съезд народных депутатов России (28.10 — 4.11):
 - Избрание Р. Хасбулатова на пост председателя Верховного Совета
 - Предоставление президенту России особых полномочий для проведения экономических реформ
- Ноябрь
- Указ президента РСФСР о прекращении деятельности КПСС и Российской КП и о национализации их имущества (6.11)
 - Создание «Правительства реформ» в России
- Декабрь
- Создание Содружества независимых государств (СНГ) Россией, Белоруссией и Украиной (8.12)
 - Отставка Горбачева с поста президента СССР (25.12)
 - Принятие российским правительством программы приватизации на 1992 год (26.12)

1992

- Январь
- Либерализация цен на 90% товаров (цены, оставшиеся под контролем, повысились в 2—5 раз) (2.01)
 - Постановление российского правительства о передаче государству имущества Российской КП
 - Р. Хасбулатов критикует экономическую политику правительства Ельцина и требует его отставки (13.01)

ПРИЛОЖЕНИЯ

- Апрель • VI Съезд народных депутатов России (6.04 — 22.04): критика экономической программы правительства
- Июнь • Отставка Г. Попова с поста мэра Москвы, замена его Ю. Лужковым
• Принятие программы приватизации (11.06)
• Е. Гайдар назначен премьер-министром (15.06)
- Декабрь • Отставка Е. Гайдара с поста премьер-министра и назначение В. Черномырдина

1993

- Февраль • Создание Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ)
- Апрель • Референдум о доверии президенту, о доверии его социальной и экономической политике, о досрочных выборах президента и о досрочных выборах депутатов российского Съезда (25.04). Только по третьему вопросу большинство избирателей проголосовало «против»
- Сентябрь • Ельцин временно отстраняет от должности вице-президента А. Руцкого в связи с обвинением его в коррупции
• Е. Гайдар назначен первым заместителем председателя Совета министров — правительства Российской Федерации
• Роспуск президентом Съезда народных депутатов России указом № 1400 (21.09)
• Верховный Совет приостанавливает президентские полномочия Б. Ельцина и назначает на эту должность вице-президента А. Руцкого
Созыв X внеочередного Съезда народных депутатов, который сторонники президента рассматривают как нелегальный (21.09 — 22.09)
- Октябрь • Осада парламента армией (28.09 — 3.10)
• Штурм парламента. Арест А. Руцкого и депутатов, в том числе Р. Хасбулатова, председателя Верховного Совета (4.10)
- Декабрь • Законодательные выборы и референдум о Конституции. Поражение «либералов» («Выбор России») на выборах. Принятие Конституции (57,4% голосов)

Список аббревиатур

АКОИ	Ассоциация «Кольцо общественных инициатив»
АПН	Агентство печати «Новости»
ВЛКСМ	Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи
ГД	«Гражданское достоинство»
ДДР	«Движение демократических реформ»
ДП или «Демплатформа»	«Демократическая платформа в КПСС»
ДПР	Демократическая партия России
ДР или «ДемРоссия»	Избирательный блок, а потом движение «Демократическая Россия»
ДС	«Демократический союз»
ИГПИ	Институт гуманитарных и политических исследований
ИКСИ	Институт конкретных социальных исследований
ИМЭМО	Институт мировой экономики и международных отношений
ИЭМСС	Институт экономики мировой социалистической системы
ИЭОПП	Институт экономики и организации промышленного производства
КИАН	«Клуб избирателей Академии наук»
КСИ	«Клуб социальных инициатив»
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
М-БИО	«Московское бюро информационного обмена»
МВПШ	Московская высшая партийная школа
МГК или горком	Московский городской комитет
МГПИ	Московский государственный педагогический институт
МГУ	Московский государственный университет им. Ломоносова
МНФ	«Московский народный фронт»
МОИ	«Московское объединение избирателей», потом «Межрегиональное объединение избирателей»
МПП	«Межклубная партийная группа»

МПК	«Московский партийный клуб»
МПО	«Московская партийная организация»
Райком или РК	Районный комитет
РПРФ	Республиканская партия Российской Федерации
СМОТ	«Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся»
ССА	«Советская социологическая ассоциация»
ФСОК	«Федерация социалистических общественных клубов»
ЦК	Центральный Комитет
ЦЭМИ	Центральный экономико-математический институт

Список таблиц

1. Структура выборки по году рождения и когорте вступления в движение
2. Распределение выборки по когортам вступления в движение
3. Структура выборки по неформальным группам
4. Изучаемые дисциплины
5. Распределение студентов по специальности «философия» и «история» (первое высшее образование) по поколениям и когортам вступления
6. Распределение членов КПСС по когортам вступления в движение и по годам рождения
7. Места состязания за выдвижение в депутаты СССР

Список врезок

1. Различное использование понятия «клуб»
2. Состав оргкомитета Информационной встречи-диалога «Общественные инициативы в Перестройке» (август 1987)
3. Дискуссии, организованные клубами «Перестройка» и «Демократическая Перестройка» (март 1987 — июнь 1988)
4. Специальные группы идеологического актива Брежневского/Черемушкинского района
5. XIX Всесоюзная конференция КПСС (июнь—июль 1988)
6. Регламентация митингов и демонстраций (1987—1988)
7. «Дело Ельцина» (октябрь—ноябрь 1987)
8. Календарь выборов на Съезде народных депутатов СССР (1989)
9. Митинг 21 мая 1989 года на стадионе «Лужники» (Москва)
10. Избирательный блок «Выборы-90» (21 ноября 1989)
11. Результаты выборов 1990 года и соотношение сил на Съезде народных депутатов РСФСР
12. Три платформы на XXVIII Съезде КПСС (июль 1990)
13. Формы автономии организаций КПСС после XXVIII Съезда КПСС (2—13 июля 1990)
14. Открытое письмо Центрального Комитета от 11 апреля 1990 года
15. Российский избирательный рынок: некоторые факты

Список графиков

1. Политическая позиция неформальных групп во время августовской Встречи-диалога «Общественные инициативы в Перестройке» (1987)
2. Процедура формирования Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР (1989)
3. Динамика партийных клубов

Указатель имен

- Абалкин А. 390
Афанасьев Ю. 38, 50, 206, 245, 262, 264, 267, 297, 314, 315, 336, 342, 358, 370, 438
Аганбегян А. 64, 67, 130
Аксюциц В. 168
Андреева Н. 163, 165, 209, 224, 312, 339, 454
Андропов Ю. 66, 93, 129, 131
Астафьев М. 108
- Баткин А. 275, 276
Боганцева И. 108, 109, 116—118, 399
Богомолов О. 115, 296—298, 385
Боксер В. 68, 171, 219
Брежнев А. 52, 62, 63, 66, 67, 87, 88, 91, 93, 207, 271, 327
Брячихин А. 144, 145, 280, 284, 285, 299, 300, 438, 449
Бурбулис Г. 315, 375, 382, 383, 386, 389, 390, 410, 416
- Вахнина А. 265
Васильев Д. 166, 236
- Водолазов Г. 95, 104
Волохонский А. 168
- Гайдар Е. 90, 94, 135, 183, 304, 382, 383, 385, 389, 390, 409—411, 458
Гдлян Т. 262, 264, 267, 271, 275—277, 291, 298, 315, 364, 366, 370, 372
Гефтер М. 64—66, 95—97, 166
Головин А. 384
Головков А. 389, 416
Григорьянц С. 92, 154, 168, 170
Губарев В. 139
Гусев Г. 112
- Данилов А. 82, 86, 174, 193, 375, 376, 440
- Жириновский В. 113, 114, 409
- Зайков Л. 146, 258, 280, 454, 456
Заславская Т. 65, 67, 91, 130, 131, 137, 161, 183, 204, 228, 229, 267
Заславский И. 154
Золотарев В. 140, 276, 388, 389
Золотарева А. 140, 214

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Иванов Н. 315
 Игрунов В. 44, 85, 94, 96, 97, 100, 148, 157, 165, 169, 197, 215, 230, 288, 289, 372, 403, 439
 Исаев А. 139, 153, 227, 228, 410
 Кагарлицкий Б. 65, 67, 91—94, 114, 137, 153, 163, 178, 235, 289, 417, 439
 Кардаильский В. 84, 85, 224, 440
 Каспаров Г. 137, 388
 Климов Э. 206
 Клямкин И. 138, 206, 390, 434
 Коротич В. 206, 264
 Кротов Н. 24, 44, 142, 146, 153, 177, 185, 189, 236, 262, 293, 302, 438
 Кудюкин П. 82, 89, 91, 92, 94, 136, 153, 174, 177, 195, 401, 440
 Ленин В. 64, 80, 100, 113, 140, 170, 236, 270, 323, 327, 373
 Леонов Д. 177, 179
 Лигачев Е. 146, 163, 215, 456
 Липицкий В. 106, 107, 346, 347, 401
 Лужков Ю. 407, 458
 Лысенко В. 81, 279, 315, 316, 327, 401, 440
 Малютин М. 136, 144, 152, 153, 157, 175—178, 231, 235, 264, 299, 315, 384, 440
 Медведев Д. 424
 Мейер М. 228, 229
 Механик А. 105, 332
 Минтусов И. 154, 155, 169, 414
 Мурашев А. 267, 304, 388, 389, 441
 Митрофанов С. 193, 344, 398
 Митрохин С. 81, 167, 193, 194, 213, 352, 356, 364, 440
 Новодворская В. 94, 140, 151, 169, 173, 174, 388, 440, 441
 Огородников А. 94, 168
 Павловский Г. 94—98, 137, 147, 148, 151, 153, 157, 228, 235, 236, 390, 403, 414, 418, 441
 Пельман Г. 148, 149, 153, 156, 157, 175, 176, 204, 228, 229
 Перламутров В. 204, 205
 Петров Ю. 382
 Пономарев Л. 292, 385
 Попов Г. 50, 265, 267, 297, 314, 315, 342, 358, 370, 407, 457, 458
 Прибыловский В. 145, 164, 234, 273, 275, 277, 296, 346, 361, 417, 438, 441
 Путин В. 18, 51, 52, 414, 417, 420, 424
 Ракитская Г. 143, 355
 Ракитский В. 204, 205, 391
 Ройтман И. 109
 Руцкой А. 346, 380, 385, 401, 409, 458
 Румянцев О. 153, 156, 223, 293, 302, 303, 376
 Рыжков Н. 90, 166, 358, 378, 434, 456
 Сахаров А. 12, 50, 92, 115, 244, 262, 263, 265, 271—273, 275, 275—277, 366, 370, 372, 391, 435, 454
 Самодуров Ю. 90, 91, 208, 441

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Силаев И. 166, 306, 381, 400, 458
 Скворцов С. 101, 153, 157
 Собчак А. 50, 358, 407 457
 Сталин И. 61, 62, 77, 84, 104, 132, 318
 Станкевич С. 188, 189, 262, 264, 267,
 268, 275, 285, 299, 301, 304
 Сухарев А. 140
- Травкин Н. 314, 315, 342, 358, 361,
 362, 401
- Уражцев В. 264
- Фадин А. 70, 74—76, 80, 82, 84, 86, 89,
 91, 92, 94, 114, 129, 132, 134, 136,
 153, 171, 186, 195—197, 208, 209,
 218, 236, 245, 258, 280, 284—286,
 300, 390, 403, 406, 417 439, 442
- Филиппов П. 135, 136
- Хасбулатов Р. 380, 475
- Хрущев Н. 32, 60, 61, 63, 67, 95, 131,
 272
- Чабанов Ю. 50, 142, 144, 145, 150, 156,
 161, 184, 445, 446, 448, 449, 450
- Черненко К. 93, 129
- Черномырдин В. 411, 458
- Чубайс А. 74, 90, 94, 135, 183, 270, 304,
 382, 389, 390, 416, 442
- Чубайс И. 74, 99, 177, 270, 312, 314,
 315, 326, 330, 338, 342, 344, 363,
 372, 443
- Чурбанов В. 203, 271
- Шаталин С. 90, 101, 456
- Шахновский В. 315
- Шахрай С. 411
- Шнейдер М. 264, 265, 267, 291, 296,
 301, 442, 443
- Шостаковский В. 113, 118, 119, 156,
 314—317, 344, 346
- Шубин А. 34, 133, 139, 204, 223, 227,
 234, 258, 435
- Явлинский Г. 409, 412
- Яковенко И. 119, 143, 313, 314, 316,
 317, 342
- Яковлев А. 51, 93, 119, 133, 146, 147,
 156, 160, 161, 203, 204, 207, 226,
 233, 314, 316, 319, 372, 405, 435,
 454
- Яковлев В. 407
- Яковлев Е. 405
- Якунин Г. 94, 168, 391

Сигман Кароль
ПОЛИТИЧЕСКИЕ КЛУБЫ И ПЕРЕСТРОЙКА
В РОССИИ

Оппозиция без диссидентства

Дизайнер
Д. Черногаев
Редакторы
И. Калинин, Е. Мохова
Корректор
И. Иванова
Компьютерная верстка
С. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 29,5. Тираж 1000. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
“Ульяновский Дом печати”»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Книги и журналы
«Нового литературного обозрения»
можно приобрести в интернет-магазине издательства
www.nlobooks.mags.ru
и в следующих книжных магазинах:

в МОСКВЕ:

- «Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, (495) 924-46-80
- Галерея книги «Нина» — ул. Волхонка, д. 18/2 (здание Института русского языка им. В.В. Виноградова), (495) 201-3645
- «Гараж» — ул. Крымский вал, 9 (Парк Горького, магазин в центре современной культуры «Гараж»), (495) 645-05-21
- «Медленные книги» — (495) 971-47-92
- «Книги в Билингве» — Кривоколенный пер., 10, стр. 5, (495) 623-66-83
- «Москва» — ул. Тверская, 8, (495) 629-64-83, (495) 797-87-17
- «Московский Дом Книги» — ул. Новый Арбат, 8, (495) 789-35-91
- «Мир Кино» — ул. Маросейка, 8, (495) 628-51-45
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — Петровка, 25 (в здании ММСИ)
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — Красная площадь, 3 (ГУМ), 8 (916) 979-54-64
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — Берсеневская наб., 14, стр. 5 (Институт Стрелка)
- «Новое Искусство» — Цветной бульвар, 3, (495) 625-44-85
- «У Кентавра» — ул. Чайнова, д. 15 (магазин в РГГУ), (495) 250-65-46
- «Фаланстер» — Малый Гнездииковский пер., 12/27, (495) 629-88-21
- «Фаланстер» (На Винзаводе) — 4-й Сыромятнический пр., 1, стр. 6 (территория ЦСИ Винзавод), (495) 926-30-42
- «Циолковский» — ул. Большая Молчановка, 8, (495) 691-51-16, (495) 691-56-28
- «Додо» на Солянке — ул. Солянка, 1/2, стр. 1, 8 (926) 063-01-35
- «Додо» в ТЦ «Филион» — Багратионовский проезд, 5 (ТРЦ «Филион»), 8 (929) 579-53-22
- «Додо» в кинотеатре «Пионер» («Омнибус») — Кутузовский проспект, 21 (кинотеатр «Пионер»), 8 (915) 418-60-27
- «Додо» в КЦ Зил — ул. Восточная, 4, к. 1, (495) 675-16-36 (позовите Додо к телефону)
- Киоск в кафе «АртАкадемия» — Берсеневская набережная, 6, стр. 1

в САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

- На складе нашего издательства – Лиговский пр., 27/7, (812) 579-50-04, (952) 278-70-54
- «Академическая литература» – Менделеевская линия, 5 (в здании Истфака СПбГУ), (812) 328-96-91
- «Академкнига» – Литейный пр., 57, (812) 230-13-28
- «Все свободны» – наб. р. Мойки, 28 (второй двор, код 489), (911) 977-40-47
- Галерея «Новый музей современного искусства» – 6-я линия ВО, 29, (812) 323-50-90
- «Исткнига» – Кадетская линия ВО, 27/5, (812) 986-82-51
- Киоск в Библиотеке Академии наук – ВО, Биржевая линия, 1
- Киоск в фойе главного здания «Ленфильма» – Каменноостровский, 10
- «Классное чтение» – 6-я линия ВО, 15, (812) 328-62-13
- «Книжная лавка» – в фойе Академии художеств, Университетская наб., 17
- «Книжный салон» – Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), (812) 328-95-11
- «Книжная лавка писателей» – Невский, 66, (812) 314-47-59
- «Мы» – Невский, 20 (на третьем этаже проекта Biblioteka), (981) 168-68-85
- «Подписные издания» – Литейный пр., 57, (812) 273-50-53
- «Порядок слов» – Наб. реки Фонтанки, 15 (812) 310-50-36
- «Проектор» – Лиговский пр., 74 (Лофт-проект «Этажи», 4-й этаж), (911) 935-27-31
- «Росфото» (книжный магазин при выставочном зале) – ул. Большая Морская, 35, (812) 314-12-14
- «Санкт-Петербургский Дом Книги» (Дом Зингера) – Невский пр., 28, (812) 448-23-57
- «Свои книги» – 1-я линия ВО, 42, (812) 966-16-91
- «Фаренгейт 451» – ул. Маяковского, 25 (во дворе) (911) 136-05-66

в ЕКАТЕРИНБУРГЕ:

- «Дом книги» – ул. Антона Валека, 12, (343) 253-50-10

в ИРКУТСКЕ:

- Интернет-магазин «Лавка чудесных подарков» – ул. Свердлова, 36 (ТЦ Сезон, офис 514), (3952) 95-44-45, www.lavchu.ru

в КРАСНОДАРЕ:

- Специализированный магазин «Книжный Кабинет» — ул. Пашковская, 52 (2-й этаж), (861) 255-34-94, 8-918-191-27-53

в КРАСНОЯРСКЕ:

- «Русское слово» — ул. Ленина, 28, (3912) 27-13-60

в НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ:

- «Дирижабль» — ул. Б. Покровская, 46, (8312) 31-64-71

в НОВОСИБИРСКЕ:

- Литературный магазин «КапиталЪ» — ул. Горького, 78, (383) 223-69-73
- Магазин «ВООК-LOOK» — Красный пр., 29/1, 2-й этаж, (383) 362-18-24; — Ильича, 6 (у фонтана), (383) 217-44-30

в ПЕРМИ:

- «Пиотровский» — ул. Луначарского, 51а, (342) 243-03-51

в РОСТОВЕ-НА-ДОНУ:

- «Деловая Литература» — ул. Серафимовича, 53Б, (863) 2-404-889, 282-63-63

в ЯРОСЛАВЛЕ:

- Книжная лавка гуманитарной литературы — ул. Свердлова, 9, (4852) 72-57-96

в МИНСКЕ:

- ИП Людоговский Александр Сергеевич — ул. Козлова, 3
- ООО «МЕТ» — ул. Киселева, 20, 1-й этаж, +375 (17) 284-36-21

в СТОКГОЛЬМЕ:

- Русский книжный магазин «INTERBOK» — Hantverkargatan, 32, Stockholm, 08-651-1147

в ХЕЛЬСИНКИ:

- «Ruslania Books Oy» – Bulevardi, 7, 00120, Helsinki, Finland,
+358 9 272-70-70

в КИЕВЕ:

- ООО «АВР» – +38 (044) 273-64-07
- Книжный рынок «Петровка» – ул. Вербовая, 23, Павел Швед,
+38 (068) 358-00-84
- Книжный интернет-магазин «ArtLover» (www.artlover.com.ua):
+38 (067) 91-51-281, info@artlover.com.ua
- Книжный интернет-магазин «Лавка Бабуин»
(<http://lavkababuin.com/>) – ул. Верхний Вал, 40
(оф. 7, код #423), +38 (044) 537-22-43; +38 (050) 444-84-02
- Магазин умной книги и хорошего винила «Хармс»,
ул. Михайловская 21б (www.xar.ms)
- Интернет-магазин «Librabook» (<http://www.librabook.com.ua/>)
(044) 383-20-95; (093) 204-33-66; icq 570-251-870,
info@librabook.com.ua

в ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНАХ:

• в разделе «Интернет-магазин издательства
“Новое литературное обозрение” www.nlobooks.mags.ru

- www.ozon.ru
- www.artlover.com.ua
- bestbooks.shop.by
- www.bolero.ru
- www.cafemart.ru
- www.esterum.com
- www.lavchu.ru
- www.lavkababuin.com/shop
- www.librabook.com.ua
- www.libroroom.ru
- www.mkniga.com
- www.ruslania.com
- www.shopgarage.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Новое Литературное Обозрение

Интернет-магазин www.nlobooks.ru

Возможность купить книги НЛО по ценам издательства,
которые значительно ниже цен в книжных магазинах

Доставка в любой регион России

**Специальные сервисы
для покупателей интернет-магазина:**

Раздел «Раритеты»

Возможность оформить заказ на редкие книги
нашего издательства, тираж которых почти распродан.

Раздел «Print on demand»

Возможность купить книги «НЛО», которые уже давно
стали библиографической редкостью.

Мы специально издадим эти книги для Вас
по уникальной технологии «Print on Demand»,
которая позволяет напечатать любую книгу тиражом
всего в 1 экземпляр.

Раздел «Специальные предложения»

Возможность купить отдельные книги издательства
со значительными скидками